

*Басият Абаевич (Борис Александрович) Шаханов
(1879–1919)*

Институт гуманитарных исследований
КБНЦ РАН

Т. Ш. БИТТИРОВА

**БАСИЯТ ШАХАНОВ.
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО**

(Исследование, тексты)

Нальчик
ООО «Печатный двор»
2018

УДК-812.512.142 (560)3
ББК-84 (2 Рос-балк.)
Б-69

**Печатается по решению Ученого совета
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН**

Научный редактор

А. И. Тетуев, доктор исторических наук

Рецензенты:

А. М. Сарбашева, доктор филологических наук

А. Д. Болатова, кандидат филологических наук

Биттирова Т. Ш.

Б-69 Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты).
– Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. –336 с.

Басият Абаевич (Борис Александрович) Шаханов (1879–1919) – один из первых профессиональных юристов Северного Кавказа, публицист и общественный деятель, автор серии публицистических статей и очерков, литературных зарисовок. Его статьи и выступления отличаются глубоким содержанием, широтой и глубиной анализа проблем северокавказской действительности рубежа веков, особым художественным миром. Такова закономерная сила таланта, что они не потеряли актуальности и сегодня. В этой книге рассказывается о судьбе и общественной деятельности Басията Шаханова, представлена его публицистика.

Выражаем свою благодарность председателю Совета директоров Открытого акционерного общества «Комбинат автомобильных фургон», доктору филологических наук **Алию Ахматовичу Чеченову** за финансовую поддержку при издании книги.

ISBN 978-5-6040381-5-4

© Т. Ш. Биттирова, 2018

© ИГИ КБНЦ РАН, 2018

© ООО «Печатный двор», 2018

UDK-812.512.142 (560)3
BBK-84 (2 Ros-balk.)
B-69

**Printed by decision of the Academic Council
Institute of humanitarian researches of the RAS KBSC**

Scientific editor

A. I. Tetuev, doctor of historical Sciences

Reviewers:

A. M. Sarbasheva, doctor of philological Sciences

A. D. Bolatova, candidate of philological Sciences

Bittirova T. S.

B-69 Based Shahani. Life and work (Research, texts). – Nalchik:
OOO "Publishing house", 2018. – 336 c.

Basiat the Abayevich (Boris Aleksandrovich) Shahanov (1879–1919) was one of the first professional lawyers of the North Caucasus, publicist and public figure, author of a series of journalistic articles and essays, literary sketches. His articles and speeches differ in depth, breadth, and depth of analysis of the problems of the North Caucasus reality of the turn of the century, special artistic world. Such is the natural force of talent that they have not lost relevance today. This book tells about the life and public work of Basiat Shakhanov, represented by his journalism.

We Express our gratitude to the Chairman of the Board of Directors of Open joint stock company "Plant of automobile vans", doctor of philological Sciences **Aly the Akhmatovich Chechenov** for financial support for the publication of the book.

ISBN 978-5-6040381-5-4

© T. S. Bittirova, 2018
© IGI KBSC RAS, 2018
© LLC «Pechatny dvor», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Общественная деятельность и творчество Басията Шаханова составляют одну из значимых страниц истории и культуры балкарского народа. Вклад его в развитие общественного сознания всего Северного Кавказа с появлением новых исследований и выявлением новых фактов его жизни и творчества становится все более очевидным. Надо признать, что творчество и общественная деятельность Басията Шаханова получили высокую оценку у современников, определивших его выдающуюся роль в становлении демократических принципов в регионе [1].

Но с установлением Советской власти и доминированием социалистической идеологии над исторически объективной оценкой политических событий, он, как и многие другие представители первой интеллигенции Северного Кавказа, был исключен из прошлого. Творческое наследие известного северокавказского публициста начала XX века было предано забвению на многие десятилетия, поскольку в исследованиях советских историков имя его возглавляло списки контрреволюционеров. Были также осторожные попытки обозначить вклад Б. Шаханова в изучение народов региона. Так, в фундаментальной «Истории народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.)» написано: «Интересные сведения по истории народов Северного Кавказа, об их земледелии и землепользовании, сословном вопросе, народном образовании, горской интеллигенции, необходимости сохранения памятников устного народного творчества и материальной культуры, переселения горцев в Турцию, махаджирство, борьбе с вредными обычаями и традициями и т. д. имелись в статьях Басията Шаханова, опубликованных в 1899–1900 гг. на страницах газет «Казбек», «Терские ведомости» и «Каспий». Они написаны с позиций либерала, буржуазного демократа» [2].

Выход книги «Басият Шаханов. Избранная публицистика» (1991 г.) и последующих за ней переизданий творчества публициста, дали возможность и ученым, и заинтересованным

читателям познакомиться с его многогранным творчеством и по достоинству оценить вклад балкарского публициста и общественного деятеля в распространение демократических идей на Северном Кавказе [3]. Анализируя творчество Басията Шаханова, известный ученый Т. Х. Кумыков отмечает: «Выдающимся деятелем культуры Балкарии и всего Северного Кавказа конца XIX – начала XX века является Басият Шаханов. Он проявил себя как крупный общественный деятель, историк, философ, юрист, социолог, публицист и просветитель. Творчество Шаханова многопланово и многообразно. В своих произведениях он освещает различные стороны жизни не только балкарцев, но и других горцев Терской области» [4].

Для современного читателя Басият Шаханов представляет большой интерес не только своим творчеством, но и как личность, творивший историю на одной из переломных ее эпох. Его судьба была вплетена в ткань исторических событий начала XX века и являет собой пример высокой духовности, ума и таланта. Во многом она была предопределена судьбой отца Басията – Абая Шаулуховича (Александра Дмитриевича) Шаханова*.

* Александр Дмитриевич – имя и отчество, данные Абаю Шаханову при крещении в 1875 г.

СЕМЬЯ.
АБАЙ ШАУЛУХОВИЧ
(АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ) ШАХАНОВ

Басият Шаханов родился 17 января 1879 г. в гор. Владикавказе в семье балкарского князя, врача Абая Шаханова. Мать Басията – Елизавета Павловна Матвеева – была дочерью военного коменданта гор. Кизляра. Абай Шаулухович был одним из первых северокавказцев, получивших высшее медицинское образование и дослужившихся до чина тайного советника, что в Табеле о рангах приравнялось к генеральскому чину. Яркая личность Абая Шаханова, его деятельность в области санитарного просвещения оставили

заметный след в истории Балкарии.

Кайсын Кулиев в очерке, посвященном первой плеяде интеллигенции Балкарии, писал: «Одним из первых, если не первым человеком из горцев Кавказа, еще в второй половине прошлого века окончившим русскую военно-медицинскую императорскую академию, был балкарский князь Абай Шаханов из Черекского ущелья. Судьба его очень интересна, драматична, во многом напоминает судьбу лермонтовского Измаил-Бея» [5].

Абай Шаулухович Шаханов происходил из древней княжеской фамилии Балкарии, родовым поселком которой был Мухол. Семья Шаулуха Шаханова была многочисленной – четверо сыновей: Тенгиз, Шаухал, Гелястан, Абай и две дочери. В Российском военно-историческом архиве (РГВИА) сохранилось его метрическое свидетельство № 1936, выданное от Горских обществ о том, «что действительно Абай Шаханов родился от законных родителей Шолоха и Гошемахо Шахановых в 1850 г.

марта 27-го дня. Происходит из горских таубиев, т. е. из высшего сословия горцев. В чем прикладываем чернильные знаки перста по неумению грамоты, горские таубии Магомет Биев, Магомет Урусбиев, Каншао Шакманов, Кучук Мисаков, Магомет Джанхотов, Кургоко Абаев и Хамурза Шаханов. 1869 г. августа 20-го дня» [6].

К исходу Русско-Кавказской войны на Северном Кавказе на смену аманатским школам пришли горские, которые призваны были обучить детей горской элиты государственному языку и другим предметам. Они сыграли свою важную роль в подготовке своеобразных посредников между горскими и российским обществами, имели большое значение при новых исторических обстоятельствах для интеграции горских обществ в Российское пространство. Надо признать, что таубии с большой охотой отдавали своих детей в эту школу: окончившие школу могли продолжить образование в училищах и гимназиях или же исполнять обязанности переводчиков и мелких чиновников в административных органах Нальчикского округа и в аулах.

И, тем не менее, анонимный автор «Журнала министерства народного просвещения» констатировал: «Из горцев, окончивших курс, только очень немногие поступают для продолжения образования в средние учебные заведения, военные и гражданские, хотя для облегчения им поступления в такие училища в Нальчикской школе введено даже преподавание французского языка, большинство же возвращается в свои аулы или, по достижении соответствующего возраста, поступают в службу, предпочтительно военную» [7].

Абай Шаханов был определен в одну из первых светских школ, открытых для детей горцев в Нальчике. Из рапорта инспектора этой школы Келчевского, поданного начальнику Кабардинского округа кн. Орбелиани от 9 января 1859 г., следует, что девятилетний воспитанник школы Абай Шаханов вместе с другими учениками направляется на лечение в Пятигорск. По всей вероятности, Абай поступает в Ставропольскую гимназию после лечения в Георгиевском военном госпитале, куда его перевели из Пятигорска.

Ставропольская гимназия считалась одной из лучших в России, благодаря тому, что и директорами, и преподавателями

гимназии были выдающиеся педагоги своего времени*. В те годы директором училищ Ставропольской губернии служил Я. М. Неверов – неутомимый приверженец образования и просвещения горцев, близкий друг известных педагогов Т. Н. Грановского** и Н. В. Станкевича***. Благодаря стараниям Неверова, Ставропольская гимназия была одной из самых образцовых гимназий России. Здесь царил атмосфера углубленного изучения учебной программы, проводились различные мероприятия: выпускались номера рукописного литературного журнала, проводились конкурсы, вечера, большое внимание уделялось истории России.

Одновременно с Абаем Шахановым в Ставропольской гимназии учились представители народов Северного Кавказа и Дагестана, будущие известные деятели культуры и просвещения Северного Кавказа – Асламбек Базоркин, Нажмудин и Гейдар Бамматовы, Чах и Сабул Ахриевы, Султанбек Абаев, братья

* Открытие гимназии было приурочено к посещению Ставрополя императором Николаем I: «18 октября 1837 г. в одиннадцать часов началось долгожданное торжество, на котором присутствовал сам император...» С 1849 г. в гимназии открылось обучение детей знатных горцев, с ограниченным числом вакантных мест – всего 15. Наибольшего расцвета учебное заведение достигло в период руководства Януария Неверова (1850–1860). К 1860 г. число учащихся выросло до 395 человек. Им были открыты специальные классы, которые готовили юношей после выпуска для поступления в университет, а также будущих учителей уездных училищ. По его инициативе ежегодно среди гимназистов проводились конкурсы на лучшее сочинение и работу по истории. Кроме того, он уделял особое внимание своим воспитанникам – выходцам из горских народов. При нем их число возросло вчетверо: среди гимназистов были черкесы, осетины, карачаевцы и представители других кавказских народов. По мнению Я. М. Неверова, «горцам следует давать такое образование, которое бы представляло им средство быть полезными гражданами не на воинственном, а преимущественно мирном поприще, не выходя из своей сферы, то есть не отдаляясь от своих природных нравов, обычаев, верований». В письме к Я. Неверову от 26 марта 1854 г. попечитель Кавказского учебного округа барон А. П. Николаи отмечал, «что нахождение в пансионе 65 детей горских придало этому воспитательному заведению характер, совершенно особенный от других пансионов в Империи». Многие кавказские народы сформировали свои элиты просветителей с помощью Ставропольской классической гимназии. (Ставропольская классическая мужская гимназия: влияние на формирование элиты просветителей XIX века // Ставропольская правда. 6 мая 2011.)

** Грановский Т. Н. (1813–1855), активный борец против крепостничества, профессор Московского университета.

*** Станкевич Н. В. (1813–1840), поэт, публицист, просветитель.

Шанаевы – Джантемир, Ибрагим, Идрис, а Ефим Газданов, Исмаил Тхостов и Далхат Халилов были однокашниками Абая. Среди педагогов его был абазин Адильгирей Кешев, известный литератор и просветитель. Ставропольскую гимназию Абай окончил успешно и был определен педагогическим советом удостоен аттестата с правом поступления в университет и, «не имея собственных средств для продолжения образования», он обратился с просьбой об определении его в Петербургскую медико-хирургическую академию к Начальнику Кавказско-Горского управления Лорис-Меликову, который препроводил его заявление в Нальчикский округ.

Просьба А. Шаханова была удовлетворена. Решение по вопросу его обучения в Академии принимал Кабардинский окружной народный суд во главе с его председателем майором Мазараки. В журнале постановлений суда от 10 июля 1869 г. говорилось: «Уроженец Балкарского общества Абай Шаханов заявил суду, что окончив в настоящем году курс наук в Ставропольской гимназии, желает поступить в медико-хирургическую Академию, но не имеет средств на поездку на содержание себя на время пребывания в этой Академии, посему просит суд войти в его положение и, если возможно, оказать ему помощь.

Суд, принимая во внимание пользу, которую может принести медик одной веры с населением, постановил: испросить разрешения назначить из общественной кабардинской суммы ежегодно Абаю Шаханову стипендию в 300 рублей, на плату за право слушания лекций 60 рублей; на поездку в каникулярное время за границу для изучения иностранных языков 100 рублей; всего 460 рублей в год, каковую сумму отпускать Шаханову ежегодно до окончания им курса учения в Медико-хирургической академии, т.е. в течение 5 лет, обязав его при этом подпискою, что он, Шаханов, по окончании курса учения в Академии обязан прослужить обществу кабардинского округа 6 лет с содержанием от общества в одно трехлетие наравне с младшими, во второе трехлетие наравне со старшими медиками, состоящими на казенной службе.

Кроме вышеупомянутых сумм выдать Абаю Шаханову из Кабардинской общественной суммы единовременные прогонные, смотря по времени года и суточные деньги до С-Петербурга» [8]. Содержание ему назначили из Кабардинской общественной суммы «с тем, чтобы Шаханов был обязан по окончании курса

медицинских наук отслужить кабардинскому обществу в должности медика шесть лет» [9].

Однако в последние два года обучения обещанную стипендию Абаю перестали выплачивать, что обязывало его «прослужить в военно-медицинском ведомстве за бесплатное слушание лекций три года».

Незадолго до окончания академии, 3 октября 1875 г., Абай женится на «дочери коллежского асессора, девице Елизавете Павловне Матвеевой». За четыре дня до женитьбы Абай принимает православие. Об этом факте его биографии сохранилось свидетельство, подписанное протоиереем Императорской медико-хирургической академии Д. Тихомировым. При крещении Абая нарекли Александром Дмитриевичем. Согласно семейным легендам, Александром его окрестили в честь царя Александра II, якобы благословившего его на учебу. Из этого же свидетельства можно предположить и происхождение отчества новокрещенного: крестным отцом стал его однокурсник Дмитрий Гиммер – отец будущего известного революционера-марксиста.

Абай Шаханов оканчивает академию в 1876 г. по специальности «внутренние болезни». Именно в этом году царское правительство начинает усиленно готовиться к войне с Турцией, «со второй половины сентября 1876 года русская армия стала мобилизовываться» [10]. Война была объявлена 12 апреля 1877 г. Бои велись на Дунае и Кавказе (Эрзерум, Ардоган, Карс, Аладжа, Гумры). Почти весь выпуск медико-хирургической академии 1876 г. был направлен в районы дислокации русских войск. В числе 25 выпускников А. Шаханов попадает на Кавказ, в местечко Царский Колодец (Цители Цкаро). Службу он начал младшим ординатором Царскоколодского полугоспиталя. Абай Шаханов участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе Рионского полка. Молодой врач А. Шаханов работал в очень трудных условиях. Исследователь А. А. Маслов отмечает: «В эту войну больше солдат погибло от «пятнистого» (сыпного) тифа, чем от оружия противника. Особенно тяжелое положение было в Кавказской армии, где за 26 месяцев на 1000 человек личного состава армии переболело 4861 человек. Врачи и фельдшера, лазаретная прислуга – переболели все до одного...» [11].

Сидят, слева направо: Султанбек Абаев, Ханифа Абаева, Фуза Шакманова. Стоят, слева направо: Абай Шаханов, Кучук и Мисост Абаевы. Владикавказ. 1879 г.

После войны он прослужил два года лекарем Владикавказского военного госпиталя. Вместе со своим однокурсником Киселевым и врачом Нальчикского округа Магометом Далгатом принимал участие в борьбе с эпидемией дифтерита в Балкарии. В 1880 г. Абай подает прошение на имя царя Александра Николаевича просьбу об увольнении из военного ведомства: «Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Императорского величества, а потому, представляя при сем установленный законом реверс (отказ об окончании содержания. – Т. Б.) всеподданнейше прошу, дабы повелено было уволить меня от службы. Гор. Владикавказ, 4 февраля 1880 года...» [12]. Через два месяца А. Шаханов был уволен. После отставки едет в Балкарию, в своей родовой поселок Мухол

Поврежденная фотография.

Слева направо: 1-й ряд – Султанбек Абаев, Абай Шаханов, неизвестный, Джантемир Шанаев; 2-й ряд – Яков Попов, Ибрагим Шанаев, Чак Ахриев.

и начинает оказывать помощь своим соплеменникам и знакомить их с основами санитарных знаний.

Переход Шаханова в православие был встречен жителями Балкарии крайне настороженно. Семейная жизнь Абая также не сложилась. Жена его не захотела жить в Балкарии и уехала к отцу, в Кизляр, вместе с детьми.

С 1882 г. начинается служба Абая Шаханова на Дальнем Востоке.

Почему Абай Шаханов оказался так далеко от Балкарии? На этот вопрос позволяют ответить сохранившиеся архивные документы. Так, из переписки мобилизационной части главного медицинского управления выясняется, что ввиду осложнившихся политических обстоятельств на восточной границе России в Приамурском военном округе в 1881 г. в спешном порядке были сформированы дополнительно запасы для 5 военных госпиталей и 2 лазаретов – во Владивостоке (1 госпиталь), Хабаровске (1 лазарет), Никольском (2 госпиталя, 1 лазарет), Раздольном (1 госпиталь), Новокиевском (1 госпиталь). К этому времени Абай Шаханов был уволен по собственному прошению.

В эти формирования начали мобилизовывать медиков, и Абай Шаханов был назначен старшим врачом 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, а впоследствии переведен старшим врачом в Никольское (ныне г. Уссурийск). По стратегическим соображениям, в этом, тогда еще небольшом, поселке находилась основная масса войск, «содержимых в мирное время в Приамурском военном округе, в Южно-Уссурийском отделе, здесь имеется 10 стрелковых и 5 линейных батальонов...» [13].

О периоде жизни Абая Шаханова в Сибири сохранилось мало сведений. Насколько можно судить по дошедшим до нас воспоминаниям родственников и подтверждающим их архивным источникам, Абай до конца своей недолгой жизни проработал в военно-медицинских учреждениях Дальнего Востока. Лишь с осени 1888 г. по 1 июня 1890 г. он был прикомандирован в Медико-хирургическую академию «для усовершенствования в науках». После успешного окончания курса был назначен старшим врачом лазарета в Никольском Южно-Уссурийского отдела Хабаровского края. Семейные предания утверждают, что Абай Шаханов участвовал в противочумной экспедиции в Китай и после читал лекции в университете японского города Нагасаки. Во всяком случае, в семье его внука Тимура хранились реликвии, связанные с пребыванием деда в Нагасаки – сувениры из слоновой кости, альбомы с видами Японии и др. В Центральном госархиве РСОА сохранился также документ – телеграмма, присланная Абаем Шахановым из приморского городка Посъет.

«Александр Дмитриевич был человеком большой душевной красоты и долга», – подчеркивал исследователь истории здравоохранения КБР полковник медицинской службы А. Маслов [14]. Тому подтверждение и блестящая характеристика, содержащаяся в аттестационном деле 1895 года: «1. Способности весьма хорошие, характер мягкий, ровный, спокойный, настойчивый по службе, нравственные качества безупречны, энергичен; в отношении гуманности, честности и твердости в убеждениях безупречен. 2. Научно образован превосходно, опытность по своей специальности показывает на деле, по успешным результатам при пользовании больных. 3. Организацию военно-медицинской части хорошо знает и обладает административную опытностью. 4. Исполнителен,

весьма усерден к службе, привержен к законности и порядку, усердно заботится о правильном пользовании больных и к казенному интересу относится аккуратно. Общими качествами обладает выдающимися» [15].

В конце 1895 г. статским советником Маршандиным из Южно-Уссурийского отдела (куда относился возглавляемый А. Шахановым лазарет) А. Д. Шаханов был представлен к повышению «по службе, на должность IV разряда вне очереди во внимание отлично усердной службы при знании в высшей степени своей специальности, применяемой на деле». Необходимо уточнить, что ко времени представления А. Ш. Шаханов имел чин коллежского советника, что приравнялось в Табеле о рангах, установленным Петром I в январе 1722 года и отмененном большевиками в декабре 1917 г., к военному чину полковника. Маршандин предлагал повысить чин А. Шаханова, минуя звание бригадира, до генерал-майора.

Абай Шаханов умер через полгода после его представления к высокому воинскому званию – 28 августа 1896 г. Через год в журнале «Врач» был напечатан некролог о том, что «28 августа от хронического воспаления почек умер старший врач Никольского местного лазарета Александр Дмитриевич Шаханов» [16]. В этом же некрологе сообщалось, что сведения об А. Д. Шаханове доставлены доктором Шлипсом через год после его кончины. Близкие родственники Абая Шаханова, однако, утверждали, что он умер во время противочумной экспедиции в Китай. Из специальной литературы известно также, что в XIX в. последняя эпидемия чумы началась в 1894 г. в Южном Китае и сразу охватила целый ряд портовых городов, откуда добралась в 1896 г. до Бомбея. Множество дел противочумных экспедиций были засекречены и недоступны даже через сто лет после эпидемий. Возможно, данным обстоятельством объясняется противоречивость сведений о смерти Абая Шаханова.

Елизавета Павловна Матвеева, мать Басията, была дочерью военного коменданта г. Кизляра. Будущие родители встретились в стенах Медико-хирургической академии, где Елизавета была слушательницей курсов акушерок (впоследствии – Женских врачебных курсов). После развода родителей, дети Абая – Борис и Лидия – воспитывались некоторое время бабушкой со стороны

матери. Елизавета Павловна, которую называли «генеральшей», пережила своих детей и умерла в 1925 г. в Ташкенте.

Шаханова Лидия Александровна (Абаевна) умерла в 1921 г., была замужем за известным киносценаристом 20-х гг. И. А. Абаевым. Исмаил Амирханович Абаев – автор сценариев таких «кавказских» фильмов, как «Абрек Заур», «Под властью адата», «Закон гор».

«Абрек Заур» (1921) – один из первых советских приключенческих фильмов. В нем впервые с экрана рассказана история простого горца Заура, вынужденного стать абреком из-за произвола царского офицера.

БАЛКАРОКОВЫ И БАСИЯТ ШАХАНОВ

Басият Шаханов в 1909 г. принял ислам. Можно предположить, что к этому важному в своей судьбе шагу он шел много лет, с самого детства, когда подолгу, на летних каникулах жил среди родственников отца в Верхней Балкарии, а также среди родни в Урусбиево. Всем своим творчеством и деятельностью на различных военных и гражданских должностях он был привязан к своему народу, он жил его радостями и горестями, его надеждами на лучшее будущее. Эти мысли пронизывают все его статьи и выступления. Приходится только догадываться, что эту любовь привил ему отец Абай Шаханов, сам вынужденный проживать далеко от Родины. Не осталось никаких письменных источников, позволяющих нам с точностью сказать, чем было вызвано это всепроникающее чувство. Однако, очевидно, что Басият Шаханов принял ислам, чтобы быть ближе к тем, чьи интересы защищал, чьими проблемами и надеждами жил. Пример отца, отошедшего от веры отцов, и поставившего его вне этнического бытия, также был перед его глазами. Балкарское общество с большим удовлетворением приняло этот важный шаг Басията Шаханова. По воспоминаниям сына Басията – Тимура, на празднование в честь перехода его в ислам, соплеменники пригнали целое стадо животных на жертвоприношение.

Через несколько лет он женится на Джан Балкароковой, одной из шести сестер-красавиц. Женьитьба на дочери Дадаша Дохшуковича Балкарокова, известного в кабардино-балкарском

обществе своими демократическими взглядами, также было судьбоносным событием для Басията Шаханова.

Дадаш Балкароков – известная личность в истории культуры Балкарии*. Отец Дадаша – Дохшуко – один из первых балкарцев,

* *Актуган Абусялямов.* Будучи очень состоятельным землевладельцем, Дадаш еще до революции раздал своим крестьянам земли. До сих пор в Чегеме и в Быллыме рассказывают историю о том, как князь привез из Швейцарии и бесплатно раздал семьям племенных бычков. Во время своей поездки на лечение в Швейцарию, где князь должен был пробыть не менее двух месяцев, он увидел из окна поезда пасущиеся тучные стада. Дадаш сошел с поезда, нашел хозяев этого стада, купил у них породистый скот и отправил его двумя вагонами на Кавказ, а сам вернулся домой, так и не доехав до места назначения. Все это было сделано для улучшения местного животноводства, с целью сделать крупно-рогатый скот в Балкарии более продуктивным. Однажды Дадаш из-за границы привез бычков и коров сементальской и швицкой породы, и уже в 1902 г. на сельскохозяйственной выставке в Терской области его бычки-швицы получили диплом и премию. Щедрый от природы, Дадаш постоянно раздаривал скот, вскоре швицкая порода распространилась по всему Северному Кавказу.

Позднее у Балкарокова появилась идея основать собственный сыроваренный завод. В местечке под названием Кала-Кол (под Быллымом) он его и построил. Из Швейцарии был приглашен мастер сыроварения Миллер. Сыры «Бакштейн», изготовленные на этом заводе, пользовались очень большим спросом и даже попали на знаменитую Нижегородскую ярмарку, были удостоены премии. В книге Василия Верещагина «Молочное дело в России» есть сведения о Балкарокове, автор называет его пионером европейского сыроварения на Кавказе и очень высоко оценивает качество его сыров. Там же в Кала-Коле Дадаш разбил большой абрикосовый сад, причем подобрал саженцы, которые прижились бы в горной местности. Их плоды были очень крупные и ароматные.

В конце XIX в. в Нальчике было решено открыть реальное училище (сейчас это здание медицинского факультета КБГУ). Событие планировалось приурочить к празднованию 300-летия династии Романовых (1913). Дадаш был избран руководителем попечительского совета по сбору средств на строительство училища, причем немалую часть денег он вложил сам. Строительство было закончено в срок и открытие прошло в торжественной обстановке. Вскоре после этого события Дадаш привез из Верхнего Чегема нескольких детей и стал обучать их в реальном училище за свой счет, часть из них жила в доме князя.

Сам Дадаш Балкароков был одним из образованнейших людей своего времени. Он был хорошо знаком не только с русской литературой, но и с французской, особенно увлекался поэзией Андре Шенье и творчеством Жан Жака Руссо: читал его труды, хорошо был знаком с биографией философа. При всем своем увлечении книгами сам Дадаш никаких печатных трудов не оставил — его заслуги в практических делах и благородных поступках.

Дадаш очень любил свой народ. Как-то князь пригласил к себе в дом в Верхнем Чегеме бывшего на Кавказе известного геолога Герасимова. Нахо-

окончивших школу аманатов и поступивших на службу в царские войска был известен своей храбростью в период несения службы. «В 1858 году после окончания Крымской кампании в звании отставного ротмистра лейб-гвардии Киевского гусарского полка он вернулся на свою родину в Верхний Чегем. Дохшуко принимал участие в защите Севастополя и за храбрость был награжден несколькими орденами. Последнего – Владимира с мечами – он получил будучи уже в отставке. Отставной ротмистр был известен в округе прежде всего тем, что сразу после обнародования реформ 1861 года, не дожидаясь того, что они обретут силу закона в Балкарии, без всякого выкупа отпустил всех своих крепостных. Это не единственный его гражданский поступок. Докшуко принимал активное участие в общественной жизни округа, долгие годы был членом Горского суда. В народе он прослыл человеком честным, справедливым и неподкупным» [17].

Дадаш Балкароков, оставшись сиротой, подростком был вынужден взять на себя ответственность за благополучие большой семьи. Он стал успешным и крепким хозяином, уважаемым князем в Чегемском ущелье, позднее горцы избирали его на различные общественные должности. И, какая бы деятельность ему ни поручалась, он с достоинством ее исполнял. За добрые

дясь на рыбалке в верховьях Чегема, геолог заметил в горной реке золотой песок. Он спросил князя, хочет ли он вместе со своим народом разбогатеть и «купаться» в золоте. На что Дадаш ответил: «Мой народ хоть и беден, но здоров и свободен, а золото сделает его больным и поработанным» и отказался от разработки золотого прииска.

У князя Балкарокова была большая и дружная семья: шесть дочерей и двое сыновей. Фатима и Даумхан первыми среди балкарок получили высшее медицинское образование. Инженером-химиком стала младшая дочь Сафият. Старшая дочь Джан стала видным общественным деятелем в Азербайджане, создавала первые женские артели, приобщая женщин к общественно-полезному труду. Старший сын Исмаил окончил Бакинский буровой техникум (он умер в 1937 г. от брюшного тифа), младший сын Султан – выпускник Киевского артиллерийского училища (был арестован в 1937 г. в Баку и затем расстрелян в Нальчике, посмертно реабилитирован). Не избежала семья Дадаша и участи переселенцев. В 1944 г. их как представителей балкарской национальности выслали из Баку в Казахстан.

Факты, приведенные в статье, записаны со слов внучки Дадаша (Ислама) Балкарокова — Жаннет Крымшамхаловой. Все представленные фотоматериалы из ее личного архива.

Дайджест «www.elbrusoid.org» № 5. С. 33–35

дела и передовые общественные взгляды в его называли «демократом».

Басията Шаханова и Дадаша Балкарокова связывали не только родственные отношения, но и общие дела, направленные на переустройства жизни родного народа в условиях обострения сословных и земельных отношений в Балкарии. Каждый из них в меру своих сил и знаний старались облегчить тяжелую жизнь горцев, не покладая рук трудились на стезе просветительства.

Они были вместе и в тревожные годы революционных событий и гражданской войны. Старались найти верный путь при всеобщем хаосе. Однако ранняя смерть Басията Шаханова и последующие репрессии против княжеского сословия не дали им раскрыть свои выдающиеся способности до конца. Дадаша и его семью после революции и установления Советской власти на Северном Кавказе ждали трудные годы.

В своих воспоминаниях сын Басията – Тимур отмечает: «После смерти отца мой дед по материнской линии Ислам (Дадаш) Балкароков со всей семьей покинул Нальчик и переехал в Кисловодск. – Частыми гостями в нашем доме были: Ислам Хубиев – первый карачаевский профессиональный журналист, автор некролога на смерть отца, дагестанские деятели А. Тахо-Годи и Дж. Коркмасов – председатель Совнаркома Дагестана, бакинская подруга матери Лиза Мухтарова, карачаевский деятель Тохтар Биджиев, пытавшийся учить меня арабскому языку...» [18: 6,7].

После смерти мужа, жена Басията Шаханова – Джан Шаханова достойно перенесла все трагические испытания, которые выпали, как на ее семью, так и на большую семью своего отца – Дадаша Дохшуковича Балкарокова.

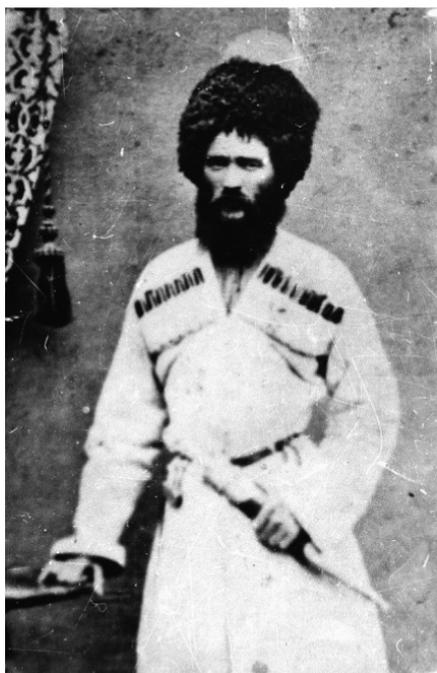
У Басията и Джан Шахановых был единственный сын – Тимур, человек большой эрудиции и таланта. Однако, он – как сын «врага народа» – не имел возможности реализовать свой творческий потенциал. Тем не менее окончил два вуза, много лет работал в краеведческом музее республики, написал ряд интересных научных статей по археологии и этнографии, опубликовал свои воспоминания – «Записки краеведа». Сын Тимура и Нафисат Шахановых – Инал, учился в МГУ (1967–1998), безвременно ушел из жизни. Правнук Басията – Арсений учится на физфаке МГУ, там же, где и его отец.

Башня Балкароковых. Верхний Чегем.

В 1909 г. Дадаш Балкароков, тогда – депутат Нальчикского горского словесного суда, купил в слободе Нальчик два дома. Между ними построили еще один – двухэтажный в стиле модерн, украшенный балконами на цепях. Вместе они стали единым целым с общим ансамблем. В 1918 г. в этом доме работал над своей знаменитой книгой «Страна Прометея» известный деятель русского зарубежья, писатель и философ Константин Чхеидзе. С 1921 г. в нем располагался Балкарский окрисполком.

Докшуко Балкароков

Дом Дадаша Балкарокова в Кисловодске

Дадаш Балкароков
и Науруз Урусбиев

Слева направо:
Ислам и Айтек
Крымшамхаловы,
Мисост Абаев.
Начало XX в.

Дадаш Балкароков

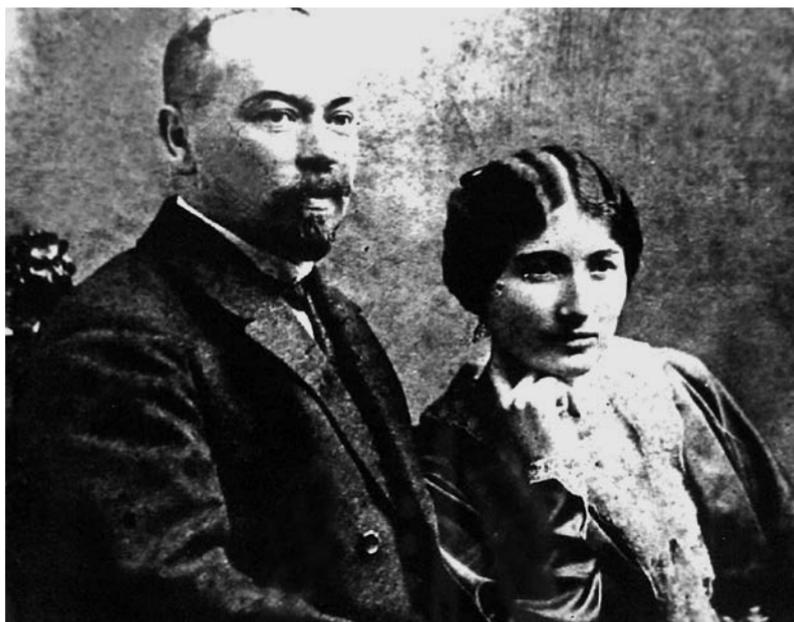
Султан (Докшуко) и Исмаил
Балкароковы, сыновья Дадаша

Мисост Абаев с женой и детьми. В последнем ряду крайний слева – Басият Шаханов, рядом с ним Лидия Шаханова. Нальчик, конец XIX в.

Сидит во втором ряду: Басият Шаханов с коллегами.
Поврежденное фото

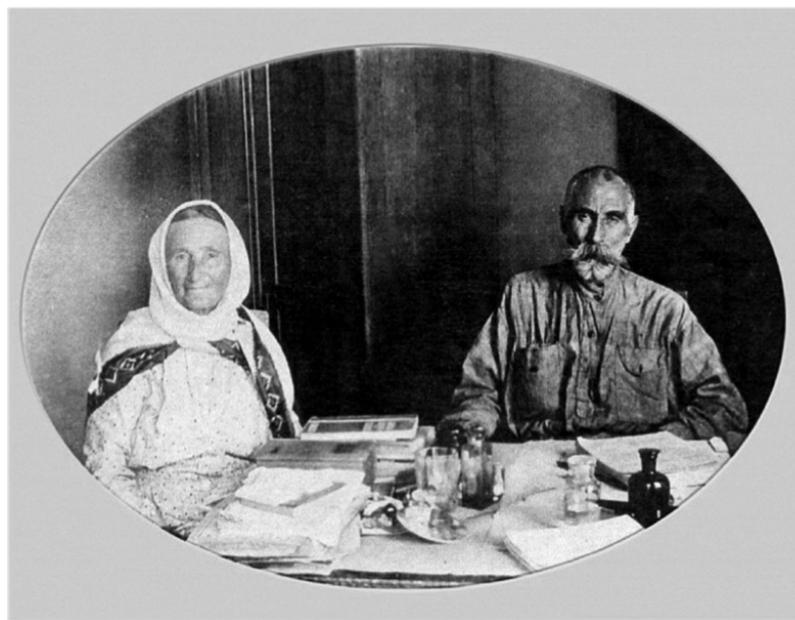
Басият Шаханов и Джан Балкарокова

Джан Балкарокова

Басият Шаханов с семьей Дадаша Балкарокова

Дадаш Балкароков и его жена Мисирхан Барасбиева. Баку, 1931 г.

Тимур Шаханов, Кайсын Кулиев и Ольга Медведева.
Экспедиция в Хуламо-Безенгийское ущелье. Июнь 1959 г.

Нафисат Шаханова с внуком Арсением

УЧЕБА И ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Во время прохождения научной стажировки в медико-хирургической академии в октябре 1889 г. Абай определяет своего сына Бориса (Басията) в Александровский кадетский корпус, наиболее доступный для детей разночинцев. Состав учащихся был очень разнороден. «Рядом с сыном командира блестящего армейского полка сидел сын полкового барабанщика» [19].

Детские годы

В этом кадетском корпусе был установлен семилетний срок обучения. По окончании кадетского корпуса в сентябре 1896 г. Б. Шаханова зачисляют в Константиновское артиллерийское училище рядовым юнкером. Затем он переводится в Михайловское артиллерийское училище. В артиллерийские училища принимались лица, окончившие с успехом полный курс кадетского корпуса. В училище был трехлетний срок обучения, причем в третий, дополнительный год обучались только 35 учащихся, отличившихся в учебе. Среди них был и Басият Шаханов. По окончании училища в июле 1898 года Б. А. Шаханову присваивается звание подпоручика «со старшинством» и его назначают в 4-ю батарею 21-й артиллерийской бригады в слободе Воздвиженская Грозненского округа [20].

Борис Шаханов уехал с Кавказа во младенчестве и долгое время жил вдалеке от родины отца. Будучи юнкером Александровского кадетского корпуса, дважды приезжает на Кавказ и живет в семье Мисоста Абаева, который доводился родственником Абаю Шаханову со стороны его матери.

Басият Шаханов, живя во время отпусков в Балкарии, знакомится с жизнью и бытом родного народа, путешествует по ущельям Балкарии, увлекшись фотографией, делает снимки своих родственников и соплеменников, совершенствует свои знания по балкарскому языку. В этом ему помогала дочь Хамзата Мирзакуловича Урусбиева – Мадина.

Последний свой отпуск перед окончанием Михайловского артиллерийского училища Борис Шаханов провел в Баксанском ущелье у Науруза Урусбиева. В этот свой проезд Б. Шаханов сильно ушибся, упав с лошади [21].

Попав на постоянную службу на Кавказ, Борис с пристальным вниманием вглядывается в окружающую действительность. И она резко контрастировала с той романтизированной экзотикой, которой была переполнена беллетристика о Кавказе, высмеянная впоследствии Б. Шахановым. Горские народы были на перепутье – процесс интеграции затянулся, прежние консолидирующие обстоятельства также были разрушены, нарождающийся капитализм успел явить народам региона свои безжалостные черты.

Слобода Воздвиженская – место службы молодого офицера – находилась недалеко от административного центра Терской области Владикавказа. Благодаря этому, Б. Шаханов часто

бывает в различных государственных учреждениях Терской области: на заседаниях думы, окружного суда, в госпиталях и больницах, в редакциях местных изданий; посещает учебные заведения, театральные представления, церковные службы, занятия музыкально-хорового общества...

Еще воспитанником Михайловского артиллерийского училища Борис увлекся фотографией. Здесь, в сл. Воздвиженской, это увлечение переросло в каждодневную потребность. И он делает сюжетные фотографии из казарменной жизни, фотографирует горцев на улицах Владикавказа, своих друзей и родственников. Альбомы с фотографиями Б. Шаханова, к сожалению, были утеряны при многочисленных переездах его семьи.

Период жизни Б. Шаханова в качестве артиллерийского офицера, охватывающий 1898–1904 гг., был самым значительным в его творческой биографии. Именно в эти шесть лет он глубоко проникся проблемами, порожденными социально-экономической нестабильностью жизни народов Северного Кавказа. Он начинает искать причины такого положения и находит их в противоречии существующих сословно-поземельных отношений и требований нового века, нежелании правящей царской администрации решать эти проблемы без репрессий и на уровне государственной политики. Статьи и очерки двадцатилетнего юноши, написанные в эти годы, свидетельствуют о напряженной работе молодого публициста, желающего вникнуть в глубину противоречий горской жизни, а также о его творческих поисках и несомненном таланте.

Прослужив около шести лет (1898–1904 г.) в 21-й артиллерийской бригаде, Б. А. Шаханов решает поступить в Военно-юридическую академию. Нужно подчеркнуть, что выбор профессии был предопределен его гражданской позицией и пониманием национальных интересов народов Северного Кавказа. Еще в 1899 г. в одной из своих работ он с горечью писал о балкарцах: «Лишь маленькая горсть в 20–30 человек знает по-русски, а все остальные жалуются, просят, судятся, подают бумаги, прикладывают мухуры к общественным приговорам на родном языке и, как дитё, недоумевают потом, когда оказывается, что вышло совсем не то, что оно желало!» [22]. Оказать посильную помощь горцам через разъяснение непонятных ему устоев жизни России и законы государства, в котором они живут, защищать попавших в беду неграмотных

крестьян – эти идеи проходят красной нитью через все его работы, написанные перед поступлением в Военно-юридическую академию в Петербурге. Он поступал в Академию, имея большой жизненный опыт, несмотря на свою молодость.

Сохранилась характеристика, изложенная в аттестационном списке, который был представлен Б. Шахановым в Военно-юридическую академию в 1903 г. Она дает нам представление о профессиональных и человеческих качествах Басията Шаханова. Его непосредственный начальник дает ему оценку, выходя за рамки официального документа. В характеристике командир дивизиона 21-й артиллерийской бригады полковник Григорович отметил такие качества Б. Шаханова: «...честен, беспристрастен, настойчив в достижении цели. Добродушен, немножко горяч, немного застенчив, обладает даром слова.

В службе усерден, энергичен, привержен к законности. Служебным тактом обладает, с бытом офицера и солдата знаком, честен, беспристрастен, к казенному интересу внимателен.

Свою часть любит искренно, исполнительен, работает сознательно, не из-под палки, настойчив в достижении результатов работы, не жалеет собственных средств для достижения результатов работы» [23].

Но первая попытка поступления в Военно-юридическую академию в Петербурге в 1903 г. окончилась неудачей. Успешно выдержав предварительные испытания в Тифлисе, Б. Шаханов едет в Петербург. Однако тяжелая болезнь, неожиданно приковавшая его к постели, вносит свои коррективы в судьбу Шаханова – время для поступления в академию было упущено. Пролежав в госпитале несколько месяцев, Б. Шаханов возвращается в артиллерийскую бригаду. Через год он повторяет попытку. По большинству вступительных экзаменов Б. Шаханов, как и в прошлый раз, получил высшую оценку – 12 баллов и при зачислении в академию его фамилия стояла первой в «Списке офицеров в порядке старшинства баллов, выдержавших приемные экзамены в младший класс Александровской военно-юридической академии в 1904 г.» [24].

В академии был трехлетний срок обучения. И поэтому учебная программа была очень насыщенной и немногим отличалась от университетской. В сравнении с университетской, в программе отсутствовали лишь римское право, статистика и торговое право. Годы учебы в академии для Шаханова были трудными и сложными, так как климат северной столицы ему не подходил, и

он часто болел. По воспоминаниям современников, на выпускные экзамены его внесли на носилках. Тем не менее Б. Шаханов хорошо учился, успешно сдавал экзамены и закончил академию по 1-му разряду¹. Это давало ему, кроме повышения воинского чина до капитана, возможность вернуться на Кавказ, т. е. самому выбрать место несения воинской службы.

Годы учебы Б. Шаханова в академии совпали с первой русской революцией. Если учесть, что Петербург был центром революционных событий, нетрудно предположить, что Б. Шаханов хорошо разбирался в этих событиях. Он был свидетелем борьбы различных социальных слоев с монархией и жестокого подавления царским правительством революции 1905–1907 гг. Эти обстоятельства имели немаловажное значение в становлении мировоззрения публициста, в его дальнейшей юридической практике.

К сожалению, сегодня мы не располагаем фактами творчества Басията Шаханова за период его обучения в Военно-юридической академии. Несомненно, что его творческая работа в эти годы не прекращалась. Трудно поверить, что с поступлением в Академию Б. Шаханов прекращает писать о беспокоивших его «туземных» вопросах. Скорее всего, он публиковал свои произведения под псевдонимом, и возможно, что некролог о Коста Хетагурове, напечатанный в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 28 марта 1906 г., впоследствии перепечатанный владикавказской газетой «Терские ведомости» и подписанный «Ом», принадлежит перу Б. Шаханова. Кроме близости стиля сделать такое предположение дает основание и тот факт, что, по воспоминаниям проф. Б. Алборова, современника публициста, близко знавшего его, Б. Шаханов на похоронах Косты Хетагурова возглавлял мусульманскую делегацию [25]. Хотя здесь содержится и некоторое противоречие: до 1909 г. Б. Шаханов официально был православного вероисповедания. Однако трудно не поверить проф. Алборову, ведь он был очевидцем и участником похорон Коста Хетагурова, в которых приняли участие все демократические силы Владикавказа.

¹ При выпуске из Академии офицеры разделялись на два разряда. К 1-му разряду относились офицеры, получившие на выпускных экзаменах по каждому из основных предметов не менее 10 баллов. У кого были баллы ниже, относились – ко второму. Окончившие курс по первому разряду представлялись к производству в следующие чины: штабс-капитана гвардии и капитана армии включительно.

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

По окончании учебы Б. А. Шаханов был направлен помощником товарища прокурора в Тифлис для усиления военно-прокурорского надзора. Это было время реакции после поражения первой русской революции, нашедшей широкий отклик на Кавказе. Революционное движение объединило в своих рядах рабочий класс Кавказа и безземельных крестьян, передовую интеллигенцию и нижние чины русской армии [26]. Б. А. Шаханов недолго проработал здесь, так как по большинству рассмотренных им дел солдаты, привлекаемые к суду за участие в революционных событиях, были оправданы. В аттестационном списке за этот период его службы написано, что «начальство не удовлетворено» его деятельностью [27]. Все это способствовало тому, что Шаханов через месяц после назначения подал в отставку. В дальнейшем его деятельность была связана с адвокатурой.

Институт присяжных поверенных отличался относительной самостоятельностью, был учрежден на Кавказе только в 1910 г., с этого года начинает работать там и Б. А. Шаханов [28]. «Адвокатура в России, как и в других странах, в лице большинства своих представителей обслуживала интересы буржуазии. Однако относительная независимость присяжных поверенных привлекала в адвокатуру – в особенности в последние годы ее существования – немало лиц, которые хотели помочь рабочим, когда они вели тяжбы с предпринимателями, и тем, кто подвергался преследованию за революционную деятельность» [29]. Поэтому переход Басията Шаханова из военного ведомства в присяжные поверенные можно объяснить, учитывая общую демократическую направленность его мировоззрения и его отношение к проблеме юридической обеспеченности округа. В своих статьях еще до поступления в Военно-юридическую академию он неоднократно писал о том, что большинство населения беззащитно перед произволом царской администрации из-за незнания российских законов и своих прав.

За первые годы своей адвокатской деятельности имя присяжного поверенного Басията Шаханова быстро стало необычайно популярным благодаря тому, что, участвуя в крупных судебных процессах, он смог отстоять интересы своих подопечных. Так, он сумел добиться оправдания организаторов и участников Черекского восстания 1913 г., защищал

анархистов-социалистов во главе с Малхазьяном, он также выиграл процесс, будучи адвокатом инженера Лютфалибея Бейбутова в нашумевшем деле бакинского миллионера Тагиева. За последним конфликтом следил весь мусульманский мир. «Среди мусульман сильное брожение, раскололись они на две партии – «бебутовцев» или, вернее, бакинцев и шемахинцев. Бебутов – родовитый представитель шемахинской мусульманской аристократии отличается суровостью, храбростью и необычайной организованностью», – писала газета «В мире мусульманства». Конфликт, возникший между инженером Бебутовым и миллионером З. А. Тагиевым, вышел за рамки «Бакинских семейных дел», как окрестила его пресса, и стал известен широкой общественности. Л. Бебутов был вынужден подать в суд на всесильного З. Тагиева, 16 мая 1911 г. избившего его [30].

Интересы З. Тагиева согласился защищать известный российский адвокат и политик В. А. Маклаков, в тот момент член Государственной думы России, о чем сообщалось в газетах «Кавказ» и «В мире мусульманства» [31]. Тем не менее Б. Шаханов сумел отстоять интересы инженера Бебутова, посмеявшегося подать в суд на всесильного Зейналабдина Тагиева.

Наряду с адвокатской деятельностью, Басият Шаханов занимался и общественной. Он не мог остаться в стороне, когда царское правительство вместе с местной администрацией пытались отнять право собственности у балкарцев на земли, принадлежавшие им, как писал Б. Шаханов, по обычному праву – «аталадан кьалгъан» – «доставшееся от отцов».

В начале XX в. страсти разгорелись вокруг земельного вопроса. В то время как для царской администрации его решение было необходимо для облегчения управления областью, социальные верхи, воспользовавшись сложившейся ситуацией, ставили своей целью доказать исключительное право собственности высших сословий. А зарождавшаяся буржуазия пыталась овладеть землей и недрами Балкарии и др. территорий, отрицая наличие частной земельной собственности, с одной стороны, утрируя общинный характер землепользования, а с другой – утверждая, что все земли Нагорной полосы должны принадлежать казне, которая, естественно, даст их на откуп «денежному мешку». Положение усугублялось еще и тем, что земельная собственность в Нагорной полосе была юридически (относительно русской юриспруденции) слабо оформлена, хотя

обычное право горцев, складывавшееся веками, имело довольно стройную систему земельных отношений. Б. Шаханов в статье «Терские дела» писал, за десять лет до возникновения работы Абрамовской комиссии: «на плоскости земли размежеваны, участки частных лиц и аульные надельные участки точно разграничены и составляют неотъемлемую и неоспоримую собственность владельцев. В горной же полосе все продолжает находиться в том положении, в каком застал ее приход русских. Споры об отдельных участках между частными лицами, собственно говоря, возникает немного, но зато нередки процессы между частновладельцами и обществами, а также – с казной».

Анализируя общественно-политическую деятельность Мисоста Абаева исследователь Х.-М. Сабанчиев отмечает: «На протяжении всего пореформенного периода вопрос поземельного устройства в Балкарии сохранял особую остроту и злободневность. Вокруг него шла борьба различных общественных направлений», – пишет Х.-М. Сабанчиев. Б. Шаханов, как и М. Абаев, при таком положении дел не мог «оставаться в стороне и не высказать своего мнения» [32]. В отличие от М. Абаева, выступившего в печати с несколькими статьями о бедственном положении балкарцев, Б. Шаханов развернул активную деятельность по защите их прав, в первую очередь, он принялся за правовое обоснование владения землей, для чего сконцентрировал в «Возражении...» большой фактический материал по обычному праву и истории балкарцев.

Публицистика и общественная деятельность Б. Шаханова пришлись именно на те годы, когда буржуазия (в основном русская и иностранная) всеми силами старалась прибрать к рукам недра Нагорной области. Буржуазия использовала свои связи, практиковала подкуп, а иногда и подлог, чтобы добиться своей цели. Ведь если доказать, что горцы не хозяева земли Нагорной полосы, то, естественно, ее хозяином является государство. А у него их может приобрести любой имеющий средства, т. е. она сама, буржуазия. Поэтому и возможно было появление различного рода проектов переселения и выселения горцев Кавказа, которые были основаны формально на том, что горцы не имеют права собственности, закрепленного документальными свидетельствами на землю. Хозяевами земель в Балкарии, как и в других местах Нагорной полосы, были в основном князья и кулаки. Но ведь часть ее принадлежала и простым горцам,

крестьянам, добывающим свой хлеб тяжким трудом. Изъятие их наделов привело бы к зависимости балкарцев от соседних народов, зависимость экономическая в тех условиях для горной Балкарии означала ее политическую бесперспективность.

Проект Абрамовской комиссии, занимавшейся изучением состояния землевладения и землепользования в Нагорной полосе, изначально предполагал отчуждение казне всех земельных прав горцев. Б. А. Шаханов за несколько лет до создания Абрамовской комиссии считал, что «для правильного разрешения характера и пространства землевладения в горах является необходимостью учредить специальную комиссию из юристов и знатоков края и подробно исследовать этот вопрос на месте, только тогда можно будет правильно решить, кому по справедливости и какая земля принадлежит в горах и у кого, как захватчика, можно отобрать землю для наделения ею народа». В этой же статье («О поземельном вопросе в Нагорной полосе Терской области») Б. Шаханов с тревогой писал: «...местное управление государственных имуществ отобрало фактически все леса в горах в казну и считает казенною и безлесную часть горной полосы» [33].

О результатах деятельности Абрамовской комиссии высказались и советские ученые. Так, в частности Н. Г. Волкова писала: «практических результатов в плане улучшения земельного положения горцев работа Абрамовской комиссии почти не принесла. Поэтому в предреволюционные годы и в 1920 году, к моменту установления на Северном Кавказе Советской власти, среди горского населения по-прежнему крайне остро стоял земельный вопрос» [34: 231].

В такой обстановке начиналась деятельность Басията Шаханова – юриста, присяжного поверенного Владикавказского окружного суда.

Из сохранившихся архивных документов видно, что к Б. А. Шаханову обращались за помощью в тяжёбных делах неимущие крестьяне, а также люди, преследуемые царской администрацией. Одно из таких дел обнаружено в Центральном государственном историческом архиве Грузии и в ЦГА КБАССР. Это дело по обвинению сельского судьи Азаматгерия Чипчикова «в оскорблении Его Императорского Величества» [35]. В протоколе аульного правления зафиксировано: Чипчиков поспорил со своим односельчанином Татау Булатовым из-за земли.

Помощник старшины аула Хасаут в своем рапорте начальнику округа писал: «Я предложил Чипчикову прекратить брань, при этом напомнил ему, что он находится в правлении, которое считается учреждением, где имеется портрет Его Императорского Высочества наследника цесаревича Великого князя Алексея Николаевича, и что каждый из нас обязан благопристойно держать себя в присутствии портретов царствующих императорских особ, но Чипчиков за замечание ответил выражением, которое переводчик не мог перевести в точности по-русски...» [36].

Рапортуя временному генерал-губернатору об этом событии, помощник старшины «покорнейше просил устранить Чипчикова от должности сельского судьи и исключить из состава выборных представителей, как кляузника и подстрекателя» [37].

Мера наказания, предложенная помощником старшины, показалась администрации слишком незначительной, и она, сообразуясь с принципами военного положения, объявленного на Кавказе, приказала жандармскому управлению «потребовать Чипчикова за караулом и заключить в тюрьму» до «надлежащего дознания».

Тифлисская судебная палата, где оказалось, в конечном счете, дело по обвинению А. Чипчикова, вынесла решение о привлечении его к ответственности. Несмотря на преклонный возраст обвиняемого (ко времени суда А. Чипчикову исполнилось 70 лет), назначили судебное разбирательство.

Анализ судебных документов позволяет сделать вывод, что Б. А. Шаханову пришлось основательно подготовиться к защите А. Чипчикова. В первую очередь необходимо было изменить статью первоначального приговора (т. е. обвинительного заключения), а затем снять обвинение. Речь Шаханова на суде не обнаружена (суд состоялся 23 января 1916 г. в г. Пятигорске), но в делах Тифлиской судебной палаты сохранились документы, заполненные рукой самого Б. А. Шаханова. Прошения А. Чипчикова и его сына Сафарбия также составлены были Б. А. Шахановым. Эти документы имели немаловажное значение при вынесении судом оправдательного решения.

Защита крестьянина А. Чипчикова – один из многих эпизодов деятельности присяжного поверенного Б. А. Шаханова. Сам по себе этот факт заурядный, но он знаменателен тем, что характеризует его как человека большого личного мужества. Ведь защищая горца, оскорбившего «августейших особ», он шел на

большой риск (Тифлисская судебная палата в эти годы рассмотрела десятки дел, подобных делу Чипчикова, и по значительному большинству из них были приняты репрессивные меры). Но твердая убежденность Б. А. Шаханова в правоте крестьян, сочувствие обездоленным горцам сделали его заступником попавших в беду соплеменников. Об этом свидетельствует и статья «Еще переселение», в которой он страстно призывал понять нужды простых горцев: «...нелегко живется нашему туземцу. Борьба с суровой природой, отсутствие удобных дорог, медицинской помощи, школы, незнание государственного языка – вот условия, в которые он поставлен. Ежедневно приходится читать известия о возникновении комиссий для выяснения причин упадка благосостояния жителей то тех, то других углов Российской империи, газеты заполнены сочувственными статьями, посвященными не только русскому мужичку, но и чухнам, латышам, зырянам. Но много ли до сих пор занималась печать кавказским горцем? Какие известия, кроме требований строгих кар для обуздания «головорезов», помещаются в большей части печати по так называемому «туземному вопросу»? А как живется этому «головорезу», дурно ли, хорошо ли, что толкает его порой на преступление, чем облегчить его положение, – до этого им дела нет! «Лишь бы нас не трогали, а там живи как знаешь: хоть умирай с голоду, я пальцем не пошевелю!» И это рядом с толками о культуре, цивилизации, гуманности и любви к ближнему, рядом с бесчисленным множеством всякого рода принципов и идей» [38].

В течение шести лет Басият Шаханов исполнял обязанности помощника присяжного поверенного, а в последний предреволюционный год – присяжного поверенного. По свидетельству коллеги, Б. Шаханов так долго не был переведен в присяжные поверенные, а работал помощником присяжного поверенного было связано с тем, что «блестяще образованный юрист, он (Шаханов.– Т. Б.) стал в ряды народной бедноты и смело боролся за нужды угнетенных и обиженных, вызывая тем к себе враждебное отношение...» [39].

Особенно знаменательным фактом юридической практики Б. Шаханова, видимо, следует считать его деятельность в период судебного процесса над участниками Черекского (именуемого иногда в литературе Карасуйско-Жанхотовским) восстания 1913 г. Во время восстания крестьяне – жители более 20 поселков

Верхней Балкарии – захватили и срубили княжеский лес, снесли ограду вокруг сенокосных угодий, разрушили строения таубиев Жанхотовых.

Впервые тогда в горах Балкарии зазвучали революционные лозунги и сформулированы экономические требования. Балкарские крестьяне были снабжены символами революционной борьбы – красными флагами и значками. «...Были, помимо всего этого, в толпе и значки, красные флаги, как о том засвидетельствовал Эльбуздуко Жанхотов, который заметил у Шавай Итиева (стиль, собственные имена – как в документе. – *Т. Б.*) красный значок. Ниже подтвердили свидетели Итлуг Мокаев, показавший, что впереди шел Шавай Итиев, держа небольшой красный флаг, и Константин Желягин: «в толпе были два балкарца, имевшие в руках красные флажки», – сообщается в документах дознания, представленных владиавказским прокурором в Тифлисскую судебную палату [40].

В восстании приняли участие более 950 человек, т. е. практически все трудоспособное мужское население Верхней Балкарии, в основной своей массе беднейшие крестьяне [41].

После усмирения крестьян Тифлисской судебной палатой был проведен судебный процесс над участниками восстания. Судебное разбирательство длилось более трех лет. Суд над восставшими состоялся в марте 1916 г. К суду были привлечены 70 наиболее активных участников восстания. Все они избрали в качестве адвоката помощника присяжного поверенного Владикавказского окружного суда Басията Абаевича Шаханова. Ему дважды пришлось защищать восставших, второй раз после обжалования прокурором Владикавказского окружного суда Фалевичем решения суда об оправдании крестьян. Но и второй раз защита прошла успешно.

Как было установлено по ходу следствия, крестьянские волнения еще до восстания имели не только экономический, но и политический характер. Восставшие требовали возврата общинных земель, незаконно захваченных таубиями Жанхотовыми. Все это усугубляло положение подсудимых, делало их защиту уязвимой по нескольким статьям Свода (собрание действовавшего законодательства царской России с 1835 г. вплоть до Октябрьской революции. – *Т. Б.*). По отзывам современников, защитительное слово Басията Шаханова прозвучало так ярко и убедительно, что владиавказская публика

многие годы цитировала отрывки из его речи. К сожалению, этот важнейший документ пока не обнаружен в делах процесса. Можно предположить, что защита была аргументирована тяжелым экономическим положением балкарской бедноты. Судя по сохранившимся следственным и процессуальным документам, чтобы облегчить участь обвиняемых, Б. Шаханову необходимо было доказать, что восстание носило характер стихийного экономического бунта и не имело политической основы. В противном случае организаторов и активных участников восстания ожидало суровое наказание. Доверенные Жанхотовых и начальник округа С. Клишбиев старались доказать, что выступление готовилось заранее, и ему предшествовала определенная деятельность организаторов восстания.

ЮРИСКОНСУЛЬТ БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ КАБАРДЫ И ПЯТИ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ

В январе 1910 года министерством юстиции было разрешено присяжным поверенным учреждать юридические консультации «для подачи лицам, к ним обращающимся, советов по юридическим вопросам». Юристы должны были действовать на основе особых уставов, утвержденных министром юстиции России [42]. В начале XX в. возникла острая необходимость в юристе для Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. В 1910 г. на эту должность был приглашен Басият Шаханов. В его обязанности входило как юридическое обеспечение различных сделок между жителями Кабарды, Балкарии, так и представление их интересов в областных и столичных учреждениях. Большую работу в качестве юриста Б. А. Шаханов проводил при проектировании и учреждении первых курортных заведений, устройстве государственного лесничества, городского водопровода и т. д.

Необходимо отметить также его заслуги в деле преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище. Начиная с 80-х гг. XIX в. неоднократно делались безуспешные попытки подобного преобразования. Лишь в 1911 г. при активном содействии Б. Шаханова состоялось открытие реального училища. До открытия училища в докладной записке, поданной начальнику Терской области, Б. Шаханов просил, чтобы из числа

50 стипендиатов, учрежденных в пансионе при Нальчикском реальном училище, часть этих стипендий «предоставить детям Кабардинского и Горского уроженцев без различия сословий» [43]. Выступая на торжествах по случаю закладки здания для реального училища 13 июня 1911 г.^{*}, Б. Шаханов отмечал благотворное значение добровольного присоединения Кабарды и Балкарии к России, прежде всего, в области культуры и просвещения [44]. В государственных архива КБР, СО–А, Грузии сохранились десятки дел, в которых Б. Шаханов как юрисконсульт отстаивает интересы как частных лиц, так и Кабарды и Балкарии в целом. За три года он проделал колоссальную работу по юридическому обеспечению Нальчикского округа.

Стоит отметить и такой важный факт юридической практики Басията Шаханова, как составление «Положения о заведывании кабардинско-горским имуществом». «Положение» было обнаружено в Центральном госархиве Республики Северной Осетии–Алании доктором исторических наук Желяби Калмыковым. Ученый отмечает: «На наш взгляд, появление нормативного документа, автором которого был В. Шаханов, объясняется достигнутым в начале XX в. – Кабардой и Горским (балкарскими) обществами более высоким, чем раньше, уровнем социально-экономического развития и накоплением значительного опыта регулирования новых хозяйственных отношений (рыночных) в масштабе всего Нальчикского округа.

В документе отразилась структура хозяйственных органов и правовой механизм их функционирования в будущем с учетом специфических задач, стоящих перед ними. Значительный интерес представляют статьи проекта «Положения», определяющие порядок работы представительного органа, одновременно являющегося хозяйственно-распорядительным учреждением – «Сбор Кабардинских и Горских доверенных» (так упрощенно Шаханов предлагает называть «Съезд доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ»). В целом проект является документом, отражающим уже сложившуюся систему регулирования многообразных хозяйственно-экономических отношений в Кабарде и Горских обществах. Но указанный документ остался лишь проектом, так как его обсуждение и принятие в качестве руководящего

^{*} В этом здании в настоящее время находится медицинский факультет КБГУ.

нормативного акта было сорвано революционными событиями в 1917 г. Однако это не мешает нам сегодня воздать должное его автору за столь высокий профессионализм и глубокое знание жизни кабардинцев и балкарцев» [45].

Документ сохранился в двух вариантах. Один из них, составленный с учетом замечаний статского советника Г. А. Вертепова*, был опубликован Ж. Калмыковым в полном объеме впервые в газете «Кабардино-Балкарская правда».

1 ноября 1914 г. Б. А. Шаханов подает прошение начальнику Нальчикского округа «об избрании преемника». Вскоре на повестку дня съезда Доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ был вынесен вопрос о том, что Б. Шаханов «по домашним обстоятельствам не имеет возможности занимать этой должности» [46]. За месяц до отставки он писал в телеграмме: «Прошу не отказать назначить сбор доверенных не ранее 4 декабря. В конце ноября очень занят, не смогу присутствовать» [47]. На том же съезде юрисконсультom вместо Б. Шаханова был избран Магомет-гирей Тавкешев.

БАСИЯТ ШАХАНОВ И «СОЮЗ ГОРЦЕВ»

Общественная деятельность Б. Шаханова в период между двух революций 1917 г. и гражданской войны была достаточно неординарной и не нашла в свое время объективного научного исследования. Искренне приняв февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г., он входил в органы Временного правительства Терской области. Был одним из инициаторов создания Союза объединенных горцев, избран председателем Первого съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана, работал комиссаром Дагестанской области.

Данные факты Б. Шаханова говорят о его большом авторитете среди горской интеллигенции и населения края. В.-Г. Джабагиев, М. Дахадаев, А. Тахо-Годи, М. Хизроев, Г. Баев, Г. Цаголов, Т. Элдарханов, П. Тамбиев, Дж. Коркмасов, А. Даидбеков и многие другие прогрессивные деятели Северного Кавказа и Дагестана были в числе его друзей.

* Вертепов Григорий Абрамович с 1905 г. – начальник 1-го отделения Терского областного правления.

«Стремление спасти от хаоса и насилия, отвести угрозу физического уничтожения горцев Терка и Дагестана, осуществить социально-политические и иные преобразования, заставило горскую интеллигенцию приступить к практическим действиям. Первым шагом в этом направлении явилось совещание представителей горской интеллигенции, которое состоялось во Владикавказе в квартире Б. Шаханова 5–6 марта 1917 г. Оно приняло решение о необходимости объединения всех горских народов Северного Кавказа и Дагестана, и создания революционно-демократической власти в Терской области с участием представителей всех горских народов региона. В первый день работы, т. е. 5 марта 1917 г. совещание избрало своих делегатов в составе Б. Шаханова, С. Габиева, М. Джабагиева во Владикавказскую Городскую Думу с требованием о предоставлении представителям горских народов Терской области мест во Владикавказском исполнительном комитете и превращении последнего в областной комитет. После острой дискуссии горцам было выделено четыре места и 5 марта 1917 г. Владикавказская Дума была преобразована в Терский областной Гражданский Исполнительный Комитет. 6 марта были произведены выборы во Временный Центральный Комитет объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, который возглавил присяжный поверенный Б. Шаханов. Членами комитета были избраны А.-М. (Тапа Чермоев), П. Коцев, князь Р. Капланов, Б. Далгат, Т. Укуров, Б. Льянов, С. Коченов и другие [48].

Самым значительным фактом политической биографии Б. Шаханова этого периода можно считать его роль в консолидации демократических сил Северного Кавказа и Дагестана на посту председателя исторического Первого съезда горцев Кавказа в мае 1917 г.

Выступая на этом съезде, Б. Шаханов говорил: «В России, несомненно, будет установлена республика, т. е. народоправство, с выборным парламентом и выборным и ответственным перед народом правительством во главе с выборным же президентом». В этих словах выражены мечты многих его соратников об устройстве демократического государства, в котором и народы Кавказа должны «строить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии». Следует отметить, что, когда в июле 1917 г. составлялись списки по выборам в Учредительное собрание, имя Б. Шаханова было

утверждено областным комитетом в числе 15 кандидатов в депутаты [49].

Деятельность Б. Шаханова, как организатора и первого председателя Союза объединенных горцев Кавказа свидетельствует о незаурядном таланте политика. В тяжелейших условиях революционных потрясений он ни разу не отступил от своих позиций демократа и не расстался с идеей объединения всех народов Кавказа с новой Россией на федеративных началах «при самом широком самоопределении народов». Его идеи о таком государственном устройстве не раз находили поддержку в последующем, они не утратили актуальности и сегодня, когда существующее государственное устройство претерпевает кардинальные изменения.

Последний период жизни Басиата Шаханова был сложным, наполнен поисками истины и своего места в круговороте событий. Деятельность Б. А. Шаханова во время революции кратко изложена осетинским журналистом и писателем Дзахо Гатуевым в очерке, посвященном С. М. Кирову. Дзахо (Константин) Гатуев на нескольких страницах сумел передать сложный, но честный путь Басията Шаханова в революции. Вспоминая свои встречи с ним, Д. Гатуев писал: «Мироныч часто вспоминал первый громокипящий съезд горцев, который потряс умы владикавказских обывателей и предрешил будущий союз горских масс, трудящихся с большевиками. Предрешил именно потому, что руководители съезда в дальнейшем в качестве членов горского буржуазно-демократического правительства препятствовали союзу с большевиками, т. е. мешали борьбе народов за землю. Горцы заговорили – было основным ощущением Мироныча от съезда.

Судя по рассказам Мироныча, он не пропустил ни одного заседания съезда. А в рассказах своих он восхищался председателем съезда Басиятом Шахановым, балкарцем, присяжным поверенным.

Я перелистываю сейчас съездовский отчет, просматриваю выступления Шаханова. Они просто передают ощущения от полувекового гнета, просто говорят о революционной роли русского пролетариата и просто рекомендуют горцам единение с революционными организациями трудящихся всей России.

I горский съезд был съездом кадиев и мулл, съездом князей и помещиков, мелких промышленников и торгашей. Выступления

Шаханова тонули в шуме голосов, в которых силен был турецкий акцент, сдобренный стихами из Корана...

А вот еще одна встреча на Пятигорском съезде народов Терека, в феврале 1918 г. с голубоглазым человеком в скромной кавказской шапочке и европейском пальто.

– Здравствуйте, Сергей Мироныч!

– Здравствуйте, Басьят! Как живы?

– Приехал вот со своими балкарцами. Меня просили сказать вам, что наша фракция отдает свои голоса социалистическому блоку.

– Очень хорошо, – обрадовался Мироныч.

– Кто это такой? – спросил я его, когда толпа оттеснила скромного, едва ли не застенчивого Басията.

– Шаханов... Замечательный человек.

Я вспомнил рассказы Мироныча о первом горском съезде и стал пробираться к Шаханову, что познакомиться с ним, узнать его поближе. Хотелось уяснить, что привело Шаханова, – организатора Горского союза, идеолога Горского союза – на съезд трудовых народов Терской области.

– Вы знаете, молодой человек, я оказался между молотом и наковальной. Неискренность, интриги. Скучно!

Мне понятны стали Миронычевы симпатии к Шаханову, честно шедшему в Союз горцев, честно отошедшему от него, когда тот сделался игрушкой для групп и классов, искони враждебных горцам» [50].

Эти факты, приведенные в очерке Д. Гатуева, многое проясняют в необычной судьбе Б. Шаханова и подтверждаются выявленным из архивов и революционной периодики фактическим материалом.

К февральской буржуазно-демократической революции Б. Шаханов был подготовлен всей своей предреволюционной деятельностью публициста и юриста и связывал с ней осуществление своих просветительских идей: улучшение экономического положения горцев, национальное самоопределение, разрешение земельного кризиса в Балкарии, просвещение народов и т. д.

Анализ некоторых документов позволяет сделать предположение, что Б. Шаханов в предреволюционные годы состоял в партии социалистов революционеров, хотя не найдено документа, непосредственно подтверждающего этот факт. Газета «Терский

вестник» в сентябре 1917 г. отмечала: «Убежденный социалист и революционер Б. А. Шаханов широким размахом строит свои организационные планы на бытовых началах населения, не отрываясь от основ жизни. Блестяще образованный юрист он стал в ряды народной бедноты и смело боролся за нужды угнетенных и обиженных, вызывая тем к себе враждебное отношение той части «интеллигенции», которая пристроившись к революции пошла в демократические организации, чтобы затруднить движения колесницы Свободы» [51].

Из приведенных, как и многих других документов, явствует, что Б. А. Шаханов был вовлечен в революционное движение Северного Кавказа еще до событий 1917 г. И после свержения самодержавия Б. А. Шаханов сразу же был включен в состав новой администрации Терской области – областной гражданский исполнительный комитет во главе с эсером К. Мамуловым. К. Мамулов, выступая на областном съезде делегатов исполнительных комитетов отмечал: «После революции перед нами встал вопрос, как организовать народную власть, ... мы решили в первую очередь убрать старый столп царского самодержавия в области Флейшера и в первую же ночь мы арестовали его и назначили на должность начальника области полковника Михайлова За ним, обезглавив царских приспешников, арестовали Степанова, устранили от должности Перекрестова и назначили уважаемого Б. А. Шаханова» [Там же].

После избрания в названный комитет, Б. Шаханов всю свою энергию, все знания и силы направил на укрепление демократических завоеваний революции. Хочется привести один характерный пример. Областной гражданский исполнительный комитет был образован по принципу городской думы и в сущности придерживался ее линии, но уже от имени Временного правительства. На первом же заседании комитета Б. Шаханов отстаивает права горских трудящихся. Считаю необходимым привести отрывок из стенографического отчета чрезвычайного собрания городской думы от 5 марта 1917 г, посвященного реорганизации власти: «Представитель кабардинцев, присяжный поверенный Б. Шаханов просит, чтобы в состав комитета вошли и представители от горцев области.

На этом же настаивают представители ингушей и кумыков.

Г. В. Баев находит, что загромождать комитет большим количеством членов не следует, что представителями от туземных племен могут быть избраны гласные из туземцев...

Б. Шаханов выступил с возражением Баеву. Он находит, что городской голова неправ, говоря, что туземцы-гласные будут представлять от всех туземцев. Гласные, – говорит он, – являются представителями известной группы цензовиков, а вообще туземное население, – это нечто другое. Спокойствие города в сильной степени зависит от спокойствия туземцев.

После перерыва открылось совещание комитета в составе представителей от ингушей, кабардинцев, Дагестана. Совета рабочих депутатов, думы, союза городов, военно-промышленного комитета, союза мелкого кредита, общества оптовых закупок.

В комитет вошли от ингушей Васангирей Джабагиев, от кабардинцев Басият Шаханов, от Дагестана Саид Габиев» [52].

Власть в Терской области в этот период находилась в руках эсеров и меньшевиков. Большевики из-за своей малочисленности не имели реальной власти и заняты были в основном внутривластной работой: спланировали вокруг себя рабочий класс, входили в демократические организации Владикавказ, вовлекали в свои организации прогрессивных деятелей... Об этой политической ситуации Д. З. Коренев писал: «Что представляли собой первые Советы рабочих и солдатских депутатов в Терской области?»

То была, как и всюду в стране, сравнительно недолгая «именная» пора соглашательских партий, главным образом, самой «модной» тогда партии социалистов-революционеров (эсеров). Большевистские партийные организации, особенно преследовавшийся царским правительством, вышли из подполья с небольшим числом членов. Чрезвычайная сложность политической обстановки в Терской области, многонациональный состав ее населения, малочисленность и распыленность рабочего класса – все это вынуждало большевиков создать объединенные с меньшевиками организации» [53].

После свержения самодержавия в Терской области, как и по всей России, начали создаваться новые властные структуры. Как сообщала газета «Терские ведомости», «12 марта в помещении съезда мировых судей состоялось собрание представителей адвокатов, прокуратуры и магистратуры для рассмотрения вопроса о преобразовании судебных учреждений Терской области». На этом собрании было принято решение «об организации общества ревнителей свободы» и принята резолюция о содержании работы вновь организованного общества – «общество имеет целью

разъяснять местному населению все мероприятия Временного правительства». Была избрана комиссия из 15 человек во главе И. А. Попова, членом комиссии был выбран и Б. Шаханов [54].

На первой горской конференции, состоявшейся 5 марта, «избран был Временный исполнительный комитет союза объединенных горцев под председательством Б. Шаханова». Весь март и апрель Б. Шаханов был занят идеей съезда представителей горцев. Он готовил совместно с Б. К. Далгатом и Р. Х. Каплановым проект общественно-политического устройства Терской области. Во главу угла своей деятельности в этом вопросе он ставил предполагаемый союз казаков и горцев – беднейших слоев населения и объединение всех демократических сил области. Ему, конечно, трудно было предусмотреть, чем может закончиться предполагаемый им политический альянс. Но эти два месяца были самыми деятельными в течение последних двух лет его жизни.

Решено было, что съезд представителей горских народностей откроется в конце апреля, но он открылся на настоянию Б. Шаханова и его единомышленников 1 мая.

Накануне съезда, 29 апреля 1917 г. было устроено совещание представителей от исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, имеющих в области. На этом совещании выяснилось, что «многие делегаты из туземцев вследствие позднего получения повесток – явиться не успели, поэтому председатель ЦК горцев Шаханов заявляет, что вряд ли постановления съезда будут носить решающий характер». Вопрос этот вызвал сильные дебаты. К. Мамулов, председатель областного исполнительного комитета настаивал на законности съезда, указывая, «что все были оповещены повестками еще 16 апреля. Кроме того, были рассылаемы телеграммы о созыве. Далее оратор указывает, что на съезде имеются представители от горцев и просит считать съезд правомочным.

Баллотировкой выясняется, что собрание считает себя неправомочным выносить какие-либо решения. Мамулов заявляет от имени Президиума областного исполнительного комитета, что они слагают с себя полномочия и созывают немедленное экстренное заседание комитета, которому предложит этот вопрос...» [55].

На следующий день совещание возобновило свою работу. После бурного обсуждения создавшегося положения была

вынесена резолюция: «Для управления областью необходимо организовать областные съезды на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. Съезд создаст постоянный Исполнительный комитет. Впредь до создания Исполнительного комитета на вышеуказанных основаниях, власть остается за временно революционно созданным комитетом, пополненным представителями от окружных комитетов и советов рабочих и солдатских депутатов с мест. Местные комитеты автономны в пределах разрешения своих местных дел. Увеличить Президиум временного комитета вновь избранными представителями округов, образовать комиссию для созыва съезда, который должен быть не позже, чем через две недели...»

Б. К. Далгат от имени ЦК объединенных горцев заявляет, что комитет обсудил создавшееся положение и решил предложить Временному областному исполнительному комитету сохранить полномочия и немедленно приступить к созыву нового съезда на более правильных началах» [56].

Несмотря на активные попытки Б. Шаханова и его единомышленников, сделать съезд горских народов более представительным, дождавшись делегаций от всех народов Северного Кавказа, им это не удалось и съезд начал свою работу 1 мая.

В работе Первого горского съезда (Владикавказ, май 1917 г.) Шаханов принял самое деятельное участие. Будучи его председателем, он следил за тем, чтобы выступающие не отходили от главных тем съезда, держались политкорректно, не выпячивая несущественные вопросы. В своих выступлениях он неоднократно подчеркивал неизбежность дружбы и братства народов Северного Кавказа, необходимость единения борцов за свободу: «В единении сила. В единении нашем, внутреннем нашем единении с теми, кто освободит нас от гнета царизма – пролетариатом, революционной армией и русской организованной общественностью» [57].

Как председатель съезда, Басият Шаханов пресекал по мере возможности провокационные и панисламские речи. В газете «Терек» от 6 мая 1917 г. приводится характерный диалог между Б. Шахановым и представителем осетин-рабочих из Баку, имевших место на съезде:

Представитель осетин из Баку: «...но и среди этого общего шума не забывайте, что вы не русские. Позором и обманом они, слуги старого режима захватили ваши земли.

Председатель Шаханов: – Виноват, я прошу Вас держаться ближе к приветствию.

Представитель рабочих-осетин: – Я прошу собрание решить продолжить мою мысль именно в том направлении, в каком я говорю. (Голоса: «Просим»). Они захватили ваши земли, они надругались над нашими предками, над нашими делами...

Председатель Шаханов: – Вы говорите о русских царях, конечно.

Председатель осетин: – Да, да, именно о них говорю...» [58].

Как видно из архивных документов и газетных публикаций, в апреле-начале мая 1917 г. – в организационный период деятельности Союза объединенных горцев Терской области, Басият Шаханов был едва ли не самым активным членом его руководства. Но постепенно он разочаровался в программе «Союза горцев» и его деятельность идет на спад, имя Б. Шаханова все меньше встречается и в периодике, и в документах 1917 г. 22 мая, когда был проведен областной съезд делегатов исполнительных комитетов, он уже не был выбран ни в президиум съезда, ни в какие другие органы. И когда Союз горцев имел вполне определенное лицо и сформирован был его Центральный комитет, Шаханов не вошел ни в ЦК, ни в редакционную коллегию печатного органа Союза горцев – «Горскую жизнь» (несмотря на то, что до этого он был в числе активных сотрудников газеты). Покинув Союз горцев, Б. Шаханов продолжил работу помощника комиссара от Временного правительства.

Политическую активность Басията Шаханова в период мирного развития революции после февраля 1917 г. можно объяснить фактами его творчества. Ведь все, к чему он призывал так страстно в своей публицистике, вроде бы было завоевано. Временное правительство на первых порах не скупилось на обещания: тут и лозунги национальной свободы, и проекты справедливого распределения материальных благ, и наделения землей всех крестьян, широкое распространение среди них просвещения и т. д., и т. п.

Поэтому вполне закономерно, что в Союзе оказалась и часть передовой интеллигенции Северного Кавказа: дагестанцы А. Дахадаев, С. Габиев, А. Тахо-Годи, Дж. Коркмасов, Б. Дал-

гат, осетины Ц. Гадиев, Н. Гатуев, А. Кануков, Г. Кесаев, М. Кундухов, С. Дударов, кабардинец П. Тамбиев, И. Жаков и др. Впоследствии они, «будучи с самого начала не согласны с путем, избранным буржуазно-националистической верхушкой горцев Северного Кавказа отошли от комитета и стали на платформу Советский власти» [59].

Новый подъем политической активности Б. Шаханова приходится на июль 1917 г., после трагических событий 6–7 июля во Владикавказе. Он не мог оставаться в стороне, когда два братских соседних народа – ингуши и осетины – пошли войной друг на друга, спровоцированные казачьей верхушкой.

Взаимоотношение между горцами и русскими всегда было в центре внимания Б. Шаханова. Еще до июльских событий он не упускал случая, чтобы подчеркнуть, что трудящиеся должны объединиться для противостояния реакционным силам. В его многочисленных выступлениях красной строкой прочерчены идеи интернационализма. Об этом он говорил 5 мая на объединенном заседании казаков и горцев Терской области. Та же тревога звучит и в его речи на заседании областного исполнительного комитета 8 мая: «Затем в зал явился в полном составе президиум первого горского съезда, – пишет газета «Терский вестник». – Председатель съезда Б. А. Шаханов делает следующее заявление: «Работа нашего съезда проходит в сложной обстановке, вызванной следующими обстоятельствами. На ст. Котляревской солдатами остановлен вагон, в котором были теплые вещи кабардинцев. Вагон сопровождал солдат-кабардинец. Солдаты грозили даже арестовать кабардинца, думая почему-то, что в вагоне везут оружие. Солдаты обыскали вагон, там оказались только теплые вещи. При этом не помогло даже вмешательство комиссара.

В Дарг-кохе произошло более печальное событие, в результате которого был убит осетин.

На Аргуне произошла перестрелка.

В Беслане избито несколько осетин и ингушей.

Вы все местные жители и знаете нас. Наша психология едва ли отличается от вашей. Если у вас начинают отнимать оружие – кинжал – принадлежность вашего костюма, то вы едва ли останетесь спокойными. Между тем на всех станциях происходит обезоружение туземцев. Одно из двух: или нас всех принимают за грабителей или в нас видят угрозу свободам.

Хотелось бы знать, что может сделать в данном случае исполнительный комитет». (Газ. «Терский вестник» от 11 мая 1917 г.)

После событий 6-7 июля, когда во Владикавказе была устроена резня ингушей, почти без исключения прогрессивные силы Терской области выступили с осуждением братоубийства. Басият Шаханов, Башир Далгат, Махач Дахадаев, Алибек Тахо-Годи и др. в письме своем в редакцию газеты «Каспий» призвали народы к дружбе и братству» не поддаваться на провокации и отбросить межнациональные распри» [60].

Отношение Б. Шаханова к погрому ингушей четко изложено в рапорте Члена чрезвычайной следственной комиссии Е. А. Андриевского: «Поставив себе задачей в пределах возможного уяснить обстановку, причины и меры к предупреждению подобною погрома, я обратился прежде всего к содействию местных общественных деятелей и организаций. Из беседы с помощником комиссара области Шахановым (адвокат, кабардинец) я выяснил, что общественно-организующие элементы горского населения – ингушей и чеченцев первойшей заботой полагает со временем государственного переворота борьбу с разбоями, ни щадя ни труда, ни материальных средств, но в этой работе они остаются без всякой помощи со стороны представителей местной власти в лице комиссара области (полковник Михайлов) и войскового атамана (Караулов).

Продолжая свое обследование, я вместе с дежурным генералом-полковником Моисеевым посетил заседание ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. При двукратном посещении Комитета с этой целью я от его членов и комитета в целом получил исчерпывающие указания на совокупные действия таких факторов в событиях 8–7 июля, каковы: провокация и травля туземцев солдатами, исходящие от контрреволюционных элементов города и области, абсентеизм власти, бездействие и безразличие той власти, которая считает себя признанной представлять и специфически казачьи и общегосударственные интересы в области» [61].

Через две недели после июльских событий во Владикавказе, Б. А. Шаханов участвовал в работе съезда депутатов от балкарских крестьянских советов и там еще раз дает оценку тревожным дням лета 1917 г. в Терской области. В «Отчете о горском съезде...» указывается: «Так как горские доверенные,

бывшие в Нальчике на Кабардино-Горском сборе 11 июля, заявили члену Центрального Комитета Союза объединенных горцев Б. А. Шаханову о желании и обсудить в ближайшем времени аграрный вопрос и произвести баллотировку всех избранных горским народом должностных лиц для выяснения, пользуются ли они доверием народа, то Б. А. Шахановым, как членом Центрального Горского Комитета, был назначен на 20 июля съезд представителей горского (балкарского) народа по расчету – 1 представитель от каждого 50 дворов» [60]. Таким образом, 20 июля 1917 г. в Нальчике проходил съезд балкарцев и кабардинцев, обсуждавший современный момент, национальный вопрос, аграрный вопрос и вопрос об организации совета крестьянских депутатов и земельных комитетов, и сбор доверенных, руководимый Б. А. Шахановым, на котором были приняты решения по школьному делу, произведена баллотировка должностных лиц. На съезде участвовали представители от всех балкарских селений и 4 кабардинских, а также отдельные лица из числа кабардинцев, балкарцев и русских. Председательствовал член исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов Ратнер. Ярко выступил с приветственным словом представителя Нальчикского гарнизона. *Морозов:* Товарищи, мы ваши друзья, у нас в вами один враг: старое правительство. Свобода еще не укрепилась в России... Есть много темных сил. Они ждут старых порядков... Им нужен Николай Романов. Не верьте предателям! Солдат-борец за свободу. Горцы, кабардинцы! С доверием братскую руку примите!» [Там же].

Б. Шаханов свое выступление посвятил вопросам государственного переустройства в области, взаимоотношению различных социальных групп и политических сил: «Граждане! Мы переживаем великие минуты. Каждый из нас должен сознать ту ответственность, которую мы несем перед Россией, перед демократией всего мира! Граждане! Мы не можем закрывать глаза на ту разруху, которая охватила сейчас Россию. Мы все должны объединиться для борьбы с нею. Мы, представители горского народа, стоим перед вдвойне трудной задачей. Мы представители туземного населения. Мы в течение десятков лет были оторваны от русской демократии. Сейчас буря русской революции смела стену, отделявшую горцев от русской демократии, но полного объединения нет...

Я укажу вам на трагические события во Владикавказе. Мы не забыли их также, как не забыла русская демократия. Тяжелым гнетом она лежит на душе. Еще много темных сил, сильны провокаторы, сильна невежественная масса в своем диком разгуле...

Товарищи! Единение туземцев с русской демократией создаст сильную власть в округе. Мы не можем по существу быть ничем иным, как революционерами. Нас слишком долго угнетали и теперь мы не можем быть половинчатыми. Мы будем рука об руку с русской демократией бороться против остатков самодержавия. Старое не вернется, всякие контрреволюционные попытки будут нами беспощадно подавляться. Свободные самоопределившиеся национальности должны объединяться в советы солдатских и рабочих депутатов для борьбы с надвигающейся реакцией.

Революция в опасности. Лишь организованная демократия в состоянии удержать натиск реакции. Призываю вас, горский народ, немедленно приступить к организации совета крестьянских депутатов для совместной работы с Советом солдатских и рабочих депутатов.

Наши судьбы слиты...» [61].

Как видно из этого документа, Б. Шаханов призывает балкарских депутатов к организации советов крестьянских депутатов и в связи с этим закономерен вопрос, не участвовал ли в организации этих советов Б. Шаханов вместе с М. Энеевым и С.-Х. Калабековым? Тем более что в воспоминаниях М. Энеева «Кабарда и Балкария» есть строки, касающиеся крестьянских советов Балкарии: «Кажется во всей России это были первые по времени революционные крестьянские советы [62]. Во всяком случае, до июльского съезда эти советы не были организованы. В начале июля 1917 г. во Владикавказе был образован Терский областной совет крестьянских депутатов во главе с Пашковским и Сахаровым. Б. Шаханов, вероятно, предполагал включить балкарские крестьянские советы в эту организацию. Также следует подчеркнуть, что первым пунктом в Резолюции съезда балкарских крестьян было записано: «Вся земля должна быть передана через Учредительное собрание в общенародное достояние для трудового пользования безо всякого выкупа» [63]. Последние три слова в документе были особо выделены.

Хотя эта деятельность Басията Шаханова интерпретирована несколько иначе в работах Гугова Р. Х. и Улигова У. А. [64]. Так, вменяется в вину Б. Шаханову, что он в решении аграрного вопроса на съезде балкарских крестьян апеллировал к Учредительному собранию. После победы революции в феврале 1917 г. идея о созыве Учредительного собрания была популярна среди народа России, поэтому большевики участвовали в выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. Партия РСДРП(б) составила свой список кандидатов (список № 7) в Учредительное собрание и, как известно, имела большой успех у избирателей Северного Кавказа. Но в связи с тем, что Учредительное собрание в январе 1918 г. не поддержало Декларацию прав трудящихся, и эксплуатируемого народа, оно было распущено большевиками.

В конце августа 1917 г. Б. Шаханов был назначен комиссаром Временного правительства по Дагестану. Можно предложить, что на столь высокий пост Басият Шаханов был назначен с учетом масштаба его личности на всем Северном Кавказе.

И не последнюю роль в этом назначении, возможно, сыграло то обстоятельство, что он был тесно связан с руководителями «Дагестанской социалистической группы» во главе с Махачем Дахадаевым. Эта группа сыграла известную роль в развитии революционного движения в Дагестане. Этой группой руководили известные впоследствии партийные и советские работники М. Хизроев, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи, А. Зульфикаров, С. Габиев и др. [65].

Газета «Терский вестник» 31 августа 1917 г. сообщала, что население Дагестанской области избрало себе комиссаром Басията Шаханова. Об этом же пишет через несколько дней в этой же газете К. Мамулов. Остались воспоминания и непосредственного свидетеля тех событий супруги Алибека Тахо-Годи, «Воспоминания» Нины Петровны Тахо-Годи (Семеновы), в которых дана краткая хронология событий, в результате которых Басият Шаханов оказался на должности комиссара Дагестана: «В начале 1917 г. в Дагестан в качестве областного комиссара Временного правительства был прислан азербайджанец Ибрагим Гайдаров, он до этого был членом Государственной Думы. У него начались большие трения с социалистической группой, он мешал

работе и было решено его убрать. Выступить с разгромной речью на очередном заседании, которые были открыты для публики, было поручено А. А. (Алибек Тахо-Годи. – Т. Б.), что он исполнил с таким успехом, что Гайдаров увидел полную невозможность оставаться дальше в Дагестане и в ту же ночь выехал в Баку.

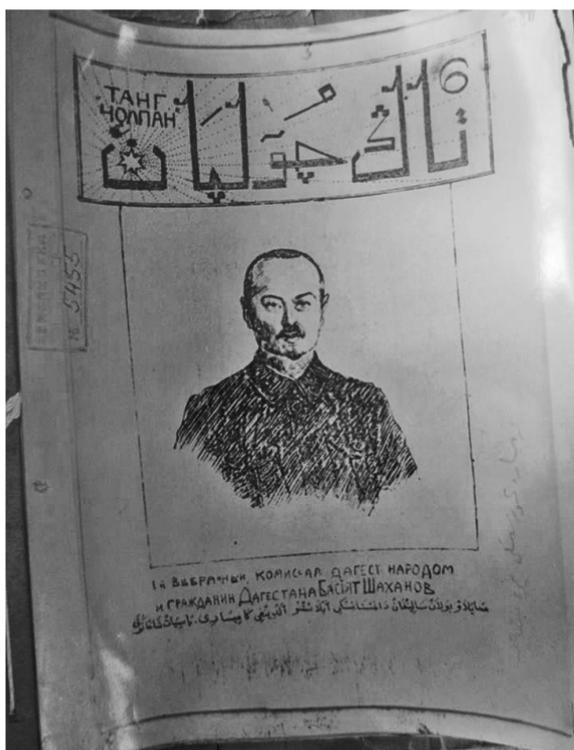
На его место был избран Басият Шаханов бывший до этого присяжным поверенным во Владикавказе. Он был лично известен ряду товарищей. Шаханов проработал до начала 1918 г., когда из Дагестана он уехал по собственному желанию... Накануне отъезда Шаханова, Коркмасов, Дахадаев, Хизроев, Шаханов, Даидбеков, а также жена Шаханова, жена Махача и я снялись на память у фотографа Абуладзе, фотография эта сохранилась у меня.

Помню наш разговор и настроение в тот момент... Атмосфера была такая накаленная, что никто не знал, будут ли они живы завтра, поэтому наше собрание у фотографа имело целью перед возможными трудными и неожиданными событиями запечатлеть нашу дружную товарищескую группу» [66].

В должности областного комиссара Дагестана Басият Шаханов проработал до конца 1917 г. Сохранилось заявление Басията Шаханова об отставке и ее причинах: «Моя деятельность от второго до третьего съезда – небольшая. Я работал больше по ликвидации «анархии» как внутри Дагестана, так и по железной дороге. Но мало кто меня слушал. Поэтому я с первого января просил меня освободить от работы в областном комиссариате. Кроме того, дела, которые происходят перед вашими глазами, окончательно подорвали мой авторитет. Я прошу меня освободить» [67]. Компрометирующими «делами» Шаханов называет деятельность Терско-Дагестанского правительства вместо распавшегося Союза объединенных горцев Терской области. Терско-Дагестанское правительство с 1 декабря 1917 г. принялось за разгром демократических сил, в первую очередь, во Владикавказе. Так 30 декабря по указке этого правительства был разгромлен Владикавказский совет рабочих и солдатских депутатов и Владикавказский комитет партии большевиков. Общение и дружеские отношения с деятелями «Дагестанской социалистической группы» также повлияли на то, что Басият Шаханов оказался на IX съезде народов Терека, провозгласившем Советскую власть в области. В работе съезда Б. Шаханов принял самое деятельное участие. Он был избран

Слева направо, стоят: Алибек Тахо-Годи, Басият Шаханов;
в центре Джелал Коркмасов, Адиль-Гирей Даидбеков Махач (Магомед-Али)
Дахадаев. Сидят: Нафисат Шамиль (Дахадаева), Д. Шаханова, Нина Семенова
(Тахо-Годи), Д. Балкарокова. На переднем плане сидит М. Хизроев

Портрет Б. Шаханова работы Лансаре.
Журнал на кумыкском языке «Танг Чолпан». 1918 г.

в четыре его рабочие секции: по национальному вопросу, по народному образованию, судебной-правовой, по организации власти. В первые две секции выбрала его балкарская делегация, в последние – социалистический блок [68].

После II съезда народов Терека в Кабарде и Балкарии была провозглашена Советская власть, но до ее окончательного установления было еще далеко. Даже Нальчикский окружной совет все еще не имел своего подлинного политического лица. После съезда Шаханов переезжает в Нальчик и подает заявление в Нальчикский окружной совет с просьбой зачислить в коллегия правозащиты [69]. Но совет ему отказывает под предлогом, что он «не пользуется доверием трудового народа». Характерная деталь: через день на ту же вакансию был принят

Заурбек Даутоков-Серебряков, ставший впоследствии палачом кабардинских и балкарских бедняков, примкнувших к движению большевиков. При том же составе Совета [70]. И все же Шаханова приняли в коллегии правозаступников в августе этого же года. В ноябре (после захвата Нальчика контрреволюционными отрядами Даутокова-Серебрякова) Басият Шаханов был назначен Нальчикским окружным советом председателем кассационного суда и ответственным заведующим по народному образованию. При этом необходимо отметить, что состав Совета был неоднороден – в него входили как будущие активные участники социалистического строительства (например, Паго Тамбиев возглавлял отдел финансов, Адам Дымов был избран судебным следователем шариатского суда), так и враги Советской власти.

В архиве КБНИИ зафиксирован полевой материал, касающийся последнего года жизни Б. Шаханова: «Во время революции, – рассказывает Х. С. Шабатуков, – Шаханов приехал в Верхнюю Балкарию и просил принять его в члены общества, но вскоре умер ...» [71]. Эта информация на сегодняшний день частично подтверждена и документально. Так, при подписке на книгу В. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе» в 1917 г. местом своего жительства Б. Шаханов указывает В. Балкарию [72].

У Басията Шаханова не сложились отношения с новыми властями. Об этом рассказали его родственники, утверждавшие, что он был заключен серебряковцами под стражу и выкуплен тестем Дадашом Балкароковым и уехал вместе с его семьей в Кисловодск. В начале 1919 г. он оказывается в Екатеринодаре, который находился во власти войск Деникина и начинает работать в Кубанской Раде. «Присяжный поверенный Басият Абаевич Шаханов назначается, согласно прошения Управляющим канцелярией Кубанской Законодательной Рады с 15 декабря 1918 г. Основание: постановление Президиума Кубанской Законодательной рады» – говорится в Приказе, подписанном Председателем Рады Л. Л. Бич [73]. В это же время он сотрудничает в названной газете. Кубанская Рада (1917–1920) – парламент Кубани в период революций и гражданской войны, созданный по инициативе казачества, поддерживая вначале Временное правительство, после его свержения заключила договор с Добровольческой армией Деникина о самостоятельной Кубани в составе России. Кубанская Рада контролировала

территорию Кубанского казачества, куда в свое время входили адыгейцы и карачаевцы. Соответственно в Раде и правительстве Кубани существовало горская фракция депутатов.

О последних месяцах жизни Б. Шаханова и масштабе его личности развернуто написано в некрологе, напечатанном газетой «Вольная Кубань» *. по воспоминаниям сына Басията – Тимура, некролог был написан Исламом Хубиевым.

* Памяти присяжного поверенного Басията Шаханова. В последних числах февраля в гор. Екатеринодаре скончался от тифа крупный общественно-политический деятель, популярный среди горцев Терек, Кубани и Дагестана, присяжный поверенный, подполковник артиллерии в отставке Басьят Абаевич Шаханов. В лице его как человека, ставившего интересы общественные, народные выше личных, горцы понесли невозвратимую утрату.

Юрист по образованию, Шаханов, не удовлетворяясь работой в среде узкой, военной службы, военного порядка, уходит в отставку и военную карьеру меняет на труд присяжного поверенного Тифлисской судебной палаты. Новый мир, новая деятельность на поприще свободного труда открывают перед ним широкий простор к общественной работе. Среди своих коллег за короткое время своей работы Шаханов выделяется, и кабардинский народ приглашает его в качестве юрисконсульта, он становится ближе к нему, изучает душу его и болеет его нуждой. Много несправедливых требований соседних народов и чиновников старого порядка встретили законный отпор с его стороны. Народ знал это и полюбил его. Молодая горская интеллигенция стала постепенно группироваться вокруг его имени, видя в нем носителя новых и искреннего бескорыстного работника.

К моменту Великой русской революции горская интеллигенция оказалась настолько организованной, что по инициативе славного борца за правду и справедливость немедленно образовала Временный исполнительный общегорский Комитет и избрала председателем его, Басията Шаханова. В разгаре политической борьбы, в атмосфере взаимного недоверия, когда на горцев слева смотрела как на контрреволюционеров, а справа как на опасных дикарей, Шаханову удается отпарировать все удары и создать Съезд горцев Северного Кавказа и Дагестана.

1 мая 1917 г. Огромная зала Владикавказского театра переполнена. В партере сидят смуглые депутаты, съехавшиеся со всех концов Кавказа. В ложе влево от Президиума незабвенный, неутомимый борец, труженик, жертва невежественности и необузданности покойный М. А. Караулов, вправо представители Грузии. Звонко. Тишина в зале. «Объявляю, Первый съезд горцев Северного Кавказа и Дагестана открытым», – раздается голос Шаханова. Все взоры устремлены на него. Чувствовалось, что настало с этого момента великое начало единения горцев и чувствовалось, что съехались не случайные искатели приключений, а люди дела и заботы о жизни народа. После краткой приветственной речи Шаханова избирают единогласно председателем Съезда.

Опытный и пользующийся авторитетом среди народа и интеллигенции, борец горской свободы. Б. Шаханов дает правильное и серьезное направление работы съезда. Горячий сторонник единения, любви в ближайшему, он проводит во всех работах Съезда начала сближения и содружества со всеми соседними народами и партийными группами. Девятидневное заседание проходит без

всяких эксцессов, хотя и были попытки со стороны недовольных групп сорвать съезд. Под его председательством съезд принимает резолюцию о необходимости будущего устройства Российского государства на принципах федеративной республики. Мало бумаг было исписано, но много сделано на этом съезде и вновь образованное Горское Правительство – результат этого съезда.

Но события на фоне общероссийской жизни шли своим чередом. Временное Правительство в стремлении закрепить завоевания революции стремится обновить состав общественно-административных деятелей на местах. Горцы выдвигают на пост комиссара Временного Правительства Б.А. Шаханова. Вся последующая деятельность его до захвата в центре власти большевиками происходит на глазах горцев Дагестана и Терека. Многоупреков справа и слева фанатически настроенных групп испытал покойный на этом посту, и лишь его твердая воля, убежденность в правоте исповедуемых принципов и любовь народа делали его неуязвимым для противников. Когда центральная власть оставила Петроград, тогда ушел со своего поста и покойный.

В период вакханалии Советской власти на Северном Кавказе, когда не красноармеец выписывался в расход, после целого ряда попыток удержать народ от соблазна большевиков, подвергла себя опасности быть расстрелянным в глухих ущельях Кавказа, Шаханов бежит из родных гор на Кубань. Он знал, что его имя известно кубанцам и что здесь он может быть полезным. Знакомство с местными деятелями, характер и ум привлекают к нему внимание горцев и местных общественных деятелей. В момент составления кабинета горцы уже ознакомившиеся с его работой в горской фракции, предлагают ему занять пост Управляющего ведомством юстиции, но скромный труженик предпочитает должность Правителя Канцелярии Законодательной Рады.

По очистке Кабарды покойный едет домой за семьей, несмотря на уговоры своих друзей и на опасность заражения в пути тифом, и привозит семью в Екатеринбург. Работа по Раде привлекает его, и он доволен тем, что может принести непосредственную пользу новому делу, не раз покойный в беседах заявлял: «Я очень рад, что работаю в канцелярии Рады, ведь в этом учреждении куется начало будущего стройного здания свободы и равенства великого народа». Можно было бы много светлых страниц написать о честном, истинно народном работнике – демократе по складу ума и души. Настоящая газетная статья посвящается его памяти, и было бы преступно с нашей стороны, если бы в краткой статье оборвалась в тот период истории борьбы народа за существование, когда в таких светлых, честных работников наиболее нуждаются горцы, бедные интеллигентными силами. Ты погиб, преждевременно сраженный ужасным бичом человечества, уходя в потусторонний мир... Но твои дела остались. Ты показал не только словом, но и делом, как нужно работать народу и относиться к политической борьбе, к единомышленникам и врагам. Мы, соплеменники, будем вечно помнить о тебе, передавая из поколения в поколение твои заветы: свобода, равенство и прочь угнетение.

Горская фракция Кубанской Законодательной Рады.

Р. С. Посвящая настоящую статью памяти Басьята Шаханова, вместе с тем горская фракция Законодательной Рады приносит глубокую благодарность всем лицам, возглавляющим Кубанское казачество за Великое содействие и помощь, оказанную горцам по доставке любимого нами Б. Шаханова на родину. Спасибо Вам. Горская фракция.

На смерть Басията Абаевича Шаханова отозвался также известный общественный деятель Северного Кавказа, председатель правительства Союза Горцев Пшемахо Коцев, опубликовав некролог в «Вестнике Горской республики». П. Коцев в этой, небольшой по объему, публикации описал судьбу Басията Шаханова в период революционных потрясений и гражданской войны, характеризуя своего соратника как выдающуюся личность во всех отношениях. Здесь же говорится о трагедии этой незаурядной личности, вынужденного покинуть свою Родину в самый тяжелый период гражданской войны. «Тяжелую утрату понесла и без того малочисленная горская интеллигенция, горская демократия. Современный бич – сыпной тиф вырвал из ее среды одного из неутомимых тружеников: в Екатеринодаре в конце марта скончался Басьят Шаханов.

В переживаемые дни, когда молодому политическому Союзу Горцев угрожает смертельная опасность, когда каждый стойкий борец на учете, утрата Шаханова особенно чувствительна.

В первые дни после переворота в марте 1917 г. Б. Шаханов во главе небольшой группы горцев организовал временный Центральный комитет Союза горцев Кавказа и был его первым председателем.

Его трудами был в мае создан первый общегорский съезд в г. Владикавказе, где впервые съехались в пеструю группу представители всех горских народов Кавказа от Каспийского до Черного моря, от Лезгинстана до Абхазии.

Б. Шаханов заслуженно был на этом съезде избран его председателем, а затем и товарищем председателя уже не временного, а постоянного Центрального комитета Союза горцев.

«Этот маленький человек с большим сердцем», как он был охарактеризован на Съезде, по праву назывался первым «Горцистом».

Истинный демократ (не принадлежа официально, Б. Шаханов исповедовал программу партии социал-революционеров), неутомимой энергии, в совершенстве образованный, всегда чуткий, бесконечно приветливый, он сразу завоевал симпатии общественных кругов.

В августе 1917 г. Дагестанский областной Совет избрал Б. Шаханова заочно областным комиссаром.

Всегда восторженный, с огромным желанием потрудиться на пользу и счастье первого члена Союза горцев Кавказа – Дагестана, он приехал в Темир-хан-Шуру. Вскоре в Дагестане он был оценен по заслугам и Областной Совет избрал его гражданином Дагестана.

В январе 1918 г. события в Дагестане вылились в борьбу личностей; не будучи по своим убеждениям в состоянии примкнуть ни к одной из борющихся групп, Б. Шаханов вынужден был оставить пост Областного комиссара и выехал на родину. И там его судьба не ласкала: в течение долгих месяцев он был предметом нападок как правых кабардинских кругов, так и большевистских элементов. Ноябрьские события в Терской области вынудили Шаханова оставить родину и переехать на Кубань, где он нашел безвременную смерть.

Вынужденно оторванный событиями от активной деятельности за свободу горских народов, он мысленно был с теми, кто по мере сил и разумения отстаивали права горцев.

В последнем, датированном февралем с. г., предсмертном письме Б. Шаханов говорит: «Какая ирония судьбы: в эти дни я не с вами, я не там, где куется счастье горцев, а как раз там, откуда горцы могут ждать всяких неожиданностей. «Торопитесь, каждый час, каждый день дорого, или теперь, или никогда! Судьбе угодно было видеть его счастливым участником закладки первого камня постройки Союза Горцев и сделать пассивным свидетелем страданий горцев под напором реакции, но он не дождал до счастливых дней, когда, будем верить, Союз Горцев выйдет из опасности победителем, из огня – закаленным.

Спи, дорогой соратник, память о тебе всегда будет жить в сердцах твоих сорудников, благодарное потомство оценит твою работу» [73].

Жизнь его закончилась трагически – он умер в начале 1919 г. во время эпидемии тифа. Это была трагедия не только глубоко личная, эта случайная и нелепая смерть унесла из жизни незаурядного человека, талантливого и умного, человека большой души и сердца. Жизнь Б. Шаханова оборвалась именно в тот момент, когда он мог реально повлиять на политические события в крае.

ТВОРЧЕСТВО

Творчество Б. Шаханова, отмеченное талантом и мастерством, особым взглядом на решение общественно значимых проблем, является значительным явлением в истории духовной культуры народов Северного Кавказа. Многие годы общественная деятельность Б. Шаханова, негативно оцененная с позиций классовой борьбы, заслонила собой творчество, и оно не нашло адекватного отражения в научной литературе и в течение семидесяти лет была известна только узкому кругу специалистов.

Одаренный от природы большим литературным талантом и, получив блестящее образование в лучших учебных заведениях России, Б. Шаханов проявил свои незаурядные способности как юрист, защищая интересы горцев и как публицист, в статьях и очерках которого отразились самые животрепещущие проблемы северокавказской действительности конца XIX – нач. XX в.

Значительное большинство найденных на сегодняшний день не псевдонимных работ Б. Шаханова написаны в довольно короткий отрезок времени – 1899–1901 гг., За неполных три года Б. Шахановым опубликовано три цикла художественных очерков – «Этюды из туземной жизни», «Терские письма», «Терские дела», четыре статьи, большое количество корреспонденций и заметок.

Основные статьи и очерки Б. Шаханов подписывал двойной фамилией «Шаханов-Джанхотов». Подписывать свои публикации точным именем и фамилией у Б. Шаханова не было возможности, т.к. военная инструкция еще со времен Бенкендорфа запрещала офицерам выступления в печати.

Первыми его публикациями следует считать несколько маленьких заметок, подписанных «Джанхот из слоб. Воздвиженская». Эти небольшие публикации Б. Шаханова были пробой пера начинающего публициста во владикавказской прессе. В своих небольших заметках «на злобу дня» он высмеивал пошлость и мещанскую мораль. К ним же можно отнести около тридцати полемических заметок в газете «Приазовский край», подписанные псевдонимами «Омский» и «П. д^ч Аржан». Возможно, Басият Шаханов подписывал свои заметки и другими псевдонимами, т.к. стиль и тематика некоторых статей, подписанных «Кавказец», «Б», «Б. Ш.» и др. очень близки его атрибутированным публикациям [74].

Басият Шаханов в пору своей творческой активности сотрудничал с кавказскими органами печати, издающимися во Владикавказе – «Казбек», «Терские ведомости», в Баку – «Каспий», Ростове-на-Дону – «Приазовский край», Тифлисе – «Кавказ».

Первая, не псевдонимная, статья Б. Шаханова – «По поводу одного удивительного проекта», написанная девятнадцатилетним юношей, напечатана в газете «Казбек» 8 января 1899 г. [75]. Поводом для выступления в печати для Б. Шаханова послужили статьи некоего Карцова в «С-Петербургских ведомостях» о причинах разбоев на Кавказе, где автор для искоренения абречества предлагал выселить горцев с Кавказа [76]. Б. Шаханов с негодованием отвергая «проект» Карцова, ищет истоки абречества в историческом прошлом народов Северного Кавказа. Эта небольшая статья, наполненная большой силой экспрессии, отличалась аргументированностью и четкостью авторской позицией. В первой же статье проявилась характерная черта публицистики Б. Шаханова – язвительная ирония. Характеристика, данная Б. Шахановым проектам Карцова полна сарказма: «До сих пор мы слышали немало всякого рода проектов борьбы с этим злом (абречеством. – *Т. Б.*): были тут и хорошие, и дурные, и постепенные, и энергичные, но из всех них проект г. Карцова является, без сомнения, самым... удивительным!»

Основное содержание художественно-публицистических очерков и статей Б. Шаханова – защита интересов горцев от произвола царских чиновников. Защита прав горцев стало главным содержанием его творчества. С особой наглядностью это видно в статьях, посвященных проблемам разбойничества и абречества на Кавказе. Начиная с первых публикаций слово «туземец», часто служившее Карцовым и К^о для полупрезрительного обозначения горцев Кавказа, под пером Б. Шаханова приобретает позитивное содержание. Главную свою работу этого периода Б. Шаханов так и назвал «Этюды из туземной жизни».

В статье «Еще переселение» Б. Шаханов продолжает полемику с теми, кто выдвигает в кавказской печати проекты для обуздания «головорезов» – горцев. Статья посвящена проектам заселения Кавказа русскими малоземельными крестьянами. Здесь публицист упрекает «прожектеров» в поверхностном подходе к условиям жизни горцев Кавказа, в частности

малоземельной бедноты, разоблачает лицемерие официальной пропаганды, утверждающей об излишках земель у кавказских горцев. Приводя цифровые данные официальной статистики, Б. Шаханов убедительно показывает, насколько беспросветна и тяжела жизнь беднейших горских масс. Сравнивая проект Карцова и новый проект заселения Кавказа малоземельными русскими крестьянами, Б. Шаханов низводит эти проекты до абсурда: «который из этих проектов лучше – дело вкуса. Помоему – так оба лучше».

Проблемы, порождаемые аграрной политикой царизма, были в центре внимания передовых общественных деятелей Северного Кавказа. Не было среди них публициста, который в той или иной мере не коснулся бы этих вопросов в своих выступлениях. Башир Далгат, Мисост Абаев, Талиб Кашежев, Саид Габиев, Георгий Цаголов, Коста Хетагуров, Ислам Хубиев, Чах Ахриев и другие написали яркие публицистические статьи, в которых отразили всю тяжесть экономического положения горцев, предлагали свои проекты поднятия их жизненного уровня. При этом они придавали исключительно большое значение просвещению горцев, приобщению их к передовой европейской культуре. Они видели путь к благосостоянию своих народов через просвещение. Северокавказские просветители старались привить своему народу, занятому крестьянским трудом, также передовую агрокультуру. Они писали о многовековой истории сложившегося хозяйственного уклада горцев и о разрушении его кавказской войной, о традиционных формах ведения хозяйства и необходимости их усовершенствования, о нехватке земли в Нагорной полосе и порождаемых этими обстоятельствами драматических событиях...

Об этом же писали и осетинские публицисты А. Ардасенов и А. Гассиев, которые «хорошо понимали, что переселение безземельных русских крестьян в Терскую и Дагестанскую области ущемляет интересы коренных малоземельных крестьян и вызывает между ними вражду, ссоры, доходящие до кровопролития» [77].

Царское правительство с переселением безземельных и малоземельных крестьян Центральной России на окраины страны преследовало одновременно две цели: разрядить революционную обстановку Центра и ослабить революционное движение на Кавказе, противопоставив интересы переселенцев и

коренных жителей. Об этом Б. Шаханов напомнил в своей речи на объединенном собрании казаков и горцев уже после свержения самодержавия: «Старое правительство, раздавив нашу и казачью свободу, в своем правлении пошло далее, оно оскорбило как горцев, так и казаков, натравливая казаков на горцев и горцев на казаков. Была пущена в ход система недоверия. Но теперь все рухнуло, все изменилось. Русская революция стерла все старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане. Мы сольемся воедино, если общие лозунги объединят нас, этот лозунг даст нам тот, кто освободил нас от оков и кто дал нам революцию – это пролетариат. Теперь прежнее деспотическое правительство рухнуло, будет правдивая власть [78].

К опытам беспристрастного анализа горской действительности могут быть отнесены и две небольшие статьи – «Памяти В. Н. Грамматикова» и «Два слова к туземной интеллигенции». В первой – автор, отдавая дань памяти Нальчикскому окружному врачу, показывает его образцом самоотверженности и преданности своему делу. Вторая статья содержит призыв к малочисленной горской интеллигенции заняться собиранием фольклора – незаменимого свидетеля истории, заостряет внимание исследователей на необходимости фиксации образцов героического эпоса народов Северного Кавказа. Статьи Б. Шаханова, по признанию самого публициста, были вызваны «искренним желанием помочь в борьбе с мраком и невежеством аульной жизни». Если в первых своих статьях публицист протестует против огульного неприятия горской действительности, то в последующем анализируются причины возникновения этого явления и объективность появления абречества на Кавказе.

Возникновение абречества Б. Шаханов объясняет сложившейся исторической ситуацией: «Когда-то очень давно наш туземец, доведенный до отчаяния неравной и непосильной для него борьбой с непрошеными пришельцами, отодвинувшими его в глубь бесплодных суровых гор, пустил в ход против своего врага единственное, оставшееся в его руках оружие – партизанские набеги. Это называли разбоем... А сейчас возьмите статистику разбоев внутри России и сравните со статистикой тех же разбоев на Кавказе и от вашего предубеждения, что Кавказ – гнездо разбоев, не останется и следа».

Творчество Б. Шаханова было глубоко интернациональным. Он был интернационалистом по складу души. Рассказывая о нуждах родного народа, он не упускает случая напомнить, что такие же общественные неурядицы переживают и адыги, и осетины, и чеченцы, и народы Дагестана и Кубани.

«Этюды из туземной жизни» – самое значительное в творчестве Б. Шаханова как по актуальности выдвигаемых проблем, так и по художественному уровню. В них сконцентрированы боль и отчаяние, надежды и мечты автора. В этой серии небольших очерков Б. Шаханов смело выступил против колониальной политики царизма на Кавказе, за улучшение условий жизни горцев, за их просвещение и культуру.

Идеи дружбы и братства легли в основу «Этюд из туземной жизни». Эта большая работа освещала различные стороны жизни горских народов. Наряду с социальными проблемами в них автор ставит вопросы, касающиеся духовной жизни горцев, их культурного наследия. В одном из «этюд» Б. Шаханов рассматривает «Алгузиани» как поэму, «значение и ценность которой не только для осетин, но и для туземцев всего Северного Кавказа вообще не подлежит сомнению». Здесь же он протестует против уничтожения Нузальского памятника, выступает за возвращение национальной реликвии осетинского народа. Профессор Б. А. Альборов, хорошо знавший Б. Шаханова и его творчество, писал в своих воспоминаниях: «...ему близки были интересы всех горских народов, без различия национальностей. В своих статьях он призывал к собиранию памятников устного народнопоэтического творчества горцев, их бережному хранению и изучению. Он с негодованием писал о похищении священником Русишвили из Нузальского склепа-молельни драгоценной исторической поэмы «Алгузиани» и соскоблении надписи о 9 братьях осетинского царя Ос-Багатара грузинским священником Самаргановым».

В «Этюдах из туземной жизни» Б. Шаханов также писал о недопустимости искажения канонического текста при переиздании работы Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», о школьном вопросе в Гизели и т. д. В «Этюдах» публицист прямо обращается к северокавказской интеллигенции: «Нас мало, мы сильно разрознены, некоторых судьба закинула за многие тысячи верст от родины. Видеться, поговорить мы не имеем возможности, а поговорить есть о чем. Пробел этот может

заполнить одна лишь печать. Что может сделать каждый из нас в отдельности? Силы наши так малы, а, задача так велика! И между тем, сколько хорошего, доброго, полезного могли бы мы сделать, если бы не жили так врозь, не рвали между собой связи, да и не забывали, что только мы одни и можем вывести нашего детски беспомощного туземца из того мрака и невежества, которым он сейчас окружен».

Просвещению, работе интеллигенции среди народа он придавал исключительное значение, полагая, что просвещением можно искоренить социальное неравенство.

«Этюды» имеют своей главной целью, – признавался Б. Шаханов, – убедить туземную интеллигенцию в том, что ее сотрудничество в этом деле (просвещения горцев. – Т. Б.) более чем необходимо и является той посильной пользой, которую она может принести родному народу и к которой обязывается уже исключительным положением, занимаемым ею среди туземной массы».

Данный цикл статей Б. Шаханова построен в форме полемики и обращен непосредственно к читателю. Poleмический очерк как жанр предоставлял автору возможность делать определенные обобщения и сопоставления. почти Каждый «этиюд» композиционно состоит из двух частей: 1) краткий экономический анализ или политический очерк; 2) иллюстрация первой части зарисовкой с натуры, несущей в себе определенную художественно-эстетическую концепцию. Художественное мастерство Б. Шаханова проявилось более всего в показе социального неравенства, в умении нарисовать бытовую картину, которая не оставляет равнодушным читателя. Эти зарисовки с быта не просто описание жизни горцев, а художественное обобщение. От очерка к очерку растет сила социального анализа, к концу очерков читатель укрепляется в мысли о безысходности положения бедняков и о необходимости преобразования их жизни. Так, в 3-м «этюде» автор рисует картину взаимоотношений чиновников и горцев, где первый может безнаказанно и цинично беспредельничать, провоцируя горца на решительный, выходящий за рамки законов, отпор, и поэтому читателя не покидает беспокойство за судьбу героев очерка.

Как видно из самих «Этюдов», для Б. Шаханова, важно, чтобы он был услышан интеллигенцией, и его доводы о бедственном

положении горцев были восприняты царской администрацией. Однако чиновники по-своему реагировали на выступления демократической печати. Подобные статьи изымались цензурой до публикации, преследовались администрацией округа и случайное их появление в печати вызывало бурю негодования с ее стороны. Под особым контролем цензуры и администрации находилась газета «Казбек», несмотря на то, что издателем ее долгое время был человек более чем лояльный к властям – С. Казаров. «Запрет на печатание туземцами статей на определенные темы остается в силе», – грозно предупреждали редактора «Казбека» из канцелярии генерал-губернатора за публикацию некоторых статей, имеющих обличительный характер и раскрывающих неблагоприятную деятельность некоторых представителей царской администрации Терской области. В воспоминаниях осетинского общественного деятеля А. Цаголова приводится список таких тем: «Одно время по некоторым вопросам совсем ничего нельзя было говорить в местных газетах... В Терской области в числе таких вопросов долгое время были:

- О тяжелом экономическом положении горского населения.
- О непригодности мер, применяемых в областной администрации против «ското- и конокрадства».
- О шовинистическом отношении к горцам и другим кавказским народам со стороны русского населения.
- О необходимости всестороннего статистического обследования Терской области независимо от Терского областного статистического комитета и т. д., и т. д.» [79].

«Этюды из туземной жизни» Б. Шаханова вызвали большой резонанс в северокавказской прессе. Об этом свидетельствуют отклики – письма и статьи, появившиеся в печати. Серию статей – под названием «Мой ответ г. Шаханову-Джанхотову» опубликовал чиновник межевого управления области Н. Тульчинский, входивший впоследствии в состав так называемой Абрамовской комиссии.

В этой большой публикации раскрылся писательский дар Б. Шаханова. Как уже отмечалось, каждый этюд композиционно состоит из двух частей. Первая часть – это публицистический очерк (тематически этюды существенно отличаются), вторая – рассказ-картинка горского быта. Причем рассказ, являясь как бы зарисовкой с натуры, художественными средствами иллю-

стрирует выдвинутые автором в первой части социально-экономические и просветительские задачи.

В «Этюдах из туземной жизни» и «Терских делах» Б. Шаханов создает собирательный образ горца Кучука. Кучук – персонаж необычный. Это – «богатый и влиятельный горец» (3-й этюд), желающий угодить своим важным гостям из города. Гости Кучука так и не поняли его душевных переживаний, посмеялись над песнями его соплеменников, в которых «выливалась вся горечь тяжелой, безотрадной жизни без надежды, без малейшего просвета в будущем». Это и мальчик Кучук, «порванная черкеска, дырявая папаха, отсутствие пояса – все обнаруживало в нем бедняка», – вполне законченный портрет, нарисованный Б. Шахановым в нескольких словах. Но публицист не останавливается на этом и с беспощадным реализмом прогнозирует будущее мальчика: «Я посмотрел на его лицо. Оно было не только печально, а грустно. Глаза полузакрыты, палочка выскользнула из рук, и сам он весь как-то застыл. Казалось, он и себя видел офицером, как и его встречали с почетом старики, как плакала от радости мать. Но не для него все это!»

В «Этюдах из туземной жизни» публицист раскрывает психологию горца, наполняя ее мудростью и простотой, юмором и суровостью. С большим человеческим участием и теплом выписаны образы простых людей – пастухов и земледельцев. Публицист понимает и раскрывает причину их настороженного отношения к зарождающимся капиталистическим формам хозяйствования, к «деловым людям», приходящим в горы с различными проектами переустройства аульной жизни, маскируя при этом свою главную цель – личную наживу. Защищая интересы горцев, автор в то же время не упускает возможности напомнить, что старые, основанные на феодальном характере, отношения тормозят общественное развитие, что время требует новых, более усовершенствованных экономических и политических отношений.

Публикация «Этюд...» имеет свою драматическую историю. Этот цикл статей под общим названием опубликован в газете «Казбек». Из шестнадцати пронумерованных автором этюдов найдено на сегодня двенадцать. Последний, семнадцатый, этюд опубликован в «Терских ведомостях». Одновременно с «Этюдом» здесь же Б. Шаханов публикует в № 1, от 1 января 1900 г. «Письмо в редакцию»: «Многоуважаемый г. Редактор! Будьте добры, по-

местите на страницах Вашей газеты, что я «Этюды из туземной жизни» прекратил и в числе сотрудников «Казбека» больше не состою. Примите уверения и проч. Шаханов-Джанхотов». Судьба тринадцатого этюда известна из краткого редакционного сообщения, что «они не прошли». Вероятно, тринадцатый этюд, как и остальные три из шестнадцати очерков, не был пропущен цензурой, так как в подшивке «Казбека» за 1899 г. недостающие этюды не обнаружены. Можно предположить также, что редакция «Казбека» предоставляла Б. Шаханову возможность изложить свои взгляды на положение коренного населения Терской области для того, чтобы иметь еще один источник информации, необходимый для администрации Северного Кавказа в решении «сословно-поземельного вопроса». Но когда Б. Шаханов стал сопровождать свои политико-экономические тезисы зарисовками горской действительности, идущими вразрез с официальными установками, газета прекратила публикацию «Этюд...». Слишком обличительный характер они имели. Такое положение, естественно, не могло устроить ни цензуру, ни администрацию Терской области.

Немного проясняет историю публикации «Этюд...» и их прекращения «Маленькие сказки для больших детей», опубликованная в газете «Приазовский край» в 1900 г., хотя она не может претендовать на раскрытие всех причин. В мастерски написанной остроумной сказке изложена история взаимоотношений сотрудника «Казбека» Шэн-Джэна и ее издателя На-фу-фу. О том, что На-фу-фу списан с издателя «Казбека» Сергея Казарова, корреспондент газеты, скрывшийся под псевдонимом «П. д' Аржан», заявляет в «Расписке о получении» [80]. Попутно заметим, что имя персонажа «Маленькой сказки...» Шэн-Джэна легко соотносится с подписью Б. Шаханова под «Этюдами...» – «Шаханов-Джанхотов», а также с псевдонимом «П. д' Аржан», которым подписана «Маленькие сказки...» и другие публикации в «Приазовском крае».

В этой «Маленькой сказке...» автором дана версия прекращения публикации «Этюд...». Согласно ей Шаханов-Джанхотов порывает с «Казбеком» из-за нечестного отношения издателя Казарова при выплате гонорара. И тут же из содержания сказки становится очевидным, что Б. Шаханов прекращает сотрудничество с газетой во всяком случае не из-за гонорара: его публицист перечисляет на счет «Общества по распространению образо-

вания и технических сведений среди горцев Терской области», носившего благотворительный характер. Это подтверждается и в воспоминаниях известного Г. А. Цаголова [81].

После того, как сотрудничество с газетой «Казбек» стало невозможным, Б. Шаханов начинает публиковаться в других органах печати Кавказа, поскольку не писать он не мог. Не мог оставаться равнодушным, видя острые проблемы в жизни как своего балкарского народа, так и соседних. В конце 1899 г. в газете «Каспий» Б. Шаханов начинает публиковать серию статей под названием «Терские дела» [82]. Под этим названием вышло восемь самостоятельных статей. По своей тематике они были близки «Этюдам из туземной жизни». В то же время по сравнению с «Этюдами» они носят несколько обобщенный характер. Это можно объяснить тем, что «Терские дела» печатались на страницах «Каспия», газеты, выходившей в Баку, и для большинства ее читателей поставленные публицистом проблемы были неизвестны и в детализации примерами из горской жизни не было необходимости. По своему стилю и интонационному строю «Терские дела» более экспрессивны, что свидетельствует о напряженной духовной жизни автора. В первом же разделе статьи Б. Шаханов выражает озабоченность тем, что многие органы печати пишут о горцах или злобно, или «сентиментально нелепо». Он пробует восполнить этот пробел в знаниях читателей «Каспия» о жизни горцев Северного Кавказа и, в частности, о балкарцах, предлагает интеллигенции оказать содействие либеральным газетам, «которые желали бы сделать что-либо в этом направлении».

Публицист возлагал большие надежды на просветительскую деятельность национальной интеллигенции. Почти в каждой своей статье он призывает ее к активности, горюет, видя ее равнодушие, делится с ней своей болью и мечтами и даже негодует: «связь с ней (родной средой. – Т. Б.) сохранилась лишь в их послужных списках, а все остальное давно оставлено и предано забвению». В «Терских делах» Б. Шаханов ставит вопрос об открытии начальных школ для обучения малолетних горцев. Он считает, что горские школы как таковые выполнили свои функции и для дальнейшего развития дела просвещения Б. Шаханов предлагает преобразовать три горские школы Терской области в учительские семинарии и открыть затем начальные школы, которые охватили бы больше детей и таким образом

«подвинуть дело народного образования». Здесь же просветитель обосновывает необходимость подготовки аульных учителей из «единоплеменников», т.к. «всякий учитель не единоплеменник будет иностранцем для своей школы и пройдет, по крайней мере, год, прежде чем они начнут понимать друг друга.» И вслед за своими проектами Б. Шаханов восклицает в безысходности: «Только мечты все это!»

К концу XIX – началу XX в. возникла настоятельная необходимость усовершенствования системы образования, расширения ее сфер. Озабоченность по поводу образования детей горцев выражали прежде всего публицисты и передовые общественные деятели Северного Кавказа. Они добивались у местной администрации открытия начальных школ, библиотек, училищ, писали первые азбуки и книги на своих родных языках. К этому периоду передовая интеллигенция северокавказских народов приходит к выводу о необходимости создания национальных алфавитов: в Чечено-Ингушетии – К. Досов и Т. Эльдарханов, в Балкарии – С.-А. Урусбиев, у адыгов – С. Сиюхов, группа джандидистов-кумыков и др. Ученые-арабисты Дагестана во главе с С. Гойсумовым для облегчения обучения «приспособили арабский алфавит, на основе которого создали графику для родных языков – аджамский алфавит» [83]. Этим алфавитом народы Дагестана и в некоторой степени и другие народы Северного Кавказа пользовались вплоть до языковой реформы 1928 г.

Официальный орган – «Журнал министерства просвещения» в 1890 г. сетовал: «Из горцев, окончивших курс, только очень немногие поступают для продолжения образования в средние учебные заведения, военные и гражданские...» [84]. Таковую ситуацию и раскрывает в «Терских делах» публицист Б. Шаханов прослеживая путь горцев, окончивших горские школы: «Школу кончают в 14–16 лет. Что же дальше? А дальше приходится остаться при том, что имеешь. В гимназию и реальное училище не попадешь: для первого и второго класса велик, в 4–5 не выдержишь. Один выход: вернуться в аул и постараться позабыть все, чему выучился». Но есть выход «еще худший, – пишет Б. Шаханов, – постараться устроиться вдали от скучной, стеснительной аульной обстановки, в городке или местечке переводчиком, милиционером, а в общем – тунеядцем, измышляющим предлоги сорвать что-нибудь с “дикаря”». Б. Шаханов создает реалистический портрет горца, оторванного от родной стихии и не нашедшего себе места в местных «очагах цивилизации»:

«сами они вечно около курсовых, часто их можно видеть в клубе, еще чаще – верхом, сопровождающими кавалькады и готовыми каждую секунду «джигитнуть», вызывая восхищение российских барышень. Через год, много два, из их голов испарится и тот сумбур отрывков, которым снабдила их горская школа. Познания их... высококомичны, а посмотрели бы вы, какой тон берется ими в ауле, среди серых замызганных черкесок, с грустью и глухою надеждою взирающих на просвещенных гостей!»

«Серые замызганные черкески» – все время в центре внимания автора «Терских дел». Как и в «Этюдах из туземной жизни», в первую очередь это горец Кучук, недоверчиво относящийся к рудоразработчикам. Защищая интересы Кучука, Б. Шаханов восклицает: «поставьте себя на его месте и скажите, что бы вы делали, если бы, пользуясь вашей неграмотностью, не знакомством с русской жизнью и русским языком вами стали бы вертеть как флюгаркой и вовлекать в договоры, нарушать которые столь же трудно, как невыгодно исполнить!»

Еще одна большая тема «Терских дел» – абречество на Кавказе. Как пишет сам Б. Шаханов, «до каких только абсурдов не доходили некоторые «бытописатели», чтобы представить народы Северного Кавказа разбойниками и абреками. Особенно в этом отношении досталось чеченцам и ингушам». «Чечня... долго еще будет служить пугалом малых ребят», «к несчастью, приходится иногда доказывать, что ингуш и разбойник не одно и то же», – с болью в сердце пишет Б. Шаханов. Не только декларирование этого положения, но и поиски причин возникновения существующего общественного мнения, а шире – и причин абречества – вот то ценное, что содержит эта статья. Он спорит с теми, «которые в разбое видят профессию ингушей», печалится, что «до сих пор ни один чеченец ни словом не ответил на эту почти печатную брань, ни один голос не раздался из их среды в защиту семьи, очага и не просит хоть капли сдержанности и приличия по отношению их отцов, матерей и сестер! Тут и апатия и беспомощность и какая-то фанатическая замкнутость». Наблюдая сцену в ресторане, где немец всю «пушил» чеченцев вдоль и поперек, а чеченец «сидел тут же рядом и ни один мускул не дрогнул на его лице, не смея прервать речь немца», в которой ругали чуть ли не площадными словами отца, братьев и его самого», Б. Шаханов возмущаясь поведением горца, восклицает: «казалось, что в конце концов и черкеска, проявит признаки жизни».

В газете «Приазовский край», в начале 1900 г. была опубликована Б. Шахановым серия статей под общим названием – «Терские письма», где мнимым оппонентом Шаханова выступает П. Адатов. Это был прием литературной мистификации, когда автор дискутирует с воображаемым оппонентом. При этом следует отметить, что Б. Шаханов не стал создавать для него ни творческого образа, ни стилистической манеры. Весь комплекс стилистических и семантических приемов очерков говорит о том, что оппонент нужен был ему для избегания цензурных препон. Это положение подтверждается и тем обстоятельством, что наиболее острые разделы «Терских писем» подписаны названным псевдонимом. Б. Шаханов создает видимость полемики с П. Адатовым. Однако самое беглое чтение текста показывает, что вся статья написана одним автором – единый стиль, одна идея, единый комплекс изобразительных средств, система аргументов... Poleмики, как таковой, нет между П. Адатовым и Б. Шахановым нет.

В манере письма Б. Шаханова, прежде всего, привлекает способность передавать драматические жизненные коллизии ненавязчиво и непринужденно, как бы от лица униженного и «маленького» человека. И при этом не нарушается объективность повествования. Унижение несовместимо со сложившимся в классической литературе о Кавказе независимым и гордым обликом горца. Это парадоксальное обстоятельство не раз используется публицистом в статьях. Автор выявляет социальные условия, вынуждающие горца расставаться со своей сутью, терять свое достоинство, быть подозрительным и нерешительным, жестоким и мстительным.

В «Терских письмах» со всей полнотой выражены демократические взгляды автора на «туземный вопрос». В них особенно четко нашли отражение общественно-политические взгляды публициста на проблему абречества на Кавказе. Как и К. Хетагуров в своих «Владикавказских письмах» (1896–1897 гг.), Б. Шаханов в «Терских письмах» ставит перед собой цель – разоблачить замаскированную политическую цель буржуазной прессы – дискредитировать горцев для оправдания репрессивной политики кавказской администрации.

Используя большой фактический материал и статистические методы анализа, Б. Шаханов, продолжая свою мысль, что «разбой – явление интернациональное», идет дальше – «никакие репрессии не действительны там, где, прежде всего, требуется кусок хлеба». Для урегулирования общественной нестабиль-

ности автор предлагает свои меры, диаметрально противоположные проектам Карцова и К⁰. Во-первых, он считает, что «необходимо позаботиться об устройстве туземца, о наделении его землей настолько, чтобы он не голодал, и, движимый этим голодом, не выходил на разбой и грабеж». Во-вторых, «нужно поднятие нравственного уровня загнанного, невежественного туземца, нужны школы, нужны просветительские учреждения... И отойдут тогда в область далеких преданий все эти грабежи и разбои – продукт тяжелого экономического положения...» Здесь же Б. Шаханов разоблачает антинародный характер действий царской администрации: «туда, где требуются самые обычные меры подъема благосостояния, к устранению социальных неурядиц, идут с твердо выраженным и засевающим колом в голове – предрассудком, приходят с репрессиями...».

Подвергая резкой критике общество, прежде всего, свой, господствующий класс, за глухоту к нуждам бедняков, Б. Шаханов дает в «Терских письмах» весьма нелестную характеристику этому классу: «Избалованные судьбой, сытые и напоенные, мы даже представить себе не можем, что такое муки настоящего, неподдельного голода, голода физического и духовного, и к ним, этим физически и духовно вечно голодным туземцам, с легким сердцем и чисто кисейным легкомыслием применяем ту же мерку сурового порицания за проступки со стороны лиц, физически и духовно одинаково с ними насыщенных...»

Особняком стоит в творчестве Б. Шаханова проблема женского равноправия. Положение горянки в обществе куда меньше занимало публициста в отличие от других северокавказских публицистов и литераторов. В статье «Эмансипация мусульманской женщины», отвечая на вопросы газеты «Терская жизнь», которая пыталась выяснить, каким путем можно приобщить к общественной жизни женщину-горянку, Б. Шаханов связывает вопросы женской эмансипации с горским этикетом. «По общему этикету у нас женщина считается старше мужчин, независимо от ее возраста и положения», – утверждает Б. Шаханов. Он подчеркивает, что женщина в горских обществах никогда не занимала униженного положения, что «в семье, например, наша женщина занимает куда почетнее место, нежели христианка». Это утверждение идет в диссонанс привычным сентенциям о забитости и социальной индифферентности горянки. Необходимо уточнить, что, отвечая на анкету газеты Б. Шаханов, не дифференцирует обычаи кабардинцев и балкарцев, т.к. в этом

вопросе они не имели существенных расхождений и когда он пишет о месте кабардинки в этикетных отношениях, он имеет в виду и балкарку.

Однако Б. Шаханов несколько идеализирует положение горянки, высказывая мнение, что участие ее во внедомашних работах охраняется этикетом. Невозможно пройти и мимо утверждения Б. Шаханова: «Теперь столкнулись два мира: старый, отживающий мир понятий, регламентирующийся обычаями и новое культурное течение». Б. Шаханов считает, что просвещение женщины-горянки возможно через открытие школ в аулах, «в города же посылать дочерей для образования подавляющее большинство не согласится, придерживаясь опять-таки обычаев».

Творческое наследие Басията Шаханова на сегодняшний день составляет художественная публицистика, выраженная в полемическом ее жанре, а также социально-политические трактаты (очевидно, не весь корпус его творчества найден и атрибутирован). Все они подписаны различными псевдонимами, даже названия статей и очерков завуалированы, не передают остроты самих публикаций. Это было обычным явлением в северокавказской публицистике рубежа веков. Вспомним хотя бы историю публикации Мисостом Абаевым статьи «Наделы осетин». Она целиком посвящена бедственному положению малоземельных балкарских крестьян, и статья никакого отношения к проблемам малоземелья в Осетии не имела и была так озаглавлена, чтобы ввести в заблуждение владикавказскую цензуру, так как после статьи М. Абаева «Горские аграрные вопросы» в газете «Каспий» публикации на эту тему газете были запрещены. По всей вероятности и Басияту Шаханову было запрещено освещать горские аграрные вопросы, имевшие остросоциальный характер, и последующие свои публикации он был вынужден подписывать псевдонимами – «П. д' Аржан», «Кавказец», «П. Адатов», литерами «Б», «Ш» и др. Первые известные нам публикации Б. Шаханова, как бы «внезапность» их появления, позволяют предположить, что и до публикации в «Казбеке» от 31 января 1899 г. (тогда появилась первая непсевдонимная статья Б. Шаханова «По поводу одного удивительного проекта») он уже имел опыт литературного творчества и журналистской работы. Сам Б. А. Шаханов в третьем «Этюде из туземной жизни» пишет: «...во всех моих статьях проходит красной чертой указание на крайние трудности жизни в горной полосе...» Этюд напечатан 12 октября 1899 г. Из опубликованных к этому времени четырех

статей только две соответствуют названной теме. Очевидно, что это не послужило бы Басияту Шаханову основанием для такого заявления. Следовательно, существуют не найденные до сих пор статьи. Они, скорее всего были напечатаны под нерасшифрованным до сих пор псевдонимом. Однако атрибуция псевдонимных работ Б. Шаханова требует специального исследования. Внезапность появления неординарных для северокавказской публицистики статей и такое же необъяснимое исчезновение публикаций талантливого автора, заставляют думать о том, что работа по исследованию творчества Басията Шаханова должна быть продолжена.

Художественная публицистика Б. Шаханова была ориентирована на образованных горцев, на тех, кто был не равнодушен к современному состоянию и будущему горских народов Северного Кавказа. Б. Шаханов рисует картины социальной несправедливости, призывает прогрессивную интеллигенцию сделать все возможное для улучшения жизни горцев, для их просвещения.

В творчестве Б. Шаханова четко прослеживается чёткая позиция автора, она – в объективной оценке сословно-поземельных отношений. Представляя картину взаимоотношений сословий, приведя примеры из народной жизни, он не всегда открыто осуждает социальную несправедливость, оставляет возможность для внимательного читателя самому оценить характер и перспективу развития этих отношений.

В его очерках и статьях нет рецептов будущего общественно-политического устройства, хотя он постоянно размышляет о справедливом обществе – обществе равенства, братства, свободы. Для современного читателя важно, что он критически оценивает современную ему действительность, создавая ее реалистическую панораму.

Представляют несомненный интерес и статьи молодого автора, подписанные псевдонимом «П. д' Аржан». Автор их публикует как бытовые зарисовки Владикавказа, небольшого тогда городка, каких немало было в дореволюционной России. В этих зарисовках мы ощущаем пульс жизни более вековой давности. Перед глазами читателя проходит калейдоскоп образов – мещане, горцы, чиновники, купцы, издатели газет и служивые. Каждый из них создает коллективный портрет столицы Терской области. В этих небольших статьях обозначены повседневные проблемы оказавшихся в новых условиях жителей аулов, о

которых Б. Шаханов писал одновременно в другой стилистике в своих статьях и очерках – памфлетах.

Удивительная особенность полемической публицистики Б. Шаханова – все статьи написаны на высоком художественном уровне. Удивляет зрелость письма молодого автора. Все, что он написал художественно совершенно, хотя значительное большинство статей опубликовано им в 19–21 год. Зрело в первую очередь своей гражданской позицией, отношением к реалиям горской действительности, глубиной ее постижения, художественной цельностью.

Публицистика Б. Шаханова поднимается до уровня передовых идей своего времени, отличается глубоким анализом проблем северокавказской действительности начала века. Его статьи и очерки охватили тематически многие задачи «культурной работы», стоящие перед горцами Северного Кавказа. Это и вопросы просвещения и развития культуры горцев, и объективного освещения жизни горцев в печати, сословно-поземельные (термин официальной предреволюционной печати) самое главное – социального неравенства различных слоев общества. Именно мастерство социального анализа ставит творчество Б. Шаханова в ряд известных публицистов и литераторов, представителей передовой общественно-политической и эстетической мысли Северного Кавказа. Статьи и очерки Б. Шаханова по своим идейно-эстетическим позициям близки публицистике Коста Хетагурова, историко-этнографическим работам Башира Далгата, очеркам «Край беспросветной нужды» Георгия Цаголова; «Лаки, их прошлое и быт» Саида Габиева, «Горцы – переселенцы», «В осетинском ауле» Инала Канукова и одновременно содержат неповторимый колорит балкарского аула рубежа веков. Проблемы, поднятые творчеством Б. Шахановым, были весьма актуальны для начала XX в., но такова закономерная сила таланта, что боль и отчаяние, тяжкие сомнения и светлые надежды, выраженные в его художественной публицистике не могут оставить равнодушным и сегодняшнего читателя.

Писательский дар выделяет Басията Шаханова из плеяды карачаево-балкарских публицистов конца XIX – начала XX в. И не случайны были слова, прорвавшиеся сквозь сухой официальный документ – послужной список, составленный при его поступлении в Военно-юридическую академию: «Обладает даром слова».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ешевский К.* К земельному вопросу в Кабарде // Казбек. 23 октября 1899 г.; // *Тульчинский Н.* Мой ответ г. Шаханову-Джанхотову // Казбек 1899. № 594, 598; *Мамулов К.* наброски // Терский вестник. 1917. № 102 от 3 апреля.
2. Истории народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 528.
3. *Шаханов Басият.* Избранная публицистика // Вводная статья, составление, научный комментарий Т. Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 1991; Карачаево-балкарские деятели культуры XIX – нач. XX в. Т. 2 // Вводная статья, составление, научный комментарий Т. Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 1996; Этюды о Балкарии. Балкарская историческая серия / Вводная статья, составление, научный комментарий Т. Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 2005.
4. *Кумыков Т. Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 318.
5. *Кулиев К. Ш.* Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 53.
6. РГВИА, ф. 316, оп. 63, д. 6793, л. 4, 4 об.
7. Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 гг. // Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1890. № 8. С. 75.
8. ЦГА КБР, ф. 51, оп. 1, д. 15, л. 2, 2 об.
9. РГВИА, ф. 316, оп. 63, д. 6793, л. 5.
10. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Т. 67
11. *Маслов А. А. Шаханов А. Ш.* Первый балкарский врач // Советское здравоохранение. Москва: Медицина, 1989. С. 62.
12. РГВИА, ф. 546, оп. 1, д. 924, л. 4.
13. РГВИА, ф. 316, оп. 63, д. 6793, л. 1 об.
14. *Маслов А. А. Шаханов А. Ш.* Первый балкарский врач // Советское здравоохранение. Москва: Медицина, 1989. С. 62.
15. РГВИА, ф. 546, оп. 2, ед. хр. 7954, л. 117. ЦГА РСО–А, ф. 446, оп. 2, д. 6375, л. 1228.
16. *Шаханов Абай.* Врач. 1897. № 39.
17. Дайджест «www.elbrusoid.org» № 5. С. 33.
18. *Шаханов Т. Б.* Записки краеведа. Нальчик, 2004.
19. Военная энциклопедия. Т. 1. М., 1974. С. 265.
20. Крепость Воздвиженская заложена 3 июля 1844 г. генерал-лейтенантом Гурко на передовой Чеченской линии.
21. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 109, л. 52.
22. Терские дела // Каспий. 1899. № 267.
23. РГВИА, ф. 248, оп. 1, д. 524, л. 190-191.

24. Там же, оп. 4, д. 134, л. 189-190.

25. В ответ на обращение сына Басията Шаханова – Тимура поделиться воспоминаниями об отце, проф. Алборов Б. А. писал: «Уважаемый Тимур Басьятович!

Отца Вашего, присяжного поверенного, Басьята Абаевича Шаханова знал. Он проживал в городе Владикавказе на втором этаже против русского драматического театра по улице Советов (быв. Гимназическая). Знаю его как автора ряда статей по краеведению горских народов. Судя по этим статьям, ему близки были интересы всех горских народов, без различия национальностей. В своих статьях он призывал к собиранию памятников народнопоэтического творчества горцев, их бережному хранению и изучению. Он с негодованием писал о похищении из Нузальского склепа-молельни драгоценной исторической поэмы «Алгузиани» грузинским священником Русишвили и о соскоблении надписи о 9 братьев осетинского царя Ос-Багатара грузинским священником Самаргановым.

Я видел его в 1906 году на квартире присяжного поверенного А.З. Кубалова в составе членов комиссии по организации похорон основоположника осетинского литературного языка и осетинской художественной литературы Коста Хетагурова. На этих похоронах он возглавлял мусульманскую делегацию, принимавшей участие в похоронах Коста Хетагурова. Делегация эта следовала все время по главной улице города за гробом покойного поэта и общественного деятеля Коста Хетагурова со служителями культов мусульман (суннитов и шиитов) и вела за собой, согласно горским адатам, посвятельного коня в полном траурном одеянии. Делегация выступала с речью и над могилой поэта. Похороны прошли весьма торжественно.

Проф. Б. А. Алборов.

4 ноября 1966 г.»

Архив КБИГИ, ф. 26, оп. 1, д. 5.

26. ЦГВИА СССР, ф. 1309 – фонд «Временного окружного суда»: здесь в 1907–1908 гг. было рассмотрено около 1800 дел, расследующих революционное движение на Кавказе. Обвинялись солдаты за пение революционных песен, мастера и служащие за распространение и хранение литературы.

27. Там же, ф. 229, оп. 1, д. 336, л. 26.

28. ЦГИА РГ, ф. 13, оп. 15, д. 1749, л. 2.

29. Юридический словарь. М., 1986. –143 с.

30. В мире мусульманства. 1911. № 10 от 7 июля.

31. Там же. 1912. № 6 от 17 февраля.

32. Торжество ленинской национальной политики КПСС. Нальчик, 1983. –179 с.

33. Казбек. 1901. 22 апреля. № 1028.

34. Истории народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 231.
35. ЦГИА РГ, ф. 114, оп. 1, д. 2059; ф. 113, оп. 24, д. 635.
36. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 883, ч. 2, л. 52.
37. Там же, л. 51.
38. *Шаханов-Джанхотов*. Еще переселение // Казбек. 1899. № 431.
39. Терский вестник. 1917. 3 сент.
40. ЦГИА РГ, ф. 113, оп. 1, д. 5421, с. 4 об. Написание личных имен и фамилий, а также стиль документа даются без изменений.
41. См. там же сообщение начальника участка Карачаева.
42. РГВИА, ф. 13, оп. 15, д. 1749, л. 2.
43. ЦГА КБР, И-6, оп. 1, д. 826, т. II, л. 71.
44. Там же, И-46, оп. 1, д. 4, л. 3.
45. *Калмыков Ж.* Слово о новой находке. // Кабардино-Балкарская правда. 15 октября 1996 г.
46. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 8, д. 891, л. 231.
47. Там же, л. 113.
48. Материалы съездов горских народов Северного Кавказа и Дагестана 1917 года / сост., автор вступительной статьи А. Х. Кармов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 168 с.
49. Терский вестник. 1917. № 72 от 28 июля. Спецхран КБИГИ, фонд Р. Х. Хашхожевой.
50. *Гатуев Дз.* Избранное. М.: Художественная литература, 1970. С. 209, 210.
51. Терский вестник. 1917. № 102 от 3 сентября.
52. *Мартиросьян Г. К.* История Ингушетии. Материалы. Орджоникидзе, 1933. – 181 с.
53. *Корнев Д. З.* Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 25–26.
54. Терские ведомости. 1917. № 65 от 22 марта.
55. ОРФ СОИГСИ, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 30–33.
56. Там же, д. 104.
57. Стенографический отчет Первого горского съезда. Владикавказ, 1917. – 4 с.
58. Терек. 1917 от 6 мая.
59. *Магомедов Ш. М.* Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала, 1965. С. 14, 15.
60. Каспий. 1917. № 170 от 22 июля.
61. ЦГАОР, ф. 1778, оп. 3-с, д. 282, л. 30–32.
62. Горская жизнь. 1917 от 9 августа.

63. ОРФ СОИГСИ, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 30–33.
64. *Гугов Р. Х., Улигов У. А.* Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1967. С. 76, 77.
65. *Идрисов Ю. М.* Дагестанская интеллигенция в 3-х революциях нач. XX в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 103.
66. Воспоминания записаны в 1987 г. и хранятся в личном архиве внука Джелал-Эд-Дина Коркмасова – Анатолия Джелал-Эрастовича, г. Москва.
67. Танг чолпан. 1918. № 9
68. Съезды народов Терека. Орджоникидзе, 1978. С. 77, 78.
69. ЦГА КБР, ф. Р-198, оп. 1, д. 3, л. 49.
70. Там же, л. 54.
71. Архив КБИГИ, 658 –ф, кас. 8
72. Вольная Кубань. 1919 от 5 января.
73. «Вестник Горской республики». 1919. № 9 от 27 апреля. Материал предоставлен кандидатом историческим наук старшим научным сотрудником КБИГИ Амурби Кармовым.
74. *Джанхот*. Картинка // Казбек. 1899. 16 апр. № 436; Заметка из сл. Воздвиженской. Там же. № 446; Звериное остроумие. Там же. № 464 и др.
75. Казбек. 1899. № 436.
76. *Карцов*. Причины разбоев на Кавказе // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 31 дек. № 358.
77. *Ардасенов И. М.* Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1976. С. 109.
78. Терский вестник. 1917. 7 мая. № 6.
79. Рукописный фонд СОИГСИ фонд С. Цаголова, л. 371.
80. П. д^т Аржан. Расписка в получении // Приазовский край. 1900. № 49.
81. Г. А. Цаголов, «... Казаров, из простого «завхоза» интеллигентной газеты «Казбек», сделавшийся в конце концов владельцем двух больших домов (во Владикавказе и Краснодаре), двух больших типографий и двух больших газет («Терек» и «Кубанский край»). Любил он очень, не платить денег сотрудникам. В большинстве случаев это сходило для него удачно. Плунет сотрудник или автор статьи и уйдет. Но иногда налетала коса на камень. Помню такой случай. Прислал как-то в редакцию большую статью о жизни Балкарии Шаханов, служивший тогда поручиком в одной из пехотных войсковых частей, расположенных где-то в области. Статью напечатали. Через некоторое время Шаханов приезжает во Владикавказ, заходит в редакцию.
- Могу я видеть редактора-издателя?
Казаров отвечает.
- Шаханов называет свою фамилию и говорит о цели своего прихода.
- Я пришел получить гонорар за свою статью о Балкарии.

– Гонорар?... Разве Ваша статья была платная?

– Платная!

– Позвольте.... Я поищу ее...

Казаров роется в материалах старых номеров. Находит рукопись Шаханова.

– Вот посмотрите... На Вашей рукописи нет отметки, что она – платная. А у нас все статьи и заметки без таких указаний о гонораре не оплачиваются.

– Но о гонораре я говорил в письме, при котором посылал статью.

– Там тоже ничего не было!

– Поищите это письмо!

– Где я его буду искать теперь? Мы писем не сохраняем!

– Повторяю: в письме было указано, что статья может быть напечатана при условии оплаты ее гонораром.

– Это нужно было сделать на рукописи.

– Значит вы не хотите выдать мне гонорар?

– Не могу!

Шаханов вскипает, но сдерживается.

– Свой гонорар оставьте вам я не могу! Ни под каким видом! Из принципа! Я сейчас уйду, но завтра ждите. Будьте добры поэтому, приготовьте мне деньги к завтрашнему дню обязательно!

Казаров мурлычет что-то под нос отрицательное.

На следующий день он является.

– Ну что, готовы деньги?

Казаров делает сердитый вид.

– Я же Вам сказал, что Вашу статью редакция не может оплатить.

– Ну, а если бы я сделал на рукописи отметку, что она платная, сколько вы оплатили бы мне тогда?

– По копейке за каждую строку.

Шаханов достает из кармана записную книжку, говорит, сколько строк в его статье и называет сумму, которая следует ему, если считать по 1 копейке за строку. Сумма небольшая. Что-то кажется чуть больше пяти рублей.

– Вот что! – медленно отчеканивает он Казарову. – Свой гонорар я жертвую в пользу Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области. Напишите сейчас мне подписку в том, что вы названную мною сумму правлению этого общества по первому его требованию.

– Какую подписку? Никакой подписки я вам не дам. Уходите отсюда! Оставьте меня в покое!

Шаханов твердо заявляет, что он ни шагу не сделает без требуемой подписки и что отказ Казарова выдать таковую может кончиться для него, Казарова, неожиданной, быть может, неприятностью.

– В последний раз говорю вам: садитесь и сейчас же пишите!

Казаров бледнеет. Потом берет бумагу и перо. Шаханов диктует. Казаров пишет...

Пришлось, таким образом, Казарову уплатить «Обществу распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» полностью деньги, которые он попытался «экспроприировать» у Шаханова.

... Такие вещи Казаров проделывал не раз и два. В редакциях «Казбека» и «Терека» это было явлением обычным и не без основания бывшие сотрудники этой газеты, проходя мимо двухэтажного дома Казарова по Московской улице, говаривали бывало: – Много тут есть наших кирпичей! И наших, и типографских рабочих!

Рукописный фонд СОНИИ, фонд Г. Цаголова, л. 446, 449, 451.

82. Деятельным сотрудником «Каспия» в это время был известный общественный деятель и просветитель Азербайджана Гасанбек Зардаби. Публикации статей Б. Шаханова, как и М. Абаева, способствовали, видимо, Г. Зардаби и его жена Ханифа Абаева – первая женщина-балкарка, получившая светское образование. О том, что Ханифа Абаева и Басият Шаханов поддерживали дружеские связи, свидетельствует и тот факт, что после смерти Басията Шаханова его жену и детей приютила семья Ханифы Абаевой.

83. *Мусаханова Г.* Очерк истории дореволюционной кумыкской литературы. Махачкала, 1958. С. 8.

84. Журнал министерства просвещения. СПб, 1890. № 8. С. 75.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО УДИВИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

В № 358 «С.-Петербургских Ведомостей» за минувший год была помещена статья некоего г. Карцова: «Причины разбоев на Кавказе». Оставив в стороне критику г. Карцовым статьи г. Шошина по тому же вопросу, напечатанной в № 320 «С.-Петербургских Ведомостей», остановимся на том способе прекращения разбоев, который рекомендуется самим г. Карцовым¹ в комментарии.

Г. Карцов предлагает не более, не менее как переселить всех туземцев Северного Кавказа, – куда бы вы думали, читатель? – в Туркестан, «в обширные среднеазиатские пустыни!» Вот уж подлинно благодарю, – не ожидал! До сих пор мы слышали немало всякого рода проектов борьбы с этим злом: были тут и хорошие, и дурные, и постепенные, и энергичные, но из всех их, проект г. Карцова является, без сомнения, самым... удивительным!

Подумал ли г. Карцов, как будет себя чувствовать Кавказский туземец, выросший среди родных гор, где каждый клочок земли, каждый камень связан с памятью его предков, будучи выброшенным, по собственному признанию г. Карцова, в пустыню? Знает ли г. Карцов, как привязан туземец к своей родине? Известно ли автору этого остроумного проекта, что десятина земли в горах ценится в 2–3 тысячи рублей и, что горцы все-таки предпочитают свои жалкие клочки десяткам десятин удобной земли, которые они могли бы получить, выселившись всего за 30–40 верст от родных аулов на плоскость? А г. Карцов предлагает им переселиться в среднеазиатские пустыни!

Забавные соображения высказываются далее г. Карцовым. Упомянув вскользь о каких-то «различных пособиях (?) и агрономических улучшениях (?) со стороны правительства», в случае подобного переселения, автор говорит, что «туземцам, ПРИ ПОСЕЛЕНИИ ИХ СПЛОШЬ, могла быть предоставлена свобода самоуправления, согласная с их бытом, без слишком близкого соприкосновения с русской полицией». Что хочет сказать г. Карцов этой туманной фразой о «свободе самоуправления, согласной с бытом»? Не значит ли это, иными словами, «взять вас всех гуртом, зарыть в пески, и живите вы там, как знаете! Хотите резаться – режьтесь, желаете воровать – воруйте! Лишь бы нас, русских, не трогали!».

Словом, по логике г. Карцова выходит, что зарежет чеченец русского – это разбой, а зарежет чеченец чеченца – это «самоуправление, согласное с бытом».

Поистине, удивительная мера борьбы с разбоем.

Не менее забавен и еще один аргумент, которым г. Карцов пытается поддержать досужий плод своей фантазии. По его мнению, переселение это должно состояться тем легче, что, «по словам историков, из Средней же Азии и вышли Кавказские горцы!». Это уже настолько наивно, что и возражений не требуется.

Но что всего оригинальнее в этой сплошь, впрочем, оригинальной статье, так это то, что автор проекта выселения горцев в пустыню причисляет себя к числу «истинных друзей» этих последних! «Об этом» (т. е. о переселении) «туземцам следовало бы серьезно подумать и послушать совета своих истинных друзей, вместо тех софистов², которые льстят их чувствам и незаметно увлекают их в бездну». «Истинный друг» намекает здесь на г. Шошина: с точки зрения г. Карцова, г. Шошин действительно сильно провинился! Сей злонамеренный муж мало того, что решился проводить на столбцах «столичной газеты» «ложный взгляд», будто с разбоями следует бороться путем школы, но еще пытается всех их коварным образом «увлечь в бездну» ... просвещения и улучшенного материального благосостояния!!! Поистине, ужасный человек! Спасибо вам, г. Карцов, что предостерегли нас от этого «софиста», а то мы могли бы, по простоте душевной, попасть к нему в когти!

Не могу обойти молчанием и еще одно великолепное место в статье г. Карцова. Высказав взгляд, что каждый, даже «служащий на русской службе» туземец «по обычаям страны» не откажется держать у себя притон для разбойников, г. Карцов пишет: «Разбой также встречают сочувствие среди интеллигенции городов (!). Прежде всего адвокаты, которые являются защитниками ехofficio³ – они, конечно, влияют на суды, затем представители вольных профессий (?!), и в результате ложный взгляд, проводником которого явился г. Шошин даже в столичной газете!»

Здесь все одинаково хороши: и интеллигенция, сочувствующая разбоям, и адвокаты, влияющие на суды и тем делающие занятие разбоем вполне безнаказанным, и затем... затем «представители вольных профессии» (!!!). Что это за зверь такой,

эти «представители вольных профессий» – одному Аллаху, да разве еще г. Карцову, известно! Уж не журналистов ли имеет в виду великолепный прожектор? Или, быть может, отставных трагиков и вообще лиц, подававших некогда блестящие надежды, но попавших волею судьбы в бедственное положение и тем поставленных в необходимость избрать «вольные профессии»?! Очевидно, СТОЛИЧНЫЙ сотрудник СТОЛИЧНОЙ газеты и этих представителей вольных профессий не прочь причислить к провинциальной интеллигенции. Что ж! *Dequstibus non disputantunist!* ⁴

ЕЩЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Положительно наша Терская область стала каким-то козлом отпущения! Давно ли некий писатель предлагал выселить туземную часть ее населения в Средне-Азиатские пустыни? ¹ Теперь возникает уже другой вопрос: не следовало ли бы переселить в Терскую область русских из малоземельных губерний? Первый прожектор, г. Карцов, поддерживал свой план стремлением избавить «овец» (русских) от «стаи голодных волков» (туземцев), а вторые (имя же им легион) мотивируют свои проекты излишком земель и соображениями культурного характера. Вот и разбирайся тут, как знаешь! Который из этих проектов лучше – дело вкуса. По-моему, так оба лучше!

В общем, пальма оригинальности принадлежит, несомненно, г. Карцову: в самом деле, что может быть оригинальнее выселения горцев в пустыню?! Но и его коллегам в деле устройства судеб Терской области нельзя отказать в нескольких перлах, перед которыми преклонит голову, пожалуй, и сам г. Карцов! Что, например, скажете вы о следующей фразе: «Землевладение в Терской области близко к положению мелких помещиков и совершенно незнакомо остальным крестьянам Российской империи»? ² Воля ваша, а я перед ней положительно пасую. Изреки ее какой-нибудь «столичный сотрудник» в «столичной газете», – я бы еще знал, что это обозначает: там в моде подобные, а'la Карцов, истины о Кавказе! Но как прикажете ее понимать, если она принадлежит нашей, кавказской прессе? Думаю, что самое верное и безобидное будет предположить, что автору ее просто захотелось пошутить. Что ж, отчего и не пошутить, коли

хочется? Неловко только, если кто-нибудь примет шутку всерьез: выйдет и неостроумно, и ни с чем несообразно!

Итак, «во имя культуры и цивилизации» предлагают отнять землю у одних и отдать другим. Как хорошо, право, что существует и культура, и цивилизация, и прочие звучные слова! С какою легкостью, благодаря им, золотятся самые горькие пилюли! Например, проповедовать отобрание земли у «гололобой братии», мотивируя это ее разбойничьим нравом, хотя, пожалуй, и можно, но для деятеля печати как будто немного и неудобно. Но стоит только приплести сюда культуру или цивилизацию, а будет возможно – то и оба вместе, и поставить вопрос хотя бы так: «Следовало бы часть земель туземцев предоставить переселенцам из России, ибо это внесет струю цивилизации» – и картина совершенно изменится! В случае, если бы «культуры» и «цивилизации» оказалось недостаточно, можно вернуть еще и «справедливость»! Для этого следует только заикнуться об излишке земель в Терской области. В самом деле, разве не справедливо было бы заставить крестьян-помещиков поделиться избытком с крестьянами-бедняками? Если от этого кто и пострадает, то, что за беда! Ведь это лишь маленькие жертвы на алтарь прогресса. И при том, кто же обращает внимание на подобные пустяки, когда речь идет о «культуре», «прогессе» и «цивилизации»?!

Прогресс! Культура! Цивилизация! Какие звучные, какие красивые слова и как высока идея, ими выражаемая! Высоки настолько, что для проведения ее в жизнь, можно и отобрать кое-что у своего ближнего! Жаль только, что на этот раз отбирать не из чего!

Всякий, знакомый хоть сколько-нибудь с положением земельного вопроса в крестьянской части туземной среды, знает, какую печальную картину он представляет. Положительно, надо быть или слепым, или фанатично предубежденным против «азиатов» для того, чтобы написать цитированную фразу о «помещиках».

Треть области занята горной полосой. Полоса эта не вполне обмежевана, земельный вопрос в ней считается еще не решенным, но, по правде сказать, он и не может быть решен. Земли пахотной, удобной земли, земли в том смысле, в каком понимают ее все, а в том числе и беднейший русский мужичок, – там нет вовсе. Есть какие-то клочки, площадки, терраски, в несколько десятков, много сотен кв. саженей, старательно обложенные камнями

и загороженные. Каждый такой клочок имеет свое название, свою историю. Над созданием его в течение нескольких веков трудился ряд поколений, очищая от камней, а порой и нанося землю в корзинах на высоту несколько сот футов. И в настоящее время его удобряют, орошают, обрабатывают, за ним ухаживают, но наивно было бы предполагать, что эта игрушечная пашня в состоянии прокормить своих владельцев. Хлеба хватает едва на 2 или 3 месяца, а дальше... дальше начинается та полная лишений и неопределенности заработка жизнь, которой вряд ли и позавидовал бы и неимущий крестьянин России. И не будь поддержки в скотоводстве, туземцы были бы принуждены покинуть свои родные горы, несмотря на болезненную любовь к ним.

На плоскости положение много лучше, но похоже ли оно на земной рай и действительно ли там нет крестьян, а есть только помещики, – это мы сейчас увидим.

«По количеству надела земли, – читаем в одной книге по статистике Терской области, – чеченцы Грозненского округа стоят ниже беднейших крестьян Европейской России, где средний **минимальный надел** на ревизскую душу считается **одной удобной** земли 3,43 д.»*. Надел чеченцев (4,5 д.) автор цитируемой книги считает **малым**, признавая **достаточными** (4,5–6,3 дес.) наделы плоскостных осетин и кумыков и **более чем достаточными** наделы одних лишь кабардинцев (6,3 дес. на душу). Вот в каких условиях находится землевладение на плоскости. Приведенные цифры взяты из сочинения, изданного официально, а потому и стоящего вне всяких подозрений и пристрастий к туземцам и красноречиво говорят за себя сами, что не нуждаются в каких-либо комментариях. Остается только обратить внимание на то обстоятельство, что «Военно-статистическое описание Терской области» издано в 1888 г., т. е. более 19 лет тому назад. За это время положение крестьянского землевладения сделалось еще тяжелее: «более чем достаточные» наделы стали «только достаточными», то, что было «достаточно» в 88 году, «граничит теперь с нуждою». В горах и Чечне положение тоже ухудшилось (если только вообще была возможность ухудшений). За 10 лет

* Военно-статистическое описание Терской области. Г. Н. Казбек. Издание отдела ген. штаба Кавказ, воен. округа, 1888, г. Тифлис. (Здесь и далее постраничные сноски в статьях принадлежат Б. Шаханову.)

народонаселение области увеличилось в 200 000 душ, а что же будет лет через 20–30?

Да, нелегко живется нашему туземцу. Борьба с суровой природой, отсутствие удобных дорог, медицинской помощи, школы, незнание государственного языка – вот условия, в которые он поставлен. Ежедневно приходится читать известия о возникновении комиссий для выяснения причин упадка благосостояния жителей то тех, то других углов Российской империи, газеты заполнены сочувственными статьями, посвященными не только русскому мужичку, но и чухнам³, латышам, зырянам⁴. Но много ли до сих пор занималась печать кавказским горцем? Какие известия, кроме разбоев, какие статьи, кроме требований строгих кар для обуздания «головорезов», помещаются в большей части печати, по так называемому «туземному вопросу»? А как живется этому «головорезу», дурно ли, хорошо ли, что толкает его порой на преступление, чем облегчить его положение, – до этого им нет дела! Лишь бы нас не трогали, а там живи как знаешь, – хоть умирай с голоду, я пальцем не пошевелю! И это рядом с толками о культуре, цивилизации, гуманности и любви к ближнему, рядом с бесчисленным множеством всякого рода принципов и идей.

О, культурные люди!

ДВА СЛОВА К ТУЗЕМНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вряд ли где на земном шаре найдется другой край, столь интересный в историческом и этнографическом отношении, как наш Кавказ.

На узком перешейке площадью всего каких-нибудь 8000 кв. миль, загроможденном к тому же высочайшими в свете горами, ютятся десятки народов, чуждых друг другу по вере, языку и происхождению. Когда-то много столетий тому назад, в эпоху великих переселений, заброшены они были в дикие ущелья Кавказа и остались здесь отрезанными на долгий ряд веков от остального мира и остального человечества. Мир жил, мир совершенствовался, народы, частицу которых они некогда составляли, играли свою роль на сцене истории и отживали, а Кавказ все оставался той сказочной страной, той легендарной Колхидой¹, богатство которой порождало мифы, но о которой никто не знал ничего положительного.

Так длилось долго. Каким-то заколдованным казался этот край. Интерес к нему делался все сильнее и сильнее, и вот, когда, наконец, завеса спала и «гора языков» со своею дивною природой, со своими племенами, не имеющими родни в остальном населении земного шара, стала доступна каждому – в недра ее ринулась толпа историков, географов, и начались раскопки, изыскания, исследования, а вслед за ними – ряд догадок, теорий, гипотез. Но интерес пропал так же скоро, как и возник, и вот перед нами все та же Колхида, все та же загадка, ждущая своего разрешения.

Наше прошлое темно. Кавказ, особенно северная его часть, не имеет не только истории, но и каких-либо намеков на нее. Что привлекло сюда такую массу народностей? Откуда пришли они? Какие отношения существовали между кавказскими племенами до прихода русских? Какова была их внутренняя жизнь? Что можно ответить на эти вопросы, столь естественные для каждого туземца? А между тем ответы есть, и отцы наши умели ответить на многое, что для нас теперь стало и темным, и непонятным. Стало темным и непонятным потому, что хотя наш горец любит старину и все, что с ней связано, но жизнь усложняется, кусок хлеба требует все больше и больше труда и времени, и в наши дни некому уже научить ребят тем сказаниям, песням, преданиям, в которых так полно отражается жизнь их отцов.

Так замирает, исчезает эпос Кавказа.

Не будучи записан, он погибнет окончательно, как погибли эпосы других народов. И что же тогда скажем мы последующим поколениям на их мучительный вопрос: «кто же мы такие?!»

Ждать помощи в нашем стремлении воскресить былое нам неоткуда. То время, когда мы были «интересными черкесами», прошло безвозвратно, и нам остается полагаться только на свои собственные силы.

До последнего времени нельзя было указать ни на один орган печати, который задался бы целью помочь нам в этом направлении. С выходом первого литературного номера «Казбека» пробел этот заполнен!² Пусть же туземная интеллигенция, пусть все те, которые не желали бы увидеть свой народец обезличенным вконец, откликнутся на мой призыв и вложат и свою лепту в дело собирания материала для истории родного края, потребность в которой так настоятельно чувствуется и в наше время всеми кавказцами.

Я уверен, что мой призыв найдет отклик.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

I

Когда месяца полтора тому назад я писал статью «Два слова к туземной интеллигенции»*, я не думал, что она окажется голосом вопиющего в пустыне. Говорил я в ней о том, что Кавказ, не как объект войны, а как страна, населенная людьми, которые жили, волновались и думали, имели свои обычаи, свой строй и зачатки самобытной государственности, – этот Кавказ лишен не только истории, но и каких-либо намеков на нее. Сотни томов написаны, например, о покорении одной только Чечни или Дагестана. В них изо дня в день проходит жизнь дивизий, полков и батальонов. Порывшись, можно найти даже указания на то, где в тот или другой момент находилась любая рота, какой аульчик она брала, сколько было убитых и раненых и какие кто получил отличия. В этих описаниях, правда, то и дело мелькают слова: «кабардинцы», «чеченцы», «ичкеринцы», но из содержания книги не видно, чтобы они занимались чем-либо, кроме драки. И, прочитав с сотню страниц, привыкаешь смотреть на этих чеченцев, кабардинцев и пр. как на какие-то дерущиеся машины, для которых безразлично, что ни колоть, лишь бы была возможность подраться. Сейчас они дерутся с русскими, потому что поблизости случились русские. Если же вам интересно знать, что они делали, когда русских не было, – ответить нетрудно: дрались, должно быть, друг с другом. Таковая в двух словах история Кавказа, как она представляется в наши дни!

Не знаю, как вас, а меня подобная «история» мало удовлетворяет. Думал я, когда предлагал нашей интеллигенции заняться своей народной поэзией и поискать в ней ответов на многие жгучие вопросы прошлого, что и других туземцев она тоже не удовлетворяет. Но оказалось, что я ошибся: вот уже почти 2 месяца, как статья напечатана, а в «Казбеке» не появилось ни одной сказки, ни одной песни. Отчего же это?

Происходит это – я так думаю – оттого, что в наш практический век занятие собиранием и переводом песен и сказок может показаться совсем пустым делом. Как это я, учитель, врач или офицер, стану вдруг собирать, записывать и переводить песни,

* См. «Казбек». № 475.

стану тратить на сказки время, которое, говорят, стоит денег? И из-за чего все это? Чтобы потом напечатать и тем способствовать собиранию материалов для какого-то там историка Кавказа, который неизвестно, когда явится, да и явится ли еще когда-нибудь вообще? А между тем... пока туземцы о себе молчат, не-туземцы о них пописывают. И как пописывают! Недавно мне попала в руки одна книжонка, трактующая о чеченцах¹. Удивительные сведения сообщает нам автор названной книжонки об этом народе. Оказывается, что чеченец – это совершенно особенное существо, на человека вовсе не похожее. У него нет совершенно нервов, он не знает, что дурно и что хорошо, ему незнакомы ни дружба, ни любовь, даже к своим собственным детям. Прочел я эти строки и призадумался. По-видимому, для автора что чеченец, что кабардинец, что еще кто-нибудь другой в том же роде – все равно. Сегодня он пишет о чеченцах, завтра возьмет, да и напишет о кабардинцах...

Не знаю, может, против чеченцев у автора книжонки и есть какой-нибудь особенный зуб, но вряд ли много лучше думает он и о других «басурманах»². Книга находится в обращении уже несколько лет, и никто из чеченцев еще на нее не ответил, следовательно, косвенно с ней согласились. Может быть, скажут, что на всякое чиханье не наздравствуешься, что перлы, рассыпанные автором, безвредны уже по своей очевидной предубежденности и озлобленности. Совершенно верно. Кто знает Кавказ хоть немного, тот разберет легко, что в ней правда, а что нет. Но много ли таких? А для массы прочитавших эту книжонку так и останется в памяти, что чеченца нельзя даже назвать животным, потому что и животному не чужда любовь к своим детенышам, а есть он какое-то исчадие ада, обитающее в С. Восточном углу Кавказа, которое самое лучшее было бы истребить, а не баловать, – как это иногда теперь делается, – именем человека!

О книге этой я вспомнил недавно, когда мне рассказали об одном случае, бывшем этим летом в горах Баксана, в Урусбиевском обществе. Молодой горец, таубий Измаил Урусбиев³, застрелил нечаянно из ружья своего двоюродного брата и так был поражен этой смертью, что тут же покончил с собой. Обстоятельства этой грустной истории таковы, что ее следует рассказать поподробнее.

Муса и Измаил Урусбиевы были не только братьями по крови, но еще и молочными братьями⁴: одна грудь их выкормила. До

13 лет они прожили вместе в одной семье и за это время так привыкли и полюбили друг друга, что дружба и близость не прервались и после возвращения под отчий кров. Это лето они проводили вместе на горных пастбищах под Эльбрусом. В тот день, когда произошла драма, о которой я хочу рассказать, Исмаил охотился с утра на туров. Под вечер, когда он спускался уже к хутору, ему встретился Муса, и между братьями, как это часто бывает у горцев, возник шуточный спор о меткости глаза. Исмаил просил Мусу положить шапку, а Муса предлагал попасть сначала в камень, а потом уже требовать папахи. Исмаил согласился, но в то время, как он снимал ружье с плеча, раздался выстрел, крик и... Муса лежал мертвым. Что случилось с Исмаилом – передать трудно. Мальчишка пастух, бывший свидетелем всей сцены, говорил, что он был похож на помешанного. Когда он убедился, что брат убит им и надежды на спасение нет, он отошел на несколько шагов, зарядил ружье, но прошло более 10 минут, прежде чем ему удалось изловчиться и выстрелить в себя. Пуля попала в грудь, но, несмотря на рану, Исмаил подошел к брату и со словами: «Ну, Муса, теперь уже недолго, скоро я буду с тобой!» – лег около него. Между тем на выстрелы и на крики мальчика начал сбегаться народ с соседних кошей. Исмаил все время находился в памяти и сохранил присутствие духа до того, что вспомнил о своих мелких долгах и просил передать часы брату. Мысль, что он, убийца, еще жив, тогда как брат уже умер, терзала его невыразимо. Он просил окружающих, из любви к нему, дать револьвер или кинжал, говоря, что если бы теперь он и остался жить, то все равно позора ему не снести и при первом же случае он покончит с собою. Несколько часов длилась эта ужасная агония. Но вот раненый узнает, что послали в аул за родными. «Как, говорит он, придут еще из аула смотреть на мой позор? Будут говорить: вон лежит Урусбиев, убивший своего брата. Неужели Бог меня не услышит и не даст мне умереть спокойно?!» И здесь начинается сцена, при одной мысли о которой кровь стынет в жилах. Повторив о пистолете и получив отказ, Исмаил начал собственными руками раздирать рану и рвать на куски внутренности и, спустя полчаса, истекая кровью, умер.

Пусть этот случай послужит маленькой иллюстрацией к словам упомянутого нами автора, что чеченцу (туземцу?) недопустимы какие-либо порывы бескорыстной дружбы или любви

и что под каждым его поступком скрывается пружина корыстолюбия или личных выгод. Измаилу Урусбиеву нечего было бояться. Речи о преднамеренном убийстве быть не могло, тем более, что был свидетель смерти Мусы. Но мысль, что он, братоубийца, будет жить, тогда как брата уже не будет, что ему придется видеть горе матери убитого и чувствовать себя причиной ее слез, — так на него повлияла, что он не выдержал и последовал за братом.

А сколько еще других таких же безвестных Измаилов скрывается в аулах по горам и ущельям, сколько еще примеров того, что и под черкесской бьетса горячее, преданное и благородное сердце! Но все это покрыто пеленой! Мы молчим, и жизнь наша иллюстрируется лишь теми небольшими объявлениями, которые десятками попадают на последних страницах официальных газет: «Пропал мерин гнедой масти, грива налево, без тавра и пр.».

До каких же пор будет длиться это молчание и, почему молчим мы? Неужели нам нечего сказать о себе и живется нам так хорошо, что лучше и не надо? Или, быть может, затрудняет литературная обработка, недостаток времени, для того чтобы ею заняться? Но в этом случае весь материал может быть присылаем на мое имя в редакцию «Казбека», и пусть автор будет уверен, что встретит во мне участие и самое горячее желание помочь нашему темному брату. Наши интересы общие, и делу мы служим одному. Быть может, вместе нам удастся сделать что-нибудь и пролить луч света на туземца и его жизнь, о которой пока писали и пишут лишь в духе мерзенькой книжонки.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

III*

После 2-х месячного перерыва вновь стали выходить «Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в Нагорной полосе Терской области» Н. П. Тульчинского⁵. Вновь замелькали строчки с малопонятными для большинства публики словами: «бегенда»⁶, «ортакъ»⁷, «эмчек»⁸ и с рядами «скучных» цифр. Но для нас появление «Материалов» составляет эпоху. При маломальском знакомстве с условиями жизни туземца, невольно

* Не все «Этюды» обнаружены.

поражаешься обилием в ней всякого рода «вопросов» – вопрос поземельный, вопрос сословный, школьный, – (ведь тоже вопрос, хоть он и не звучит так складно, как первые два) и масса других мелких. Объединяет всю эту толпу вопросительных знаков один общий, который и выражает собой неопределенность самого существования туземца – «вопрос туземный»⁹. Со стороны смотреть, эти вопросы явление очень любопытное и созданы они, по-видимому, для того, чтобы людям с «независимым положением» и серьезным складом мыслей было о чем потолковать на досуге. Но поставьте себя на место туземцев, и вы получите, что сумма решений современных вопросов сконцентрируется у вас в один – вопрос будущего: «быть или не быть?»

Остановимся хотя бы на поземельных делах. И скотовод, и хлебопашец живут землей. Она для них все и является главным объектом и их интересов, и их споров. Но ни одну секунду не должен он забывать, что над ней тяготеет знак вопроса! Ни купить, ни продать, ни заложить! Возникли недоразумения – обратись в горский суд. Но что делать, если и его решение не удовлетворило? Знак вопросительный! Предположим, что я живу своим клочком. Я не желаю ни продавать его, ни закладывать, покупать новых – тоже. Казалось бы, чего тут еще? Увы, и я тут не избавлен от гнета вопросительного знака! Я буду вечно жить под кошмаром грядущего «решения», и вечно меня будет преследовать мысль, что по этому решению мой участок попадет в чужие руки, а мне отведут другой. И вот я начинаю каждому приезжему в аул задавать один и тот же неизменный вопрос: нет ли хапаров?*

Увы, хапаров нет!

Правда, с другой стороны, какой египетский труд разобраться во всей этой путанице земельных отношений, столь не похожих на те, которые установлены правом культурных народов. Заклад перемешан с арендой и длится десятки лет, фамильные земли, проданные много лет тому назад, могут быть выкуплены старыми владельцами у новых за ту же цену, даже помимо желания этих последних. Всюду обычай и ни клочка документов! И в этом хаосе мелькнули вдруг «Материалы» г. Тульчинского! Вот в этом смысле появление их и составляет эпоху.

До сих пор земельным вопросом если и занимались, то под сурдинку, и труд г. Тульчинского является первым опытом об-

* Новостей.

суждения его в печати. Собственно говоря, название «Материалов» мало к нему подходит. Это не «Материалы для решения вопроса», а самое его решение. Правда, решение это, на мой личный взгляд, страдает некоторой «односторонностью»*: незаметно для самого себя автор впал в роль прокурора одной из заинтересованных сторон, и это-то отсутствие объективности и составляет главный недостаток его труда¹⁰.

Нельзя согласиться и еще кой с чем в «Материалах». Сюда относится, между прочим, теория образования частной собственности в горах, а также высказанный в них взгляд на горские суды. Впрочем, касаться всего этого мимоходом в «Этюдах» не место. Труд г. Тульчинского серьезный, и отвечать ему надо серьезно же, а для этого следует подождать окончания выхода если не всех «Материалов», то по крайней мере той их части, которая касается горских обществ Кабарды¹¹.

Но во всяком случае, нельзя не сказать г. Тульчинскому спасибо. Много труда и времени поглотили его «Материалы», и в каждой их строчке звучит любовь к делу и искреннее желание пролить свет на этот запутанный вопрос. Заслуга г. Тульчинского велика и в том еще отношении, что труд его не остался под спудом и его живое слово, надо надеяться, заставит высказаться по этому же предмету и кой-кого из туземцев, интересы которых так или иначе «Материалами» затронуты, а это единственный способ разобраться в этом наиболее хаотичном и наиболее жгучем вопросе будущего наших гор.

* * *

Недавно мне случилось присутствовать на одной туземной свадьбе в ауле.

Большой двор был почти вплотную заполнен народом. Вдоль стен, на камнях, сидели старики, молодежь стояла группами, переговариваясь с толпой девушек, как-то робко забившихся

* Автор, насколько нам известно, имеет в виду частную собственность некоторых привилегированных фамилий, но мы этой «односторонности» в труде г. Тульчинского не видим, хотя охотно дадим место всякому возражению в интересах полного разъяснения этого, в высшей степени важного, вопроса.

К сожалению, г. Шаханов на этот раз очень лаконичен, что, впрочем, объясняется тем, что он еще не получил окончания первой части «Материалов». (Примечание редакции газ. «Казбек». – Т. Б.)

в один из углов. Под мерные удары ладошей, под звуки гармонии, выводившей однообразно-печальный мотив старинного танца, по свободной площадке двора двигалась девушка. Чем-то грустным, какой-то затаенной заботой веяло от этой худенькой, почти детской фигурки. С полуопущенными руками, с наклоненной головой, почти машинально выделявала она знакомые с детства фигуры и так же машинально вернулась на место. Ее сменила другая. Эта улыбалась, но ее глаза, устремленные куда-то вдаль, говорили о том, что мысли ее далеко. О чем она думала? Что тайлось у нее там, глубоко, на душе? Скажет ли она кому-нибудь это?!

А гармоника играла, ладоши хлопали, и девушки все танцевали, танцевали и танцевали...

– Надинь! Нравится вам? – послышалось с балкона по-русски.

– Нет, я ожидала большего. Слишком однообразно: и музыка и танцы! – ответил женский голос.

Но вот музыка смолкла. Гостям, русским из соседней Калы, хозяин вынес стаканы с чаем. Это был богатый и влиятельный горец, и желание угодить важным гостям было написано на его лице.

– Кучук! – обратился к нему один из гостей. – Отчего же они не поют? Разве у них нет своих песен?

– Нет, песни у нас есть. Если хотите, можно сказать.

В группе стариков задвигались. Подошла молодежь, круг сомкнулся и один из старцев запел. Протяжно и заунывно пел он об отдаленных временах богатырей-нартов, об их громких делах, о жизни, чуждой лжи и измене. Ему вторил хор так же заунывно, так же гнусаво. Все приутихло. Девушки забились еще глубже в угол и, робко прижавшись друг к дружке, впились глазами в певца.

А вдали могучий горный хребет, залитый пурпурными лучами заходящего солнца, смотрел на эту горсть своих сынов, такую бедную и жалкую, и, как бы вторя унылой песне, шептал: «Все это было, было, прошло и не вернешь тех людей!»

– Послушайте! Да ведь это Бог знает, что! Ни мотива, ни...

– Гнусавят!

– Нет, ха, ха, ха, вот так пение!

– Вы только послушайте, хор, хор-то каков!..

Увы, они не поняли! Здесь все было им чуждо. В танцах мало огня, в мелодии мало жизни. Они ожидали большего, – оказа-

лось неинтересно. Да, они не поняли, что здесь выливалась вся горечь тяжелой, безотрадной жизни без надежды, без малейшего просвета в будущем. Но не мы ли виноваты в этом?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

IV

Помнится, в первом этюде я говорил о том, что туземцы упорно молчат, и убеждал их писать о себе. Но вот на днях мне попала статья туземца, и я вижу, что надо сказать еще несколько слов о том, как туземцу писать не следует.

Статья озаглавлена «Последствия калыма»¹². Содержание ее в 2-х словах, следующее: в 1895 году владикавказская консистория¹³ сделала распоряжение об уничтожении калыма среди православных осетин, и осетинский народ был очень доволен. «Но, к сожалению, в непродолжительном времени требование калыма возобновилось с прежней силой 300—600 р.». Автор удивлен и негодует. Калым вреден, его уничтожили, осетинский народ был весьма доволен, и вдруг такой пассаж: «требование калыма возобновилось с прежней силой!» «Нельзя ли, говорит он, найти меры на такое прочное уничтожение калыма, чтобы никакими поворотами невозможно было возобновить его».

Что калым вреден — с этим никто не спорит. Что для большинства трудно его выплатить, что за неимением денег приходится умыкать невесту, а это поддерживает у осетин нежелательный взгляд на женщину; что осетинки невежественны, а пока невежественны они, будут невежественными и их дети, т. е. все тот же осетинский народ — со всем этим я согласен. Готов согласиться даже и с тем, что, говоря словами автора-туземца, «поучительная жизнь образованных матерей, отражаясь в привязанных к ним детях, могла бы выработать в них более благовоспитанных и полезных людей». Но вот с тем путем уничтожения калыма и увеличения в Осетии благовоспитанных людей, который он предлагает в своей статье, согласиться «решительно невозможно». Консистория уничтожила его бумагой, а он оказался учрежденным не бумагой, а обычаем и потому вышло конфузное *quiproquo*¹⁴: все были довольны, а калым продолжали платить по-прежнему. По-видимому, автор думает, что если бы написать еще одну бумагу, то эта уже его добила бы окончательно. Я же, увь, полагаю, что ему пришлось бы вновь

удивиться: требования калыма возобновились бы с прежней силой.

Как это ни странно, а автор туземец, плачась на вредные последствия калыма и выражая надежду, что на «статью сию будет обращено внимание», – забыл обратить внимание на то, что делается вокруг него и что делает он сам. Перед своей фамилией он машинально подмахнул слово «учитель», наивно думая, что оно выражает нечто вроде «коллежского секретаря»¹⁵ или «титулярного советника»¹⁶, иначе он не просил бы других придумать способ прочного уничтожения этого зла, а сказал он его сам.

Ведь автор – учитель. У него есть школа. Десятки детишек, мальчиков и девочек, проходят ежегодно через его руки и от него впервые узнают о том, что дурно и что хорошо. Он рассказывает им, быть может, иногда, что их народец и беден, и дик, что они будут если не из числа первых, то из числа немногих, просвещенных грамотой и умеющих отличать правую руку от левой, и что это налагает на них обязанность принести посильную пользу своему народу, как приносит ее он, учитель. Вот тогда бы его ученики, эти черные и белые головки, выросши, став на ноги и расселившись по своей Осетии, повторили бы по всем ее углам заветы своего учителя и уничтожили бы и калым, и другие вредные обычаи, да так, что «никакими поворотами они уже больше бы не возобновились».

Вот что я хотел сказать учителю-автору. Еще 2 слова о языке, которым написана его статья. Ведь слог тоже великое дело. Как бы хороша сама по себе ни была мысль, но раз она изложена в смешной форме, результат ее будет совсем не тот, которого добивается автор. Статью, подписанную туземцем, читают уже с маленьким предубеждением и надеждой встретить в ней каких-нибудь «мая», «твая». А когда еще эта «мая», «твая» написаны в семинарском стиле, то выходит совсем карикатурно, и если и обращает на себя внимание, то вовсе не в том духе, как этого желал бы сам учитель-автор.

Мне лично было вдвойне досадно читать «последствия калыма». Досадно, во-первых, потому, что они принадлежат к числу тех немногих строчек, которые пишет туземец о туземцах же, а во-вторых, потому, что туземец этот – учитель. Но может быть, теперь и сам автор желал бы взять их обратно?

Не поможет ли мне читатель разобраться в одном эпизоде, свидетелем которого я был недавно?

Дело происходило в ресторане. К одному господину, видимому немцу, ужинавшему за общим столом, подошли двое – русский и туземец. Русский поздоровался с немцем и почти сейчас же предложил выпить за чеченцев. Туземец принял тост и чокнулся, но немец запротестовал и начал пушить чеченцев вдоль и поперек. И такие-то они, и сякие-то, воры, мошенники, фанатики. Об истине, вроде той, что все они поголовно разбойники, не стоит и упоминать, но в этой филиппики¹⁷ были и такие выражения, которые в печати звучали бы несколько неудобно. Русский защищал, но противник его очень уж разошелся и потому защита хромала. А туземец? Он сидел тут же рядом, и ни один мускул не дрогнул на его лице! Оно, казалось, говорило: «хорошо, что я глух и ничего не слышу!»

Я долго следил за этой сценой. Мне все казалось, что в конце концов и черкеска проявит признаки жизни и скажет немцу два слова, хоть бы таких: «вы знаете, что я чеченец. Думайте о нас все, что вам угодно, но будьте несколько деликатны, не говорите этого так громко и в моем присутствии». И я ждал. Но немец говорил, русский подавал ему протестующие реплики, а туземец рассматривал букет запыленных бумажных цветов, канделябры и фигуру узора на скатерти!..

– «Скажите, пожалуйста, вы туземец?»

– «Да».

– «Чеченец?»

– «Да».

– «Неужели же вы могли так спокойно слушать все то, что говорил этот господин, и не считали нужным сказать хоть слово в защиту своего народа?!»

Знаете ли, что он ответил? Полушепотом, как бы извиняясь и боясь потревожить и прервать речь «его», ту речь, в которой ругали чуть ни площадными словами отца, братьев и его самого, он сказал:

– «Это, знаете, так, промеж себя, дружеская беседа!»

Что же это такое? Кто мне даст ключ к этому эпизоду? Очевидно, к безответственности в печати надо прибавить еще и словесную безответственность.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

V

Я получил 2 письма от туземцев. Одно от осетина, подписавшегося «Авхард»¹⁸. Он просит обратить внимание общества и православных осетин в особенности на ардонскую семинарию. Другое от чеченца Н. Н. Этот ничего не просит и ни на что не обращает внимания. Но сначала несколько слов о самих письмах.

Чем-то хорошим и свежим пахнуло на меня от строк г. Н. Н. Мне показалось, что я читал их уже где-то, что они знакомы мне давно. В каждом слове этого письма чувствуется такая страстная жажда деятельности, такое искреннее желание помочь чем-нибудь своему темному собрату, что, читая его, невольно прощаешь автору все те странности и преувеличенности, которые при других условиях звучали бы ходульно и фальшиво. Видимо, автор принадлежит к числу тех людей, которые говорят то, что думают, и пишут, что говорят. И в этой-то черте, быть может, и кроется причина того светлого впечатления, которое производят на читателя его строки.

Г. Н. Н. спрашивает меня, между прочим, что ему делать, как применить свои знания с наибольшей пользой для народа. Он готов пожертвовать собой. Жертвовать собой, конечно, не надо, но фраза моего корреспондента вовсе не так наивна и бессодержательна, как то может показаться с первого взгляда. Просидеть 10-12 лет на школьной скамье, получить высшее образование, добиться положения, денег, а затем бросить все, зарыться в аул на жалкое жалование сельского учителя и жить там в глуши, без поддержки и общества, с одним лишь сознанием святости дела, которому служишь, – не значило ли бы это пожертвовать собой? Эта жертва настолько велика, требует столько душевных сил и самоотвержения, что и я не решаюсь даже о ней говорить. Но ведь наш туземец так беден, так беспомощен, что есть тысячи способов быть ему полезным и не жертвуя собой.

Выйдите часов в 7 утра на бульвар. Город еще не проснулся, магазины заперты, но бульвар не пуст. То на одном, то на другом конце его вы заметите группу рваных черкесок, как-то беспомощно озирающихся по сторонам и не знающих, как себя держать среди чуждой им обстановки. А между тем не простое любопытство привлекло их сюда: у всех их есть какое-нибудь дело. Вон проходит мимо них офицер. Черкесы зашевелились

и почти набросились на него. Послышались гортанные звуки нерусской речи: офицер – туземец. Но посмотрите, как ему хочется поскорее отделаться от незваных земляков! Здесь ведь не аул! Да и какая тоска с ними возиться! Не прошло и двух минут, как офицер зашагал уже дальше, оставив черкесов все так же беспомощно озирающимися по сторонам.

Отчего он их оттолкнул? Он думал: «помоги я этим, они вернуться в аул и расскажут всем, что я устроил их дела. Через месяц моя квартира превратится в базар, а я сам не буду знать ни минуты покоя. Обойдутся и так как-нибудь».

Конечно обойдутся, но только как? Объясняясь знаками и кой-какими словами, расскажут они одному из тех ходатаев, которые давно уже поджидают их у дверей суда и конторы нотариуса, кого и о чем хотят просить. Привычной рукой ходатай настроит на двух листах прошение, получит двугривенный, и счета кончены. Черкес сложит бережно «бумагу», завернет ее в платок, положит за пазуху и отнесет в суд или канцелярию. Но знает ли он, о чем хлопочет? Открыть двери своей квартиры для толпы, ходить с ней по судам и конторам конечно трудно. Это значило бы пожертвовать если не собой, то своим покоем. Но не надо и этого. Не нянчиться, не отречься от себя для дикаря-туземца нужно, требуется лишь не гнушаться им, не отталкивать, стараться принести ему посильную помощь – вот о чем говорю я. Это не трудно, по силам каждому, а многие ли из нас это делают?

Но я увлекся. Думаю, все-таки, что г. Н. Н. понял, что я хотел ему сказать. Быть полезным можно во всем и при всяких условиях, даже на школьной скамье. Помните, что я говорил о наших сказках, песнях, преданиях, о нашем эпосе? Ведь он гибнет, а в нем вся наша связь с прошлым. Если мы его не ценим теперь, то когда-нибудь да оценим, а что если будет поздно, если к тому времени и ценить-то уже будет нечего? Не обезличиваем ли мы себя сознательно сами?

Лично я считал бы, что труды мои не пропадают даром, если бы результатом этих этюдов явилась хоть одна напечатанная легенда, если бы среди ежедневных корреспонденций из станицы стали мелькать корреспонденции из аулов. Для большинства ведь мы все еще загадка, разгадывая которую, одни говорят «черкесы», а другие – «разбойники». А мы просим только одного: «не создавайте особого масштаба для оценки наших дел и

поступков, смотрите на нас без злобы и ожесточения, так просто и человечно, как смотрите вы на остальных людей».

Совершенно иначе пишет г. Авхард. В его письме нет и тени той экзальтированности и восторженности, которая бросается в глаза при первом взгляде на письмо г. Н. Н., хотя несомненно, что и г. Авхард очень еще молод. В этих двух письмах сказалась вся разница между чеченцем и осетином. В то время как первый чего-то жаждет, ищет, к чему-то стремится, второй деловым, почти сухим тоном говорит, что называется, по существу.

Г. Авхарда поразил следующий факт. Несколько лет тому назад многие, окончив ардонскую семинарию, не довольствовались образованием, в ней полученным, и искали высшего. С некоторых же пор явление это стало наблюдаться все реже и реже и в этом году в академию поехало всего 2-е. Г. Авхард спрашивает, чем все это может быть объяснено, тем более что окончившим курс в семинарии предоставлены права на получение дальнейшего образования, на что есть несколько циркуляров свыше.

Г. Авхард обратился с этим вопросом ко мне, но я, к сожалению, в этой области совершенно некомпетентен.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

VI¹⁹

Неделю тому назад в «Казбеке» была помещена статья г. Гаппо²⁰ «Слава Нузала», посвященная отчасти древнеосетинской поэме «Алгузиани»²¹. Оставив в стороне «Алгузиани» – как поэму, значение и ценность которой не только для осетин, но и для туземцев всего Северного Кавказа вообще не подлежат сомнению, остановлюсь на истории самой рукописи.

Меня в ней больше всего поразил следующий факт: до 1840 г. рукопись «Алгузиани» хранилась в сел. Нузал в часовне. Осетины ее берегли в продолжение многих веков, но заговорили о ней только тогда, когда она пропала²². «История наша пропала навеки», – говорил народ. К счастью, пропала она не навеки, и не бесследно, но вот что прискорбно и горько: «нузальский оригинал был с портретами царей Осетии и в заголовке рукопись имела раскрашенное изображение самого Алгуза», – а ее-то, как можно видеть из приведенных строк М. Г. Джанашвили,

и нет. Но где же она?! «Поэма Алгузиани» – маленькая страничка из скорбного листа наших святынь и драгоценностей. Кавказ богат в археологическом отношении. Лет 30 тому назад на него налетела толпа ученых, рыли, сверлили, терзали недра «колыбели народов», наклеили свою добычу на папки и исчезли так же внезапно, как и появились. Я далек от мысли обвинять их в расхищении, – сохрани меня от этого Бог: среди них есть такие имена, перед которыми я, как туземец, преклоняюсь, да и всем остальным были чужды какие-либо меркантильные побуждения. Но беда вся в том, что они работали не только для науки, но и для какого-нибудь археологического общества. Бусы, позументы, черепки, монеты уложены в картонки, увезены за тысячи верст, принесены в дар музею, занумерованы, поставлены в шкаф под стекло и преданы забвению. И долго потом новгородец, москвич или петербуржец будет скользить по ним рассеянным взором, недоумевая в душе, зачем это набили шкаф подобной дрянью? Каталог говорит: «Монета времен царя Оса-Багатара». – «Что за Ос-Багатар такой? И имя какое странное! Должно быть, какой-нибудь скифский царек!» А между тем, какую ценность приобрела бы та же монета в глазах осетина, не совсем еще захваченного «кукурузой» и «рудой»!

Москвичи, петербуржцы, новгородцы, даже парижане смотрят на наши древности, исследуют, изучают и забрасывают их, но что же остается нам? Ведь нас они касаются гораздо ближе, чем их!

А мы в лучшем случае можем лишь утешить себя мыслью, что об «Алгузиани», например, нам известно следующее: Нузальский оригинал, с портретами царей Осетии и раскрашенным изображением самого Алгуза, в 1840 г. похищен священником И. Русишвили!

Несколько лет тому назад у нас во Владикавказе устроился Терский музей. Я в нем не был, но о содержимом могу судить по тем кратким заметкам, которые попадают о нем в печати: «пожертвована гривна времен царя Алексея Михайловича», «пожертвован пятак 1798 года». Что же, интересно, конечно, и это. Как интересны москвичу монеты Оса-Багатара. Но где же нузальская-то святыня, где поэма «Алгузиани», эта единственная историческая рукопись Осетии?! Исчезла ли она окончательно с лица земли или приютилась в одном из тех музеев, где новгородская гривна говорит несравненно больше сердцу, нежели десятки подобных рукописей, будь они хоть разъединственные

в своем роде. Кто разрешит эту загадку? Где искать для нее Эдипа?²³

Археологи не оставили и до сих пор Кавказа. Приезжают даже иностранцы. (Как барон де Бай). Они не жалеют денег, скупают старые монетки и битые черепки, завалившиеся среди хлама в сундуках осетин, чеченцев, кабардинцев, и увозят их для своих частных и общественных коллекций. Наш терский музей не располагает денежными средствами и существует, насколько мне известно, почти исключительно доброхотными пожертвованиями. Ну а раскопки производить он тоже не имеет права? В летнее время нашлось бы, наверное, немало охотников прийти ему на помощь в этом деле вполне безвозмездно. А сколько бы других святынь и гордостей, теперь никому неведомых, было бы сохранено и какое бы значение он приобрел, если бы он стал «Терским» ни по одному только названию, но и по содержимому!

А, впрочем, чего это я так раскипятился!

Не новый ли это вопль в пустыне?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

VII

Г. Ешевский поместил в «Казбеке» по моему адресу маленькую отповедь, в которой уличает меня в каких-то тайных помыслах и ядовитых ухищрениях²⁴. На отповедь эту я не хотел сначала отвечать вовсе, да и мудро, признаться, на нее ответить! С одной стороны, просьба редакции не переносить полемики на личную почву и полнейшее нежелание полемизировать с кем бы то ни было в этом направлении, а с другой – отвечать «по существу» столь же затруднительно, как и вести полемику о «личности» г. Ешевского. В статье его я мог изыскать всего два «факта»: первый – «Я живу в Нальчикском округе уже 13 лет», второй – «Горский быт известен мне не хуже г. Шаханова».

Что я могу сказать на это? – Выразить лишь свое полнейшее удовольствие, да и пожелать еще разве автору дожить там же до Мефусаиловых лет²⁵, – а чтобы спорить – да сохрани меня Бог! И так «по существу» мы согласны, лучше всего было бы молчать, и если я теперь не молчу, то лишь потому, что г. Ешевский нашел в моем «Этюде» нечто такое, что является сюрпризом не только для читателей, но и для меня самого, – враждебное

отношение к г. Тульчинскому и желание умалить значение его «Материалов».

Прочитав мой III «Этюд», г. Ешевский сказал себе: «г. Шаханов говорит, что появление труда г. Тульчинского составляет эпоху. Но это – лукавство. Настоящая цель этюда – «умалить его значение», и, придя к такому оригинальному умозаключению, сел и написал статью на тему: «Да не безызвестно будет публике, что г. Шаханов-Джанхотов старается бросить тень на ценность самого труда г. Тульчинского и ослабить впечатление, производимое этими любопытными «Материалами». Причем не из числа обывденных, и, следуя ему, я должен был бы решить, что г. Ешевский недоволен моим «Этюдом» лишь «по-видимому», и, исходя из этого соображения, принести ему благодарность за сочувственный отклик. Но я боюсь упрека в плагиате.

Г. Тульчинского я не только не «критиковал осторожно», но и не критиковал вовсе. Не критиковал потому, что считал скороспелые ответы на «Материалы» неуместными, сам же я в Нальчике не живу, следовательно, для того, чтобы ответить, должен или поехать туда и собрать кое-что на месте, или же ждать, пока мне вышлют материалы для ответа. В «Этюдах» же говорить о труде г. Тульчинского я считал неудобным еще и потому, что это было бы отступлением от той программы «Этюд», которой я держусь. Моя обязанность отметить появление «Материалов» и указать их значение, что я и сделал. Здесь же мною был высказан и мой **личный** взгляд на них, причем с выводами г. Тульчинского я не согласился. Но где же тут «умаление значения» «Материалов» и почему это мне непозволительно «свое суждение иметь»?

Отчего г. Ешевский мне не поверил и написал ответ на мои «помыслы» – это для меня тоже ясно: зная, что я таубий, он не мог допустить, что я признаю какое-нибудь иное разрешение земельного вопроса, кроме сохранения существующего statusquo²⁶, и здесь-то вот, неожиданно для себя, потерпел маленькое фиаско – ясновидение на этот раз ему немного изменило!

На этом я и полагаю окончить «полемику» с г. Ешевским. К прискорбию, должен сознаться, что г. Ешевский, как оппонент, мне решительно не по плечу. В печатных строках я вижу лишь то, что напечатано, и поэтому никогда с г. Ешевским не только что не сговорился бы, но и не добился бы толку. А потому почел за лучшее сдать г. Ешевскому на капитуляцию, признать себя

вполне побежденным, заранее согласиться со всем тем, что и впредь ему будет угодно приписать мне и наложить «перст молчания на уста».

* * *

Теперь, конечно, мне ничего больше не остается, как высказать свой взгляд на поземельный вопрос в горах Нальчикского округа и объяснить, почему с выводами г. Тульчинского я не согласился. Но прежде всего спешу оговориться: то, что я изложу ниже, никоим образом статьи г. Ешевского не касается, и с первой частью «Этюда» имеет лишь ту связь, что ею вызвано. Говорю это из страха перед могущей возникнуть «полемикой».

Из «Материалов» г. Тульчинского вытекает следующее решение поземельного вопроса в горах Нальчика: земли, находящиеся в настоящее время в фактическом владении высшего сословия горцев – таубиев, следует конфисковать и предоставить в общее пользование. Сделать это надлежит, во-первых, потому, что большая часть их захвачена, а во-вторых, и потому, что таубии за потерю своих владыческих прав вполне уже вознаграждены при освобождении холопов. В подтверждение этого последнего положения г. Тульчинский в статье «Кабарда»* проводит параллель между вознаграждением, полученным князьями и узденями Кабарды, с выкупной суммой, взятой таубиями, и причем оказывается, что 300 000 руб. больше первых. Здесь извинюсь перед читателями и вдамся в некоторые подробности.

Кабардинские князья и уздени получили 1 175 747 руб.** деньгами и на 30 000 вещей и движимости. Балкарские таубии деньгами взяли 231 926 руб. и вещей на 200 000 и остальные 1 100 000 исключительно земель (пахотные и покосные участки). Обратив внимание читателя на тот факт, что в горах почти весь выкуп составляет земля, по оценке на деньги, спрошу: что же бы вышло, если бы теперь эти земли признать за общественные? Не явилось ли бы это равносильным принудительному освобождению зависимых классов почти без вознаграждения их владельцев? Интересно знать, считает ли эту меру г. Тульчинский отвечающей требованиям справедливости.

* См. «Казбек». № 456.

** Цифровые данные взяты из той же статьи г. Тульчинского.

Во-вторых, материальное положение таубиев нельзя и сравнивать с положением привилегированных классов Кабарды. Странно, каким образом г. Тульчинский совершенно игнорировал такой крупный факт, как пожалование им свыше 90 000 десятин земли? Считая круглым счетом десятину по 60 руб., что не дорого, ибо земля удобная сплошь, выйдет, что за потерю права над холопами они получили, кроме тех 1 200 000 еще 5 000 000, что в общем составит сумму в 6 200 000 руб. Что же касается земель, полученных таубиями, которые при освобождении оценены в миллион с лишком рублей – то ценность их лишь относительная. Десятина пахотной земли в горах ценится в 2–3 000 руб., но очевидно, что это не абсолютная стоимость, а чисто местная стоимость, вытекающая из привязанности горцев к родной земле. Для русского же или для земельного банка она вряд ли пошла бы и за 15 руб. с десятины. Несомненно, что впоследствии ценность всех этих «биченликов» и «сабанов» падет и в глазах горцев.

Остаются еще те земли, которые г. Тульчинский считает захваченными. Между ними есть большие пространства, но в этих пространствах немало и камней, да вопрос не в том, каковы они и сколько их, а в законности владения ими теперешними хозяевами. Относительно «захвата» говорить трудно. Спор, собственно говоря, может идти не о нем, а о времени, в которое он произошел. В эпоху господства исключительно права сильного иного основания для собственности не могло и быть. Захваты произошли, но никоим образом не раньше конца прошлого столетия, а для большинства земель момент этот отодвигается в глубь веков. Г. Ешевский говорит, что «многие весьма крупные захваты произошли, так сказать (!), у него на глазах». На подобные обвинения отвечать невозможно, ибо они и глухи, и голословны. Поэтому желательно было бы, чтобы г. Тульчинский указал несколько недавних захватчиков.

Положение массы в горах я никогда не называл легким. Напротив, во всех моих статьях проходит красной чертой указание на крайнюю трудность жизни в горной полосе и в горах Кабарды едва ли не больше, чем где-либо. Единственный выход – это обращение части земли, находящейся в настоящее время в частной собственности – в собственность общественную, но с другой стороны, отчуждение это явится актом крайней не-

справедливости, если произойдет без всякого вознаграждения ее теперешних владельцев.

Поземельный вопрос – нешуточный и выяснение его – не игра в бирюльки²⁷. Судьба многих тысяч зависит от того, каким образом он будет решен, а потому всякое оружие в полемике о нем, кроме фактов, должно быть оставлено в стороне. Возражения же вроде: «Да небезызвестно будет г. Шаханову, что правда всегда односторонняя (!!)» – быть может, очень глубокомысленны, но, к несчастью, в данном случае вовсе неуместны, и я слишком уважаю себя и печатное слово для того, чтобы на них отвечать.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

VIII

Недавно мне попался на глаза странный поезд.

По улицам одного из местечек восточной части области двигался вьючный караван. Маленькие, лохматые лошаденки, похожие больше на ослов, чем на лошадей, шли одна за другой, понуро опустив головы и едва переставляя ноги. На спине у каждой из них болталось по паре плетеных корзинок, кое-как привязанных к самодельному седлу, с боков шли погонщики, завернутые в войлок, в войлочных же шляпах и с большими палками в руках. Караван двигался медленно и почти без шума. Изредка лишь раздавалось гортанное покрикивание, да глухой удар палки по крупу несчастного животного. «Тавлинцы»²⁸, пронеслось у меня в уме, и тотчас же больно сжалось сердце. Нищенский, жалкий, глубоко несчастный вид этих дагестанцев-погонщиков вызвал у меня в памяти поэтический образ гордого, смелого, храброго кавказского горца, созданного гениальными русскими поэтами и столько варьированного потом на все лады. «Черкес оружием обвешан, он им гордится, им утешен...» – звучит в ушах пушкинский стих, а перед глазами исхудалая, тощая фигура, с блуждающими глазами, в рубище, не подпоясанная, почти босая, и палка, которая так нещадно бьет эту крохотную лошаденку, столь же жалкую, как и ее хозяин.

Я остановил одну из кляч. Тотчас же ко мне подбежал один из погонщиков – ее хозяин. В корзинках оказался виноград. Они везли его горной тропой, через перевал, из Дагестана и находились уже около 7 дней в дороге. В каждой корзине было около 30 фунт, а фунт они рассчитывали продать по 6 коп.

Я видел потом, как какая-то русская баба торговала виноград у моего тавлинца. Шел дождик, было холодно, и торговец совсем окоченел и съезжился. «Один фунт – один шаур один копейка», – говорил он ломаным русским языком, переминаясь с ноги на ногу и засунув руки в рукава. «Один фунт – один шаур», – упорно твердила баба, вертя ладони и растопыривая для наглядности пальцы. «Зачем так говорить!» – слышался озлобленный голос, – «моя хлеба нету! моя хлеб купить, гора ташил!» Но какое было дело бабе до того, есть у него в горах хлеб или нет?! Она решила купить виноград на копейку дешевле и настояла на своем: голодный, оборванный тавлинец уступил. Бегом, таща за узду лошадь, догнал он своих товарищей, и долго потом, следя за ним глазами, я видел, как жаловался он им, размахивая руками, да колотя нещадно свою лошаденку. Лошаденка качалась от ударов и опускала еще ниже голову, но трудно сказать, кого мне было больше жалко: ее или ее хозяина!

Тысячи подобных караванов перешли в течение 2-х осенних месяцев через горы к нам в область. Но что дадут они своим хозяевам? На лошадь грузится около 60–70 ф. винограда. Считая по 6 коп. за фунт, это составит около 3-х с половиной рублей на лошадь. Через 3 недели после отбытия тот же караван вернется в родной аул и привезет вместо винограда и фруктов – муку. Надолго ли ее хватит, и что с ними будет, когда выпадет снег и возить станет нечего?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

IX

Мой V «Этюд» вызвал статью г. Аслан-Бека «По поводу высшего образования ардонских семинаристов»²⁹. В этой статье г. Аслан-Бек дает ответ на тот вопрос, который через меня месяц тому назад задал г. Авхард – почему в этом году поехало из семинарии в академию меньше лиц, чем в прошлом?

Прежде всего, я должен извиниться перед г. Авхардом за то, что поставил его в несколько неловкое положение. Все, что разъяснил в своей заметке г. Аслан-Бек, было мне известно уже из письма г. Авхарда, но по некоторым обстоятельствам написать его целиком, в том виде, в каком получил, – я не мог. Впрочем, ни я, ни г. Авхард и не думали приписывать малое число семинаристов, поехавших в академию, их собственному

нежеланию, и теперь мне остается лишь загладить свою вину и попросить г. Аслан-Бека ответить еще на один вопрос: почему же в этом году не могли удовлетворить своему стремлению к высшему образованию все искавшие его, если это было возможно в прошлом? Не отказавшись ответить, г. Аслан-Бек выяснил бы этим один из самых насущнейших вопросов в этом деле. Статью г. Аслан-Бека, точно так же, как и еще 2 статейки *, написанные туземцами, я прочел более чем с интересом. Повторю еще раз: работать на такой обширной и почти нетронутой почве, как туземная жизнь, мне одному не по силам. Г. Аслан-Бек в писательстве, по-видимому, не новичок и мог бы вполне взять на себя труд быть проводником в печати вопросов, вызываемых жизнью Осетии.

Из двух других статей особенного внимания заслуживает корреспонденция из Базоркинского селения. Собственно говоря, статья могла бы быть помечена с успехом не только Базоркиным, но и любым селением области, так как в настоящее время едва ли найдется хоть один аул, который не желал бы иметь школы. Но условия для нее различны: одни богаче, другие беднее и сообразно с этим одни более, другие менее могут обеспечить возникновение и содержание школы своими средствами. В Базоркине, например, обстоятельства сложились исключительно благоприятно, так как аул должен получить тысячу рублей от Владикавказской жел. дороги за отчужденную под полотно землю, которых хватит вполне на возведение школьных построек. Г. Г. Б. просит, кроме того, «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области»³⁰ не отказать в нравственной поддержке, исходатайствовать у кого следует разрешение на открытие школы. Я думаю, что «Общество», если бы к нему действительно обратились с этой просьбой, приложило бы все старания к ее осуществлению, так как желание базоркинцев идет навстречу его задачам. Я считаю эту коротенькую корреспонденцию г. Г. Б. большим шагом вперед в деле поднятия завесы, которая вот уже много лет покрывает все, что касается туземца и его нужд. До сих пор если в печати и попадались изредка строки, подписанные туземцем, то они касались исключительно осетин, и вряд ли я ошибусь, если скажу,

* «Военно-Осетинская дорога» Б. Г. «Казбек». № 575. Корреспонденция из сел. Базоркинского. Г. В. «Казбек». № 577.

что статья г. Г. Б. является первой статьей об ингушах. Быть может, это начало, и скоро заговорят и кабардинцы, и горцы, и кумыки. Я далек от мысли желать, чтобы это случилось сразу, все идет своим чередом и на все нужно время. Но я убежден глубоко, что недалек уже тот час, когда и туземец перестанет быть неодушевленным предметом, когда и с ним придется считаться, как с человеком, знающим, чего он ищет и чего желает.

* * *

Хочу передать разговор, который подслушал нечаянно в одну из своих поездок в аул.

На камнях, возле мечети, сидели два мальчика. Старшего я узнал сейчас же. Это был высокий, худощавый юноша, лет 15, сын одного из самых зажиточных жителей аула. Он уже 4-й год как учился в гимназии, и аккуратно каждые каникулы приезжал к своим в аул. Звали его Ибрагимом.

Другой был года на два моложе своего товарища. Порванная черкеска, дырявая папаха, отсутствие пояса – все обнаруживало в нем бедняка. И действительно, нелегко жилось маленькому Кучуку! Но он не унывал, и теперь вот сидел как ни в чем не бывало на камне и постругивал ножичком Ибрагима палку, хотя и знал, что дома его, наверно, уже ищут.

– Ну и что же, долго ты у нее жил? – услышал я его голос.

– Нет, – отвечал Ибрагим. – У этой русской женщины я жил недолго – месяца 3. Отец привез меня к ней и говорит по-русски: «Ну, Ибрагим, я уйду, а ты слушайся ее, что велит, то делай». А сам по-нашему прибавляет: «Смотри, не научись только есть свинины».

Мальчики засмеялись.

– Да, хорошо тебе, – заговорил быстро Кучук. – Отец у тебя есть, всего у вас много. Вот теперь ты учишься там, где-то, потом через три года приедешь к нам офицером, все будут за тобой ходить, старики посадят вместе с собой. А я все останусь таким же байгушем³¹, пастухом, как и теперь. А что, в школу берут одних богатых?

– Зачем богатых? Всех берут!

– Нет, – печально покачал головой Кучук, – меня бы не взяли. Видишь, у меня и черкески нет, бешмет порван, папаха тоже, чувяки давно уже без подошв. Да, пожалуй, и учиться там трудно, говорят все по-русски. Я бы не смог. Где мне!

Мальчик замолк. Я посмотрел на его лицо. Оно было не то что печально, а грустно. Глаза полузакрыты, палочка выскользнула из рук и сам он весь как-то застыл. Казалось, и он видел себя офицером, видел, как и его встречали с почетом старики, как плакала от радости мать. Но не для него все это!

– Ибрагим! – проговорил он вдруг, и такой тоскою прозвучало это слово, что товарищ его вздрогнул.

– Что, Кучук?

– А ведь ты нас забудешь.

– Как забуду?

– Так, забудешь, как забыли Али Тусуев, Ахмат Касоев. Ты станешь офицером или там доктором. Будешь получать много денег, дослужишься, почем знать, до полковника. Зачем же ты приедешь к нам? Мы бедны, живем грязно. Зимой у нас холодно, дождь пойдет, в очаг вода льется. Вон твой отец богатый и с русскими знаком, а живет так же, как мы. Разве ты так можешь жить? Я ведь был много раз в русском доме и видел, как они живут. У них хорошо, пол есть, печка, тепло, чисто. Нет, тебе у нас жить нельзя, – уверенно прибавил он. – А все же ты нас совсем не бросай. Место хорошее можно и здесь где-нибудь достать. Родные будут к тебе ездить, может, и я бы приехал посмотреть, как ты живешь. Темирбулат говорил, что там, в городе, есть такие дома, что и наверху ходят и внизу. Вот бы мне взглянуть...

– Кучу-у-ук! О-о, Кучу-ук! – раздался где-то поблизости звонкий голос. Мальчик вскочил.

– О-о-о, – прокричал он в ответ с такою силой, как будто звавший его был за версту.

– Иди скорее, отец вернулся, тебя спрашивает, – кричал все тот же голос. – Говорит, почему корову не загнал.

– Иду-у, – ответил Кучук. – Прощай, увидимся вечером после намаза, – прибавил он уже на ходу Ибрагиму и скрылся в боковой улице.

«Бедный мальчик, – подумал я, идя домой. – Как-то примет его этот Ибрагим, когда он лет через 10 приедет к нему в город посмотреть на двухэтажный дом. Или, быть может, город будет так далеко, что не доехать до него Кучуку. Не отвернется ли от него и этот Ибрагим, как отвернулись уже десятки таких докторов и офицеров?»

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

XI

– «Читал ваши «Этюды», – говорил мне на днях один русский, – и, сказать по правде, кое в чем с вами не согласен. Я не понимаю, каким образом можете вы закрывать глаза на все отрицательные стороны жизни, осветить которую взялись. Ведь факты всегда останутся фактами. Возьмите любой номер хотя бы того же самого «Казбека», и вряд ли вы не натолкнетесь в нем на сообщение о разбойничьих деяниях, столь любезных сердцу вашему, чеченцев и ингушей. Что вы мне на это скажете?»

Очень грустно, если мнение это не единичное и на многих «Этюды» производят такое впечатление. Больше чем чего-либо стараюсь я избежать односторонности и предвзятости, ибо считаю, что нет ничего бессмысленнее и вреднее системы обеления. Убаюкивать себя и других стереотипной фразой – «все обстоит благополучно» и «мы не только не хуже, но и лучше других» – было бы заслугой весьма сомнительного качества. Что туземец дик, что чувство законности привилось к нему еще очень мало, что среди них находятся охотники до того, что плохо лежит, – все это, к несчастью, правда. Но ведь об этом никогда и не заходит речь; вся соль в тех причинах, которыми эти явления обуславливаются. Разбой делают нашей профессией, на нас самих хотят смотреть, как на людей с атрофированным нравственным чувством, с которыми ничего уже поделаться нельзя, кроме разве попытки «обезвредить». Исходя из этого соображения, и школа является лишней, ибо «что она может дать психически ненормальным нравственным уродам? Быть может, и на этот раз по моему адресу готов уже сорваться упрек в пристрастии и сгущении краток. Но, к несчастью, я имею неопровержимые доказательства того, что приведенный взгляд не есть плод моей фантазии, и в подтверждение его указать на целую книгу отуземцах, из которой приведенные строки почти целиком процитированы. Где уж тут, следовательно, говорить о достоинствах и высоких качествах туземца! Сначала надо похлопотать о признании за ним права называться человеком, а что дальше – там уже будет видно! Это первое.

А второе – и самая цель «Этюд» выражена мною, очевидно, так туманно, что заставляет о себе догадываться. Задачу – ос-

ветить туземную жизнь – я на себя взять не могу, хорошо сознавая, что мне одному она не по силам. Быть в курсе жизни всех 5 народностей, составляющих туземный контингент области, – является делом очень трудным для меня и весьма легким для интеллигенции каждого из этих народов в отдельности. Отсюда и «Этюды» имеют главной целью убедить туземную интеллигенцию в том, что ее сотрудничество в этом деле более чем необходимой является той посильной пользой, которую она может принести родному народу и к которой обязывается уже исключительным положением, занимаемым ею среди туземной массы. И потом – неужели же нам нечего сказать друг другу. Нас мало, мы сильно разрознены, некоторых судьба закинула за многие тысячи верст от родины³². Видеться, поговорить мы не имеем возможности, а поговорить есть о чем. Пробел этот может заполнить одна лишь печать. Я не могу понять, что заставляет туземную интеллигенцию так фанатично молчать? Ведь не красноречие, не блеск, не талант здесь нужны, а нужен тот обмен мысли, без которого невозможно ни одно живое дело, а наше тем более. Что может сделать каждый из нас в отдельности? Силы наши так малы, а задача так велика! И между тем, сколько хорошего, доброго, полезного могли бы мы сделать, если бы не жили так врозь, не рвали между собой связи, да не забывали, что только мы одни и можем вывести нашего, детски беспомощного туземца из того мрака и невежества, которым он сейчас окружен.

Неужели и это — мечта и должна оставаться таковою?!

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

ХII

Группа татар-оборванцев³³ пришла одним утром на пастеровскую прививочную станцию в Тифлис³⁴. Их загорелые лица, головы с пробритой по середине полосой, их одежда, наконец, та стремительность, с которой они вскакивали при входе каждого прилично одетого русского, – все обнаруживало в них жителей какого-нибудь затерянного аула, попавших впервые в столь непривычную для них обстановку большого русского города. Старший, почти старик, поглядывал сурово и мало говорил. Судя по его бесстрастному лицу, трудно было сказать, о чем он думал, да и думал ли вообще о чем. Рядом с ним сидел мальчуган, почти

ребенок. Этот поглядывал с любопытством вокруг: на лавки, столы, стулья, под потолок, на самих урусов³⁵, которых видел впервые так близко и в таком количестве, и которые оказались вовсе не такими страшными, какими он их себе рисовал. Кроме этих двух было еще трое татар, лет 15–20. В них я не всматривался, они сидели в уголке, говорили вполголоса и старались как можно меньше обращать на себя внимание. Но я хорошо запомнил, что всех их было 5.

На следующее утро я застал приемную в каком-то возбуждении. Стоял гул и слышались отдельные голоса: «разве так можно!», «зачем было прямо говорить!». Беглый взгляд, брошенный на татар, сидевших на прежнем месте в углу, сказал мне, что причиной всему они и что с ними что-то случилось. Что именно – я еще не мог себе отдать отчета, но было несомненно, что беда стряслась.

Но что же такое?

– «Знаете ли, какой случай, – как бы в ответ на свои мысли услышал я около себя голос, – товарищ-то вот этих, помните, вчера еще все улыбался? Черный такой, в шубе?»

Я посмотрел: их четверо. Одного недоставало.

– «Ну?»

– «Заболел, в больнице остался. Фельдшер ему так и сказал сегодня: «Ну, говорит, тебе брат теперь и ходить не стоит на станцию, потому что ничем там тебе не помогут. Ты уж лучше простись с братом, да с белым светом. Песня твоя спета!»

– «Да про что вы говорите, не пойму вас! Чем заболел? Почему песня спета?»

– «Бешенством заболел, водобоязнью...»

Так вот оно что! Я почувствовал, как и меня стала брать дрожь.

– «Господин, зачем фельдшер так сказал?» обратился ко мне персиянин, исполнявший при бессловесных татарах роль поводыря, «ему брат здесь есть. Брат ночью вовсе не спит, все плакит, плакит. Сегодня утром моя пошел с братом к нему. Он говорит: «давай мне воды!» Немножко вода на ложке положил – нет, нельзя пить! Вода рот близко пошел, голова назад пошел! Пропал теперь совсем! Только разве так можно? Зачем фельдшер брату сказал, что он пропадет? Брат теперь все плакит. Они далеко прошел, ему здесь никому нету! Их волк кусил...» И слово за слово он рассказал мне их историю. Почти месяц тому назад

на кош татар одного из кишлаков Бакинской губернии ворвался волк. Была ночь, пастухи спали. Среди баранов поднялась суматоха, на которую выскочил первым юноша лет 17, тот, что теперь заболел. Волк в это время уже сцепился с собакой, но, увидя нового врага, бросил ее и накинулся на пастуха. Четверть часа длилась эта борьба человека со зверем. Когда пастухи проснулись и помощь подоспела, мальчик был уже искусан в нескольких местах. Покусав еще четырех, волк кинулся в соседний кош, где его и пристрелили.

Внешний вид волка, та ожесточенность, с которой он кидался на всех, заставили предположить в нем бешенство, но потерпевшие большого значения этому не придали. Когда же они узнали, что их могут отправить в Тифлис, то даже стали прятаться. Так прошло 10 дней, пока, наконец, весть о происшедшем не дошла до пристава, и тогда приказал старшина отправить их немедленно на прививочную станцию. Старшина собирал в это время подать. Сегодня, завтра, послезавтра, день за днем прошло еще 2 недели и только на 28-й день после укуса попали они в Тифлис. Но было уже поздно!

Пока все это, пугаясь, останавливаясь и подбирая выражения, рассказывал мне персиянин, думы, одна тяжелее другой, проходили в моей голове. Гибнет молодая жизнь. Семнадцать лет – почти мальчик! Где-нибудь в кишлаке, за сотни верст отсюда, старая, в лохмотьях, татарка ждет не дождется его возвращения. Она не знает, зачем ушли два ее сына и когда они вернутся. Она спрашивает других, но никто не знает больше ее. Пройдут три недели, прививка кончится, больные вернутся в родной аул, но между ними будет только один из сыновей. Какую весть принесет он своей матери?!

А как легко и возможно было спасение! Какой-нибудь недель раньше – и не было бы этих мук, страшнее которых нет на свете, не было бы и этого безысходного горя матери. Найдись лишь один человек, способный сказать им и их старшине, какой яд в себе они носят и как надо торопиться! Но где взять таких людей? Разве станет такой человек жить или приезжать в их аул? Где-нибудь в городе, в обществе себя достойных, проводит он свои дни. Жалованье, театр, винт³⁶ – вот его интересы и жизнь. А с теми, бреющими себе полосой голову, он давно уже порвал и научился стыдиться их!

Копя гроши, давали ему образование родные. Сколько раз, сидя по вечерам зимой у очага, среди копоти, грязи и умственного убожества, мечтали они о том, как вернется он в их среду, или получит чин, станет наезжать к ним в кишлак! Сколько планов о том, как он будет учен, будет знать законы. Как станет помогать, защищать их! Народ, правительство смотрело на него тоже как на носителя света и культуры. – Но он не захотел понять всего этого!

Так мимо же, мимо! Напрасна будет борьба с этим бессердечием и эгоизмом, тщетны попытки пробудить в этом сердце раскаяние! Они не поймут, в чем их вина. Они так сытно едят и спят так мягко! Их покой не нарушим, не нарушит его и труп этого мальчишки-пастуха и слезы его матери, и многое, многое другое, горькое и безотрадное, что творится по кишлакам и аулам!

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

XIV

Не знаю, обратили ли вы внимание на один факт, сообщенный не так давно корреспонденцией из Гизели³⁷.

Сходу был предложен вопрос: не желает ли он содержать на свой счет родителей 2-х молодых людей, сосланных за конокрадство в Сибирь. Сход, как это почти всегда бывает в подобных случаях, долго не мог высказаться определенно, пока не нашелся один старик, который и сказал следующее: «Вот этот старик, который стоит сейчас с непокрытой головой перед нами, в надежде на помощь, сам был в молодости отъявленным вором и детей научил тому же постыдному ремеслу. Я думаю, надо и его самого послать по тому пути, по которому посланы его дети, получившие вознаграждение по делам, потому что он плохой отец детей – скорей он сам виноват, а не его дети! Разве не известно, что у плохого учителя и ученики плохи? Отец же есть первый учитель своих детей». – После этого сход, постановил в просьбе отказать.

Меня поразил озлобленный тон речи этого старика: «Скорее и его самого надо послать туда, а не помогать ему», – говорит он. Отец есть первый учитель своих детей. Каков учитель, таковы и ученики, и обратно: ученики оказались плохи, – значит, плох был и учитель. А отсюда – не стоишь ты того, чтобы подать тебе

кусок хлеба, и хоть помирай с голоду, я скажу: поделом, зачем дети вышли плохими.

Что же это такое? Как называется эта логика и эта мораль? Я бы еще понял, если бы вопрос ставился так: о пособии просит человек, который его совершенно не заслуживает. Он сам ворует и приносит нам один вред. Но старик лишь упомянул вскользь о том, что проситель воровал в молодости, а главным образом напирал на испорченность его детей. Сход нашел его рассуждения вполне правильными и отказал. И вот теперь перед ними загадка: что же будет делать старик-проситель и его жена? Автора корреспонденции это совершенно не интересовало, и он сообщил лишь о факте.

Было очень трудно найти ключ к этому эпизоду, если бы некоторые разъяснения не давала та же корреспонденция из Гизели. Гизельцы, и, как поясняет автор, по преимуществу молодые, решили упразднить школу грамоты, указывая на платежи и без того слишком большие. Но, старики нашли, что это не так и что школа полезна, и отстояли ее. Вслед за тем на сцену был выдвинут еще один расход: содержание 2 стариков, родителей ссыльных. Сход долго думал. Думал собственно не о том, какой ответ дать, а о том – как ответить. И вот нашелся опять-таки старик, который и указал выход: «Их самих, – говорит, – надо туда сослать, а не помогать им». И все нашли, что это так, и что правильнее будет отказать.

Обстоятельства этого дела для меня темны. Возможно, что просители действительно помощи не заслуживали, что у общества средств на содержание их нет. Но несомненно, что положение стариков трудное, так как иначе они бы не обратились за помощью к сходу, да и сход, раз она не была бы необходима, над отказом бы не задумался. Но оставляя в стороне мотивировку отказа, спрошу: каково их положение сейчас? Ведь надо же чем-нибудь жить? К сожалению, корреспонденция ничего об этом не сообщает, а ограничивается голым фактом, несколько его не освещая. Интересно бы знать, считает ли г. корреспондент сообщенный факт светлым явлением в жизни Гизели, а решение схода, в той редакции, которая ему была передана речью старика, логичным и гуманным?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

XVI

Книга, о которой я хочу поговорить в этом этюде, вышла давно уже 2-м изданием. Название и тема ее таковы, что она не может не интересовать каждого грамотного туземца, а между тем – о ней не слышно, ее забыли, а многие и не подозревают даже о ее существовании. Я говорю об «Истории адыгейского народа» Шоры-Бекмурзина Ногмова^{*38}.

С лишком полвека назад, в трудную эпоху перехода от старых порядков к русскому режиму, когда всюду на Кавказе кипела война, когда большинство туземцев бежало от всего русского, а меньшинство думало только о чинах и наградах, нашелся среди них человек, отдавший всю свою жизнь делу, которое не принесло ему ни денег, ни почета и важность которого вряд ли признавал хоть один из его современников. В течение 20 с лишним лет собирал и записывал Шора Ногмов песни, легенды, сказания, рылся во всевозможных книгах русских и иностранных авторов, ища всюду хоть малейшие черточки, малейшего указания на прошлое родной ему Кабарды.

Сколько здесь надо было труда, энергии, усидчивости и любви к делу! Творить приходилось из ничего, так как никаких письменных источников не существовало – оставался устный эпос, но и он требовал проверки, и в нем надо было суметь отличить правду от вымысла. Этого труда хватило на всю жизнь Шоры Ногмова, и лишь за год до смерти закончил он свою историю адыгейцев.

«Если я решился на этот труд», говорит он в предисловии, «то единственно из искреннего желания приохотить моих соотечественников к умственным занятиям на поприще науки, которая одна в состоянии показать им все выгоды просвещения и образования». Сколько лет пройдет, прежде чем его соотечественники поймут эти слова!

Полвека, – забыт и Шора Ногмов, и его книги! Прошлым мы не богаты, – сказать вернее, нет его у нас. Начни говорить

* Вот полное заглавие последнего издания: «История адыгейского народа (о кабардинцах), составленная по преданиях кабардинцев, Шоры-Бекмурзина Ногмова, дополненная предисловием и исправленная сыном его Еруст. Шор-Бекмур. Ногмовым». Пятигорск, 1893 г.

на эту тему, и тотчас услышишь, что каждая попытка, хотя бы самая неудачная, осветить минувшую жизнь и минувшие судьбы Кавказа, – должна быть встречена с благодарностью и сочувствием. А чуть коснется дела – выходит, что вовсе нас это не интересует и что прожить прекрасно можно и без «Историй»!

Книга «о кабардинцах» имеет тоже свою печальную историю. До сих пор она вышла двумя изданиями, если не считать первого ее появления на страницах «Закавказского Вестника». Издание последнее, 1893 года, предпринято сыном Шоры, Ерустаном Ногмовым, «дополнившим и исправившим» труд своего отца. Как это, право, просто делается! Труды целой жизни, сотня страниц, писавшихся несколько десятков лет, в какой-нибудь месяц не только «дополняются», но и «исправляются»! С мертвыми не церемонятся, а с их письменным наследством и подавно. О том же, что с Ногмовым-отцом действительно не церемонились, – говорит одна мелочь, характеризующая до некоторой степени самый род «поправок» Ногмова-сына. В тексте попадаются часто песни, говорящие о том или ином событии, песни испещрены именами и фамилиями героев, дела которых остались в памяти народа. И вот, в этой массе собственных имен, одна из фамилий отпечатана жирным шрифтом и бросается в глаза чуть не за версту. Для чего это надобно и почему на доблести именно этой фамилии следует обратить внимание – об этом мы не знаем, да и вряд ли когда-либо узнаем. Но во всяком случае, выходка эта – факт, очень печальный и тем более нежелательный, что имеет место в такой книге, как «История адыгейского народа».

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Вот уже несколько недель меня занимает вопрос, при каких условиях попадают туземцы в среднюю школу. Я знаю, как не правы те, которые говорят: они не хотят учиться. Спросите любого «фанатика», желал ли бы он увидеть сына офицером, врачом, инженером, и, верно, он засмеется вам в ответ, до того нелепым покажется ему вопрос. Ну да, хотел бы, но что толку в разговорах?

Когда я кончил учиться и стал на ноги, у меня была одна мечта, один план, казавшийся в то время очень легко исполнимым. Я иду в аул, беру одного из своих братишек, маленькое, серенькое существо, не знавшее до той поры ничего, кроме гор,

лошадей и баранты, привожу к себе, вожусь, ухаживаю, учу его так, как это был бы мой собственный сын, и к десяти годам он сидит уже за партой реального училища. Дальше университет, институт, академия, та деятельность, которую он изберет себе сам и которая даст ему возможность указать дорогу к свету тоже хоть одному такому же пастушенку, каким он был сам столько лет тому назад. Если бы это не было мечтою!

Я принялся за дело с юношеской горячностью и чисто юношески обезкуражился первой же неудачей. В свой приезд я не застал мальчугана дома; он был у аталыков и, прослышав, что я хочу его взять, уцепился за юбку молочной матери и принялся реветь, как будто, по меньшей мере, я собирался его зарезать. Так прошел день, а на следующий я должен был уехать, и уехал я, увозя с собой тяжелое чувство разочарования и сознание, что моя красивая мечта погибла и вряд ли воскреснет вновь.

Когда я вспоминаю этот эпизод теперь, мною всегда овладевает какой-то безотчетный страх. Думал ли я тогда, какую ответственность беру на себя? Ну хорошо, все сложилось бы так, как я думал. Я приехал, мне его отдали, и вот он у меня в доме. Каждый день я ухожу на службу, он остается один, со слугою, в чуждой обстановке, среди чужих людей, ничего не понимая, что делается вокруг и для чего оторвали его от родины, родных и близких. Между делом, обедом и сном я учу его русскому языку, говорю, как называются по-русски разные предметы, огорчаюсь, сержусь, когда он отказывается повторить их за мной. Рисую картину будущего, радости его матери, когда он вернется в аул инженером. Впереди азбука чужого языка, долгие годы упорной работы... Сколько терпения, такта, умения и, увы!, средств надо было иметь для того, чтобы мечта осуществилась и к 10 годам он действительно сидел за школьной скамьей! Были они у меня?

Нет. Мне одному эта задача не по силам. Но ведь и не один же я! Кроме меня, есть десятки, прошедшие через эту трудную для туземца дверь. Пусть припомнят, при каких обстоятельствах они попали в нее, одним помог случай, другим – ... всем – хоть один... иногда свой... чужой ³⁹. Ну а мы что же?

Не вспомним ли мы об этих Кучуках и Ахматах, когда через три дня соберемся и будем говорить об общежитии для детей горцев? Не их ли судьба решается с этим вопросом?

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

I

Открывая в «Каспий» этой статьей ряд корреспонденций о туземцах Терской области, мне хотелось бы сказать сначала несколько слов о том, как мало еще пока печать занимается жизнью и нуждами кавказского горца!

Возьмите № любой из наших газет и посмотрите, какое место отведено в нем кавказцу. Я не говорю о тех изданиях, которые, понимая под патриотизмом ругань всего нерусского, молчат о туземцах потому, что совершенно игнорируют его существование, но и органы, которые желали бы сделать что-либо в этом направлении, делают не многим больше, так как и сами почти ничего не знают. Кто пишет о туземцах? Нетуземцу все это так чуждо и непонятно, а среди наших интеллигентов сколько таких, которые превратились давно в чиновников и офицеров и погрузились в жизнь, «как все»! Станут ли писать о нуждах среды, с которой порвали, которой стыдятся и чуждаются? Связь с ней сохранилась лишь в их послужных списках, а все остальное давно оставлено и предано забвению! Беря, в частности, туземцев Терской области, скажу, что положение далеко не одинаково. Есть среди них один народец, о котором написано сотни томов, язык которого исследован, вновь записан. У него есть письменность, а в последнее время началась даже создаваться литература на родном языке. Народец этот – осетины. Но Осетия – исключение. Ее теперешнее состояние сложилось историческим путем, и долго еще ни о чем подобном не будет сметь мечтать ни один из ее соседей.

Аристократическая Кабарда, как руина прошлого, стоит на перепутье, сознавая, что, то, что она выработала, надо оставить, что так жить, как жили раньше нельзя, а как жить иначе – указать ей некому. Пробуждение началось: в прошлом году открыто несколько школ, но результаты их скажутся еще не скоро, а пока – тот же мрак, то же невежество и та же беспомощность во всем, что выходит из круга их старосветских занятий.

Чечня, классическая страна разбоев и абреков, долго еще будет служить пугалом малых ребят. Нет на Кавказе народа с более кровавым прошлым и темным настоящим. О ней написано тоже не мало, но вряд ли в написанном найдется хоть слово правды. До каких только абсурдов не доходили в своем стрем-

лени замазать этот народ его «бытописатели»! И до сих пор ни один чеченец ни словом не ответил на эту почти печатную брань, ни один голос не раздался из их среды в защиту семьи, очага, и не попросит хоть капли сдержанности и приличия по отношению их отцов, матерей и сестер! Тут и апатия, и беспомощность, и какая-то фанатичная замкнутость.

Вот уже несколько лет, как ни единым словом не заявляют о своем существовании кумыки. Как они живут, что делают, в чем нуждаются? Или они ничего не просят, потому что не желают ничего дать?? Они молчат, а между тем в их руках все данные для того, чтобы скинуть с себя эту косность. Земли, сравнительно, достаточно, и она хороша, аулы велики и богаты, и есть у них те, которые бы могли за других сказать, что нужно и отчего следовало бы избавиться. Но и здесь молчат!

Наконец, народец, представляющий из себя, быть может, больший интерес и большую загадку, чем все предыдущие. У него нет даже имени: одни называют его кабардинцами, другие – осетинами и мало кто знает балкарцев. Степняки, живущие в страшных горных тущобах, забывшие свою первоначальную родину и до того сроднившиеся с пропастями и скалами Кавказа, что ими стали определять свою национальность...^{*} Условия местности, отсутствие дорог заставляли их отстать даже от их соседей кабардинцев: на 20 000 населения всего одна школа, в которой едва ли учится десяток горцев, из 20 000 лишь маленькая горсть в 20–30 человек знает по-русски, а всё остальное жалуется, просит, судится, подает бумаги, прикладывает мухуры к общественным приговорам на родном языке и, как дитё, недоумекает потом, когда оказывается, что вышло совсем не то, что оно желало!¹

Вот в немногих словах положение туземных народов Терской области. Картина не веселая, и больно об этом писать. Но все же лучше говорить правду, как бы горька она ни была, чем молчать и позволить давать веру всей той ерунде, или явно озлобленной, или сентиментальной нелепой, которую пишут о горцах.

^{*} Балкарец сам себя называет – таулу, что в буквальном переводе означает – горец.

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

II

Вот уже несколько лет, как область наша охвачена какой-то лихорадкой.

Слова: «заявка», «медь», «цинк», «нефть» не сходят с языка, приводятся примеры Баку, Грозного, страшные цифры звучат в ушах, возможность быстрой, шальной наживы кружит головы. Невозмутимым среди этой сутолоки остается лишь тот, кого бы, казалось, все это должно было касаться ближе всех. Но ему чужды подобные страсти: по примеру отцов возится он со своей барантой, продает дрянной овечий сыр и об одном только беспокоится: как бы не потерять того, что теперь у него в руках.

На плоскости вопрос о «недрах» почти разрешен. В Грозном оперируют несколько акционерных компаний, одни более, другие менее удачно. Район нефтеносной земли мало-помалу расширяется: кроме Грозного нефть найдена в Карабучаге, Слепцовой, а недавно и в ст. Вознесенской, близ Моздока. Помимо начинающихся дел и дел уже в ходу, много таких, которые чают движения капитала. Можно сказать с уверенностью, что нет вот в этой полосе пяди земли без «знака» или «камешка», хотя бы на всякий случай. Большинство так именно и смотрит на свои заявочные аферы: «По всей вероятности, ничего не выйдет. Но ведь бывали же случаи – чем черт не шутит!» – А сорвать десяток, другой тыuchoнок с «бельгийца» – кому не заманчиво!

Другое дело в горах. Там, так или иначе, приходится считаться еще с одной стороной, которая, если пока особенно и не волнуется, то все же заявлять о своем существовании начала. Но какая это грустная картина. Полнейшее невежество отдельных землевладельцев и целых обществ относительно ценности их рудоносных земель сделало то, что почти все они связаны договорами, столь же смешными, сколь и грустными. Мало того, земельный вопрос, как это принято говорить, в горах разрешением еще не окончен. Это значит, иными словами, что документов нет, и первый попавшийся односельчанин может представить иск к любому участку. Предположим, претензия окажется вздорной, но ведь дело все-таки станет, и земля попадет в категорию «спорных», пока суд не очистит ее. А в каком положении нераздельные земли, которых в горах большинство? Эксплуатация одного и того же участка запродаана совладель-

цами нескольким предпринимателям, и откажись лишь от заключения окончательного договора, как сейчас же на сцену выступит пунктик о неустойке в несколько сот тысяч рублей. Какую путаницу все это создаст и как затормозит дело, когда оно начнется не шутя.

В высшей степени поучительны договоры туземцев с теми посредниками, которые так размножились за последнее время в Терской области. История их почти одинакова. Является делец, по большей части знакомый уже раньше, и начинает петь веле-речиво и сладко... Не желаешь ли, мол, Кучук, получить так себе ни за что, ни про что сотню, другую рублей? – Кучук, понятно, не прочь, но не знает, как это сделать. А дело оказывается проще простого, стоит только подписать вот эту бумагу, по которой он позволяет произвести на своем участке в течение 3-х лет разведку. Если она даст благоприятные результаты, то заключается новый договор на таких-то и таких условиях.

Во всем этом Кучук понимает лишь то, что ему предлагают сотню рублей даром и без отдачи. «А траву я буду иметь право косить?» – «Конечно, будешь». – «А баранов пасти?» – «И баранов тоже». – «Что ж, если так, – я согласен». Где было разобрать ему среди массы мудреных слов и цифр одну маленькую фразу: «Задаток должен быть возвращен, если разведка не будет произведена по независящим от арендатора условиям». Не правда ли, хорошо?

Посредники, за свой труд поехать во Владикавказ и показать образчик руды инженерам, берут снисходительно всего половину могущих возникнуть впоследствии доходов. Но есть случаи, когда предприниматели и не столь гуманны. Так, один из них, и к стыду нашему, туземец (осетин), взял под разведку у своего родственника балкарца участок мерою около 300 десятин с тем, чтобы в случае, если земля окажется рудоносною, продлить аренду еще на 36 лет с одновременной платой в 4000 руб. Это все – дальнейшие счета землевладельца с недрами земли покончены раз навсегда. А за то – право пастьбы за ним и сто рублей, без хлопот, – в руки.

И после этого говорят, что туземец недоверчив, что с ним трудно иметь дело, что на один и тот же вопрос у него несколько ответов, которые и меняются им чуть не ежедневно; поставьте себя на его место и скажите, что бы вы делали, если бы, пользуясь нашей неграмотностью, незнакомством с русской жизнью

и русским языком, вами стали бы вертеть, как флюгаркой², и вовлекать в договоры, нарушить которые столь же трудно, как невыгодно исполнить? Раньше были наивны, верили каждому слову – результат вышел печальный, потому что «на то и шука в море, чтобы карась не дремал». Теперь кричат, ежатся, хитрят и думают: «пождем». Если земля действительно выгодная и много стоит, то от того, что год, другой побудет в наших руках, ценности своей не потеряет. Авось за два года успеем узнать, сколько она стоит! А время идет, дело, которое теперь уже могло бы быть в ходу и давать доход, стоит, а на цинке, меди и свинце пасут по-прежнему лошадей, коров да баранов!

Но можно ли винить их за это?

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

III

Прошло уже почти полвека, как замерли последние вспышки борьбы Кавказа с Россией. Тридцатилетие, отделяющее наши дни от падения последнего оплота Шамиля – Гуниба, долго будет памятно в летописях Кавказа. Это было трудное время перехода от дикой, ничем не стесненной жизни кавказской вольницы к жизни в составе государства, где каждый шаг ограничен законом и каждый промах карается им же. Старое надлежало оставить, но с ним сжились, на нем выросли и воспитались. Порядки дорусские были дурны, жить в них было трудно, но ведь никто их не выдумывал, они сложились веками и были освящены обычаем. Чтобы бороться с ними, требовалось прежде всего убедить дикаря, плоть и кровь которого они составляли, что можно и следует жить иначе, а для этого узнать его сначала поближе и в знакомство с ним вложить не мало знаний, черного, ежедневного, незаметного труда, а главное времени. Надо ли говорить, что не всегда и не везде находились люди, способные понять, насколько серьезна совершающаяся перемена, и дававшие себе труд войти в положение того, кого, цивилизуя, переделывали. В результате – ломка, обоюдное непонимание и неприязнь, создавшие новые и подчас непреодолимые препятствия на пути осуществления общего дела.

Вы слышали, разумеется, о туземном вопросе, хотя вряд ли сумели бы объяснить, в чем он, собственно, заключается. Это одно из тех ходячих выражений, ловких словечек, о которых принято говорить, но вдумываться в которые не принято. Но

кроме этого большого, общего вопроса есть еще несколько поменьше: сословный, поземельный и многие другие, создающие в совокупности ту сеть неопределенностей и недосказок, которой опутана жизнь нашего туземца. Материалы собраны, вопросы «стоят на очереди» и «ждут своего разрешения», а пока они ждут – жизнь не ждет, и на каждом шагу дает новые и новые доказательства ненормальности современного положения.

Вопрос сословный – один из наиболее наболевших. В некоторых местах, как например в Осетии, он принял весьма острый и страстный характер, благодаря разногласию в среде самих осетин: в то время как одна сторона упорно доказывает свое исконно привилегированное положение в народной массе, другая столь же настойчиво отказывается признать за ней эту привилегию. У других народцев, как то: кабардинцев, балкарцев и кумыков* – все шито-крыто и, по-видимому, спокойно, но и здесь, если нет спора о самом факте существования дворянства, то есть та же ложность и фальшь во взаимных отношениях как туземцев между собой, так и особенно в их соприкосновениях с русской средой.

Так же, если еще не более, назрел вопрос о земле. На плоскости земли размежеваны, участки частных лиц и аульные наделы точно разграничены и составляют неотъемлемую и неоспоримую собственность владельцев. В горной же полосе все продолжает находиться в том положении, в каком застал ее приход русских. Споры об отдельных участках между частными лицами, собственно говоря, возникает немного, но зато нередки процессы между частновладельцами и обществами, а также – с казной. В общем состояние напряжено до последней степени, и разрешение этого насущного вопроса ждется с нетерпением всеми, чьи интересы хоть сколько-нибудь им затронуты. Что же такое туземные сословия и в чем заключается поземельный вопрос – об этом до следующего раза.

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

IV

Нам приходилось слышать не раз, что сословный вопрос – вопрос неважный и что нет особенного резона о нем беспокоиться. Не подлежит сомнению, что это вопрос отживший и

* В Чечне сословий не было.

что отсутствие школ и поземельные затруднения отзываются серьезнее на жизни туземца и большие круги лиц собой затрагивают, но отсюда отнюдь не следует, что сословные неурядицы – пустяки, и заниматься ими не стоит³.

Почти у всех народов Терской области понятие о привилегированности некоторых фамилий ведется искони и вошло в плоть и кровь*. Вследствие отсутствия в районе Терека до прихода русских каких-либо зачатков государственности, некоторые дворянские роды были полными хозяевами своего положения, никому не подчинялись и за своих подвластных и холопов были в ответе перед одним разве Богом; с утверждением в крае русских порядки, конечно, переменились, власть перешла к приставам, и пристав, поручик или капитан, стал значить больше, чем десяток князей, как бы богаты и родовиты они ни были. Но это было потерей прав политических, влияние же внутреннее, хоть и ослабло, но не уничтожилось – забыть свое бывшее значение привилегированные классы Кабарды, горских обществ и кумыков не могут, да и теперешняя обстановка не дает им на то никаких оснований. Прошлое народа, его история, столь ярко отразившаяся в эпосе, есть в то же время история нескольких фамилий, и каждая песня, каждый камень аула говорят этим фамилиям об исключительности их положения. Быть может, беглый взгляд, брошенный на организацию сословий в том виде, в каком застала их середина XIX столетия, скажет нам, почему даже 30-летнее существование на юридически равных со всеми правах не могли сломить традиций туземного дворянства и заставить его раствориться в народе.

Кабардинские князья были владельцами в полном смысле этого слова. Они брали ясак не только с кабардинцев, но и со всех почти соседей. В мирное время они управляли народом, были председателями народных судов, в военное – являлись наследственными военачальниками. Особа их священна и неприкосновенна, и покушение на нее влечет за собой уничтожение всего рода виновного. Князей окружает целый штат узденей второй степени, вся обязанность которых – составлять свиту владельца и играть роль его телохранителей на войне. Не многим отличаются от князей и уздени первой степени – тлекотлеши.

* Исключение составляет Чечня, где сословий нет.

Это такие же владельцы, и князьям ничем, кроме уважения, не обязаны.

У них также свои аулы и своя свита из третьестепенных узденей, и лишь название да обязанность стоять под княжьем началом в набегах говорят о разнице в их положении.

В пяти горских обществах сословные подразделения подходили довольно близко к кабардинским. Некоторые фамилии таубиев (как, например, балкарские)⁴ были совершенно независимыми и управлялись выборным из своей среды валием, другие должны были признать над собой власть кабардинских князей и попали в положение тлекотлешей. Подобно двум высшим сословиям Кабарды, они владели холопами, имели в своем расположении узденские фамилии и пользовались целым рядом натуральных и личных повинностей со стороны своих подвластных.

Кумыкские сословия отличались тоже немногим от кабардинских. Те же князья, те же три степени узденей, разница лишь в более вотчинном характере зависимости низших сословий от высших, но главные черты несомненно одни.

Совершенно иначе обстоит дело в Осетии. Вот уже несколько десятков лет, как ведется спор о том, существовал ли в Осетии привилегированный класс или нет. Спор этот, не выяснив ничего, запутал дело совершенно, и теперь стало еще труднее разобраться в правах тагаурских алдар и в той роли, которая принадлежала им в прошлом осетинского народа. Одно несомненно: сословия Осетии не носят того определенного, законченного характера, как это мы видим у кабардинцев, горцев и кумыков. Там кроме князей, таубиев да тлекотлешей, бывших независимыми, сословий свободных, в полном смысле этого слова, не было: уздени второй и третьей степени обязаны уже были иметь сюзерена, и все, что им дозволялось обычаем, – это переход от одного князя к другому. В Осетии же огромное большинство составляли фарсаллаги – вольные люди, становившиеся в зависимость от алдар лишь в случае пользования их земель. Но так или иначе, отрицать совершенно привилегированность алдар, как это делают представители крайне демократической партии Осетии, – вряд ли возможно.

Шеркесяты и бадиляты Дигории* занимают сравнительно с алдарами более выдающееся положение, и народные предания ставят их выше тагаурцев, доказательством чему тот факт, что еще в начале этого столетия браки бадилят с алдарами считались неравными**. В общем сословный строй Дигории более тагаурского подходит к Кабарде, которая и является представительницей народа с ясно выраженной сословной организацией.

Вот краткий очерк сословий Терской области. Вопрос о них давно уже созрел и потому неудивительно, что дебатировалось нередко в печати и кружках интересующихся туземной жизнью. «Сословная рознь, – говорят демократы, – одно из печальных наследий исторической жизни народа, и борьба с ней стоит немалых трудов и усилий. С какой же стати теперь, когда так удобно поставить всех на одну доску, признаем мы в своей среде черных и белых и тем создаем почву для вечных изречаний и неприятностей? Сохрани нас от этого Бог, и да не знаем мы иной аристократии, кроме аристократии ума, таланта и личных заслуг!» – Взгляд правильный, но дело в том, что речь идет не о желательности или нежелательности дворянства, а о фактах существования его у туземцев, и раз факт этот установится – вопрос исчерпается и должен будет сняться с очереди.

А пока положение обострилось и стало в высшей степени ненормальным. С одной стороны, по-видимому, ничего не изменилось: туземцы, за исключением Осетии, привилегированности некоторых фамилий не оспаривают, атальчество не уничтожилось, неравенство в браках осуждается по-прежнему обычаем, а с другой – полнейшее отсутствие каких-либо юридических прав и запрещение напоминать даже о том, чего оспаривать даже совсем нельзя, – о принадлежности к известному туземному сословию.

Сотни дворянских фамилий Грузии, не пользовавшихся и десятой долей влияния и прав князей, таубиев, первостепенных узденей и бадилят, признаны русскими дворянами. Они не знают, что такое натуральная повинность, поступление на службу им облегчено, и правительство не делает никакой разницы между ними и коренным русским дворянством. А в то же время вла-

* Часть Северной Осетии по реке Уруху.

** Исключение составляют алдарские фамилии Дударовых и Кануковых.

дельцы Большой Кабарды все еще в положении каких-то запрещенных, а их дворянские права под сукном и знаком вопроса! Если другим дано, отчего отказывать до сих пор туземцам, и если откажут им, будет ли это справедливо?

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

V

Среди школ Терской области есть три, специально предназначенные для туземцев. Это нальчикская, назрановская, грозненская горские школы.

В настоящее время они – анахронизм, и вряд ли где-нибудь в России найдутся другие школы с подобной программой. Учрежденные в 60–70-х годах, они были первыми учебными заведениями, открытыми для туземца. Первое десятилетие – самое блестящее в истории горской школы: и учителя, и администрация их смотрели на свое дело как на лучшее средство приручить туземца и познакомить его с русской жизнью, правительство относилось тоже отзывчиво, отсылая лучших учеников на казенный счет в Ставропольскую гимназию⁵. Но с тех пор прошло уже более 25 лет. Четверть века для такого живого дела, как учебное, – срок очень большой, и в наши дни цель горской школы – давать толчок образованию туземцев – редко, когда достигается. Суть вот в чем.

В горскую школу поступают мальчики 8–10 лет, неграмотные и в огромном большинстве случаев не знающие ни звука по-русски. Там их учат всему, чему учат в начальных школах, да плюс еще истории, географии и французскому языку. Школу кончают в 14–16 лет. Что же дальше? А приходится остаться при том, что имеешь. В гимназию и реальное училище не попадешь: для первого и второго класса велик, в 4–5 не выдержишь. Один выход: вернуться в аул и постараться позабыть все, чему учили. Но, к несчастью, есть исход еще худший – постараться устроиться вдали от скучной, стеснительной аульной обстановки, в городке или местечке переводчиком, милиционером, а в общем – туенядцем, измышляющим предлоги сорвать что-нибудь с «дикаря». Летом, в Нальчике, можно видеть несколько экземпляров подобных «образованных» туземцев. Черкеска, оружие не заставляя почти всегда желать ничего лучшего. Сами они вечно около курсовых, часто их можно видеть в клубе,

еще чаще – верхом, сопровождающими кавалькады и готовыми каждую секунду «джигитнуть», вызывая восхищение российских барышень. Через год, много два, из их голов испарится тот сумбур отрывков, которым снабдила его горская школа. Познания их по истории, географии и французскому языку – высоко комичны, а посмотрели бы вы, какой тон берется ими в ауле, среди серых замызганных черкесок, с грустью и глухую надеждой взирающих на просвещенных гостей! – «Ты по-русски умеешь, – говорят им, – законы знаешь. Я же человек темный, пастух: меня всякий русский писарь обмануть может...» «Знаток законов» принимает эти слова как должное и, сгибая и разгибая пальцы, расписывает пастуху «законы». Совет редко бывает бесплатным: в той или другой форме «юрист» сумеет получить гонорар. Да как же и отказать такому важному «образованному» родственнику! Ведь это не свой брат – «дикарь». Человек нужный, не в первый и не в последний раз, пригодится и на будущее время! А тому этого только и надо!

Но не у всех туземных народцев начальное образование стоит так плохо. В Осетии редкое селение в 200–300 дворов не имеет школы, аулы побольше насчитывают их по две, и можно сказать с уверенностью, что лет через 15 неграмотный осетин станет редкостью. И это в то время, как у других туземцев школа приходится на 20–30 тысяч. Причина столь резкой разницы кроется в обеспеченности Осетии учителями. Ардонская учительская семинария дает ежегодно осетинам несколько десятков учителей, осетин же. Насколько последнее обстоятельство важно, нам кажется, и говорить нечего. Всякий учитель не единоплеменник, будет иностранцем для учеников своей школы, и пройдет по крайней мере год, прежде чем они начнут понимать друг друга. Удивительно ли после этого, что в учителя попадают курсовые кавалеры, за которыми одно лишь достоинство – они кабардинцы и будут учить кабардинцев же.

В последнее время поговаривают о переработке программы горских школ. Одни желали бы видеть на месте их сельскохозяйственные. Сельскохозяйственное образование, при современном хозяйничанье туземцев, вещь, конечно, нужная, но не нужнее ли грамотный туземец туземца-хозяина? Умеющий читать всякую книжку может прочесть и популярную по скотоводству, рассчитывать же на то, что горсть молодых людей, как бы умны и рассудительны они ни были, переделает в несколько лет дедовские

порядки и заставит стариков жить по-новому – значило бы не знать совершенно туземца.

Почти то же следует сказать о прогимназии, о которой мечтает другая часть туземной интеллигенции. И сельскохозяйственная школа и прогимназия – пока роскошь. О них возможно будет подумать, когда вопрос о начальном образовании исчерпается. А пока он стоит на теперешней ступени развития. Было бы крайне наивно рассчитывать хоть на какой-нибудь прогресс в этой области.

Прежде всего – недостаток в учителях. Три горские школы, преобразованные в учительские семинарии, были бы в состоянии дать контингент учителей, достаточной не только на нашу область, но и на весь Северный Кавказ. Если уж так желательно иметь сельскохозяйственную школу, то из 3-х горских школ одной можно было бы пожертвовать для этой цели. 2 семинарии, одна в Нальчике, для кабардинцев, балкарцев и части чеченцев, другая в Грозном или Хасавюрте, для чеченцев или кумыков, могла бы лет в 20 подвинуть дело народного образования сильно вперед⁶. Первых учащихся дали бы те же горские школы, дальнейших – школы начальные, в которых учителями были бы уже вышедшие из своей семинарии туземцы. Вот единственное, на наш взгляд, разрешение вопроса о горских школах.

Только – мечты ведь все это!

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

VI

Недавно мне случилось говорить с одним туземцем о нашей интеллигенции. Отрывается ли она от своего серого собрата? Дичится ли последний ее? Каковы их взаимные чувства и отношения? Вопрос остался открытым, но разговор напомнил мне факт из недавнего прошлого, характеризующий до известной степени, насколько они понимают друг друга.

После долгого, почти десятилетнего, отсутствия в ауле приехал молодой туземец, студент лесного института⁷. Все селение сбежалось посмотреть на него, его окружили, ему удивлялись, над ним потешались и, не дав опомниться, представили перед собранием старцев, ожидавших у мечети его прибытия. Так, призывая на память все фразы горского этикета, он благодарил за пожелания и поздравления, справился о здоровье присутству-

ющих, моля в душе Бога, чтобы вся эта процедура поскорее окончилась. И вот, наконец, его усадили и перевели разговор на интересовавшую всех тему, где жил все это время? Что видел? Чему научился?

Юноша увлекся, к тому же полюбил дело, которому себя посвятил. Раскрасневшись, забыв об аудитории, с которой имел дело, рисовал он одну за другой картины жизни природы. Говорил о лесе, так беспощадно истребляемом, о цветах, травах, рассказывал, что и они живут, дышат, чувствуют, перешел затем на животных, человека, землю, мир, наконец... Те всё слушали, и когда оратор опомнился и умолк – на несколько минут воцарилось молчание: отвечать должны были старики.

– «Мы видим, – заговорил самый древний из них, – что не даром провел ты столько времени в неволе. Чему бы ты научился, живя в ауле? Из тебя вышел бы такой же пастух, как и все мы! Я стар, отец твой был еще мальчишкой, когда у меня поседели волосы. Много я жил, много видел, но нигде бы не дошел своим умом до того, что ты сейчас открыл передо мной. Такого человека, как ты, в горах нет и не было. Если ты не постоишь за нас, то кто же постоит? Старшина – такой же пастух, как и мы, только и делает, что прикладывает мухур (печать) ко всему, что ему дадут. Во всем ауле один лишь писарь понимает дела, но и тот чужой нам, русский, думающий больше о жаловании, чем о нас. Поэтому я и все они теперь, когда узнали тебя поближе и увидели, как ты учен и умен, решили просить тебя остаться у нас писарем, учить законам – когда что надо делать, как учили предыдущие. Ты – свой, не станешь понукать, не будешь сердиться, если мы чего не поймем сразу. А того мы прогоним, и станем жить хорошо, по-новому. Так ли я говорю?»

– Так, так, правда, – заговорили кругом...

Не сочитите слова старика за иронию: их диктовало искреннее убеждение в могущество писаря.

Молодой был искренен тоже. Теперь уже не предложат инженеру место писца, но студенты перестали ездить в аул и через десятки лет. Лучше ли они понимают друг друга в наши дни!

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

VII

В феврале месяце сформирована новая сотня терской милиции, со специальной целью держать ряд постов от Владикавказа до Беслана по границе ингушских селений. Сотня составлена из осетин, осетины о ней хлопотали, осетины же будут содержать часть милиционеров за свой счет. Новый, значит, налог, положим незначительный, но все же это плюс к уже существующим и без того для многих домов весьма чувствительным повинностям.

Осень и конец прошлого года ознаменовались в области целым рядом происшествий на почве смертоубийства и грабежа. Все поиски виновных не привели ни к чему: следы доходили до околиц ингушских селений и там терялись. Пострадавшими являлись или владикавказцы, или осетины соседних, по преимуществу с ингушами, аулов. Но были случаи грабежа и в аулах самих ингушей. Параллельно с происшествиями шел ряд облав на беглых с каторги и поселений, или на «абреков», как их стали теперь называть. До января настоящего года было поймано несколько беглых в грозненском, хасавюртовском и владикавказском округах, с приездом же нового начальника области беглые (особенно с поселений) стали являться с повинной сами, и вот в настоящее время область почти избавлена от их присутствия, а вместе с ними – и от разбойников.

Не знаю, как объяснят этот факт те, которые в разбое видят профессию ингушей, для меня же, имеющего смелость думать, что разбой занятие интернациональное, перемена на этот раз, точно так же как и самый характер кавказских разбоев – не непрерывно, а вспышками, загадки не составляет. Не грабят потому, что грабить и учить грабежу стало некому, и если бы «абреки» пореже появлялись, или возвращение их на родину было поставлено в иные условия, то и разбои стали бы более редки, если бы не прекратились вовсе. Доказательство – пример этого года.

К несчастью, все еще приходится иногда доказывать, что ингуш и разбойник – не одно и то же. Я мог бы привести несколько эпизодов, где разбойниками являлись осетины, кабардинцы, казаки. Конечно, не у всех народов разбой одинаково частое явление: в Кабарде и Осетии, особенно в первой, случаи его несравненно реже, нежели у чеченцев и кумыков. Но следует

ли отсюда: что ингуш, то разбойник? Отчего же такое исключение для него, почему не распространить этого лестного эпитета на чеченца вообще, да и на кумыка тоже? И потом рациональная ли это мера – кордонная линия? Она возникла как результат недоверия к соседу. Следуя ей, можно было бы сформировать еще несколько сотен милиции: балкарцы отделялись бы от кабардинцев, потому что кабардинцы протягивают иногда длань к горским барашкам, кабардинцы и балкарцы – от Осетии, ибо там более спокойно. Кумыки загородятся от чеченцев, чеченцы – от кумыков и кабардинцев, и одни лишь ингуши могут ни от кого не загоразиваться, ибо, само собой, все загородятся от них. Станет вполне безопасно, только прибавится ежегодно к подати несколько гривенников. Зато – какое трогательное единодушие и какие добрые, соседские отношения!

Осетин-милиционеров разобьют по постам и внушат сморть зорко за той, не «мирной» стороной. Ночью разъезды будут наталкиваться на бредущих в темноте всадников. – «Стой, кто идет?» – «Ингуш». – «Ингуш?! Куда идешь, зачем идешь?» – «Во Владикавказ на базар». – «На базар? Ну, да ступай на пост, утром разберем». – «Нам ждать нельзя, до утра здесь останемся, в город когда попадем?!» – «Не разговаривай, сказано тебе, на пост ступай...» – А что если задержанные задумают улизнуть. Не будет ли это доказательство их виновности, и не значит ли это, что «в ночь на такое-то, пикет № такой-то наткнулся на группу злоумышленников – ингушей, направляющихся в город. На требование идти на пост ингуши ответили отказом, когда же разъезд попробовал их задержать, они повернули лошадей и скрылись по направлению к ингушскому селению №№. По ним было сделано несколько выстрелов, из разъезда не пострадал никто...».

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

VIII

В «Каспии» не так давно была помещена заметка о том, что в Нальчикском округе, Тер. обл., открыты залежи меди, цинка и киновари⁸. Многие, прочитав ее, подумали, должно быть, что десятком богачей стало больше. К несчастью, не совсем так, цинк, медь и киноварь не осчастливили там никого и если осчастливят в будущем, то, по всей вероятности, не своих теперешних владельцев. Дело вот в чем.

Руда найдена на землях, еще не обмежеванных. Не знаю, какие именно участки подразумевались в заметке, так как нет ни одного ущелья близ Нальчика, где бы рудоносной земли не было. Но, впрочем, положение везде одинаково. Туземцы-землевладельцы еще недавно недрами не интересовались вовсе, довольствуясь, с одной стороны, правом пастьбы, а с другой – боясь тягбы с казной. В последнее время, однако, взгляд несколько переменялся: они стараются за сколько-нибудь, хоть за сотню, другую рублей, запродать нутро, обеспечив себе пользование поверхностью, и раз им это удалось, считают, что устроились недурно: ничего не потеряли, получили немного наличными, да еще выговорили себе кой-какой доход в будущем. Итак, богатство, пожалуй, улыбается, но горсти гешеф, махеров, скупивших за бесценок нотариальные договоры с владельцами. Впрочем, от договора до дела – еще целая пропасть хлопот, затруднений, и во всяком случае – сюрпризов.

Первое – как посмотрит на дело казна и не попросит ли подождать разрешения поземельного вопроса. Второе – почти все рудоносные участки представляют собственность неразделенную, имеют по несколько хозяев. Есть случаи запродажи одного и того же участка 2-м и более предпринимателям. На вопрос: как же разрабатывать такую руду? – отвечают: «придут инженеры, разделят».

Делить землю, где десятины рядом, – одна стоит десятки тысяч, а другая не стоит и рубля, – вещь довольно хитрая. И потом – возможно ли несколько заводов на одной жиле? Вышли бы конкуренция и кутерьма, если бы что-нибудь подобное случилось. К счастью, или несчастью, пока от этого гарантированы: до предпринимателей должны прийти к какому-нибудь соглашению землевладельцы, а они рвут, каждый в свою сторону, и «воз» и ныне все на одном и том же месте.

С землями общественными еще того хуже. Если спеться не могут однофамильцы, близкие родственники, то что же сказать о толпе в тысячу человек?

Ждут, ждут и ждут, всех обнадеживают, всем обещают и все боятся, как бы не продешевить. Конечно, не без исключений, но их немного, и так или иначе – заводская труба для нальчикских гор – вопрос еще не завтрашнего дня.

Как видите, на этот раз медь, цинк и киноварь не синоним скорого обогащения.

ТЕРСКИЕ ПИСЬМА

I

Тяжелое наследство и наши упования

В управление Терской областью вступил новый начальник – генерал-майор Толстов. Едва ли нужно говорить, что для каждого терца это событие первостепенной важности.

Тяжелое наследство досталось на долю нашего нового начальника области. Куда ни взглянешь, к чему ни притронешься – везде навис какой-нибудь зело¹ назревший и зело же напутанный вопрос, в котором, однако, рано или поздно, надо же разобраться. Взять хотя бы пресловутый «туземный» вопрос, вопрос, висящий над нами многие и многие годы. Сколько стоп бумаги, сколько гроссов² перьев извели на него! И все же вопрос этот едва ли не стоит сейчас в той же фазе развития, как стоял три – пять – десять лет тому назад. Больше: теперь он еще сильнее запутан и осложнен, чем был десять лет назад. Одно, впрочем, преимущество теперешнего положения туземного вопроса несомненно: теперь каждый уже знает, что те меры, которые применялись к туземцу до сего времени, непригодны, нецелесообразны. В воздухе повеяло «новым курсом», пробудились среди населения надежды и упования. «А ведь, пожалуй, и землей наделят!» – мелькает в уме одних. И отойдут тогда в область далеких преданий все эти грабежи и разбои – продукты тяжелого экономического положения, с которыми до сих пор приходится считаться на каждом шагу. «А ведь, пожалуй, и земство введут и суд присяжных подарят³, – мечтают другие, – и не будет тех неурядиц и неустройств, которые мозолят глаза теперь...» – «А ведь, пожалуй, и на низшую администрацию внимание обратят!» – уповают третьи.

Начинает надеяться туземец, уповаает сельчанин, уповаает и надеется казак-станичник.

Нетрудно предвидеть, что многим из этих надежд и упований не осуществиться еще очень долго: слишком уже много накопилось у нас назревших нужд и нуждишек, чтобы и при самом добром желании, при сугубой энергии, можно было скоро разобраться в них, а, следовательно, и разрешить. Есть, однако, и среди этих нужд и такие, разрешение которых хотя и представляет немалые трудности, но к которым все же подступиться

можно и должно сейчас же. Таким, между прочим, является земельный вопрос. Еще очень недавно мы серьезно спорили о том, малоземелье ли у нас или многоземелье; нужно ли и можно ли переселять в Терскую область крестьян из России или нельзя и не следует. Теперь никто уже не сомневается, что, по крайней мере, среди туземного населения области ощущается крайнее малоземелье, зачастую граничащее с полным отсутствием земли. Теперь каждому ясно, что прежде чем говорить о каком-то «переселении и заселении», необходимо позаботиться об устройстве туземца, о наделении его землей настолько, чтобы он не голодал и, движимый этим голодом, не выходил на разбой и грабеж (разрядка ред. – Т. Б.). По счастью, в данном отношении в распоряжении наших властей имеется обширный материал, делающий эту задачу легко осуществимой. Понятно, что и в этом материале нужно разобраться, но это во всяком случае уже гораздо легче, чем если бы пришлось еще собирать материалы, как во многих других вопросах. Подготовленным к разрешению может считаться и другой существенный вопрос – так называемый «алдарский». Правда, и теперь еще делаются попытки доказать, что часть осетин имеет право на дворянство (алдарство), но все собранные по этому поводу данные самым категорическим образом устанавливают, что никогда в Осетии высшего сословия не было и создавать это теперь – значит ввести в Осетию новый, крайне нежелательный строй и породить новые опасные осложнения и недовольства. Первоочередным является далее вопрос о народном образовании. Что дело народного образования в Терской области стоит на очень низком уровне – это факт общепризнанный. Общепризнано также, что в населении (не исключая и туземного) давно уже пробудилось сознание крайней необходимости в образовании, и оно ждет не дожидается того момента, когда сможет широко открыть двери свету, знанию. Но сделать это самостоятельно оно не может. Необходимо прийти ему на помощь, и, за отсутствием земства, миссию эту должно взять на себя правительство в лице соответственных органов своих.

Размеры газетной корреспонденции не дают нам возможности теперь же заняться более детальным обсуждением намеченных вопросов, и мы отлагаем это до другого раза. Теперь же пожелаем только, чтобы надежды и упования, порожденные «новым курсом», не разлетелись, аки дым.

Жизнь не ждет!

II

Оборотная сторона медали

Туземец, туземца, о туземце...

Где бы и что бы ни случилось, увели ли у кого лошадь, совершено ли было вооруженное нападение, грабеж или просто воровство – во всем и всегда виноват туземец, и преимущественно ингуш.

– Слышали? Вчера совершено было нападение на арбу. Увели лошадей и скрылись.

– Ах, эти ингуши!

– Опять кража: обобрали магазин. Всё до нитки унесли и неизвестно – кто.

– Ну конечно ингуши!

– Какой ужас! На хуторе убит сторож. Говорят, «работали» несколько человек...

– Ингуши, конечно?

– Ну, само собой разумеется!

И до того все и вся убеждены в сугубой преступности туземца, что никому и в голову не приходит заявить подозрение на кого-либо другого. Точно все остальное население нашей области – ангелы невинности и добродетели», решительно неспособные на какое бы то ни было преступление.

Между тем... между тем мы будем, вероятно, недалеко от истины, если скажем, что добрая половина тех преступлений, которыми так пугают на Кавказе всякого свежего, незнакомого с местными условиями россиянина, совершаются отнюдь не туземцами, а обыкновенными смертными, российскими гражданами именуемыми. И мы будем также недалеко от истины, если прибавим к этому, что именно в силу указанной предубежденности нашей большинство преступлений остаются нераскрытыми и неразгаданными. Да и как могло быть иначе, раз все поиски преступлений направляются исключительно на туземца, ни сном ни духом не причастного к нему?

Нужен какой-либо экстравагантный случай, чтоб мы (т. е. администрация и простой обыватель) на время отказались от предубеждения и сказали себе: «а ведь того... не одни только туземцы пошаливать любят; грешным делом, и наш брат, не туземец, хорошенькую штуку отпалить может...».

Именно такой экстравагантный случай хочу я отметить сегодня.

Дело было 6–7 верстах от Владикавказа, было совершено вооруженное нападение, во время которого 4 злоумышленниками были увезены 4 куля хлебного зерна. Всадников-злоумышленников заметил сторож Семенова, который дал по ним выстрел. Всадники ответили тем же и ускакали по направлению к Владикавказу. Было дано знать об этом ближайшему милиционерскому посту, и за злоумышленниками послана была погоня.

Последней, благодаря свежим следам, удалось проследить за злоумышленниками вплоть до Марьинской улицы. Здесь следы, однако, исчезли. Исчезли бы, вероятно, навсегда и сами злоумышленники, если бы не счастливая случайность: на следующий день недалеко от места преступления была найдена утерянная одним из злоумышленников папаха, на красной подкладке которой оказалась написанной фамилия ее владельца, казака С. М. Дальнейшие розыски, само собой, не представили уже никаких затруднений.

Разумеется, случай этот должен значительно повлиять на наши предубежденные умы и значительно же поколебать нашу уверенность, что во всем и везде нужно «искать туземца». Но, увы, мы ни на минуту не сомневаемся, что это будет лишь временно: пройдет неделя, другая, и мы снова с диким упрямством будем твердить на каждом шагу:

– Ну, конечно, это дело рук ингушей!

Такова уж сила традиции!

III

Нечто о кавказских разбоях

В прошлом письме я мимоходом упомянул о традиционной замашке нашей во всем и всегда винить туземца, хотя в 50 случаях на сто он и сном и духом не повинен в тех преступлениях, которые мы ему навязываем. Теперь я позволю себе сказать несколько слов (полной обстоятельности не разрешают размеры газетной статьи) о другом предрассудке, или, вернее, предубеждении: о том взгляде на Кавказ, как на нарочитое гнездо разбоя, который (взгляд) давно уже живет в нашем обществе и от которого мы, по-видимому, не скоро отделаемся.

Обращали ли вы когда-либо внимание на то, каким тоном наши газеты оповещают о каком-либо разбое на Кавказе? Произошли, допустим, разбойные нападения где-нибудь внутри России (в Ананьевском уезде, Донецком бассейне, Киеве), и вы читаете: «На днях там-то имело место разбойное нападение. Напали на дом и т. д.». Но вот речь зашла о разбое на Кавказе, — тон сразу изменяется и получается приблизительно следующее: «Разбои на Кавказе продолжаются. Снова дерзкое нападение среди бела дня с берданками наперевес и т. д.».

Почему же это так? Или действительно Кавказ уже так изобилует разбойниками? Ничуть не бывало. Закавказье, пожалуй, да, но собственно Кавказ? Нет. Возьмите статистику разбоев внутри России и сравните ее со статистикой тех же разбоев на Кавказе, и от вашего предубеждения, что Кавказ — гнездо разбоев, не останется и следа: оно рассеется, как дым от слабого дуновения ветерка. Возьмите хотя бы Ананьевский уезд (Херсонской губернии) и нашу Терскую область. В первом конокрадство ровно в два раза превышает конокрадство Терской области, и тем не менее о нем никогда и никто не говорит так много, как о нашей области.

И объясняется это чрезвычайно просто: в то время как по отношению Ананьевского уезда мы выдвигаем на первый план всяческие экономические и иные факторы, в нашей Терской области те же конокрадства относятся исключительно за счет сугубой и нарочитой преступности; но, а понятно: раз дело в преступности, а не в экономических неурядицах и неурядиствах, то и покричать можно и должно больше.

Словом, повторяется старая-престарая история. Повторяется тысячелетняя история наших предрассудков и предубеждений, которые бог весть как сложились, но которых мы никак изгнать не можем или на изгнание и искоренение которых нам нужны по крайней мере столетия...

«Евреи употребляют христианскую кровь». Откуда и как возник этот тупейший предрассудок, повторяемый в течение нескольких столетий? Мне лично возникновение его представляется чрезвычайно простым: какой-то еврей много сотен лет тому назад из мести или звериного остервенения покусился на жизнь или, быть может, лишил жизни ребенка своего личного врага — христианина. Последний поднял крик на весь околоток, а околоток в свою очередь поспешил оповестить об этом со-

бытии *urbietorbi*⁴. А как передаются такие события обывателями достаточно известно: муха превращается в курицу, курица вырастает до размеров вола, а вол, в свою очередь, очень спокойно становится слонем. Один зарезанный или убитый мальчик превратился в десяток, из десятка выросла сотня, а там и до обычая употреблять в пищу христианскую кровь – рукой подать. И вот в результате единичный случай омерзительного преступления вменяется в вину целой народности и делается поводом для ожесточенного и бессмысленного гонения против нее в течение многих и многих веков. Вырастает чудовищно нелепый предрассудок, для искоренения которого требуются сотни, тысячи лет. Да и полно: искоренен ли он даже теперь? Разве и теперь не найдете вы тупоголовых субъектов, упрямо повторяющих эту нелепость и бессмысленно верующих в нее?

Та же глупая история повторяется, говорю я, и с кавказскими разбоями. Когда-то, очень давно, наш туземец, доведенный до отчаяния неравной и непосильной для него борьбой с непрощенными пришельцами, отодвинувшими его в глубь бесплодных суровых гор, пустил в ход против своего врага единственно оставшееся в его руках оружие – партизанские набег. Это называли разбоем. Прошло много лет – туземец мало-помалу начал успокаиваться и, видя, что черт совсем не так страшен, как его малюют, в конце концов стих окончательно. Партизанские набег прекратились, и жизнь вступила в естественную колею, когда главными и единственными почти факторами противозаконных и противообщественных поступков являются не нарочитая преступность, а чисто экономические или социальные условия, требующие и иного к себе отношения и иного воздействия. Но стоустая молва сделала уже к этому времени свое дело – она успела уже оповестить *urbietorbi*, что Кавказ – гнездо разбоев, и мы бессмысленно повторяем этот предрассудок изо дня в день, не давая себе труда поразмышлять над ним, проанализировать его. Вот туда, где требуются самые обычные меры подъема материального благосостояния к устранению социальных неурядиц, идут с твердо выраженным и засевшим колом в голове – предрассудком, приходя г с репрессиями, в которых давно лишь и без того безотрадное *statusquo*⁵. Приходят и орудуют по отжившей свой век традиции, по устаревшему шаблону. А на помощь предрассудку и предубеждению являются тысячи добровольцев, действующих отчасти «выгоды и корысти ради», отчасти же по

свойственному россиянину легкомыслию, побуждающему его не над чем серьезно не думать, все принимать на веру и беспечно повторять всякую нелепость и глупость, не задумываясь ни на минуту, не останавливаясь над ней и получается...

Ах, какая колоссальная, какая ужасная несправедливость получается здесь!

И самое скверное, что этой несправедливости не видно конца, что она живет уже давно и что — не трудно предвидеть — проживет она еще много, очень много лет. Самое скверное, что кричи об этом до хрипоты, распинайся до изнеможения, — мы все же еще долго, долго с легкомыслием кисейного существа будем бессмысленно и тупо повторять: «Ах, Кавказ... ах, это — гнездо разбойников!» И, повторяя это, будем применять к этому «гнезду» одни только репрессии, твердо уверенные и убежденные, что иных мер по отношению к нему и быть не может... Старая это история, старая и скверная!

IV

И прежде, и теперь...

Вот уже несколько десятков лет как Кавказ стал страной курьезов, анекдотов и — абреков с легкой руки Марлинского⁶, открывшего Амалат-бека. Народилась литература так называемых «кавказских» рассказов, в которых воспеваются доблести черкесов, где герои статны, высоки, красивы, безумно храбры и отчаянно великодушны, где есть и слава, и жгучесть, и страсть, и... нет, разве, одной лишь правды. Эти рассказы, литературная цена которым грош, истопили в своей массе все, что было написано правдивого о Кавказе, воспитали несколько поколений россиян на мысли, что Кавказ прежде всего «интересен», и подготовили собой почву для той реакции, которая выразилась в современном взгляде большинства русских на Кавказ и его обитателей. «Черкесы» вдруг исчезли, и ничего о них не слышать. Их заменили «ингуши», «осетины», «чеченцы» и появилась новая национальность — «татарва». «Черкес» был великодушен и храбр, «ингуш» стал разбойником, и не разбойником-джентльменом (что было бы опять-таки «благородно»), а разбойником-промышленником, заурядным воришкой. Как трудно было раньше понять, что за создание черкес, так непонятен стал и ингуш, вся цель существования которого — грабеж, убийство. Впрочем,

есть одна попытка аргументировать «ингуша». Автор, из числа проживающих в туземной среде десятки лет, облив помоями один из народцев Терской области, говорит: «Они ненормальны. Они не знают, что такое добро и зло. Чувства эти (добро и пр.) в своей абстракции им не известны». Не правда ли, хорошо?

Целые тома написаны о причинах разбоев на Кавказе. Те, которые их пишут, живут обыкновенно в Петербурге, и из кабинетов все кажется им так просто и так легко. «Время сентиментальности,— говорят они,— прошло. Нужны меры строгости». Строгость же понимается различно: одни советуют не препятствовать и даже до известной степени способствовать туземцам в эмиграции в Турцию⁷; по мнению других, необходимо перевешать сотню-другую головорезов; а один дошел даже до того, что серьезно рекомендует переселить всех туземцев огулом в среднеазиатские пустыни: «там они скорее вымрут»⁸.

Во всех этих проектах туземец играет роль какого-то не то неодушевленного предмета, не то ядовитого животного, с которым всякий может поступить по своему усмотрению. Человеческие чувства в нем и применительно к нему не существуют. Отец, семья и дети — для него лустые слова, «добро и зло в своей абстракции ему неизвестны». Он режет, грабит, ворует, и в грабеже — его жизнь, и нет конца его кровожадности и необузданности.

А где-то там, далеко в горах, в ущельях, трущобах, копошатся те, «абреки», обезвредить которых столь необходимо. Они рождаются на своих клочках, носят в корзинах на высоту нескольких сот, нередко тысяч, футов землю, перебирают ее руками, орошают водой, проведенной за несколько верст, и все для того, чтобы посеять хлеб, которого хватит им едва на 3 месяца. Их жизнь примитивна, обстановка грязна, сами они забиты, запуганы и недоверчивы. Слово «школа» почти не существует на их языках, да и боятся они ее. Немногие из них доверили ей своих сыновей и — потеряли их; одни носят теперь с гордостью погоны где-то далеко, в «России», другие — вернулись, но... лучше бы они не возвращались совсем. Зачем аулу отбросы города с их культурой водки, праздности и разгула?

Кучка ребят подрастает у них на глазах. Но что ждет их? Жизнь дикаря, бессловесного, как их отцов, то же прозябание, тот же мрак, то же невежество и еще большая нужда?!

Вот маленький уголок того, что называется у нас «туземным вопросом». Ближе всего касается он, конечно, Кавказа, но и русским, быть может, не безынтересно будет узнать кое-что о жизни того жупела-чеченца, которым чуть ли не с детства его пугали и в котором за маской «черкеса» и «ингуша» отучили видеть человека.

V

Какое нам дело?

Мой коллега г. Шаханов-Джанхотов совершенно прав: за «ингушем», «чеченцем», за жупелом-туземцем вообще, мы не можем разглядеть **человека**, которому присущи те же потребности, те же страсти, недостатки и достоинства, в котором сидит тот же зверь-человек и тот же душа-человек, что и в нас, благодушных россиянах. Мы не могли разглядеть всего этого тогда, когда идеализировали туземца, окружая его ореолом героя, – не можем разглядеть его и теперь, когда превратили того же туземца в сплошного разбойника с сугубо преступными – и только преступными – задатками и наклонностями. Сказав себе раз и навсегда, что «туземец – разбойник и только разбойник» мы уже решительно на все остальное закрываем глаза. Какое, например, нам дело до того, что этот туземец загнан куда-то в суровые горы, где каждый кусок черствого хлеба достается ему во сто раз тяжелее и труднее, чем даже нашему горемычному крестьянину? Какое нам дело до того, что и этих черствых кусков у него еле-еле хватает на полгода? Какое нам дело, что до сих пор он не наделен землей даже в таком количестве, которого хватало бы на собственное только пропитание, не говоря уже о семье? Какое нам дело, что взамен этой земли мы наделяем его постоями, натуральными повинностями, караулами и т. п., вконец подрывающими его маленькое-маленькое благосостояние, созданное и создаваемое трудами собственных рук и в течение многих лет? Какое нам дело до того, что лишенный всяких просветительных учреждений, он коснеет в полнейшем невежестве, окружен беспросветным мраком всяческих суеверий; что он никогда не слышал о любви, а главное, никогда не видел ее со стороны тех, кто пришел к нему, непрошенный и незванный, уверяя, что единственная цель этого прихода – научить его, темного туземца, как нужно жить? Какое нам дело

до того что, напротив, до сих пор он, этот загнанный и голодающий туземец, вместо обещанной любви встречает в нас одно лишь презрение и даже – что греха таить! – неприязнь и озлобление? Какое нам дело и до того, что все эти «нам дела нет», по существу, и являются главнейшими факторами, важнейшими побудительными причинами того отчуждения и той неприязни к нам со стороны туземца, на которые мы так склонны жаловаться и сетовать? Нам нет и не было до всего этого никакого дела. Избалованные судьбой, сытые и напоенные, мы даже и представить себе не можем надлежащим образом, что такое муки настоящего неподдельного голода, голода физического и духовного, и к ним, этим физически и духовно вечно голодным туземцам, с легким сердцем и чисто кисейным легкомыслием применяем ту же мерку сурового порицания за проступки против общественной морали, какую мы привыкли мерить такие же проступки со стороны лиц, физически и духовно одинаково с нами насыщенных и напоенных.

«Ах, туземец – вор. Какой ужас, какое безобразие! Надо во что бы то ни стало положить этому конец». И мы начинаем класть «конец» рядом самых суровых репрессий, совершенно упуская из виду, *что никакие репрессии не действительны там, где прежде всего требуется кусок хлеба.* «Ах, туземец – разбойник. Какой ужас, какое безобразие! И это накануне двадцатого века, когда... и т. д. Нет, надо во что бы то ни стало положить этому конец!» И снова на сцену появляются сугубо суровые репрессии, и мы снова забываем, что эти репрессии ни к чему хорошему привести не могут, так как нужны здесь не они, а нужно поднятие нравственного уровня загнанного, невежественного туземца, нужны школы, нужны просветительные учреждения. «Ах, туземец питает к нам ненависть, озлобление. Какой ужас, какое безобразие! Надо во что бы то ни стало положить этому конец!» И в третий, девятый, в сотый раз выдвигаем на первый план все те же репрессии, все тот же мощный кулак, искренне убежденные и уверенные, что в нем-то и спасение от всех этих «бед». И мы в третий, в десятый, в сотый раз забываем, что сами-то мы и виноваты в том, что туземец питает к нам ненависть и озлобление, ибо всегда приходили и приходим к нему не с любовью, с миром, а с той же, так озлобляющей нас, ненавистью.

И странное, право, дело: почему-то мы очень легко понимаем, что, драния собак, мы неминуемо добьемся того, что они кинутся

на нас и отомстят за себя. Тут же, когда дело идет о человеке, мы окончательно слепнем, теряем всякую способность мыслить и рассуждать и искренне изумляемся, что систематически затравливаемый нами субъект почему-то не считает нужным лизать бьющую его руку.

Да, должно сознаться, мы умеем быть «логичными»!

VI

Две свадьбы

Я помню один рассказ, слышанный мною много лет тому назад.

Когда-то давным-давно в ауле в горах был большой праздник. Сотни джигитов съехались на него, буза * лилась рекой, танцы не прекращались с утра до вечера. Девушки в шелковых платьях, в серебре и золоте сменяли одна другую, джигиты состязались в ловкости и удали, плясали без устали свой старый, заветный танец. И целый день звучал кобуз ** и раздавалось дружное хлопанье в ладоши.

Девушки жались робко к стене, не смея поднять глаз и, изредка только шепчась с соседкой. Джигиты толпились в кучке, весело болтая и рассеянно следя за танцами. Вдруг они вздрогнули и смолкли: все видели, как высокий черный горец в белой папахе подмигнул танцевавшей с ним девушке, как та смутилась, на секунду остановилась, а затем почти бегом бросилась к подругам. Только момент длилось молчание. Затем раздался чей-то крик, и из толпы ринулся брат оскорбленной. Еще момент – и два тела барахтались на земле в крови. И возникла канлы ***, и много лет два рода враждовали друг с другом, и лилась кровь, и гибли жизни, смывая позор всеми забытой девушки.

Время прошло – и многое дикое, необузданное, бесчеловечное исчезло, уступая место гуманности. Нет больше кровной вражды, «канлы» стала встречаться все реже, и поняли люди, что убийство – всегда преступление...

Снова свадьба в ауле, много молодежи съехалось на нее. Аул велик, лежит в полуверсте от русского местечка, есть в нем

* Буза – род браги из проса.

** Кобуз – музыкальный инструмент.

*** Канлы – кровная месть.

лавки, русские дома и слышится порой русская речь. Хозяин ни на секунду не может посидеть на месте, поминутно выбегает за ворота и смотрит на дорогу: уже 6 часов, а их все нет и нет.

Наконец, они приехали: два офицера, молоденькие, безусые, только что выпущенные со школьной скамьи «на Кавказ», три дамы и полковник. Хозяин не знает, как их занять, чем угостить, и бегаёт от одного к другому. Их устроили на балконе, появился самовар, сыр, масло и даже печенье. Два сына хозяина, не отступая, угощали, и скоро все приняло обычную физиономию в ауле. Полковник, видимо, скучал, дамы занялись собой, юнцы, позабыв все на свете, следили за лихой лезгинкой и топали в такт ногой.

...Снова играет кобуз и слышатся дружные удары ладоней. Смеются девушки; шум, крики, смеются джигиты. Некоторые из них подходят перекинуться словечком с офицерами и, пока они говорят, видно, что обе стороны довольны друг другом: одна – знакомством со столь важными лицами, другая – своею близостью к «настоящим церкесам».

– Тебе какая нравится? – спрашивают одного из подпоручиков, чрезвычайно усердно поглядывающего на толпу девушек, откуда слышится поминутно шепот и хихиканье.

– Вот эта, – говорит тот, кивая головой на одну из них, – в красном бешмете.

– А! Это моя сестра!.. – говорит один из джигитов и, вернувшись спустя некоторое время, добавляет: – Я спросил ее. Ты ей тоже нравишься!

Офицер краснеет: «А я слышал, что они строги, что женщин держат взаперти! Ничуть не бывало, даже, пожалуй, слишком вольно. Брат – и вдруг!..» – думает он.

Вечерняя темнота окутывает небо, синие горы подернулись дымкой и тонут в мраке тихой южной ночи. Кобуз, то замирая, то с новой силой выводя свою старинную мелодию, говорит о чем-то далеком, прошлом и невозвратном. Танцы прекратились, девушки притихли, все смолкли и жадно впились в эти грустные, заунывные звуки.

О чем они говорят?

VII

Новые веяния крепнут...

Помнится, в одном из первых своих писем мы отмечали, что со вступлением в управление Терской областью нового начальника ген.- майора Толстова здесь на первых же порах потянуло «новым курсом», почувствовались «новые веяния».

Однако в то время новый курс и новые веяния лишь намечались – их можно было лишь **чувствовать**, вернее, предугадывать по некоторым случайным признакам.

Теперь в них уже нельзя сомневаться: теперь мы можем с удовольствием констатировать, что «новый курс» вошел уже в нашу жизнь и из области предположений перешел в область реальных фактов.

Население Терской области как бы проснулось от тяжелого десятилетнего сна, полного давящих и пугающих кошмаров, и бодро заглядывает вперед, где неожиданно появились новые светлые перспективы, зажглась новая заря

«Новый курс» виден везде, заметен на каждом шагу. Загляните в любое бюрократическое учреждение, и вас поразит резкая перемена в обращении с вами. Кто бы вы ни были, вы почувствуете себя человеком с известными правами, вы поймете, что с вами считаются, вас признают; вчерашний Юпитер ⁹, к которому вы не смели приблизиться, сегодня любезен с вами, выслушивает вас, входит даже в ваши нужды.

«Новый курс» резко сказался даже на нашем официальном органе – «Терских областных ведомостях». Проповедь нетерпимости и крайнего шовинизма, травля туземца и инородца, вообще, незаметно исчезли куда-то, и вы с удивлением на тех же столбцах, где встречали раньше призыв к ненависти и вражде, теперь читаете откровенные признания в прошлых ошибках и увлечениях, призыв к изучению туземной жизни, «совершенно в сущности нам *не* известной» и т. д. (Терские ведомости. 1900. № 1).

Словом, новый курс, новые веяния крепнут и все более причают население к тому, о чем оно даже помышлять не могло.

Еще лишь вчера могли ли вы представить себе туземца, смело направляющегося «во дворец» (дом начальника области) «за правдой»? А между тем теперь вы видите сотни таких туземцев,

без страха и почти с полной уверенностью стучащихся в эти двери.

И они не обманываются в своих ожиданиях: их принимают, их выслушивают и, по их словам, они находят ту «правду», которую ищут там.

Особенно резко заметен «новый курс» по отношению к административно-высланным по закону 1893 года¹⁰. Высылались они по произволу старшин, мелких административных единиц. По первому заявлению любого старшины об их неблагонадёжности, по первой прихоти мелкого администратора, им приходилось оставлять насиженные места, бросать хозяйства и перебираться в соседние – Кубанскую область, Ставропольскую губ. и пр. С появлением нового курса все они теперь потянулись назад – на родину. Чуть ли не ежедневно являются они к ген.-майору Толстову, который выслушивает их, приказывает запастись приговорами обществ и обнадеживает, что при отсутствии каких-либо препятствий с этой стороны, они получают возможность возвратиться в свою среду на родные пепелища.

И послушайте, с каким захлебывающим восторгом рассказывают они об этом своим кунакам-односельчанам и с каким жадным вниманием последние слушают их!

Загляните в любой аул, в любое селение — и везде вы услышите одни и те же речи, одни и те же рассказы. Везде вы увидите одни и те же радостные, даже несколько торжественные лица, без слов говорящие о той радости, которую принес с собой населению «новый курс». На всех устах одно и то же имя, которое произносится с уважением, любовью и благодарностью.

Мы никогда не пели никому дифирамбов, мы никогда не вскуривали никому фимиамы, но теперь, выслушивая сотни рассказов о новом курсе, наблюдая сотни радостных, восторженных лиц, мы, невольно как-то, поддаемся общему настроению...

Чувствуешь, что в застоявшуюся жизнь влилась свежая струя, видишь, что струя эта растёт и ширится...

Пожелаем же от души, чтоб она выросла и расширилась в реку, в море, которые захватили бы всю нашу область, в которых нашли бы успокоение и исцеление все наши язвы.

ПАМЯТИ В. Н. ГРАММАТИКОВА

23 ноября в Нальчике скончался от чахотки врач Василий Николаевич Грамматиков.

Долго не изгладится память о покойном в Нальчикском округе. Это была какая-то кипучая натура, вечно чем-нибудь занятая, над чем-нибудь бьющаяся. В 40 с лишним лет В. Н. увлекался так, как в наши дни увлекаются редко 20-летние юноши. То он носился со своей фотографией, делая снимки Кабарды и гор, и на снимках читая чуть ли не целые лекции, то говорил о своем сочинении «Горские общества Кабарды», которое думал представить в обширных размерах, вроде знаменитого исследования Букеевской орды¹.

Последнее время В. Н. заинтересовала разница между типом горцев-таубиев² и простых горцев, и он усиленно занялся антропологическими исследованиями, думая найти таким путем ключ к загадке происхождения таубиев, как элемента прошлого. В медицине Вас. Ник. был таким же, как и во всем остальном, нередко скитался неделями по горам, из общества в общество, укоряя фельдшеров и старшин в бездействии, убеждая население не скрывать болезней и относиться с большим доверием к нему и его науке. Страстность, горячность, вносимые им в каждое дело, порождали о нем в туземной среде немало курьезных рассказов, но вместе с тем туземец-дикарь чувствовал инстинктом, что это человек действительно к нему расположенный, и шел охотно со своими болезнями и недугами в знакомую всей Кабарде квартиру «дохтура» в Нальчике.

Вечная тебе память, добрый человек, за твою отзывчивость, за сердечность, с которой относился к нам, и за искреннее желание помочь в борьбе с мраком и невежеством аульной жизни.

ЭМАНСИПАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

(Наша анкета)

Беседа с Шахановым

По существу «анкетных вопросов» в беседе с нашим сотрудником Б. А. Шаханов сказал:

– Я не могу вам сказать, какое положение женщина занимает в мусульманском мире вообще. Не считаю себя также вправе

говорить и о мусульманской женщине в Терской области. Я знаю лишь быт кабардинской женщины.

Всматриваясь в настоящее положение кабардинской женщины, я не решился бы сказать, что наша женщина занимает положение рабыни, или приниженной в обществе и в семье. В семье, например, наша женщина занимает куда почетнее место, нежели христианка, что можно подтвердить фактами. Жизнь кабардинцев регламентируется целым кодексом дедовских обычаев. По общему этикету, у нас женщина считается старше мужчин, независимо от ее возраста и положения.

Все же я бы не назвал кабардинцев противниками женского образования, если бы школы устраивались на местах. В города же посылать дочерей для образования подавляющее большинство кабардинцев не согласится, придерживаясь опять-таки обычаев. Кабардинцы переживают переходное время. Теперь столкнулись два мира: старый, отживающий мир понятий, регламентирующийся обычаями, и новое культурное течение. И кабардинцы пока еще не разобрались – стоит ли давать дочерям образование.

– Скажите, а возможна ли деятельность членов общества женщин-мусульманок в аулах, в виде чтения лекций. И вообще деятельность просветительного характера среди женщин?

– Нет, немыслима, – ответил нам собеседник. – И немыслима такая деятельность из-за церемоний. Обычай у нас так чтутся, что их изменить не так-то легко. Допустим, что в аул явился бы лектор. Его, конечно, угостили бы в кунацкой, если угодно, созвали бы девушек, устроили веселье: пение, пляски. Даже представили бы хозяйке. Но лекция... Лекция прямо-таки не вяжется с представлением о церемониальности. Ну, пришли бы женщины в аудиторию, начали бы распределять места по положению и т. д.

Да и вообще я не могу никак себе представить в нашем ауле лекцию для женщин. Я не сомневаюсь, что всякая малограмотная кабардинка пошла бы навстречу начинаниям общества мусульманских женщин, но общая работа едва ли бы удалась. У нас иные люди и иные взгляды на все. Вот вы возьмите хотя бы такое явление: у многих народностей Кавказа обычным явлением считается участие девушек в торговле на базарах и в других внедомашних работах. У нас этого нет.

– А чем это объясняется? – поинтересовались мы. – Не экономическими ли причинами?

– Отчасти да, – ответил г. Шаханов. – Кабардинцы живут в относительном достатке, а затем, просто, согласно обычаям, женщина не допускается к исполнению физически трудных работ.

– А играет ли кабардинская женщина какую-либо роль при решении общественных вопросов?

– Все общественные дела у нас решаются мужчинами на сходах. Причем доминирующая роль принадлежит наипочетнейшему и наистарейшему. Усмотрением наипочетнейшего решаются вопросы даже в том случае, если бы он высказался против большинства, – в заключение беседы сказал Шаханов. (Продол. след.¹)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГОРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Можно сказать с уверенностью, что среди народов, населяющих Российскую империю, в настоящее время наихудшее положение во всех отношениях занимают Горцы Кавказа. Всякому, кому приходилось ездить по аулам и знакомиться с условиями, в которых протекает жизнь Горцев, известно, что Горцы лишены всех тех благ, без которых в наше время немислима даже мало-мальски нормальная человеческая жизнь. Так, например, фактически все Горцы Кавказа – Терской и Дагестанской, Кубанской областей – лишены помощи медицинской, агрономической, юридической; народное образование или отсутствует совершенно, или там, где оно есть, поставлено отвратительно; пути сообщения находятся почти в таком же состоянии, в каком они находились столетия тому назад, во времена покорения Кавказа. Народное невежество, темнота и бедность не убывают... О фабрично-заводской промышленности не приходится и говорить, так как ее здесь нет совершенно; даже известные всему миру кустари Дагестана и Кабарды (бурки, седла) еще и теперь находятся в первобытных условиях.

Между тем вопрос о малоземелье уже надвигается со своими грозными последствиями, и нет никакого сомнения, что в силу особых местных условий ему суждено здесь принять одну из наиболее острых форм, какие только нам известны из истории народов. Такова в кратких чертах общая картина современного положения Кавказских Горских племен.

А что же делает Горская интеллигенция и есть ли вообще таковая? Отвечая на этот вопрос, по справедливости, мы должны

сказать: «К сожалению, теперь она есть... но она у нас отличается от интеллигенции, какие только существуют на земном шаре...»

Всем и каждому известно, что чем интеллигентнее и культурнее (в лучшем смысле) человек, тем сильнее развита у него чуткость, тем сильнее и острее он чувствует всякого рода несправедливость и насилие, тем сильнее и энергичнее он протестует против обидного для себя отношения. Только животное или человек, рожденный с рабской душой, не разборчив и легко мирится со всяким положением.

С другой стороны, известно также, что все крупные народы стремятся поглотить мелкие, а последние, как и всякое живое существо в природе, имея Богом данное ему право на существование и на самозащиту, борются за свое сохранение. Чем культурнее маленький народ, тем интеллигентнее каждый член его в отдельности, чем сильнее развито у него чувство справедливости, любовь к свободе и презрение к насилию, тем сильнее вооружается и борется он за свое существование и за свои права.

Между национализмом народов крупных, господствующих, и мелких, подчиненных, разница огромная и разница эта заключается прежде всего в том, что для господствующих народов не существует со стороны мелких подчиненных народов опасности быть поглощенным; затем господствующий народ пользуется в государстве, сравнительно с подчиненными народами, наибольшими правами, следовательно, и наилучшим положением. Пусть прежде откажется от национализма большой господствующий народ, – потом откажется от своего национализма и маленький народ.

Вот основания и причины, которые заставляют интеллигенцию мелких, порабощенных народов быть узкими националистами и становиться на защиту интересов своего родного слабого маленького народа (да оно и естественно: человеку свойственно становиться всегда на сторону слабейшего и обиженного). Примерами для нас являются интеллигентные поляки, финляндцы, армяне, австрийские и балканские славяне. Интеллигенция перечисленных народов, работая не покладая рук, создавая для народа целый ряд всевозможных полезных культурных обществ, как-то: просветительных, сельскохозяйственных, экономических, кредитных и прочих кооперативов, объединяя и сплачивая между собою под флагами перечисленных

обществ всех способных членов общества, успела завоевать себе мировую симпатию и уважение.

Наша же Горская интеллигенция вышла какая-то неудачная, ее никчемная отличительная черта – это беспомощность ее, абсолютная неспособность заниматься народной общественной творческой деятельностью. Она производит впечатление чего-то недоконченного, недоразвившегося. На днях один из молодых наших юристов из горцев с университетским образованием жаловался мне: «у моей кабардинской кобылы ингуши стащили хвост! Один из чиновников областного правления мне сказал, что следует подать в областное Правление прошение, просить собрать всех ингушских кобыл и осмотреть у них хвосты. Конечно, таким образом можно было бы найти хвост моей кобылы, но ведь у меня на это нет времени... Я никогда не вступлю ни в какое культурное общество, где будут состоять членами ингуш или чеченец». Другой подобный же адвокат на одном из собраний воскликнул: «Мы с оружием в руках будем защищать хвосты наших кабардинских кобыл!» Сказал и тут же, говорят, раскаялся, так как ему другие объяснили, что фраза эта носит в себе элементы провокации.

Подождем еще, авось освободимся от мелочности и, не делая различия между отдельными племенами, примемся, наконец, за общее дело – за общую культурную работу.

ГОРСКИЙ СЛОВЕСНЫЙ СУД¹

Как известно, в Терской, Дагестанской и Кубанской областях уже 30 лет действует положение о горских словесных судах, составленное применительно к обычному праву туземцев – адату. Однако практика этих судебных учреждений не оправдала возлагавшихся на них надежд, и за этот период времени было обнаружено столько вопиющих недостатков, что в высших сферах поднят наконец вопрос об упразднении горских судов и о передаче подсудных им дел компетенции мировых судей.

На этот важный вопрос откликнулась и кавказская печать. «Северный Кавказ» в передовой статье 22 мая, признавая, что горские суды оказались далеко не безупречны, находит, что самое лучшее – предоставить туземцам Кавказа право вести свои дела в общесудебных учреждениях Императора Алек-

сандра II, включительно до суда присяжных. Никто, конечно, не станет спорить, что русские суды стоят бесконечно выше туземных народных судов, но вопрос в том, будут ли они также пригодны для туземцев, как оказались пригодны для русских. От учреждения мало требовать, чтобы оно было само по себе хорошо: необходимо еще, чтобы оно находилось в согласии с духом и привычками народа; необходимо, чтобы народ сроднился с известными правовыми понятиями, а только в этом случае и можно ожидать от нового суда благих результатов.

Мы не ошибемся, если скажем, что главная язва горского суда – это лжесвидетельство, глубоко укоренившееся в нем и дающее то, что сам народ теряет доверие к своему суду. Вот, например, один из недавних случаев, сам по себе не выходящий из ряда, но очень типичный для данного вопроса. В одном из участков Грозненского округа предстоял разбор дела о краже чеченцем лошади. Согласно адату этот чеченец должен представить пять присяжников, которые приняли бы присягу в том, что он не совершал кражи. Известно, что если хотя один из присяжников откажется присягнуть в пользу подсудимого, то это уже считается достаточным основанием для его осуждения. И вот как раз случилось, что один из этих свидетелей отказался присягнуть; тогда подсудимый в виде мести заявил суду, что этот самый свидетель был его соучастником в краже. Дело было отложено, а при новом разбирательстве подсудимый выставил новых присяжников, подтвердивших соучастие отказавшегося свидетеля, и последний был приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев. На беду он еще пропустил срок подачи апелляционной жалобы, потому что представил ее не в ту инстанцию, куда следовало, и ему пришлось отбывать наказание. Вероятно, таких примеров можно привести не один, но для нас не важно их количество: важна самая возможность их, доказывающая, насколько малое уважение питают туземцы к их суду совести.

Однако было бы ошибочно винить в этом самую идею горского суда. Нам кажется, что эти суды лишь наполовину выполняют свое назначение – быть судами народными, и в этом их недостаток. Судьи в них назначаются администрацией. Назначаются, конечно, лучшие люди, цвет общества, но возможны и ошибки, неизбежные во всяком человеческом деле. А всякое неудачное назначение, естественно, дает повод судящимся критически относиться к самому учреждению. Теряется самое

драгоценное свойство суда – вера в него, а отсюда недалеко и до лжеприсяги и до взяточничества.

Из настоящего положения возможны только два выхода: или заменить горские суды общими для государства судебными установлениями, или дать им прежнюю чисто народную организацию. Но не забудем, что для всяких юридических нововведений должна быть готова почва в душе народа, а этого-то и не имеется: наши понятия о праве также чужды туземцу, как нам – адат или шариат. Если мы видим, что население Кавказа быстро ассимилируется с русскими, воспринимает их язык, заводит школы, обращается к мирному труду, то не объясняется ли это тем, что русские в завоеванных областях всегда воздерживались от ломки туземных обычаев, относясь с уважением к их понятиям и привычкам?

Хороший отрицательный пример того, как не следует вести себя в покоренных областях, дают англичане. Нужно сознаться, что нет на свете народа, который высокомернее держал бы себя с покоренными племенами. Гордые своею цивилизацией, англичане везде, где только чувствуют себя хозяевами, силою навязывают английский строй и переделывают учреждения по своему образцу. И вот что мы видим в Индии. Там уголовный кодекс был составлен, по поручению правительства, историком Маколеем. Пренебрегши местным обычным правом, Маколей ввел в этот кодекс все принципы английского уголовного законодательства. Началось полное царство ужаса, говорит он сам, усиленного еще окружавшею их тайною. Все несправедливости прежних угнетателей, как азиатских, так и европейских, казались милостью по сравнению с правосудием верховного суда*.

С тех пор много воды утекло, но царство ужаса в Индии и теперь в силе. Бывший секретарь индийского генерал-губернатора Юм** делает следующее красноречивое признание: «Каждому знакомому со страню хорошо известно, что ни один из свидетелей, вызванных в правительственный суд, по-видимому, не в состоянии сказать правды, между тем как в присутствии своего сельского трибунала, окруженный своими соседями, он обнаруживает такую же неспособность к лжи. Здесь все

* «Сев. Вестник». 1898. № 4 «Индия и ее крестьянин».

** Юм. «О земельных реформах Индии».

знают друг друга, и только что свидетель в своих показаниях сколько-нибудь отклонится от истины, все присутствующие останавливают его и подымают на смех, напоминая ему, что он не в коронном суде и что здесь это не сойдет».

Результат такого пренебрежения обычным правом страны налицо. В то время как Кавказ неизменно идет по пути слияния со своей метрополией (недавно даже турецкие газеты, по словам «Спб. Вед.»², констатировали прогрессивное обрусение Кавказа), англичане чувствуют себя в Индии такими же чуждыми пришельцами, как и сто лет назад, во время господства Ост-Индийской компании. И в то время как под власть России добровольно отдаются целые народы и племена, англичане всюду поддерживают свой престиж только силою оружия. Этот пример очень поучителен.

О ПОЗЕМЕЛЬНОМ ВОПРОСЕ В НАГОРНОЙ ПОЛОСЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

*(Заметка по поводу статей Н. Тульчинского *)*

В то время, когда такие учреждения, как местное юридическое общество и статистический комитет, призванные исследовать нужды населения области, и вообще местные юристы и интеллигентные туземцы очень мало интересуются таким важным вопросом, как исследование и урегулирование поземельного вопроса в горной полосе Терской области, весьма отрадно видеть со стороны г. Н. Тульчинского добросовестную попытку посильно осветить этот трудный, важный и неотложный вопрос в жизни горцев.

Наблюдения и выводы г. Тульчинского чрезвычайно интересны и для этнографа, и для юриста, и для администратора. Во всех его статьях, как настоящих, так и ранее печатавшихся, красной нитью проходит одна общая идея автора – сочувствие его интересам народной массы как таковой, и желание не дать народ в обиду немногочисленной группе высшего сословия горцев. Автор доказывает, что почти половина земли в горах находится во владении горсти привилегированного сословия,

* См. «Терские ведомости». 1901. № 41, 42, 46, 122.

тогда как среди народа масса безземельных; он советует отобрать земли у первых и наделить ими народ; нравственным основанием к этому служит наличность захвата общественной земли со стороны отдельных лиц. Тут г. Тульчинский даже несколько увлекается и утверждает, что чуть ли не все крупные землевладельцы в горах обманом и насилем захватили и присвоили земли. Но нам лично известны в горах такие землевладельцы, которые сотни лет владеют землею как родовой: этот вопрос не может быть разрешен наблюдениями одного человека. По поводу всех подобных утверждений г. Тульчинского нам хотелось бы лишь указать на то, что для правильного разрешения характера и пространства землевладения в горах является необходимостью учредить специальную комиссию из юристов и знатоков края и подробно исследовать этот вопрос на месте, только тогда можно будет правильно решить, кому по справедливости и какая земля принадлежит в горах и у кого, как у захватчика, можно отобрать землю для надделения ею народа. Таково было, насколько мне известно, мнение по этому вопросу и у так неожиданно, к общему прискорбию, и безвременно умершего компетентного лица – управляющего областной чертежной князя Сидомонова-Эристова. Он считал наиболее справедливым разрешением поземельного вопроса – предварительное изучение его через такую комиссию; затем, выработав известные основания для размежевания в законодательном порядке, – приступить к размежеванию.

Тут, к сожалению, возникает новое затруднение, созданное благодаря затяжке разрешения поземельного вопроса в горах. Г. Тульчинский полагает возможным отбирать путем насилия земли у всех владельцев, приобретавших таковые путем захвата. А между тем это нелегко сделать. Дело в том, что большинство этих захватчиков владеют землею в течение нескольких земских давностей, а по нашему закону, давностное владение есть такой могучий фактор, что в силу простого истечения десятилетней давности всякое, даже насильственное, путем преступления приобретенное владение превращается в право собственности при наличности известных признаков владения. Не требуется для этого, по нашему закону, как во Франции или Германии, ни законного основания владения, ни добросовестного владения.

Как же поступать при решении земельного вопроса в горах в тех случаях, когда захватчики опираются на две, три и более

земские давности? Можно ли у них отобрать насильственно эти земли, хотя бы и для блага народа?

С точки зрения закона, а стало быть, и справедливости., подобное насилие немыслимо, потому что внесло бы целую революцию в жизнь горцев и явилось бы отрицанием признанных ранее законом прав горцев. А признаны эти права именно законом с тех пор, когда на горцев распространили действие общегражданских законов империи вместе с введением общих судебных учреждений в области в 1871 году. Поэтому в тех случаях, когда налицо окажется бесспорное владение в течение срока давности, простое отобрание земли немыслимо.

А если интересы населения требуют такого отобрания, то пришлось бы вознаградить владельца (как это делалось не раз на плоскости в отношении Бековичей и др.). Вообще этот вопрос очень сложный и для правильного его разрешения нужно подробно исследовать землевладение в горах; одно несомненно, что без наделения горцев землею на плоскости нельзя их обеспечить, так как в горах земли мало и она плохого качества.

Поземельный вопрос в горах не разрешен, разрешение его отложено на неопределенное время. Это так, но вместе с тем жизнь не стоит на одном месте, и законодатель не мог лишить горцев права на защиту своих личных и имущественных прав в судебных учреждениях, приостановив всякие земельные дела в судах. Попытка кавказской администрации в этом смысле потерпела неудачу, и с постановлением соединенных департаментов гражданских и духовных дел, государственной экономии и государственного совета, состоявшемся 3 мая 1879 года, вопрос об изъятии из ведомства судебных установлении Терской области дел о поземельных спорах в горной полосе решен в отрицательном смысле.

А вот что говорит правительствующий сенат по делу Гапца: «Если во вновь присоединенной области не существует собственности в качестве юридического института, но земля, хотя бы лишь на основании обычая, находилась в неограниченном владении частных лиц, то администрация, не касаясь **надлежащего разрешения судебной или законодательной власти вопроса, может ли земля быть признана собственностью владельцев, обязана охранять существующее положение вещей**»

Иного решения и не могло быть и, было бы нежелательно, так как зло, могущее произойти вследствие отказа в правосудии,

много хуже тех захватов, о которых говорит г. Тульчинский. Да, кроме того, возникшие дела в суде по поземельным спорам за тридцать лет можно пересчитать по пальцам; их немного, и большею частью эти споры – с казною, а не с обществами и не между горцами. Единственное исключение составляет урусбиевское дело, где сильно заинтересовано именно общество.

Этих дел, может быть, и вовсе не возникло бы, если бы казна сама ждала до разрешения поземельного вопроса в горах и не объявляла всей горной полосы казенным, населенным и ненаселенным имением. Местное управление государственных имуществ отобрало фактически все леса в горах в казну и считает казенною и безлесную часть горной полосы; горнопромышленники отвод за отводом вырывают у горца лучшие куски земли его, частной и общественной, как казенную землю, а бедного горца г. Тульчинский хочет лишить и последней защиты перед законом на суде, советует сидеть в ожидании, когда уже поздно будет, разрешения земельного вопроса.

Вот уж подлинно, пока солнце взойдет, роса очи выест!

Нет, не то нужно горцам теперь: не лишить их следует права на защиту своих прав в суде, а облегчить им это право. Тут нечего бояться, что крупные захватчики возьмут путем хитрости и при помощи подложных свидетелей верх над сельскими обществами. Если кто-либо явно вздумает присвоить и укрепить за собою путем давности общественную землю, то общество этого не допустит, имея возможность доказать на суде, что оно не было лишено владения той или другой спорной землею, да казна и не допускает вовсе в охранительном порядке, втихомолку укреплять земли по давности владения, и в таких случаях предьявляет иски.

Поэтому путем давности может надеяться укрепить за собою землю лишь тот, кто действительно владел ею на праве собственности. Но, повторяю, большинство горцев не стремится в суды и не возбуждает дел о праве собственности, зная трудность разрешения, вопреки утверждениям г. Тульчинского, а терпеливо ждет решения земельного вопроса в законодательном порядке.

Это насущнейший и важнейший вопрос в жизни горцев. Правильное и скорое его разрешение явилось бы чистейшим благодеянием для народа; того же требуют и интересы государства и общества.

Как экономическое благосостояние населения, так и интересы спокойствия края, интересы нравственности и правосудия, равно интересы промышленности и горного дела, а теперь, с

введением поземельной подати, – и интересы фиска требуют скорого разрешения поземельного вопроса в горах. Местные газеты переполнены статьями о таком ничтожном для интересов как государства, так и населения вопросе – пустого тщеславия одних и зависти других – как вопрос об алдарстве, а таким серьезным вопросом, как поземельный, никто из туземцев не интересуется, не пишет ни строчки. Это весьма печальное явление, и пора заняться всем горцам всесторонним выяснением этого вопроса и помочь правительству в скором и правильном его разрешении.

Свои мысли и наблюдения о характере землевладения в горах и об основаниях правильного его разрешения согласно с историей и по справедливости, может быть, мне удастся высказать печатно в другой раз. Теперь, после сказанного по поводу статей г. Тульчинского, считаю не лишним добавить лишь, что в горах издавна существует право собственности на земли, земля ценится чуть ли не на вес золота; продажная цена доходит до нескольких тысяч рублей за десятину; удобные земли составляют собственность целого рода или семьи, лишь часть пастбищ и отчасти леса составляют достояние целого общества. Не признавать за нынешними владельцами права собственности на их земли, как пахотные, так и покосные и пастбищные, невозможно, потому что это явилось бы насилием и противоречило бы взглядам и обещаниям правительства, почему и вызвало бы в умах горцев недовольство.

В знаменитых прокламациях своих к горским народам наместники Воронцов и Барятинский не раз обещали горцам утвердить за ними на вечность занимаемые ими земли, и эти обещания, сделанные от имени государя императора, были причиной успокоения горцев, добровольного присоединения к России, и они же являются надеждой на их будущее. Народ хорошо помнит эти обещания и хранит прокламации, как святыню в мечетях. «Верьте мне, что все обещанное вам, есть истина, основанная на воле моего государя императора. Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения». Так говорится в прокламации Воронцова.

Прокламация же Барятинского от 1869 г. гласит:

«Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и тига-

нами в неотъемлемое владение ваше». Вся история гражданского управления Кавказа также подтверждает признание за горцами правительством права собственности на занимаемые ими земли. Так, в народных судах с ведома начальства совершались сделки купли-продажи земель. Наконец, сам «отец Кавказа», великий князь Михаил Николаевич, открыто признавал в горах право собственности и во всеподданнейшем отчете 1869 г. говорит: «Все земли в районе горских обществ составляют собственность или целых обществ или частных лиц».

Все это вполне согласно с политикой России вообще в отношении вновь присоединенных, даже путем завоевания, областей империи (см. решение Сената по д. Гапца и кассационного департамента правит. Сената за 1895 г. № 27).

Не далее как в 1900 г. правительство наше этот вековой принцип осуществило и в отношении отдаленной окраины – Туркестана, где постановлено утвердить за населением на праве собственности все земли, находящиеся в потомственном владении его согласно народному обычаю. Туркестан оказался счастливее Кавказа, и хотя присоединен позднее, но удостоился скорого и правильного разрешения поземельного вопроса.

Скорое разрешение поземельного вопроса и у нас в горах явилось бы, как мы сказали, чистым благодеянием для населения; нужно лишь при этом отрешиться от всяких добрых и худых предвзятых идей и во избежание ошибки всесторонне исследовать вопрос этот на месте. Тогда лишь будут удовлетворены требования справедливости, интересы населения и задачи мирного управления.

ВОЗРАЖЕНИЯ АБРАМОВСКОЙ КОМИССИИ

В комиссию по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области земледельцев Пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области

Объяснение

22 октября с. г. населению горной полосы Нальчикского округа Терской области, были объявлены составленные поземельной комиссией проекты:

1) о земельных правах сельских обществ, отдельных членов их и лиц, не принадлежащих к этим обществам;

- 2) о направлении поземельных споров, существующих и могущих возникнуть при размежевании Нагорной полосы, и
- 3) проект этого размежевания.

Вместе с тем землевладельцам этой полосы, в числе других заинтересованных лиц, было объявлено, что в месячный от 22 октября срок они могут дать свои объяснения на объявленные им комиссией проекты разрешения поземельного вопроса в горах Нальчикского округа. Настоящее объяснение и является тем объяснением, о праве на подачу которого в месячный срок от 22 октября с. г. мы были поставлены в известность комиссией.

Называясь объяснением, этот документ по характеру и по сути тех проектов, которыми он вызван, должен быть и неизбежно будет скорее **возражением**, чем объяснением.

Комиссия отрицает за нами права, которые мы привыкли считать нашими неотъемлемыми, у нас проектируют отнять то имущество, которое прошло через длинный ряд наших предков, прежде чем попало в наши руки, – имущество, в которое мы и отцы наши вложили столько материальных средств и личного труда. Но, возражая, мы постараемся, поскольку это окажется возможным, не полемизировать.

Мы верим, что и комиссия, раз убедившись, если бы нам удалось ее в этом убедить, что данные, собранные ею, недостаточно полны или что выводы ее неправильны, не откажется принять те действия и решения, которые будут продиктованы ей стремлением к обнаружению объективной истины и сознанием необходимости того, чтобы в таком крупном государственной важности деле не было бы сделано ошибки, могущей повлечь за собой несчастье и разорение многих тысяч людей.

Наши объяснения будут касаться только первого из объявленных нам проектов – проекта о земельных правах, причем, давая объяснения, мы будем пользоваться опубликованными уже ныне трудами комиссии, позволяющими судить о тех соображениях и доводах, которые были положены в основу принятых ею решений.

Комиссия на 328 странице своих трудов, подводя итог всему тому, что было высказано ею выше по поводу прав землевладельцев Горной полосы Нальчикского округа на находящуюся в их обладании землю, говорила следующее: из всего вышесказанного усматривается, что ни исторические данные, ни юридические доводы, ни обычно правовые нормы горцев, ни

правительственные мероприятия по отношению таубиев не дают никаких данных признавать права собственности за таубиями на владемые ими земли, наоборот, все данные в совокупности категорически отрицают это право.

Единственно, что могли бы привести в свою пользу таубии, так это то, что сам по себе факт владения землею есть, по выражению юристов, презумпция (предположение) права собственности, но такое предположение после приведенных данных само собою отпадает. Те же исторические данные свидетельствуют, что горские таубии, по сравнению со всем высшим сословием туземного населения Терской области, свыше меры вознаграждены, как сословие, выкупной операцией за счет народа и длительным владением обширными землями; поэтому оставлять им и впредь эти земли уже на правах собственности было бы в высшей степени несправедливо.

И так вот доводы, на которые нам предстоит ответить. Но прежде чем разобрать их детально, мы остановимся на выяснении как соотношения их между собой, так и определения сравнительной важности их в деле решения вопроса о том, должны ли мы быть признаны собственниками земель, которыми до настоящего времени владеем.

Значение этих доводов неодинаково. Прежде всего следует остановиться на том аргументе, который сформулирован в приведенном резюме комиссии следующим образом: «юридические доводы» и «обычно правовые нормы горцев» говорят против признания за нами права собственности на земли.

Полагаем, что это один аргумент, а не два. Говоря, что «ни юридические доводы», «ни обычно правовые нормы горцев» не дают данных признавать за нами право собственности на земли, — комиссия хотела сказать: то отношение к земле, которое существовало и существует у нас, не есть то, которое по русским законам именуется правом собственности. И вот первый довод, и довод важнейший, заключается в том, что комиссия утверждает, будто бы права собственности на землю, как юридического института, у нас не существовало и не существует.

Как мы покажем ниже, утвердительный ответ на вопрос: должно ли быть характеризуемо юридически наше отношение к земле как право собственности, — раз нет ни в настоящем, ни в прошлом особых, порождающих права наши обстоятельств (например, конфискация), сделал бы излишним разбор других,

комиссией приведенных доводов, и все они имеют значение лишь постольку, поскольку на вопрос о существовании у нас права собственности на земли дан отрицательный ответ. Таким образом, приведенное резюме трудовой комиссии по исследованию земельного вопроса в горах Нальчикского округа должно быть понимаемо так: I. Частной земельной собственности, как юридического института, в горах Нальчикского округа не существовало и не существует. II. Русским правительством земли в частную собственность тау-биям и узденям отведены не были. III. Было бы несправедливо, если бы земли эти были им отведены в собственность и ныне. Установим же с самого начала нашу точку зрения на вопрос. Что хотим мы объяснить в этой нашей записке комиссии, что утверждаем мы, возражая на ее выводы?

Мы утверждаем, что все земельные участки, перечисленные в ведомости, находящейся на 61–66 страницах трудов комиссии, и многие другие, комиссией пропущенные, на протяжении нескольких человеческих жизней находились в частном обладании лиц, ими владевших, ими пользовавшихся и ими распоряжавшихся, — что участки эти, в согласии с нормами обычного права горцев, дошли до теперешних их владельцев законными (и не только с точки зрения устного обычного права горцев, но и с точки зрения положительного русского права) способами и потому все они — по силе 533 ст. I ч. X тома св. зак. гр. — суть собственность их теперешних владельцев. Никто нам их не отводил и не жаловал. Этого мы никогда не утверждали, и не в этом ищем мы подтверждения домогательств наших о признании за нами прав собственности на них. Главным образом, далеки мы и от того, чтобы просить кого-либо в силу тех или иных соображений и оснований отдать их нам ныне на праве собственности.

Мы говорим: земля должна быть признана нашей собственностью, потому что она есть наша собственность. И, подавая эту записку в поземельную комиссию, мы если и просим о чем, так это лишь об объективном отношении к тому, что будет услышано комиссией от нас в этой записке и что будет, быть может, в части касающейся фактов, неизвестных комиссии во время составления ею ее трудов и проектов, — может повлиять и на изменение в той или иной форме ее выводов.

1. Одно из основных положений русского права говорит: «никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих»

(ст. 574 I ч. X т.). Правительствующий сенат, развивая это положение (р. гр. касс. деп. 1883 г. № 32 и др.), высказался в том смысле, что закон, содержащийся в 574 ст., есть закон, основанный на праве и справедливости. Следовательно, раз будет установлено, что те или другие права являются принадлежащими кому-либо из подданных русского царя, отняты эти права от него или от них, иначе как по суду, быть не могут. Положение это так ясно, что спора возбудить не может. Мы считаем, что коль скоро известное право является дарованным всем русскоподданным общим законом для того, чтобы можно было утверждать, что на известную часть их оно не распространяется, надо с положительностью это доказать. Не мы должны доказывать, что никакое имущество не может быть у нас отобрано без суда, а те, кто говорят, что оно должно быть отобрано, — должны доказать, что по исключению оно у нас может быть отобрано. Мы знаем, что те или другие представители русской власти на Кавказе в разное время утверждали, что «со времени умиротворения Кавказа все земли были признаны состоящими в распоряжении правительства» (рапорт управляющего межевой частью Терской области межевому члену Тифлисской судебной палаты от 18 мая 1892 г. за № 727). Но ведь для того, чтобы класть подобное утверждение в разрешение земельного вопроса у нас на Кавказе, необходимо указать сначала тот акт верховной власти, которым бы это утверждение доказывалось. Надо ли говорить, что акта такого не было, потому что если бы таковой акт был, то какая была бы надобность в комиссиях, имевших целью выяснять перед разрешением земельного вопроса у того или иного племени существующие у этого племени формы землепользования и землевладения. В этом случае, решая земельный вопрос в той или другой части Кавказа, надо было бы лишь выяснить вопросы землеустройства — и только.

Между тем везде на Кавказе, до горной полосы Терской области включительно, перед разрешением земельного вопроса собирают фактические данные для установления начал, на которых население пользовалось землей до водворения в крае русской власти для того, чтобы в зависимости от того, что будет при этом найдено, решить прежде всего — не возможно ли санкционирование русским законом существующего уже порядка, и только после того, как это оказывалось возможным, существующий порядок, не укладывавшийся в рамки русского

закона, изменялся. Надо ли подкреплять сказанное ссылками на факты и авторитеты? Не достаточно ли ясен приведенный выше закон и недостаточно ли бесспорна всеобщая его применимость в России – всегда и везде?

Если факты для подтверждения правильности сказанного все же нужны, мы, придерживаясь данных» даваемых историей Кавказа, укажем на то, что так именно был решен земельный вопрос у всех без исключения народов Кавказа; везде, где русское правительство нашло, что право собственности на землю, как юридический институт, существовало, – оно признало его, взяв часть земли для устройства населения у собственников ее с их согласия (бесплатно или за известное вознаграждение) и избавив население от необходимости вести дорогостоящие и длящиеся десятки лет судебные процессы для доказательства своих прав на землю, и только там, где его не существовало (причем для признания наличности этого факта всегда требовалась неоспариваемость его заинтересованными лицами), правительство считало себя вправе распорядиться землею так, как оно находило это нужным сделать.

Нужны ли ссылки на авторитеты? Мы найдем их, и это будут лица, по своему положению могущие говорить так, что никакое сомнение в правильности всего ими высказанного будет невозможно. Приведем для примера слова наместника его императорского величества на Кавказе гр. Воронцова-Дашкова², сказанные им по этому поводу в записке его по управлению Кавказским краем 1907 г. и помещенные на 57 странице их: «Во всей тысячелетней истории России, – говорит наместник кавказский, – едва ли можно найти пример, когда бы ею были нарушены имущественные права покоренных народов». А присоединившихся добровольно, к числу которых принадлежат и горцы Нальчикского округа, прибавим мы от себя, – подавно! А вот что сказано было нам, в числе других горских народов Кавказа, главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом, генерал-адъютантом князем Воронцовым³ в прокламации его, относящейся к сороковым годам минувшего столетия:

«Верьте мне, что все обещанное мною вам есть истина, основанная на воле моего государя императора. Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенно вашею собственностью и останется без всякого изменения... Еще раз

повторяю, что обещания мои есть священные, и они как бы собственные слова моего великого государя, которые никогда не могут подлежать сомнению».

Это прокламация, в которой с отцами нашими устами главнокомандующего говорил сам государь император, в которой отцам и дедам нашим были даны их царем священные обещания, позволяют нам думать, что какие бы рапорты и распоряжения последующих местных начальников нам не указывались, хотя бы из рапортов этих следовало, что они, эти начальники, не зная тех начал, на которых мы владеем нашими землями, признавали бы в нас не собственников, а только пользователей этой земли, — каких бы отрицающих наши права взглядов эти начальники ни придерживались, изменить что-либо в сфере наших имущественных прав они были бессильны и значение всего этого для того или иного разрешения поземельного вопроса у нас равно нулю.

Единственно, что нам могут сказать и чего вправе от нас потребовать, это доказательств, что то право, на котором мы владели и владеем нашими землями, есть именно то сложное юридическое отношение, которое понимается русским законом под правом собственности. К изложению наших доказательств, правильности этого утверждения мы и перейдем теперь.

Прежде всего, необходимо остановиться на вопросе о том, известно ли было право собственности на землю, как юридический институт горцам Нальчикского округа. Поземельная комиссия на этот вопрос ответила так: право собственности на землю, как юридический институт, было известно горцам лишь в отношении усадебных мест, культурных пахотных (сабанов) и покосных (биченликов) участков и неизвестно в отношении больших покосных и пастбищных мест. Это проведение разницы между землею, измеряющеюся десятками, много сотнями квадратных саженой, и землей, измеряющеюся сотнями, а иногда и тысячами десятин, проходит красной нитью через все труды комиссии и способно воистину поставить каждого незаинтересованного в том или ином исходе дела, о котором трактуется в трудах комиссии, в тупик.

Спрашивается, в чем разница между теми и другими участками? Почему, выработав строго юридическое, поражающее своей детальной разработкой, право собственности на землю

населения, прилагает его к одному роду угодий и не применяет к другому, столь же, если еще не более, ему необходимому?

«Горцам – первым поселенцам, – читаем на 309 стр. трудов, – не было присуще понятие об индивидуальной собственности на земли, не подвергшиеся обработке трудом человека. Под влиянием горной суровой природы и чрезвычайной скудности земли, годной для хлебопашества, выработалось 2 типа землевладения: каменистая почва, превращенная в культурную землю упорным трудом человека, становилась собственностью лица, производившего очистку от камней, а равно расчистку из-под леса, удобрение и орошение. Такая собственность, по воззрениям горцев, считается неотъемлемою обычною собственностью (подворною). Все же прочие земли, как-то: обыкновенные покосы, пастбища и леса, также по сложившемуся обычаю, считаются общественной собственностью»

Неужели все это будет и в том случае, если горцы, о которых идет речь, народ, с ясно выраженным аристократическим складом, в котором есть сильные, слабые и совершенно бесправные, и к тому же, если горцы эти занимаются «единственно возможным в данной местности хозяйством – скотоовцеводством (см. стр. 42 трудов), притом в размере, не известном никому из их соседей?» Скотоводами ведь мы стали не со вчерашнего дня, свои стада мы унаследовали от предков, ведь всегда на наших пастбищах и зимовниках содержалось столько стад, что и пастбища эти не могли всего нашего скота прокормить? Но можно ли содержать стада теми пахотными и покосными участками, о существовании на которых у нас института права собственности комиссия не спорит? Значение этих культурных участков в хозяйстве нашем и наших предков – ничтожно. Пахота дает нам хлеба в лучшем случае на месяц-два, покосы (биченлики) имеют целью дать хоть сколько-нибудь корма для той скотины, которую мы, горцы, держим при себе в ауле. Если же мы существовали и существуем ныне как не бедный в массе народ, то только благодаря нашим стадам скота и овец, а скот и овец мы держать можем лишь благодаря тому, что у нас покосные и пастбищные земли. Неужели же при таких условиях можно серьезно утверждать, что при том недостатке в земле, могущей служить пастбищными и покосными местами, который постоянно в горах, более сильные согласились бы терпеть какие-либо

стеснения от необходимости делиться землей, им нужной, со слабыми и бесправными?

В этих условиях страшной нужды в земле для скотоводства, неужели надо было ждать знакомства с русскими – для того, чтобы приложить готовые уже нормы обычного права, выработанного горцами, если верить комиссии, специально для гарантирования их владельцам права исключительного и спокойного пользования землями, не имеющими для них никакого серьезного хозяйственного значения и неприложимые к тем землям, благодаря которым они только и могли существовать в горах? Полагаем, что обосновать логически подобное утверждение в применении его к условиям быта горцев Нальчикского округа – представляется совершенно невозможным.

В нашем последующем изложении в части, касающейся земельного быта, мы по необходимости должны будем повторить доводы и соображения, высказанные уже нами однажды в поданной нами в марте текущего года его превосходительству начальнику Терской области докладной записке.

Как и в этой записке, приступая к выяснению нашего земельного быта, мы не можем, прежде всего, не высказать того мнения, что всякий беспристрастный исследователь, познакомившись с ним, невольно поразился бы, как мог создаться юридически разработанный и законченный земельный быт у такого культурно-слабого, не обладающего даже письменностью народа, как горцы Нальчикского округа. Причина этого кроется, конечно, в том, что по условиям жизни вопрос о земле для горца – вопрос жизни и смерти. Жить хлебопашеством нельзя, единственный источник жизни теперь и искони – скотоводство. Для скотоводства же нужна земля и много земли: нужны пастбища, покосы, зимовники. Скотовод-степняк, имея всегда землю в избытке, не заинтересован в том, чтобы провести межу и сказать соседу: «не ходи сюда, это мое», скотовод-горец должен был это сделать. Мало того, он должен предусмотреть все возможные отношения, в которые может поставить его стремление соседа тем или иным путем, легальным или нелегальным, получить возможность пользования землей, которую он считает своей. Вот обстановка, в которой даже народ-дикарь делается юристом, вот обстановка, в которой создаются юридические отношения и юридические институты, общая цель которых – сделать земельные отношения настолько ясными, чтобы жизнь, при всем многообразии ее,

никогда не создавала бы безвыходного, не поддающегося правовому разрешению, положения. В этом причина, почему горцы Нальчикского округа создали и сохранили в неприкосновенности свой земельный быт, столь отличный от земельных отношений, существовавших в Кабарде до прихода русских.

В нашем последующем изложении для иллюстрации тех или иных отношений по земле мы будем брать только те примеры, в которых объектом отношений являются наши пастбищные, покосные и лесные участки, всегда более или менее значительные по размерам. Что же касается до так называемых «сабанов» и «биченликов», пахотных и покосных участков около аулов, площадью в несколько десятков и сотен кв. сажен, то даже комиссия признает необходимым оставить за их теперешними владельцами. Но ведь тогда все же остается логически не выясненным, как вышесказано, каким образом может у народа существовать институт частной земельной собственности по отношению участков одной категории и не существовать по отношению участков другой – не менее ему необходимой.

Насколько «стремление провести разницу между сабанами и биченликами, с одной стороны, и пастбищными и покосными участками – с другой стороны, несостоятельно, видно из того, что одни и те же нормы обычного права горцев Нальчикского округа регулируют владение и пользование как теми, так другими. Нельзя также проводить между ними разницу и по количеству труда, вложенного в них. Во-первых, потому, что юридически это не существенно, а во-вторых, и многие покосные участки, мерою в сотни десятин, потребовали для своей культуризации долгого, упорного труда по очистке их от камней и искусственному орошению (некоторые из этих участков будут указаны ниже). Примеры, как это будет видно ниже, носят совершенно конкретный характер и датированы по поколениям, считая современное нам за первое. Иное размещение сообщаемых фактов во времени, по бытовым условиям (отсутствие письменности) и невозможно. Большинство из них должно быть приурочено к XVIII столетию.

Право собственности по русскому праву определяется наукой в соответствии с 420-й ст. I ч. X т. как законное господство лица над вещью, в силу которого лицо может ею владеть, пользоваться и распоряжаться (проф. Мейер И. Русское гражданское право, изд. 8, стр. 249 и решение гражданского кассационного депар-

таменга правительствующего сената за 1871 г. № 1219 и 25 и 1879 г. № 1334). В этом определении заключаются 4 признака: господство над вещью должно быть: 1) законно и состоять в совокупности прав, 2) владеть, 3) пользоваться и 4) распоряжаться вещью. Попробуем доказать наличие всех этих данных в землевладении горцев Нальчикского округа.

Землевладельцы Нагорной полосы Нальчикского округа господствуют над принадлежащими им участками земли законно. «Насколько несправедливо было бы лишить права собственности и покоренного европейца, доказывающего свое право на землю документами своего бывшего государства, настолько же несправедливо требовать актов, устанавливающих собственность, от бывших подданных таких государств, где таких актов нет и где все землевладение зиждется на обычном праве, фактически, однако, строго соблюдаемом.

Право собственности на землю составляет краеугольный камень экономического развития населения, и нарушать его, хотя в интересах фиска ⁴, невозможно. Добросовестное продолжительное владение по нашим законам приравнивается к собственности и подлежит охране. Заставлять ныне беков Дагестана и землевладельцев Карской и Батумской областей доказывать права собственности на их земли было бы недостойным русского правительства...»

Строки эти, взятые из всеподданнейшей записки по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова-Дашкова (см. записку, с. 57), могут быть буквально приложимы и к нам. Если под законностью господства над землей понимать исключительно наличие крепостных актов или актов, совершенных при посредстве органов государственной власти или даже вообще письменных актов, то тогда, конечно, никто из них не может быть признан законным обладателем земли, перешедшей к нему по наследству от 10 и более поколений его предков. У нас не было государственности и не было, как нет на нашем родном языке и сейчас, письменности. Требовать от нас наличия письменных актов на землю, значило бы совершать, по меткому выражению цитированной записки, действие, недостойное русского правительства. Но если наше господство над землей не было основано на письменных актах, то все же оно опиралось на правомерный принцип: соответствие нормам обычного права.

Игнорировать обычай в разрешении земельного вопроса народов, лишенных государственности, а следовательно, и норм положительного права, конечно, нельзя, что понималось и русскими властями при всех попытках их выяснить земельные отношения туземцев Кавказа. В частности, это понималось ими всегда и по отношению горских обществ Нальчикского округа (см., например, § 1 инструкции, объявленной в приказе по Кавк. воен. округу 1906 г. за № 113).

Роль обычая по вопросу о признании за горцами прав собственности на земли ясно выражена, например, в журнале Кавказского комитета⁵ 23 декабря 1869 г. Кавказский комитет, заслушав записку военного министра по предложениям его императорского высочества, главнокомандующего Кавказской армией о распределении земель Большой Кабарды, в п. 6 журнала за этот день доложил, что «частная собственность на землю должна быть признана за теми жителями Большой Кабарды и горских обществ, которые на право владения представят в известный срок удовлетворяющие на родному обычаю документы». Значение народного обычая в разрешении вопроса о наличии в данном случае права – собственности высказано с достаточной отчетливостью и только самое требование непременно письменных документов не состоит в соответствии с обычаем горцев. Такого требования обычай не выставляет, а по отсутствию письменности и не мог выставлять.

Документы, удовлетворяющие народному обычаю, предъявлявшему к ним только одно требование, присутствие в известном количестве свидетелей – незаинтересованных, пользующихся доверием лиц могли быть у владельцев земель только по исключению и относились почти все к позднему сравнительно времени – первой половине XIX столетия, касаясь при этом одного лишь способа приобретения земель – путем купли. Что же касается других, основанных на обычаях способов приобретения господства над землею, как-то: перехода по наследству, выдела сыну от отца, дара, платы за кровь и в калым, то они стали оформляться на письме только в самое последнее время – по учреждении горских словесных и сельских судов. Итак, все, что обычаем в этой области требовалось, заключалось в приобретении земли одним из предусмотренных обычаем способов от лица, владевшего данным участком тоже, с точки зрения норм обычая, правомерно. Форма, в которой совершалось это при-

обретение, была словесная, но происходила в торжественной, обычаем регламентированной, обстановке. Приглашались свидетели, в присутствии которых тот, от которого земля переходила, говорил обыкновенно, что клянется («тоба болсун») в том, что участок такой-то передается им такому-то добровольно и с желанием.

При этом надо заметить, что все земельные участки в горах (пастбищные, покосные, лесные, сабаны и биченлики) имеют свое собственное название, известное в горах с незапамятных времен каждому горцу, причем границы всех этих древних участков определены так точно, что по общему правилу спора о них и возникнуть не может. Если же передавалась часть старинного участка, не имевшая еще собственного имени и общеизвестных границ, то происходило выделение этой части на самом участке, с проведением межи и с соблюдением правил, о которых будет сказано ниже.

Переходя теперь к разбору отдельных способов приобретения прав господства над землею, установленных обычаем горцев Нальчикского округа, остановимся на этом отделе лишь на наследовании, отнеся остальные в IV отдел (право распоряжения).

Можно без преувеличения сказать, что в подавляющем числе случаев право господства над землею возникло в горах Нальчикского округа по праву наследования. Каждый участок, в чьих бы руках он теперь ни находился и как бы ни перешел к своему владельцу, можно ясным и бесспорным для всех горцев путем провести через цепь посредствующих владельцев к владельцу, получившему его по наследству от ряда предков, во многих участках можно указать, в качестве владельцев, последовательный ряд поколений, в 6 и больше, владение которыми данным участком кем-либо ознаменовалось и потому запечатлелось в народной памяти. Далее, конечно, может существовать уже догадка, что и этот отдаленнейший достоверный владелец получил участок по наследству от предков. По-горски это называется «Аталадан калгъанды» – «осталось от отцов». Способ первоначального завладения родоначальниками той или другой фамилии данным пастбищем или покосным участком не сохранился, за отдаленностью событий, в памяти народной, кроме случаев сравнительно позднейших завладений, к таким относится, например, завладение Чепелеу Урусбиевым, переселившимся с подвластными и крепостными лет 200 тому назад из Безенги

(Урусбиевы – ветвь безенгиевских таубиев Суншевых) на Баксан и занявших верхнюю часть Баксанского ущелья, никем, по уходе оттуда Крым-Шамхаловых в Карачай, в то время не занятую⁶. Ясно, что при таком значении для горского земельного быта наследования, оно должно было быть особенно точно нормировано обычаям. Ко времени приблизительно освобождения в горах крестьян от крепостной зависимости, т. е. к концу 60-х гг. XIX в., совершился переход от наследования по обычаю (адату) к наследованию по шариату. Но нас, конечно, должно интересовать только наследование по обычаю. Вот основные принципы и главные характерные черты горского наследования земель.

Женский пол от наследования отстраняется (со времени утверждения шариата наследовать вообще, и в частности землю, стали и женщины). Наследуют сыновья, при отсутствии их – братья. Ближайшие степени родства устраняют дальнейшие. Лица, состоящие в равных степенях родства, наследуют в равной мере, кроме старшего и младшего из сыновей. Впрочем, прибавка на долю их редко передавалась землею. Права представления не существовало, потомство сына, умершего раньше отца, лишалось права на наследство. Обстановка раздела земли, раз наследники решили ее делить, была следующая: выбиралось несколько близких, старших по возрасту родственников или лиц вообще почетных, пользующихся доверием лица, которые и назначали, кому из наследников, какой из вошедших в состав наследства участков земли, поручить разделить на соответствующее число наследников число равных частей. Затем наследники выбирали себе в каждом участке в известном порядке часть, причем тот, кто делил данный участок, получал тоже часть, которая оставалась не взятой остальными (стимул для правильности раздела). Но раздел часто не происходил на протяжении нескольких поколений; тогда ввиду того, что совместное пользование, при отсутствии границ особенно, когда число совладельцев было велико, представляло много неудобств, доли некоторых из них переходили к одному, двум или трем совладельцам в собственность (продавались) или во временное пользование (на бегендном или арендном праве).

II. Право владения.

Наш закон (I ч. X т.) не дает нигде определения понятия владения, как элемента права собственности, решением же гражданского касац. департамента правительствующего сената

1878 г. № 93 установлено, что под владением в применении к недвижимой собственности нужно понимать право исключительно пользоваться поверхностью земли с возведенными на ней строениями и недрами. Существенным для характеристики права владения является в этом определении признак его исключительности. Эта исключительность, в силу которой только лицо правомочное, являющееся, по взгляду на обычай, собственником данного участка, имеет право на обладание им, было в высокой степени присуще горскому земельному быту.

Случаи посягательств на чужое владение были в древнее время так редки, что можно найти лишь несколько примеров, характеризующих отношение горцев к этому признаку собственности по русскому праву. Материал для одного примера дают старинные исторические песни чегемских горцев, повествующие о следующем: когда-то в очень отдаленные времена в пастбищной части участка «Мюллюшко», именуемой «Нуклён» и принадлежащей таубиям Балкароковым, с разрешения последних пасли стада баранов чегемцы Кетенчиевы. Сильная по своему влиянию в Чегеме семья Рачикауовых, явившись в «Нуклён», выгнала оттуда Кетенчиевых с их стадом, заявив, что хочет сама пользоваться этой землею. Последствием этого было уничтожение в местности «Гестенты», ныне принадлежащей Асланбеку Кучукову с братьями и Муссе Барасбиеву, – Рачикауовых – братьями Келеметом и Ачахматом Балкароковыми, по отношению к которым современные нам Балкароковы находятся в 6 колене⁷.

Другой пример относится уже к позднейшим временам. К участку «Кашкатау», находящемуся в обладании узденей Мамашевых, предъявляли издавна претензии таубии Келеметовы. Последняя попытка Келеметовых, явившихся на участок «Кашкатау», нарушить владение Мамашевых, относится к 1870 г. и повела к вооруженному столкновению между Мамашевыми и Келеметовыми, во время которого Хили Келеметов убил Измаила Мамашева, после чего Мамашевы стали владеть «Кашкатау» спокойно.

В доказательство же факта признания права за нами и русскими властями, представляем копию с копии предписания управления начальника Нальчикского округа от 10 марта 1906 г. за № 3365, где говорится, что дознанием начальника 2 участка выяснено, что лесная дача в местности «Карасу» оказалась со-

стоящей во владении Джанхотовых, почему и отказано общественным доверенным в просьбе их о приостановлении рубки там леса ⁸.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о границах. Понятно, что исключительность владения землею подразумевает полную определенность границ этой земли. И в горах Нальчикского округа так и было! Границы древних участков составляли факт общеизвестный. Границы последующих разделов проводились в присутствии свидетелей и обозначались кучами камней, отметками на больших местных камнях (тавриением), сложенными стенками, закопанным в землю углем или приурочивались к природным линиям – ручьям, рекам, вершинам горных хребтов.

Вследствие отсутствия письменности и планов на землю вопрос о границах должен был особенно волновать землевладельцев; поэтому было в обычае, чтобы старики передавали более молодым то, что они сами знали о границах земель (безотносительно к тому, кто являлся собственником этих земель), а проезжая по этим землям, указывались бы границы их и на месте. В случае, если спор о границах все-таки возникал, таковой разрешался (до прихода русских) или в судах «Тёре» (о них см. ниже), или третейским судом. Как к крайнему средству, по согласию сторон, прибегали к следующему приему: одна из заинтересованных сторон, обнажив одну из половин своего тела (руку и ногу) произносила клятву, говоря: «Пусть отсохнет у меня рука и нога, если я покажу границу неправильно». После этого она проходила по линии, которую считала за границу. Насколько у населения была сильна вера в святость подобной клятвы, видно из того, что, по словам преклонного старика Тенгиза Суншева, в детстве он видел безенгиевца Эбу Рахаева с отсохшей рукой, про которого ему говорили: что рука у него отсохла после того, как он обманно провел, дав клятву, границу.

III. Право пользования.

Под правом пользования русское гражданское право (ст. 424 и 425, 1 ч. X т.) понимает употребление вещи для удовлетворения каких-либо потребностей. Пользование горцами, принадлежащими им пастбищными и покосными участками заключалось в употреблении их для надобностей скотоводства, т. е. выпаса скота и заготовления сена. Для того чтобы привести эти участки

в состояние, в котором они сделались бы пригодными к употреблению их для целей скотоводства (главным образом, конечно, для сенокосения), владельцам многих из них пришлось вложить в них много труда. Приходилось очищать эти участки от камней, проводить оросительные каналы и дороги, строить мосты, каменные коши на летних пастбищах и каменные скотные дворы на зимовниках. Такими искусственно орошаемыми покосными участками в горах Нальчикского округа являются, например: участок «Былым», принадлежащий Балкароковым и другим, «Хасты», принадлежащий Кучуковым, «Джигат» – Барасбиевым, «Камык» – Урусбиевым, «Хустос-Юрт»⁹ – Барасбиевым, Мамашевым и Тебо Кудаеву, «Беккам» – Суншевым и др.

IV. Право распоряжения.

Право распоряжения заключается в праве прекращения и разъединения права собственности – навсегда или на известное время (проф. Мейер. Русское гражд. право, изд. 8, стр. 203 и ст. 541 I ч. X т. св. зак.). Это право в земельном быте горцев Нальчикского округа проявилось в следующих институтах: 1) *бегенды*, 2) *аренды*, 3) *выдела наследства*, 4) *дара*, 5) *платы за кровь*, 6) *кальма*, 7) *продажи*, 8) перехода по договору и 9) товарищества, «нёгер», состоящего из безземельного скотовода и скотовода-землевладельца, где один давал рабочую силу, а другой – землю, и оба вели совместное хозяйство.

1. **Бегенд**¹⁰ – институт, существующий в данное время из всех кавказских народов лишь у горцев Нальчикского округа и единоплеменных им карачаевцев. Заключается он в том, что лицо, нуждающееся в известной сумме денег (в древности в известном количестве скота), передает определенный участок земли в пользование лица, ссужающего его той суммой до тех пор, пока он или его потомки, или кто-либо из родственников его не вернет взятую сумму. Отношения по бегенду переходят по наследству. Для уяснения юридического бытия бегендных отношений необходимо сказать раньше вообще о тех правах, которые, кроме фактического собственника земли, имеют на нее в известных случаях все члены одного с ним рода, а иногда даже и лица других родов. Проявляются эти права в тот момент, когда собственник, осуществляя свое право распоряжения, отчуждает участок навсегда или на время и притом за известное вознаграждение (продажа, бегенд, аренда). В этих случаях члены

одного с ним рода в последовательности, соответствующей степени близости родства их к отчуждателю, получают право, уплатив чужеродцу заплаченную им сумму, взять на тех условиях участок на себя. Нетрудно видеть, что это почти в точности соответствует праву выкупа членами рода родовых имуществ, перешедших к чужеродцам, установленному русскими законами (1346 и последующие статьи свода законов гражданских т. X) и составляет лишнее доказательство существования у горцев института, вполне аналогичного праву собственности по русским законам. В случае же, если бы никто из членов рода купить участка не пожелал, то право выкупа переходит к владельцу смежного с отданным в бегенду или проданного участка. По смерти собственника находящегося в бегенде участка земли, каждый из его сыновей, кроме принадлежащего всем членам рода права, уплатив чужеродцу всю сумму займа, получает участок целиком, получает еще право, в чьих бы руках участок ни находился, выкупить ту часть его, которая приходится ему на долю.

Что же касается до наследования бегендного права на участок, находившийся в бегенде у наследодателя, то такое разделу не подлежало, а обыкновенно один из сонакладников, уплатив другим их наследственные доли в уплаченной наследователем за участок сумме, брал весь участок на бегендном праве себе. Бегенд крайне развит в горском земельном быту. Есть примеры состояния участков в бегенде по сотням лет. Так, участок «Актопрак-чегет» отдан 5 поколений тому назад вымершей линией Балкароковых – Тазиевых Гочаевым за семь коров. Можно указать случаи, сохранившиеся в памяти нашего народа выкупа находившихся в бегенде участков по истечении многих лет с момента отдачи их в бегенд. Так, участок «Логумуса» (покос и пастьба, в Чегеме) был отдан Джашау Калабековым в бегенду Тутару Гыллыеву за 200 рублей; у Тутара Гыллыева участок был выкуплен, по праву единородства с собственником, Гонай Хаджи Калабековым, у которого выкупил уже внук лица, отдававшего в бегенд, т. е. Джашау Калабекова – Солтан-Хамид Калабеков.

2. **Аренда** встречалась и встречается поныне не так часто, как бегенд. Благодаря отсутствию больших земельных излишков, а главным образом благодаря обычаю «нёгер».

В последние 50 лет арендная плата стала братья деньгами, раньше же, до сближения с русскими, бралась натурой – ба-

ранами, молоком. Например, девяностолетний старик Тенгиз Суншев (Безенги) помнит, что при жизни его отца Кази Суншева за аренду принадлежавшего его отцу пастбища «Джора» арендаторы платили все молоко с пасшегося на нем рогатого скота и из 100 пасшихся баранов – два барана в год.

Как пример аренды, соприкасающейся с бегендом, при сем представляем копию с копии акта, означенного «от Балкарского сельского правления 6 июля 1879 г. за № 47 об отдаче Пшемахо Джанхотовым своему односельцу Джангуразову в аренду по горскому обычаю» своего пастбищного (именно пастбищного, а не сенокосного даже – это важно) участка земли.

3. Выдел наследства сыну в земле при жизни отца практиковался редко, но устанавливал для сына, которому участок был выделен, право собственности на него, как это видно из следующего примера. Кази Балкароков в Чегеме, дед современника нашего Дадаша Балкарокова, выделил при жизни своей отцу Дадаша, а своему сыну Докшуко часть участка «Кала-кол». Кази пережил Докшуко. По смерти Докшуко Кази пожелал вернуть выделенную часть участка «Кала-кол», говоря, что она была отдана Докшуко на бегендном праве, а не в собственность. Но Нальчикский горский словесный суд в 1879 г. признал наличность выдела, и на этом основании земля была передана Дадашу Балкарокову, который в противном случае не имел бы никаких прав на этот участок, так как отец его Докшуко умер раньше своего отца Кази.

4. Дарение земли в старину встречалось часто, в последнее время по причинам экономического характера стало довольно редким. Как на пример можно указать факт перехода как дара части участка «Кала-кол» (в Чегеме) от Биаслана Балкарокова к Тагиру Афашокову, каковой землей в данное время владеют сыновья Тагира: Тюкбаш, Датту и др. Афашоковы.

5. Плата за кровь землею была одним из способов избежать кровной мести со стороны родственников убитого. Самой почетной платой за кровь, в случае согласия на примирение, считалась земля. Какой именно участок из принадлежавших убийце или его ближайшим родственникам желали получить родственники убитого, указывали, обыкновенно, они сами. Примеры платы землею за кровь:

а) Актуган Балкароков в Чегеме, 6 поколений назад, убил кабардинца Камгута Отманова, за что был отдан участок

«Кочхар-таш» (часть его оставалась у Балкароковых и находится в руках этой фамилии и по сие время). Отмановы продали его князьям Атажукиным, продавшим его в свою очередь чегемцам Ахматовым, владеющим им и в наши дни;

б) Мисост Суншев (в Безенги) 7 поколений назад убил Али Абаева (балкарца)¹¹, за что заплатил Абаевым 3 сабана, в том числе «Бёзюланы-сабан», и 2 семьи крестьян Мечуевых и Джатчиевых¹².

6. **Отдача земли в калым** (плата за жену) – сравнительно редкая форма осуществления права распоряжения в горах Нальчикского округа. Как на пример можно указать на отдачу хуламским таубием Иса Шакмановым чегемскому таубию Тербулату Кучукову в калым за жену свою Эркия-ханум Кучукову участка «Огары-Хасты» в Чегеме, каковым участком в настоящее время владеют внуки Тербулата – 60-летний Аслангерий и Сафарали Кучуковы.

7. **Продажа земель** практиковалась, конечно, часто. Здесь укажем на следующие факты:

а) Кучуком Барасбиевым, отцом 70-летнего старика, современника нашего Кубади-Хаджи Барасбиева, был продан участок (кишлык)¹³ «Никкола» чегемцу Гея Кучиеву, сын которого, Касай Кучиев, владеет им и сейчас;

б) Али-Мударов Балкароков продал участок (кишлык) «Джуунгу» чегемцу Курману Чегембаеву, сейчас владеет им сын Курмана–Догун Чегембаев.

Кроме того, при сем мы прилагаем в засвидетельствованных копиях девять документов о различных продажах земель, а именно:

1) от 20 рождана 1248 года по арабскому летоисчислению о продаже кабардинцем Смаилом Шавчен-оглы (Шогеновым) участка земли под названием «Кесанты» Чегемским таубиям Каншау и Эдыку Кучуковым. В этом документе интересно и важно, как точно показаны в нем границы продаваемого участка, а это подтверждает наше указание о существовании у нас в горах участков под особыми названиями с определенными границами;

2) от декабря 1859 г. о продаже земли князем Атажуко Атажукиным под названием «Кочкарташ» Шемуху, Касану, Таусултану, Мирзабеку, Арсланбеку и Заурбеку Ахматовым также с указанием границ;

3) акт с удостоверениями на нем помощника начальника округа от 3 октября 1869 г., выданный кабардинским окружным народным судом 16 сентября 1869 г. за № 2214 о продаже земли Магометом Суншевым Умару Жабоеву;

4) свидетельство от 7 июля 1882 г о продаже участков покосной земли под названием «Сухан-Кишлык» от Тенгиза и Магомет-мурзы Шахановых Хаджи Хамурзе Шаханову же, со ссылкой на правила и обычаи, существующие в горских обществах и с указанием, что покупщику представляется «полное право пользования и потомственного владения этою землею» (ср. примечание I к 420 ст. X т. I ч., где потомственное владение приравнивается собственности);

5) запродажную часть от 29 августа 1887 года о продаже Тенгизом и Магометмурзою Шахановыми родового такого места под названием «Индыр» в указанных границах своему родственнику Таукану Шаханову «в вечное потомственное владение»;

6) от 21 мая 1886 года о продаже Анзором и Заурбеком Айдебуловыми «в собственность» приобретенных ими в свою очередь покупкой у Карабаша Атабиева участков земли под названием «Бийле», находящихся в Хуламском обществе;

7) от 31 декабря 1889 г. о продаже Умаром Суншевым, еще за 25 лет до того, собственного своего пастбищного участка земли (значит, частную собственность составляли и продавались и пастбищные участки) под названием «Сагустаин» нескольким Жабоевым, причем в акте опять указаны границы участка;

8) от 1827 года о продаже участка в определяемых границах и с указанным названием (Метхам-ах-матак) от некоего Хатах-шуко Хатахжуковичем Алову Бековичу и

9) явленный в кабардинском окружном народном суде 28 апреля 1862 г., записанный в нем в книгу под № 24 акт о покупке Хамурзой Шахановым покосного места у жены Карабаша Шакманова. Продажа земель, впрочем (и именно кышлыков, жайлыков), так часто практиковалась и в памяти народной сохранилось столько ее примеров, что вряд ли нужно особенно доказывать наличность ее в горском земельном быту ¹⁴.

8) Кроме того, были случаи **перехода участков по договорам** вне указанного выше порядка. Как на пример можно указать на следующий факт: холопку узденя Ахматова, по имени Чака, увез самовольно, без согласия его владельца, крестьянин Магомета Шакманова, деда нашего современника 50-летнего Шакманова

(в Хуламе) Джантуев. Согласно обычаю, потомство, произошедшее от Чака, должно было составлять собственность ее владельца Ахматова. Однако Шакмановы не пожелали вернуть произошедшее от Чака потомство Ахматовым, вследствие чего по соглашению вместо крестьянской семьи отдали им участок кышлык «Мысты кам» в Чегеме, находящийся и в настоящее время в руках внуков Али Ахматова и других Ахматовых.

9) **Обычай «нёгер» – товарищество** – весьма древнего происхождения, он представляет собой большие удобства горцам: дает товарищам в их взаимных отношениях по хозяйству возможность обходиться без денег, меняясь услугами по известным установившимся нормам. При составлении товарищества – товарищ-безземельный, сообразно количеству своего скота и, опираясь на существующую обычную норму, дает товарищу-землевладельцу бесплатно нужное количество косцов, пастухов, соли для скота, баранов на мясо и муки для рабочих. Товарищ-земледелец принимает его с хозяйством на свою землю бесплатно, так как получает даром столько рабочей силы, сколько требуется для его, землевладельца, хозяйства, равного по размеру хозяйству товарища-безземельного¹⁵. Этот обычай очень распространен, с успехом практикуется, и в настоящее время есть роды, между которыми «нёгер» существует десятки лет непрерывно (например: землевладельцы Балкароковы с безземельными Атакуевыми, землевладельцы Мамашевы с безземельными Мечиевыми, землевладельцы Кучуковы с безземельными Доттуевыми, землевладельцы Барасбиевы с безземельными Бапинаевыми и землевладельцы Келеметовы с безземельными Макитовыми).

В пределах горских обществ есть такие участки покосной и пастбищной земли – кышлык и жайлык, которые в прежние времена были проданы горцами землевладельцам-кабардинцам и которыми последние владеют по настоящее время.

Примеры: князь Касай Атажукин, прадед нашего современника князя Адильгерия Атажукина, купил «кышлыки»: участок «Перк» у Барасбиевых, участок «Хунук-бават» у Кучуковых, участок «Сары-тюз» у Балкаровых и участок «Алмалы» у Аккиевых, которыми владеет в настоящее время князь Адильгерий Атажукин.

Интересно, что в представленном в канцелярию наместника его императорского величества на Кавказе 28 апреля 1905 г. за

№ 1163 журнале совещания податных инспекторов по вопросу поземельного обложения в Терской области, т. е. в официальном документе, исходящем от официальных лиц, прямо признаны и тем как бы удостоверены многие положения настоящего объяснения. Так, там говорится, между прочим: «В горах есть участки, находящиеся во владении отдельных лиц и родов, и хотя нет никаких крепостных актов, удостоверяющих право собственности, владельцы этих земель осуществляют все права собственности. Земли переходят по наследству, продаются и покупаются, отдаются в аренду и в заклад (бегенд), права владения признаются и судебными установлениями, присуждавшими убытки за поправу и порубки, восстановивших владельцев в правах нарушенного владения (нарушенного, например, со стороны даже государственных имуществ). Для разрешения собственного податного вопроса, по мнению присутствия, достаточна наличность данных, удостоверяющих, что известные земли находятся в фактическом частном владении и притом бесспорном, в смысле отсутствия каких-либо претензий на них со стороны сельских обществ, нередко даже арендующих такие земли у их владельцев».

И далее: «...институт частной собственности у горцев создан не только на почве сословных привилегий, но, прежде всего, путем искусственного создания культурных участков, упорным трудом целых поколений отвоевываемых у дикой природы края. Собственность эту ревниво и зорко оберегает обычное право, и народ повсеместно ее уважает и искони признает. В общинном пользовании состоят лишь земли неудобные и пастбищные, пахотные же и сенокосные участки, т. е. вообще все земли культурные, представляют частную, фамильную (подворную) собственность, осуществляемую во всем ее объеме; эти земли свободно продаются и покупаются, отдаются в залог, в калым, уплату за кровь, и ничему этому отсутствие крепостных актов не мешает, ибо естественное течение жизни не может быть остановлено никакими формальными запрещениями».

И ведь все это было высказано гг. податными инспекторами, после того, как они ознакомились с земельными отношениями нашими на месте, из первых рук фактически. Ясно поэтому, как важно вынесенное ими из такого знакомства убеждение, что «в горах есть участки, находящиеся во владении отдельных лиц и родов, и хотя нет никаких крепостных актов, удостоверяющих

право собственности, владельцы этих земель осуществляют все права собственности» и что «собственность эту ревниво и зорко оберегает обычное право, народ повсеместно оберегает ее, уважает и искони признает». Для удостоверения правильности приводимых цитат, мы покорнейше просим истребовать от канцелярии наместника Кавказского копию упомянутого журнала совещания.

Нам осталось остановиться еще на нескольких вопросах, возникших попутно при предыдущем изложении:

1) Каким образом до водворения русской власти и учреждения судов (городских, сельских и общих) разрешались споры о земле, неизбежно, конечно, возникавшие.

2) Нет ли участков земли, приобретенных в той или иной форме от кабардинцев.

1. На первый вопрос надо ответить, что споры о владении, пользовании и распоряжении землей разрешались в существовавших во всех горских обществах судах «тёре»¹⁶. Тёре состояли из 5–7 (вообще нечетного числа) судей, назначавшихся выборным «уоли» (валием), которым бывал, обыкновенно, старейший и влиятельнейший из таубиев. Особенное положение занимало Балкарское тёре: по всем наиболее важным уголовным и гражданским делам обращались к нему, для чего ездили из других обществ в Балкарское. Однако компетенция Балкарского и местных тёре не была строго разграничена: от заинтересованных сторон зависело и по важному делу обратиться, не ездя в Балкарию, к своему тёре. Кроме того, в большом ходу были третейские суды.

С момента же появления в крае русских земельные споры стали, понятно, разрешаться в русских правительственных учреждениях, административных и судебных. Вот копии с некоторых относящихся сюда документов (первый из них относится ко времени, предшествовавшему появлению русских, остальные относятся к XIX столетию).

1) Надписи на камне, найденном в развалинах фамильной башни Гиргоковых в Хуламском обществе выше селения Схуру, о споре «из-за земель, по которому сделали тёре» (как сказано в этой надписи)¹⁷;

2) копия с копии журнального постановления кабардинского окружного народного суда от 8 июня 1867 г. за № 132 о присуж-

дении земли Дагот (Догуат.— Т. Б.) в потомственное владение Хату и Смаила Мисаковых¹⁸;

3) копии с решения Нальчикского горского словесного суда от 10 декабря 1873 г. за № 313 о разборе спора из-за леса в местности под названием «Зеркле», которую сами общественные доверенные признали принадлежащей фамилии Бекановых¹⁹;

4) копии акта кабардинского суда от 4 декабря 1849 года, утвержденного 9 декабря 1849 года начальником центра Кавказской линии (самая копия засвидетельствована 8 ноября 1907 года Чегемским сельским правлением за № 1280) на владение Кучука Барасбиева участком земли на «Кесанты»²⁰;

5) копии переписки по рапорту исправляющего должность балкарского и других горских народов пристава штаб-капитана Масловского начальнику бывшего центра Кавказской линии от 12 августа 1857 г. за № 130 о том, что начальник центра по жалобе подпоручика Кучука Барасбиева на Исмаила Куденетова, занявшего самовольно принадлежащее ему более 20 лет покосное место, приказал кабардинскому временному суду запретить Куденетовым косить сено на этом участке, но что это приказание до сих пор не исполнено, при каковом рапорте представлено было и шариатское разбирательство, сделанное эфендием Али в 1851 году²¹;

6) Копию сказанного шариатского разбирательства от 18 июля 1851 года, о земле под названием «Хустаж-Дурт»²² и

7) копию акта кабардинского временного суда от 12 февраля 1864 года, утвержденного 12 февраля 1876 года генерал-майором князем Голицыным, по спору Кучмазукиных, Бичехоковых и Хатуховых за проданную землю князем Атажукиным Наурузовым Чегемскому старшине Кучуку Барасбиеву. Там сказано, что земля эта имеет определенные границы и на нее Барасбиев имеет акты и что в результате «земля остается у Барасбиева во всей полноте как собственность его»²³.

2. Относительно земель, приобретенных так или иначе от кабардинцев, нужно сказать, что по исследованию почти все эти земли оказывались приобретенными раньше самими кабардинцами от горцев. Так, например,

а) участок «Лыбарда» (в Чегеме) куплен Келеметовыми у Атажукиных, Атажукины же получили его три поколения назад, от той же фамилии Келеметовых как плату за кровь убитого Келеметовыми крестьянина Атажукиных — Атакуева;

б) участок «Кочхар-таш» куплен Ахматовым у Атажукиных, которые приобрели от Отмановых, получивших эту землю от Балкароковых за кровь убитого Актуганом Балкароковым Камгута Отманова.

Вот данные, которые мы, землевладельцы Нагорной полосы Нальчикского округа, считали необходимым привести для выяснения оснований, на которых мы владеем землей и владели ею наши предки и которые, составляя факты общеизвестные, могут быть нами подтверждены показаниями любого числа свидетелей из горцев и из соседних нам народов: кабардинцев и сванетов.

Свидетельскими показаниями, руководствуясь обычаем, можно установить события, совершившиеся за последние полутора столетия. Современные нам 90-летние старики (которые не редкость) передадут нам слышанное и завещанное им столетними стариками в то время, когда им – нашим современникам – было 20 лет, а так как старики могли им говорить и о событиях, относящихся к их двадцатилетнему возрасту, то таким образом воскрешают и восстанавливаются события, совершившиеся 150 лет тому назад. По обычаю, показание двух свидетелей, повторяющих слова благонадежного очевидца, принимается за показание одного очевидца, что называется «тажге-шахат»²⁴.

Правительствующий же сенат, разъясняя в решениях гражданского кассационного департамента за 1879 г. № 202 и 245 и 1873 г. № 615 аналогичную с приведенной 533 статьей 557 т. X ч. I, высказался, что давность есть один из законных способов приобретения права собственности, причем в кассационных же решениях за 1884 г. № 107, 1879 г. № &7 и 1878 г. № 47 выражено, что для приобретения по давности требуется только факт владения, безотносительно к способу приобретения владения, и закон не требует, чтобы давностное владение основывалось на каком-либо акте укрепления (об этом см. еще кассационные решения 1876 г. № 28 и 1867 г. № 854), а равно не требуется и законного основания владения (кассационные решения 1884 г. № 107 и 1882 г. № 50). Кроме того, надо заметить, что, как разъяснял уже тот же правительствующий сенат (см. решения гражданского кассационного департамента за 1887 г. № 85, 1884 г. № 72 и 1868 г. № 449), давностное владение превращается в право собственности само собою, не нуждаясь в судебном признании за владельцами права собственности. Наконец, в кассационных

решениях 1881 г. № 154 и 1880 г. № 41 выяснено, что когда владение переходит от одного владельца к другому по наследству или по иному основанию, то в этих случаях существует преемство владения и сохраняется его непрерывность – одно из необходимых условий для превращения владения в собственность, т. е. факта в право.

Должно заметить еще, что, исследуя землевладение в Нагорной полосе Терской области, нельзя увлекаться тем, что свидетели или вообще опрашиваемые о нем лица говорили или будут говорить все только или преимущественно о «владении», не употребляя, или, быть может, редко употребляя» термин «собственность». Ведь недостаток или неточность терминологии в этом отношении присущи даже нашим законам, как это в законе же и признано. А именно в примечании к 420 ст. X. т. ч. I св. зак. гр. говорится, между прочим, что «право собственности на недвижимое имущество в законах часто означает... под именем вечного потомственного владения и что в сем смысле и лицо, имеющее право собственности, именуется владельцем».

Важнее и даже единственно важно только то, что все три права, из которых составляется сложное понятие права собственности, как белый солнечный луч из цветных, налицо и у нас в горах. Владение, право владения, несомненно налицо – и оно постоянно охраняется хотя бы постановлениями Нальчикского горского словесного суда, учрежденного правительством же в случаях нарушения его самими горцами и искания в общих или мировых судах при нарушениях его посторонними лицами, не горцами.

Без права пользования не было бы, не могло бы быть отдачи земель в аренду, которая, однако, практикуется же у нас, и это не может отрицать и комиссия, между тем отдача в аренду – есть, несомненно, передача пользования имением, передавать же можно только то, что есть, следовательно, хозяин, отдавая землю в аренду, передает принадлежащее ему право пользования другому. Наконец, описанный выше бегенд знаменует собою право распоряжения, ибо без последнего не могло бы существовать и первого, так как нетрудно видеть, что бегенд во многом аналогичен залогу с передачей имущества залогопринимателю, как это по русскому праву прямо установлено для залога или заклада движимости (1671 ст. X т. I ч.). А раз бегенд аналогичен залогу, то ее не могло бы быть без права собственности, ибо по силе прямо закона 1629 ст. X. т. I ч. св. зак. гр. «отдавать в

залог можно только то имущество, которое принадлежит отдающему по праву собственности». Итак, все три права: владения, пользования и распоряжения налицо и в наших отношениях к занимаемым нами землям, а делятся уже давно, давно же превратились и в собственность, не нуждаясь для этого, как выше показано, в судебном признании (кассационные решения 1887 г. № 85, 1884 г. № 72 и 1868 г. № 449). Посмотрим же теперь, как обрисовывается наш земельный быт по трудам комиссии.

Прежде всего, надо констатировать, что комиссия, пришедшая к выводу о непризнании в нас собственников находящихся в нашем владении земель, в фактической части своих трудов, где ею излагаются основы нашего земельного быта, подтверждает почти дословно, за немногими, впрочем, исключениями, все то, что сказали мы выше, доказывая наличность в нашем отношении к земле всех элементов права собственности, требуемых русским законом. Мы оговорились, что исключения все-таки есть, и сделали это потому, что сведения о нашем землевладении, сообщенные комиссией в главе «Формы землепользования» не вполне соответствуют действительному положению вещей. Мы имеем в виду следующие строки из главы «Формы землепользования» (см. стр. 38 «Трудов...»): «Затрата на создание таких искусственных почв (пашен и лугов) массы энергии, труда и времени, причем участки эти в большинстве случаев обносятся еще солидными каменными стенами, повела к тому, что в горных теснинах вся годная к утилизации площадь находится в подворном владении и считается неотъемлемою, по воззрениям горцев, обычною собственностью, находящеюся во владении семей, живущих под одной кровлей; обыкновенные покосы, пастбища стали, опять под влиянием топографии местности, достоянием не всего племени, а одного какого-либо рода, поселившегося вблизи этих угодий. По обычаю, на угодья, пастбищные и обыкновенные покосы существовало хуторно-займочное право, на основании которого все двory, входящие в состав одного рода, занимали эти угодья кошами, косили по мере надобности сено и пасли там свои стада; только леса составляли общие владения всех родов, осевших в одном и том же ущелье. Указанные аграрные порядки сохранились в пяти горских обществах и до настоящего времени; единственное изменение, которое произошло за последнее время, это то, что благодаря неуживчивости отдельных семей под одним кровом и происхо-

дящим вследствие этого частым семейным разделам, земельная собственность стала сосредоточиваться в руках отдельных пар или индивидуальных семей; кроме того, некоторые лица стали предъявлять права собственности на леса, прилегающие к их угодьям, в чем и имели некоторый успех, как, например, Урусбиевы, Женоковы, за которыми признано право собственности на некоторые лесные пространства».

В приведенной цитате неправильно, прежде всего, утверждение комиссии, что субъектом права собственности на землю у них является или двор (совокупность семей, живущих под одной кровлею), или род. Комиссия на стр 39 утверждает, что субъектом права собственности является «дворовая община», представителем которой является старший по летам, а доказательством справедливости этого видит в том обстоятельстве, что «продажа имущества не может быть совершена без согласия всех членов семьи; даже если продажа и состоялась, то каждый из членов семьи может выкупить обратно имущество, возвратив покупателю уплаченную им сумму; то же право выкупа принадлежит и всем родственникам». Но согласие всех членов семьи на продажу земли – совершенно не требуется обычаям, и, утверждая это, комиссия делает фактическую ошибку, в которой ей нетрудно убедиться и самой. Ничего подобного у нас не существует и, вообще нет ни малейшего намека на то, что у нас в горах существует «дворовая община» как лицо юридическое. У нас не редки и ныне случаи совместного жительства братьев с их семьями под одной кровлей. В этих случаях, живя вместе, они ведут общее хозяйство и имеют, пока не разделяются, общее имущество, в том числе и землю. Но имущество это, в том числе и земля, является их общей собственностью, в которой каждому из них принадлежит точно определенная доля и которую каждый из них волен во всякое время и отсудить, и потребовать выделить себе.

Если разделы не производились иногда на продолжении многих поколений, то это не потому, что по обычаю их нельзя было производить вследствие того, что земля принадлежала известной «дворовой общине» как лицу юридическому, а потому, что обоюдный интерес сособственников заставлял их предпочитать иметь долю в общей со своими родственниками собственности, чем получить известную долю в свое индивидуальное обладание. Что это так, доказывают факты выделения

из наследственной массы одного из наследников, в то время как остальные продолжают владеть оставшеюся частью наследственного имущества сообща. Ниже в главе «Объяснения на ведомость земельным участкам» мы дали много тому примеров, сейчас же укажем на один из них, а именно: на факт выдела Урусбия Суншева, сына Суюнча, в то время как потомство остальных его сыновей (Бийнегера, Амирхана и Жогуштока) продолжало владеть землями сообща до середины XIX столетия.

Нельзя привести решительно ни одного факта, ни одного соображения в подтверждение существования у нас «дворовой общины», как лица юридического. Выше мы дали уже юридическую характеристику обычая, обязывающего каждого горца, желающего продать землю, предложить предварительно купить ее всем своим родственникам (по отцу) и соседям, и дающего право всем этим лицам, особенно в случае, если предварительно о желании купить землю они не были спрошены, — выкупить эту землю. В обычае этом идет речь именно о праве на преимущественную покупку, а не о праве дать или не дать согласия на продажу. Не позволить продать — никто из этих лиц не может, он может, лишь купив сам, не позволить купить чужеродцу. Этот институт, как мы уже говорили выше, имеет много общего с правом выкупа родовых земель, о которых говорят ст. 1346 и последующие I ч. X т. Комиссия утверждает, что имуществом «дворовой общины» заведует старший по летам. Что понимать под этим заведыванием? Если комиссия хотела этим сказать, что старший из собственников общего имущества имел всегда большое влияние на то или другое заведывание им, то мы спорить не будем, если же приведенные слова надо понимать, как право старшего по летам собственника распорядиться имуществом по своему усмотрению, то это совершенно неверно. Сделать это он мог лишь со своей личной долей, например, продать, отдать ее в бегенд и т. п., но делать это могли и другие собственники.

Кстати, факт продажи принадлежащей в данном земельном участке данному лицу доли служит еще одним и весьма притом ярким доказательством того, что во всех случаях принадлежности земли группе лиц, хотя бы и живущих под одной кровлей (обстоятельство юридически совершенно безразличное), мы и имеем дело с общей собственностью, а не с собственностью юридического лица. «Двор» горский ничем не отличается от обычной семьи; как и везде, глава семьи имеет известное иму-

щество, на которое содержит свою семью. Если у него есть земля, полученная от предков или купленная, он волен делать, в пределах предоставленных ему обычаев прав, с этой землей все, что только пожелает. Остальные члены семьи помогают ему, конечно, извлекать из этой земли, как и из всего остального имущества, доход, но никаких самостоятельных прав на это имущество, в том числе и на землю, не имеют.

Не существует, в качестве субъекта права на землю, и «род». Нам положительно неизвестно ни одного случая, когда бы все дворы (опять дворы), входящие в состав одного рода, занимали эти уголья кошами, косили, по мере надобности, сено и пасли свои стада. В горах так мало земли, что подобное пользование ею, как общее правило, является прямо-таки невероятным. В ряду лиц известного рода всегда найдутся богатые и бедные лица, у которых много скота и у которых его почти нет.

Неужели эти последние допустили бы превратить свое право на известную землю в ничто? Нет, никогда не допустили бы! И вот в тех случаях, когда известный участок является общей собственностью ряда лиц, предположим, носящих одну фамилию, то те из этих лиц, которые не могут им лично пользоваться, или продадут свои доли, или отдадут их в бегенд, как постоянно и делают. А ведь все это было бы невозможно, если бы все члены рода имели право пользования участком «по мере надобности». «Родового» в нашем землевладении лишь то, что в огромном большинстве случаев земля переходила у нас по наследству. Составляя некогда собственность родоначальника, а от него перейдя в руки потомков, она подвергалась дроблению. Да еще все члены одного рода имеют известные права на преимущественную покупку и на выкуп всех земель, принадлежащих лицам одного с ним рода. Но те же права, как мы видели, принадлежат не только родственникам, но и собственникам смежных с продаваемым участков.

В приведенной выше цитате из трудов комиссии говорится, опять-таки, о разнице между владением «искусственными пашнями и лугами», с одной стороны, и «обыкновенными покосами и пастбищами» – с другой. В чем же, наконец, эта разница? Комиссия говорит, что субъектами права на первые являются «дворовые общины», а на вторые – «роды»... Мы же утверждаем, что это не верно, что субъектами права как на те, так и на другие являются определенные физические лица. Многими

приведенными ниже примерами мы доказываем правильность не только что высказанного нами предположения – и нигде в трудах комиссии мы не встретили ни малейшего факта, подтверждающего правильность приведенного выше ее утверждения.

В другом месте трудов (стр. 309) комиссия говорит, что у всех племен, обитающих в пределах нагорной полосы Терской области (следовательно, и у нас), усадебные, пахотные и сенокосные участки составляли собственность двора и являлись предметом гражданского оборота, и так как о том, что и другие земли, находящиеся в частном обладании, тоже служили предметом гражданского оборота, нигде не говорится, то можно думать, что остальные земли не продавались, не дарились и не закладывались. Однако вряд ли комиссия хотела этим сказать, что в горах Нальчикского округа принадлежащие частным лицам джайлыки и кышлыки не служили объектами гражданского оборота. Один и тот же обычай нормировал как право собственности на сабаны, так право собственности на покосы и пастбища. И так, нет разницы и в этом отношении. Нет ее принципиально и в смысле количества положенного в них труда. Этот последний фактор отразился лишь на стоимости, цене тех и других, но никак не на существе тех юридических отношений, объектами которых они являются. Но ведь по внешним-то признакам часто нельзя провести разницу между, например, «биченликом», не подлежащим изъятию от его теперешнего собственника, и «покосной землей» – должествующей, по мнению комиссии, быть признанной достоянием казны. По какому признаку эта разница должна быть проведена? По наличности искусственного орошения? Но ведь и многие из тех участков, которые комиссия считает «покосными землями», орошаются искусственно. Выше мы указали целый ряд их, а сколько таких, в которых искусственно орошаема известная часть участка!

В пункте I проекта о земельных правах (стр. 341 «Трудов...») выставлен еще один «трудовой» признак: «предварительная обработка посредством очистки от камней». Ну, если по этому признаку разграничивать биченлики (луга) от покосных земель, тогда у нас в горах Нальчикского округа нет совершенно покосных земель, а все биченлики (луга), и в таком случае, только пастбища и леса предполагается комиссией изъять от нас. Однако, по-видимому, комиссия в число земель, подлежащих изъятию из рук теперешних владельцев, включила целый ряд искусственно

орошаемых и «повергшихся обработке посредством очистки от камней». Ведомость на стр. 61–66 «Трудов...» – красноречивое тому доказательство. Остается единственный признак – размеры, но вряд ли возможно базировать разрешение вопроса о признании или непризнании права собственности на известные земли на этом признаке.

Что же касается до утверждения комиссии, что первоначальное возникновение права собственности на те и на другие было различно, то этот довод мы обойдем молчанием. Относится он к фактам, совершенно несохранившимся в памяти народа, и при том, не все ли равно, как, в силу каких причин возникло право собственности на известные земли, раз оно существует в последующем непрерывно несколько столетий. Но если с данными, сообщенными в главе «Формы землепользования», пришлось не согласиться, то зато глава «Способы приобретения, перехода и утраты прав на пользование и владение угодьями» почти не вызывает возражений. Неправильны лишь сведения о количестве отданных в бегенд земель и данные, имеющие целью выяснить «основания, на которых владеют землями в горских обществах», которые помещены на 41 стр. «Трудов...». По этим сведениям выходит, что во всех горских обществах только 24 пастбищных участка находятся в бегенде и 23 пастбища приобретены покупкой и только 1 получено на эмчекском праве. Сведения эти, как будет видно из последующего, не соответствуют истинному положению вещей: пастбища и отчуждались, и закладывались так же часто, как и все остальные земли.

На стр. 53 «Трудов...» говорится, что в пределах земель горских обществ таубии владеют землей на тех же основаниях, что и лица других сословий, т. е. на основаниях, значит, указанных в главе «Способы приобретения, перехода и утраты прав на пользование и владение угодьями». Здесь непонятно только, в чем заключаются «исключения из общих оснований владений», отмеченные комиссией в ряде случаев владения таубиями участками, перечисленными на той же 53 стр. «Трудов...». Во всех этих случаях земля перешла к таубиям или покупкой, или по наследству, или в калым, или как выкуп при освобождении крестьян. Но все же эти способы приобретения прав на землю, кроме последнего, указаны и в главе «Способы приобретения, перехода и утраты прав на пользование и владение угодьями», и если последний не показан, то лишь потому, что этот способ

не имеет характера способа, обычно практикующегося, привычного способа приобретения прав на землю.

Итак, по удостоверению комиссией, вся земля в горах Нальчикского округа, находящаяся в частном обладании, безразлично, будут ли это сабаны, биченлики, усадебные места, кышлыки или джайлыки, принадлежит на праве обычной собственности или дворовым общинам, или родам. Исследования комиссии установили, что институт права собственности по обычному праву горцев Нальчикского округа заключает в себе все элементы права собственности, требуемые русскими законами. Нигде в «Трудах...» ни об одном из клочков земли, находящихся ныне в частном владении горцев Нальчикского округа, комиссия не установила факта возникновения завладения этим участком. В памяти народной этих фактов не сохранилось, и те «заимки и обращения земель в частную собственность путем обработки ее», о которых говорит комиссия в своих «Трудах...», являются догадками, не могущими быть реально связанными ни с одним из земельных участков. Следовательно, владение в виде собственности этими участками рядом преемственных участков владельцев продолжается неопределенно долгое время, и, во всяком случае, больше 10 лет.

Какой же вывод должна была бы сделать неизбежно комиссия из данных, ею обнаруженных? Да тот, полагаем, вывод, что невозможно иное разрешение вопроса, как признание всех этих земельных участков чьей-нибудь частной собственностью. Затруднения могли бы возникнуть лишь при определении субъектов права собственности на эти земли, ибо, по сведениям комиссии, все земельные участки являются ныне собственностью юридических лиц. Однако выводы комиссии, вошедшие в проект «О земельном праве», не имеют ничего общего с изложенным выше логическим выводом из сведений, представленных комиссией в фактической части ее трудов, и ни одна пядь земли в горах Нальчикского округа не предполагается быть закрепленной за ее теперешним владельцем на праве собственности. Вот теперь нам и предстоит разобраться в высшей степени важном и интересном вопросе: в силу каких именно оснований и соображений комиссия пришла к выводу о непризнании за горцами Нальчикского округа права собственности на земли, относительно которых она сама признала раньше наличность «обычной собственности»,

имеющей все элементы собственности, требуемые русскими законами и длящимися несколько поколений.

«Земли под усадьбами и другими постройками, а равно пахотные и луговые участки, огороды, виноградные и фруктовые сады и рощи, подвергшиеся предварительной обработке посредством очистки от камней и из-под леса, а также искусственно орошаемые» (п. I проекта о земельных правах, стр. 341 «Трудов...»). Относительно усадеб земель этой категории мнения членов комиссии разделились: большинство полагало признать за владельцами их право потомственного владения, меньшинство — «право собственности», причем недра должны оставаться собственностью государства.

А. Как обосновало свое мнение большинство?

Доводы большинства членов комиссии, причем это большинство не сделало разницы между землями «частного обладания», указанными в п. I проекта и «землями сельских обществ», указанными в п. 2, оказались очень просты:

1) «Все земли в нагорной полосе они считают казенными». Почему? Вот почему:

а) само население признает их казенными, что видно из следующего: 1) оно платит за пользование ими оброчную подать и 2) сдавая юртовые земли под горный промысел, население сдает только поверхность, а не недра;

б) во всех прокламациях наместников Кавказа к туземному населению говорится, что земля предоставляется ему во владение, а не в собственность; и

2) правительство признавало и ныне признает земли в горах казенными.

Доказательство: при проведении военно-осетинской дороги население получило вознаграждение только за постройки и насаждения, остальную же землю у него взяли безвозмездно.

К счастью, прямой текст закона и решения правительствующего сената помогут ответить нам на приведенные выше доводы большинства членов комиссии.

Ст. 406 I ч. X т. говорит: «Все имущества, не принадлежащие никому в особенности, то есть ни частным лицам, ни сословиям лиц, ни дворцовому ведомству, ни уделам, ни установлениям, принадлежат к составу имуществ государственных».

Правительствующий же сенат в решениях своих (по гражд. касс. деп.) 1890 г. № 129 и 1879 г. № 579 указал, когда права казны на известное имущество, по ст. 406, являются доказанными, «иск казны об отобрании из частного владения пустопорожней земли признается доказанным, если доказано, что данная земля, до завладения ею, была впусе лежащею и со времени завладения не прошло земской давности».

Вот пусть докажут наличие этого обстоятельства в нашем землевладении и берут тогда в казну и трудовые и не трудовые участки, и земли частные, и земли общественные. Вне же личности условий, указанных в ст. 406 I ч. X т. и приведенных сенатских решений, право собственности казны на наши земли не может быть устанавливаемо. Большинство членов комиссии указывает на то, что во всех прокламациях наместников к туземцам Кавказа говорилось, что земля предоставляется ему во владение, а не в собственность. К сожалению, прокламаций этих большинство комиссии и не привело, мы же сделали выше ссылку на прокламацию князя Воронцова, из которой, равно как и из приведенной выше цитаты из доклада наместника 1907 года (стр. 5 настоящего объяснения), следует, что политика, коей придерживалось русское правительство на Кавказе, была как бы противоположна той, на которую ссылалось большинство комиссии. Отметим еще, что нам, горцам Нальчикского округа, земли, о которой ныне идет речь, никто никогда «не предоставлял», ни одной пяди в ней нет отведенной, данной нам кем-нибудь извне. Права же наши на земли, нам принадлежащие, никто отнять у нас без суда, как мы уже имели случай говорить выше, не мог.

Доказывает ли приведенный большинством комиссии случай с отводом земли под полотно военно-осетинской дороги, что наши сабаны, биченлики, усадьбы, равно как и земли наших сельских обществ, не являются нашей собственностью? Но случай этот не только не доказывает, что у нас нет права собственности на наши земли, но не доказывает даже и того, что правительство признаёт земли в горной территории казенными, доказательство чему дало меньшинство комиссии на 312 стр. «Трудов...». Приведу случай возмездного отчуждения правительством земель в том же самом Алагирском ущелье, по которому проложена военно-осетинская дорога при постройке Алагирского завода.

Что же касается до утверждения большинства комиссии, что само население считает свою землю казенной, то смею заверить комиссию, что этого в действительности нет. Население, состоя из неграмотных и даже в массе не знающих по-русски лиц, не всегда верно понимает свои интересы, население бессильно в огромном большинстве случаев дать отпор посягательствам на его земельные права, потому что оно не знает, в чем эти его права, по русским законам, заключаются, но никогда оно землю отцов не признает не своей, а принадлежащей кому бы то ни было, в том числе и казне. Видят признание за казной права собственности на земли, находящиеся в обладании туземцев нагорной полосы Терской области, в факте платежа населением оброчной подати и не сдачи недр под эксплуатацию. Но что же следует из этих фактов, если бы таковые в действительности были? (мы покажем ниже, что по отношению частных землевладельцев горских обществ Нальчикского округа фактов этих не было). Разве платеж обычной подати доказывает, что земля эта принадлежит казне? Вот как высказался по этому поводу сенат: «Платеж в казну оброка сам по себе не доказывает еще принадлежности обложенной оброком земли казне» (реш. касс. деп. прав. сената 1879 г. № 202). Равным образом, разве не принадлежит всем обитателям Нагорной полосы Терской области, владеющим теми или иными землями, право на эксплуатацию недр владеемых ими земель? Безусловно, принадлежит, доказательством чему служит решение 1-го деп. прав. сената по делу Дагестанского сел. Гапца²⁵.

Вот доводы большинства комиссии в пользу того, что все земли в горах Терской области – казенные. И это наряду с признанием, что «трудовые» участки – собственность их владельцев, признанием, делаемым тут же на 311 стр. «Трудов...». Как согласовать стр. 311 со страницей 310? Комиссия на стр. 310 говорит, что нет оснований навязывать населению то, чего у него не было и о чем оно не просит, к тому же де «населению на плоскости земли отведены на праве общинного владения, а не в собственность». Эта часть рассуждения большинства комиссии не касается, конечно, земель частного обладания. Но и по отношению так называемых общественных земель у нас в горах Нальчикского округа это тоже является неправильным. Касаться этих земель не входит в нашу прямую задачу, но здесь мы не можем не отметить, что отношения обществ к их землям было

и есть именно отношение собственников, а не пользователей, а раз это так, то не все ли равно, на каком праве «получили» земли жители плоскости?

Здесь речь идет не о той земле, которую «дают» и которую, вследствие этого, могут дать на каких угодно условиях, а о той земле, которая искони находится в обладании того или другого общества. Неужели это обстоятельство может быть игнорируемо при разрешении вопроса о судьбах общественных земель?

2) Второе, основание непризнания за владельцами земель указанных и п. п. 1 и 2 «Проекта о земельных правах», права собственности на них заключается в том, что в отношении юртовых земель это было бы нежелательно, вследствие того что создало бы право для общества в случае, например, выселения продать свои земли, а в отношении «трудовых» участков – в стремлении создать опеку над владельцами последних, не позволить им обезземелиться.

Эта часть проекта комиссии является необъяснимым анахронизмом. Со времени появления высочайшего указа 9 ноября 1906 года, создавшего из всякого крестьянина собственника, с общинным владением в России покончено раз и навсегда. Действие этого указа, как видно из п. 18 заключающихся в нем правил, распространяется на крестьян всех наименований, в том числе, значит, и на кавказских горцев, за исключением тех лишь крестьян, у которых существуют особые условия с собственниками земли, на которой они живут (напр., чиншевики)²⁶. Земля дана ныне на праве собственности русскому крестьянину, и не бояться, что он ее тотчас же продаст, и проектируется не позволить больше быть собственником народу, у которого эта собственность существовала испокон веков, что не повело, однако, к распродаже земель. Большинство комиссии указывает на увеличение числа безземельных. Но число их увеличивается не потому, главным образом, что земли распродаются, а потому, что население увеличивается, а земли не прибавляется.

А главное – если земля есть чья-либо собственность, а она, в районе горских обществ Нальчикского округа, вся есть чья-либо собственность (см. стр. 311, 312 трудов), то не устраивается ли тем самым уже возможность изыскивать те или другие способы более или менее целесообразного разрешения вопроса о дальнейших судьбах этой земли.

Б. Как обосновало свое мнение меньшинство комиссии?

Меньшинство комиссии очень подробно разобрало, почему неправо большинство, настаивая на непризнании за горцами прав собственности на «трудовые» участки и усадьбную землю, но совершенно не мотивировало, почему следует, «признав право собственности на подворные и общественные земли», недра оставить собственностью государства.

Из доводов меньшинства комиссии видно, что оно признает, что населению горной полосы Терской области принадлежит право собственности (принадлежит, а не должно быть даровано) на земли, которыми оно владеет ныне подворно или в лице сельских обществ. Если так, то почему на нашу, горцев, земельную собственность не распространяется действие 424 ст. I ч. X т., говорящей, что собственнику земли принадлежит все то, что заключается в недрах ее?²⁷

II. Земли фактического владения отдельных лиц, фамилий и групп.

Доводы, по которым комиссия приходит к отрицанию прав собственности на них лиц, владеющих ныне этими землями, изложены на стр. 316–329 «Трудов...» комиссии.

В этой части наших объяснений нам опять придется формулировать основу наших объяснений прав на владемые нами земли. Сущность их – 533 ст. I ч. X т. Те, кто отрицает их, должны опровергнуть наше утверждение о наличии всех условий, этой статьею требуемых, в нашем владении землей. Пока этого не сделано (комиссия же даже попытки в этом направлении не сделала), наши права на земли остаются непоколебимыми. Как бы, каким путем ни произошло первоначальное завладение этими землями, раз неоспоримо доказано и признается самой комиссией, что мы владели землями в виде собственности (на протяжении нескольких земских давностей), а мы утверждаем, что для большинства этих участков (на протяжении нескольких столетий) обстоятельство это перестает быть имеющим какое бы то ни было значение для разрешения земельного вопроса в горах Нальчикского округа.

Вряд ли есть надобность возражать на тот «исторический ход возникновения крупного землевладения» у нас, который можно прочесть на 316–319 стр. «Трудов...», не потому, что можно было бы с этой историей согласиться, а потому, что история

эта безразлична для вывода, который комиссией сделан и, на который мы только, в сущности, и даем объяснения.

Пусть дадут нам конкретные примеры позднего возникновения землевладения у нас в горах, пусть укажут даты завладения тем или другим участком. Их не дадут нам, потому что факт первоначального завладения, теряясь в глубине веков, не сохранился в памяти народной.

Отдельные же конкретные доводы комиссии в пользу не существования у нас права собственности сводятся к следующему:

1) кабардинцы господствовали над горцами, у кабардинцев не было института частной земельной собственности, следовательно, не было его и у горцев;

2) по адатам, собранным в 1844 г. начальником центра Кавказской линии князем Голицыным, выходит, что таубии не имели определенной земельной собственности, а пользовались землей в нужных размерах от своих подвластных;

3) отобрание земли как штрафа, как меры карательной не существовало во времена господства таубиев, следовательно, таубии не считали землю своею и не могли касаться ее;

4) в горских песнях нет даже намека на власть таубиев над землей;

5) если вся земля принадлежала таубиям, то каким образом могло случиться, что в 1867 году таубии за выкуп получили от чагар громадное количество пахотных и покосных участков и зимовников?

6) земля захвачена таубиями при посредстве горских судов;

7) правительство не признавало пастбищные и покосные земли в горах Нальчикского округа чьей-либо частной собственностью;

8) мотивом исходатайствования высочайшего пожалования таубиев землей послужило указание кавказской администрации на крайнюю их малоземельность, а ведь нельзя думать, чтобы кавказская администрация того времени не была осведомлена о положении землевладения в горских обществах Нальчикского округа;

9) покупка земель в горах незаконна, так как законодатель не установил еще на этой территории «юридического института земельной собственности»;

10) таубии при освобождении крестьян вознаграждены выкупной операцией, как ни одно из высших туземных сословий

вознаграждено не было, почему права собственности на земли их фактического владения за ними признано быть, не должно.

Вот сколько доводов и как разнообразны эти доводы, Посмотрим, в состоянии ли они поколебать тот ничтожный, по мнению комиссии, довод, который все-таки говорит за то, что мы собственники: факт владения землею «в виде собственности на протяжении нескольких земских давностей».

Первый довод:

Прежде всего, о «господстве кабардинцев»: пора оставить рассказы о том, что будто бы карачаевцы и горцы (за исключением балкарцев) находились как бы в состоянии рабства у кабардинских князей. На каких авторитетах покоится это утверждение? На статье, написанной кем-то и помещенной в «Сборнике сведений о кавказских горцах», выпуск III²⁸, и на «Истории адыгейского народа», написанной кабардинцем Ногмовым. Неужели это так авторитетно, что может даже оказать известное влияние на то, должны ли мы быть признаны собственниками владеемых земель или нет? Никто из нас не станет отрицать исключительного влияния на Северном Кавказе кабардинских князей, но надо же ставить и должные рамки этому влиянию. Но превращать горских таубиев чуть ли не в крепостных кабардинских князей – значит, да простит нам комиссия! говорить вещи, не имеющие и тени правдоподобия.

Вот, например, комиссия в истории образования в горах частного землевладения придала огромное значение аталычеству, связывавшему будто бы кабардинских князей с горскими таубиями. А поинтересовалась ли комиссия узнать, какой характер носило это воспитание таубиями кабардинских князей? Известно ли комиссии, что в те времена, когда русской власти на Северном Кавказе еще не было, существовал обычай воспитания одной владетельской семьей ребенка другой, и эти взаимные воспитания детей, завязывая фамильные связи, не влекли за собой того, что является наиболее характерным для аталычества: имущественные последствия?

Мы можем дать ряд случаев воспитания кабардинскими князьями сыновей горских таубиев, горскими таубиями – сванетских князей, этими последними – горских таубиев и одними горскими таубиями – других. Например, Муса Суншев был воспитан в семье кабардинских князей Казиевых, Али-Мурза Балкароков – в семье Атажуки Атажукина, Дохшуко Балка-

роков – в семье Хасанбия Атажукина ²⁹, Адиль-Гирей Урусбиев – в семье сванетских князей Дадешкелиани, сванетский князь Чиок Дадешкилиани – у Абаевых, Омар Балкароков – у Амырхановых и т. д.

Во всех этих случаях «аталычества» не было, и все эти случаи не имели последствием приобретения одной из сторон земли, ни какого-нибудь другого имущества и не доказывали тогда, что сторона, ребенка воспитавшая, являлась подчиненной, подвластной той, которой ребенок принадлежал.

Но что кабардинские князья не были «господами» горских таубиев, видно и из того, что, тогда как целые роды подвластных кабардинских князей истреблялись в случае убийства одним из членов их кабардинского князя, таубии, убив кабардинского князя, платили за это обычную «кровь».

Практически это вело к тому, что если надо было убить кабардинского князя, то следовало сделать это рукой таубия. Так поступили, например, желая избавиться от князя-деспота Асланбека Атажукина. Его заманили в горы, в Чегем, и здесь на родовой земле Балкароковых «Ак-Топраке» он был убит во время пира Басьятом Тозиевичем Балкароковым. Убит он был из ружья, называвшегося «Гичешкок» и знаменитого именно тем, что из него принято было убивать кабардинских князей (оружие это находится ныне у таубия Науруза Урусбиева).

По преданию, из этого ружья было убито 12 кабардинских князей (кн. Канамат Наурузов убит Чепелеу Урусбиевым и т. д.).

Но довольно, кажется, о сословности, – обратимся к земле. Какой же вывод делается комиссией из факта господства кабардинских князей над горцами? Вот этот вывод:

«Горцы, как уже указано выше, находились почти в полном рабстве у кабардинских князей, у которых не было земельной собственности, следовательно, никоим образом не могли допускать такой институт у своих подвластных или, по крайней мере, горцы не могли его заимствовать у своих господ-соседей». В приведенной цитате правильно лишь то, что наш земельный быт мы не могли заимствовать у своих соседей и, действительно, его не заимствовали, все остальное же вряд ли выдерживает критику.

По всей вероятности, известно и комиссии, что еще несколько столетий тому назад, до утверждения в крае русских, существовала граница между территорией, занятой Пятью горскими

обществами и территорией Кабарды. Даже были споры между кабардинцами и горцами – обстоятельство, кстати сказать, плохо вяжущееся с тем «рабством», в каком находились тогда будто бы горцы у кабардинских князей.

Что это было так, доказывает документ, относящийся к 1709 году, документ, столь же не могущий возбудить сомнений в своей подлинности, сколь и необычайный по своим внешним данным. Мы говорим о надписи на камне, найденном в развалинах фамильной башни Гиргоковых в Хуламском обществе выше с. Скуру и находящемся ныне, если не ошибаемся, в Терском областном музее³⁰.

Вот текст этого документа в наиболее существенной его, для рассматриваемого вопроса, части (см. приложение):

«Между кабардинцами, крымцами и пятью горскими обществами возник спор из-за земель. Пять горских обществ: Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Горские общества избрали Кайтукова Асламбека, кабардинцы Казаниева Жабагы, крымцы Сосранова Баяна, и они сделали тѐре – определили...» Далее, после определения самих границ, следует фраза: «свидетелями при этом были: из Крыма Агалар-хан, Отаров Отар. Отарова доставили горские общества». Из этого документа следует, что горские общества имели в то время самостоятельную территорию и что за чертой, отделявшей горские земли от кабардинских земель, мог существовать и земельный строй, не имевший ничего общего с кабардинским.

Выше мы указали уже, что разница в условиях землепользования, существовавшая между кабардинцами и горцами, должна была создать и действительно создала совершенно не имевший ничего между собой общего земельный быт, что горцы, окабардинившись во многих отношениях, сохранили в этой области свою культурную независимость. Здесь же мы скажем, что в этом земельном вопросе не только горцы не окабардинились, но даже и те кабардинцы, которые по тем или иным основаниям получали в свое обладание землю на горской территории, принимали земельный быт горцев и начинали владеть землей на горском обычном праве. Вот этот-то факт и остался неосмысленным комиссией, а он мог бы многое объяснить ей. Этот факт объясняет, почему кабардинец, купив участок земли на горской территории, начинает владеть ею на горском обычном праве, и отдавая его, например, в бегенд (институт абсолютно

неизвестный кабардинскому праву) и продавая его в случае надобности кабардинцу или горцу (см. ниже историю участка «Сары-тюз», принадлежащего кн. Атажукиным). Собственно говоря, мы слишком долго останавливались на этом первом доводе комиссии. Ведь несостоятельность его доказана и без нас самими «Трудами...» комиссии, констатировавшей существование частной собственности на землю в горах Нальчикского округа. Ведь весь вопрос заключается теперь в том, применялся ли несомненно существовавший в горах Нальчикского округа институт частной земельной собственности к кышлыкам и джайлыкам или объектами его являлись лишь сабаны, биченлики и усадебные места; поэтому, не повторяя всего, что нами сказано выше в доказательство существования у нас в горах института частной собственности, попросим комиссию заглянуть на стр. 309 ее «Трудов», где ею самой существование в горной полосе Терской области частной земельной собственности, как института обычного права, поставлено вне всякого возможного о том спора.

Второй довод:

Из приведенной выдержки из «Адагов кавказских горцев» следует лишь вот какой факт: у чагаров, помимо той земли, которой они пользовались от таубиев, или иначе, помимо факта выпасывания чагарами их скота на землях таубиев, была еще своя собственная земля, купленная ими с согласия их владельцев на свои деньги или перешедшая к ним по тем или иным основаниям от тех или иных лиц (дар на эмчекском праве и т. д.). Так вот и на эту последнюю землю владелец имел известные права. Комиссия говорит, что в 1844 году основания, на которых владели тогда таубии землей и подвластными, были известны лучше, чем теперь, и следовательно, выходит, наличие приведенного адата доказывает, что в 1844 году в обладании таубиев и узденей земель, которыми они ныне владеют, не было. Но если это так, то зачем нам ссылки на адаты или, вернее, на 2 строки из этих адатов. Миллионами фактов можно тогда доказать, что такие-то и такие участки захвачены теперешними их владельцами или их праводателями. Ведь речь идет о времени, которое у многих еще на памяти. Укажите нам эти участки – ни о чем другом мы не просим!

Третий довод:

Вопреки утверждению комиссии, случаи отобрания владельцем не только земли, но и всего имущества чагара именно были, и не наша вина, что они остались комиссии неизвестны. Один из таких случаев еще жив в памяти народной. Это именно продажа семьи чагар Атакуевых их владельцами узденями Этезовыми князьям Атажукиным, причем все имущество Атакуевых, движимое и недвижимое, сабаны и биченлики в местности Булунгу остались в пользу Этезовых (впоследствии Атакуевы были выкуплены Исхаком Балкароковым, эмчеками которого они были, и вернулись в горы).

Другое дело, часты ли были эти случаи, – конечно, редки. Чагар без земли – *nonsens*. Для чего такой чагар владельцу. Ведь чагар не кул! Следовательно, отобрание земли у чагара возможно лишь при его продаже, а продажа чагара – действие и хозяйственно не выгодное и по взгляду обычая – для продающего владельца – позорное. Вот почему случаи отобрания земель у чагара были так редки.

Четвертый довод:

И он тоже фактически неверен: в горских песнях есть не только «намеки» на принадлежность той или другой земли таубиям, но даже есть и целые песни, посвященные земельным делам и, в частности, ссорам из-за того или другого земельного участка. Такова, например, «Крымшаухалланы-джиры». Вот о каком событии повествует она: когда-то два родственника Крымшаухал Балкароков и Бадинат Тазиев (Тазиевы – вымершая ветвь Балкароковых) поспорили из-за права на участок «Актопрак». Бадинат стал гнать с этого участка чагар Крымшаухала. Вследствие этого между Крымшаухалом и Бадинатом произошло вооруженное столкновение в местности, где ущелье «Джай-Кермек» соединяется с ущельем «Ара-бора», причем Крымшаухал убил Бадината; за кровь Бадината Крымшаухал заплатил крестьянами³¹.

Почему и тот вывод (во всяком случае слишком важный и смелый вывод из такого побочного обстоятельства), который делает из факта отсутствия, будто бы, в народном эпосе горцев песен, в которых были бы намеки на владение таубиями землями, т. е. вывод о том, что «землею владели все, кто как мог», – опадает сам собой. Приведенная песня – не единственная. О столкновении из-за земли поется, например, и в другой чегемской

песне «Рачикаулань-джиры»³², в которой говорится, что ближайшей причиной истребления Рачикауовых послужил факт согнания ими с балкароковской земли «Нуклен» (в местности «Малюшко») ³³ чагар Балкароковых – Кетенчиевых.

Пятый довод:

Мы никогда не утверждали, что у чагара не было своей земельной собственности. Так как чагар со всей своей семьей и со всем своим имуществом принадлежал своему владельцу, то, очевидно, что и все то, что принадлежало ему, принадлежало его владельцу. Владелец имел известный доход с хозяйства чагара, потому владелец был заинтересован в том, чтобы чагары его были зажиточными. Если чагар не имел своей земли, он получал таковую от своего владельца, но, очевидно, в интересах владельца было поощрять в чагаре стремление купить землю, почему на покупку земли владелец и давал всегда свое согласие чагару (а согласие было необходимо). Таким образом, у чагара была своя земельная собственность, только она носила условный, зависимый от таубия характер: от владельца зависело разрешить или нет, чагару купить землю, и владелец мог, хотя это и встречалось в горской местности очень редко, отнять в числе всего остального имущества чагара и землю.

А что чагары действительно, в конце концов, большею частью жили на землях своих владельцев, сошлемся на 37 страницу «Трудов...» комиссии, где сказано, дословно, следующее: «Обязанности чагара, большая часть которых сидела на чужих землях, заключались... и т. д.». «Чужих», полагаем, и означает земли их владельцев.

Шестой довод:

Каков бы ни был горский суд, то, что сказала о нем в своих «Трудах» комиссия, является в такой же мере голословным, в какой и тяжким обвинением. Если верить комиссии, что свидетелями в суде выступают всегда «приятели» истца, судьи – тоже его «приятели» и, таким образом, при посредстве этого суда творятся-де ведомые всем горцам беззакония.

В своей характеристике горского суда комиссия сослалась и на журнал общего присутствия Терского областного правления от 29 января 1881 г., говорящий о том, как добывались документы, доказывающие будто бы право того или другого лица на известный участок. К сожалению, проверить правильность утверждения общего присутствия областного правления мы ли-

шены возможности, но что касается до утверждения комиссии, то у ней мы вправе просить указать нам хоть один случай завладения участком способом, подобным описанному ею. Желая иллюстрировать излагаемое ею, она рассказала случай завладения одним лицом при посредстве горского суда участком «Барышки», в котором этому лицу в действительности принадлежал лишь незначительный клочок земли. К глубочайшей нашей печали, участка «Барышки» в горах Нальчикского округа не существует. Весь пример вымышлен комиссией. Но для чего же было вымышлять пример, раз многие, реально существующие участки попали именно таким путем в руки своих теперешних владельцев? Ведь если факты, подобные приведенному комиссией в истории захвата урочища «Барышки», существовали, то относятся они к недавнему сравнительно времени и уж, конечно, все они не успели изгладиться еще из народной памяти хотя бы потому, что захватывалась-то ведь «чужая или общественная» земля и обиженные лица обиды своей, понятно, еще не забыли.

Комиссия привела также решение горского суда по делу Бекановых об участке «Жеркли»³⁴. Оставим вопрос о том, насколько юридически правильно это решение, отметим то, что свидетели-то все-таки не показали, что участок «Жеркли» принадлежит Бекановым. Чем же, интересно знать, нужно объяснить эту часть показаний свидетелей, отказавших удостоверить, что лес бекановский? Или и это были все приятели Бекановых?

Незаслуженно упрекает комиссия горский суд и за то, что он санкционировал купли-продажи земли горцами от кабардинцев. Из факта заявления кабардинцев о том, что в Кабарде не существовало частной земельной собственности, нельзя делать того вывода, что института этого не существовало нигде и поблизости Кабарды и что кабардинец не мог иметь, в силу того, нигде частной собственности.

В пределах горской территории институт частной земельной собственности существовал, земля эта продавалась, ее покупали абардинцы и снова продавали горцам. В чем же виноват горский суд, если он изложил в письменной форме факт, действительно имевший место?

Седьмой и восьмой доводы:

В них нам приходится снова встретиться с уверением, что земля наша не есть наша собственность в силу того, что различные правительственные органы в своих бумагах сообщали

сведения, из которых, будто бы, можно сделать вывод, что они не считали кишлыки, джайлыки и пастбища нашей собственностью. Оценку значения этих заявлений для разрешения нашего земельного вопроса мы уже дали выше, сейчас же укажем на следующие слова меньшинства комиссии, занесенные на 312 стр. «Трудов» комиссии: «... в 50 годах, говорит меньшинство комиссии, правительство даже не знало, кому что принадлежит» в горской полосе, не знало, прибавим, и позже, и в различное время, местные представители власти придерживались различных взглядов на земельный вопрос в горах. Материал для доказательства правильности только что высказанного утверждения дают сами «Труды...» комиссии. В то время как кабардинский отдел сословно-поземельной комиссии свидетельствует, что «почти все Баксанское ущелье находится в руках Урусбисвской фамилии, что в Хуламском обществе самые лучшие земли и в большом количестве находятся во владении Шакмановых и т. д.» (см. стр. 325 «Трудов...»), несколько лет спустя, в 1878 году, начальник Терской области, ходатайствуя о высочайшем пожаловании таубиев землей, выставляет, в качестве одного из главных мотивов необходимости дарования им земель, крайнюю фактическую их безземельность.

Это противоречие пытается комиссия примирить тем, что будто бы начальник области в то время, когда делал представление о пожаловании таубиев, был осведомлен о факте нахождения в руках таубиев больших земельных пространств, и если, все-таки, о наделении их хлопотал, то потому только, что относился отрицательно к их притязаниям на большие земельные площади. Но текст ходатайства, приведенный на стр. 324, не оставляет сомнения в том, что начальник области в то время именно был осведомлен о фактическом положении вещей. В ходатайстве прямо говорится, что «это древнее почетное сословие находится в настоящее время в затруднительном положении».

Девятый довод:

«Юридический институт права собственности» установлен русским законом. Русский закон дал его юридическую характеристику. Закон же установил, что беспорное, покойное, непрерывное, ввиду собственности, владение, превращается в право собственности, раз продолжается 10 лет. С момента этого срока – наши участки – наша собственность. О каком установлении юридического института права собственности на землю специ-

ально «в Нагорной полосе Терской области» говорит комиссия? Наше право собственности на земли нашего обладания еще не оформлено, у нас нет на наши земли крепостных документов, что влечет за собою для нас известные неудобства, но право собственности на земли нашего обладания – все-таки у нас есть, а то, что мы наши земли искони продавали и покупали и служит одним из доказательств того, что владение наше землей было «в виде собственности».

Довод десятый:

Не имеет, строго говоря, решительно никакого отношения к разрешению вопроса, собственники ли мы земель, которыми владеем. Но в факте получения нами, при освобождении крестьян, в качестве выкупа больших сумм, видят нечто нас порочащее. Говорят, что мы получили, освобождая крестьян, столько, сколько не получило ни одно другое высшее туземное сословие на Северном Кавказе. Но в чем же здесь наша вина? Если быть объективным, то нам надо это поставить в заслугу. Как это ни парадоксально, а это – истина! Ведь основы выкупной операции на Северном Кавказе были одни и те же: 2/3 движимого и недвижимого имущества крепостного и известная сумма денег – владельцу, 1/3 – крепостному. Если в итоге таубии и горские уздени получили в общей сумме, относительно, гораздо больше, чем привилегированные сословия, например, Кабарды, то это значит лишь то, что крепостные горских владельцев были гораздо состоятельнее кабардинских крестьян, что нельзя, конечно, не поставить в заслугу таубиям и горским узденям. Если 2/3 имущества горских крестьян оказались велики, то велика, значит, сравнительно с кабардинской, и та 1/3 часть его, которая осталась самим крестьянам. Почему же, спрашивается, у нас в горах простой народ был более разорен выкупной операцией, чем, например, в Кабарде? Полагаем как раз наоборот. Комиссия отмечает также отдельно факт перехода при освобождении чагар от этих последних, в счет выкупа, земель и считает это тоже доводом в пользу необходимости непризнания за нами права собственности на владеемые нами земли. Но неужели было бы справедливо отобразить ныне то, что 40 лет назад с согласия русского правительства было передано нам в погашение признанного за нами русским правительством права на получение выкупа с освобожденных нами крестьян?

Доводы комиссии, выше разобранные, не поколебали и не могли поколебать нашего утверждения о том, что много земских давностей владеем мы нашей землей спокойно, непрерывно, бесспорно и в виде собственности. Не могут поколебать его и те фактические данные, которые сообщены комиссией в «Ведомости земельным участкам, находящимся в пользовании отдельных лиц и фамилий в Пяти горских обществах Нальчикского округа», к разбору коих мы теперь и перейдем.

Объяснения на «Ведомость земельным участкам, находящимся в пользовании отдельных лиц и фамилий в Пяти горских обществах Нальчикского округа» (стр. 61–66 «Трудов...» комиссии).

Выше, анализируя наше отношение к земле, мы подтверждали правильность тех положений, которые выставили примерами, касавшимися того или другого из земельных участков, существование права собственности на которые комиссия у нас оспаривает. В данной главе мы хотим дать краткую историю владения рядом участков, находящихся в частном обладании тех или других горцев Нальчикского округа, дабы показать, что те примеры, которые приведены нами выше, не являются исключением и, что наше землевладение отличается такой определенностью и ясностью, что более подробное исследование вопроса, почему тот или иной участок находится ныне в обладании тех или других лиц, могло бы показать с математической точностью, почему именно и по какому праву данному лицу принадлежит именно такая-то, а не иная часть такого-то участка.

К сожалению, необходимо констатировать, что комиссия недостаточно тщательно выполнила ту часть возложенной на нее задачи, которая поставлена во главе выработанной для нее и утвержденной 9 декабря 1905 года главнокомандующим гр. Воронцовым-Дашковым инструкции, которая является в деле выяснения земельного вопроса в горах Нальчикского округа наиболее важной. Пункт а § 1 инструкции говорит о «подробном исследовании видов существующих в Нагорной полосе Терской области землевладений и землепользовании и определяющих их правовых, обычных и иных оснований».

Слова эти нельзя понять иначе, как в том смысле, что комиссия должна была подробно выяснить, каким участком, какие именно лица владеют и пользуются, а также, в чем их владение и пользование заключается и как юридически оно должно быть

характеризуемо. Что так именно понят был этот пункт и самой комиссией, видно из того, что и программа, выработанная комиссией при производстве своих исследований, руководилась, содержит в себе пункт 4, гласящий, что комиссия должна дать: «перечисление входящих в состав означенных владений земельных угодий, способ и вид пользования им (личное, общинное, подворное и другие формы пользования, установившиеся нормами обычного права)».

Те сведения, которые дала комиссия по этому вопросу, не только далеки от того, чтобы быть названными «подробными», но заставляют даже сомневаться в том, что на основании их, вообще говоря, можно составить себе хоть какое-нибудь представление о том, какие же, в районе Пяти горских обществ, земли находятся ныне в частном обладании отдельных лиц, кто такие эти лица и почему именно эти лица, а не кто-либо другой, обладают ныне тем или другим участком. Все, что дает ведомость, помещенная на 61–66 стр. «Трудов...», заключается в перечислении земельных участков и в указании фамилий некоторых из тех лиц, которые ныне владеют тем или другим из указанных в ведомости участков и в указании как размеров всего участка, так и размеров заключающихся в нем угодий. Но эти сведения не могут быть ни в коем случае, в общей массе их, – правильными.

Мы не задаемся целью проследить в этом нашем объяснении сведения, касающиеся фактической стороны нашего землевладения и заключающиеся в «Трудах...» комиссии, шаг за шагом. Для того, чтобы сделать это и отметить каждую ошибку, в этой области комиссией сделанную, необходимо было бы потратить на это столько же времени, сколько потратила комиссия на создание их, и в месячный срок этого, конечно, сделать нет возможности. Но в указанной выше ведомости есть ошибки и пропуски такого свойства, что было бы странно, если бы мы, давая объяснения на проекты комиссии и имея перед собой «Труды...» этой комиссии, на которых проекты основаны, – о них умолчали.

Приведение данных, изложенных ниже, продиктовано нам следующими соображениями: мы полагаем, что если бы комиссия дала верную фактическую картину нашего землевладения, то тем самым она сделала бы невозможным и иное решение земельного вопроса у нас в горах, как признание нас

собственниками земель нашего фактического владения. Лицо, не знающее ничего о нашем землевладении и знакомящееся впервые с вопросом о том, кто и какой именно землей в горах Нальчикского округа пользуется, по ведомости, на 61–66 стр. «Трудов...» комиссии помещенной, неизбежно получил бы впечатление полного хаоса отношений. Земля принадлежит то фамилиям, то дворам, то отдельным лицам. Нигде – ни по ведомости, ни в «Трудах...» – нет ни малейшего намека на то, почему же именно такой-то участок находился ныне в пользовании стольких-то дворов, а такой-то участок находится ныне в пользовании стольких-то лиц или такой-то фамилии.

Комиссия отметила в своих «Трудах...», что земли у нас в горах продавались, переходили по наследству, дарились, отдавались за кровь и в калым, что многие земельные участки таубии захватили или получили от кабардинских князей и т. п. Но где все эти сведения о землях, перечисленных в ведомости на стр. 61–66? Отсутствие их, наряду с выделением из общей массы находящихся в частном обладании земель «трудовых участков», в отношении которых комиссия и говорит, подчеркивая, что ими владели на праве собственности, приводит неизбежно к тому выводу, что земли, перечисленные на стр. 61–66, и не составляли объектов гражданского оборота, что сведений, указанных выше, в отношении их и нельзя было собрать, потому что их, этих сведений, нет. Подобное же мнение, как видно из последующего, было бы совершенно неправильно, и вот, чтобы сделать возникновение его невозможным, мы и привели о некоторых из участков, находящихся в нашем владении, фактические данные, могущие дать в своей совокупности приблизительную фактическую картину нашего землевладения. Выше мы останавливались уже на вопросе о том, насколько права комиссия, утверждая, что у нас существует лишь подворное землевладение и не существует личного. Здесь подчеркнем еще раз, что в ведомости, помещенной на стр. 61–66 «Трудов...», везде, где стоит слово «двор», надо поставить определенное имя или несколько имен (если братья живут не разделившись). Также не передает истинного положения вещей и выражение: «Пользуется фамилия таких-то» или «Пользуется вся фамилия таких-то».

В горах нет ни одного участка, который можно было бы признать принадлежащим известной фамилии как юридическому лицу. Всегда во всех случаях члены этой фамилии явля-

ются сособственниками участка, и доля каждого из них точно определена, что и проявляется при продаже этой доли тем или другим лицом из этой фамилии. Поэтому, желая обозначить, кому такой-то «фамильный» участок принадлежит, надо, если желательно быть точным, перечислить всех особей, носящих такую-то фамилию, откинув тех, кто доли в этой земле не имеет (а такие почти всегда найдутся), да присоединить сюда особей, носящих другую фамилию или фамилии (что вследствие перехода земель по наследству и т. п. тоже о каждом почти участке, отмеченном комиссией «фамильным», будет необходимым) и в результате получим то же, что и во всех других случаях, когда, по словам комиссии, «пользователями» участка являются дворы или отдельные лица, а способ этого «пользования» – совместный.

Если не бояться произнести слово «собственность», то к понятию, выразить которое желательно, очень легко подобрать термин «общая собственность». Прежде всего, приходится констатировать факт пропуска при перечислении частновладельческих участков, расположенных в районе того или другого общества, целого ряда таких участков. Чтобы показать, что утверждение это правильно, укажем те участки, которые пропущены комиссией при перечислении частновладельческих участков в районе Чегемского и Хуламского обществ; что пропущенные комиссией участки есть и в остальных обществах – мы просим поверить нам на слово. А если нам не поверят, то мы доставим сведения и об остальных обществах. Сделать это сейчас, к сожалению, мы лишены возможности, потому что условия, в которые поставлены мы, давая объяснения на «Труды», сделавшиеся нам известными за 3 недели до истечения срока на дачу объяснений, заставляют нас по необходимости быть краткими и пользоваться лишь тем материалом, который у нас сейчас под рукой.

Итак, в ведомости на стр. 61–66, под рубрикой «II Чегемское общество» пропущены следующие участки:

«Бопу» – собственность Мусы и Наго Кучукова, сыновей Келемета Кучукова, и разных лиц, носящих фамилию Барасбиевых, Балкароковых и Кожоковых.

«Кек-таш» – собственность разных лиц, носящих фамилию Мамашевых, Мирзоевых, Кучуковых и др.

«Ак-топрак» – собственность Али, Бекмурзы и Иналука Балкароковых.

«Джуунгу» – собственность разных лиц, носящих фамилии Балкароковых, Барасбиевых Джулабовых, Кулиевых, Кожакых, Тохаевых и др.

«Никкола» – собственность Касая Кулиева.

«Личири» – собственность Иналука Балкарокова и разных лиц, носящих фамилию Балкароковых.

«Быкмылгы» – собственность разных лиц, носящих фамилии Кудаяевых, Эдоковых и Газаевых.

«Тызгы» – собственность разных лиц, носящих фамилии Балкароковых, Ликуюевых (Элекуевых. – Т. Б.).

«Ара-Бора» – собственность разных лиц, носящих фамилию Балкароковых.

«Шах-Боуат» – собственность Аслана Ахматова с братьями.

«Лха кая башы» – собственность Бекмурзы, Али и Иналука Балкароковых.

«Бедаргы» – собственность братьев Гебока, Биберта и др. Бекоевых.

Хуламское общество.

«Бутору» – собственность разных лиц, носящих фамилию Шакмановых.

«Миспора» – собственность разных лиц, носящих фамилию Атабиевых.

«Дуарбат» – собственность разных лиц, носящих фамилию Биттировых.

«Кала башы» – собственность разных лиц, носящих фамилию Герговых.

«Биди аллы» – собственность Махая и Бекмурзы Жабоевых.

«Тала»

«Гурунту»

«Кюнлюм агъач»

«Сын»

«Кирдлокли»

«Гитче аузла»

«Узун тала»

«Чучхур башы»

«Огары узун тала»

Собственность разных лиц,
носящих фамилию Жабоевых.

«Сагустаин» – собственность разных лиц, носящих фамилию Жабоевых.

В Безенгиевском обществе

«Огары-бау» – собственность разных лиц, носящих фамилию Боттаевых.

Имея целью указать пропущенные участки, мы не перечисляли всех собственников их, что взяло бы много времени. Участок «Мисбора», например, купленный 20 января 1853 года братьями: Нетша, Шашко, Шейхом, Хабзо и Картлыком Атабиевыми от Муссы Жанокова, принадлежит ныне 2 сыновьям Нетши, Шашко Атабиева и 18 внукам Нетши и его братьев³⁵. Очевидно, что перечислять всех этих собственников нам, не поставившим себе целью дать «подробную» картину нашего землевладения, а указать лишь, что картина такового, данного комиссией, не полна и фактически не верна – нет никакой надежности.

Другая оговорка: все участки, выше нами перечисленные, не входят в состав ни одного из тех участков, которые привела в своей ведомости комиссия. Таким образом, та земля, которая обозначается приведенными выше названиями, не зарегистрирована комиссией вовсе.

Пусть не подумают также, что это все ничтожные по своим размерам клочки, регистрировать которые и не стоило. Сообщить точных сведений о размерах их, мы, конечно, не можем, но сравнивая их размеры с теми, которые комиссией в ее «Труды...» занесены и площадь которых в ведомости показана, скажем, что приблизительная площадь некоторых из этих участков будет: «Бутору» – 100 дес., «Мисбора» – 77, «Гитче-аузла» – 100 и т. д.

Кроме пропуска ряда участков в каждом обществе, нельзя признать правильным и установление комиссией того или другого участка, как объекта того или другого права на него, или даже принимать терминологию комиссии, как объекта пользования. Комиссия во многих случаях дала название участка земли, которое ныне является уже скорее географическим термином, чем термином, означающим известную вещь, пользование которой отметила комиссия в своих «Трудах...».

Дело вот в чем: каждый большой участок земли в горах, имеющий определенные границы (обыкновенно по природным линиям), имеет свое название и, как вещь, как объект права собственности, принадлежал некогда одному лицу. Если участок велик и, в смысле угодий, разнообразен, то различные его части имеют собственные названия и границы, определяемые тоже по

природным линиям и местным предметам. Допустим, что собственник умирает, и наследники желают его поделить. Весьма естественно, что раздел стараются произвести, применяясь к существующему и установившемуся уже делению участка на известные части, имеющие самостоятельное хозяйственное значение и установившиеся уже границы, для чего те, на долю которых приходится меньшие по площади или худшие по качеству части, получают прибавку из другого наследственного имущества.

Но что же получается из этого в последующем с точки зрения гражданского оборота? Да то, что первоначальный участок, как вещь, перестает существовать и превращается в географический термин, и если комиссия в ведомости на стр. 61–66 «Трудов...» хотела дать перечень «земельным участкам, находящимся в пользовании отдельных лиц и фамилий в 5 горских обществах Налчикского округа», то во многих случаях она вместо «участков», находящихся «в пользовании», указала земельные районы, в которых разные лица, совершенно независимо друг от друга, пользуются ныне той или другой землей. Чтобы не быть голословными, дадим и доказательство правильности только что сказанного.

Вот, например, в ведомости на стр. 64, в отделе IV (Хуламское общество) под № 215 значится:

«Ривачле»³⁶ – Шакмановых и Алия Исхакова». Понимать это, очевидно, надо так: участок Ривачле находится ныне в пользовании всех Шакмановых и Алия Исхакова – комиссия отмечает это как факт. Вот что оказывается на самом деле: «Ривачле», как объект пользования, принадлежал некогда нераздельно братьям Мусе и Шаулуху Шакмановым (в 5-м поколении от теперешних владельцев участками в местности «Ривачле»). По смерти их, сын Шаулуха – Актуган и сыновья Муссы – Давлетгирей и Муртазали поделили «Ривачле» таким образом, что 1/3 его была выделена Актугану, а двумя третями Муртазали и Давлетгирей продолжали пользоваться сообща. Потомки этих лиц продолжали участок дробить, придерживаясь по возможности того подразделения «Ривачле» на уголья, которое существовало и существует с незапамятных времен. Таким образом, в местности «Ривачле» ныне имеются следующие 17 земельных участков, являющихся совершенно самостоятельными объектами «права

собственности» – по нашей терминологии и «пользования» по терминологии комиссии:

1. «Ор-баши» – собственность Бекира Шакманова, получившего участок по наследству от отца своего Мимбулата.

2. «Уллу-Кель» – собственность следующих лиц:

а) Кази Шакманова – получившего долю в участке по наследству от отца своего Бадината и купившего, кроме того, часть доли родного брата своего от отца – Басьята Шакманова;

б) Джарахмата, сыновей Кара-баша, кроме Али-Султана и Тенгиза Шакмановых – купивших часть доли, которую имел в участке Басьят Шакманов (по наследству), имеющих, кроме того, самостоятельные доли в участке, полученные ими по наследству от предков;

в) Бекира Шакманова, получившего долю в участке по наследству от своего отца Мимболата, а Мимбулат получил ее по наследству от своего отца Омара, а Омар купил ее, как часть той доли, которую имел в участке, по наследству от предков Басьята Шакманова, от этого последнего;

г) Оразая Чеченова, купившего долю Али-Султана, сына Кара-баша Шакманова.

3. «Гитче-Кель» – собственность следующих лиц:

а) Кази Шакманова, получившего свою долю по наследству от отца Бадината;

б) Адила Шакманова, получившего свою долю по наследству от отца Басьята и отдавшего его в бегенду Оразая Чеченову;

в) Джарахмата и сыновей Ка-рабаша, Мурзабека, Каирбека, Заурбека, Мырты Шакмановых, получивших свои доли по наследству от отца Джарахмата и Карабаша – Канамата Шакманова;

г) Оразая Чеченова, купившего долю Али-Султана, сына Карабаша Шакманова.

4. «Кехасырт» – собственность Тенгиза Шакманова, получившего участок по наследству от предков (от отца своего Сарыбия).

5. «Гыдайалы» – собственность Джарахмата Шакманова.

6. «Ильчеу езени» – собственность братьев: Шакмана, Кази-Магомета, Аймуша и племянника их Хаджи Мурата Шакманова, получивших его по наследству от предков. Весь участок целиком находится в аренде у Оразая Чеченова за 120 руб. годовой платы.

7. «Сыртла» – собственность следующих лиц:

а) Джарахмата и сыновей Карабаша (кроме Али-Султана) Шакмановых и племянника их Тенгиза Шакманова, получивших часть принадлежащей им ныне в участке доли по наследству от предков, а часть купивших у Басьята Шакманова как часть наследственной доли этого последнего;

б) Кази Шакманова, получившего свою долю по наследству от предков;

в) Бекмурзы Шакманова, получившего свою долю по наследству от предков;

г) Оразая Чеченова, купившего долю Али-Султана Шакманова.

8. «Джагудан» – собственность следующих лиц:

а) 3 сыновей (Шакмана, Кази-Магомета и Аймуша) и внука (Хаджимурата) Каншау Шакманова, получившего участок по наследству от предков;

б) Джарахмата и сыновей Карабаша (кроме Али-Султана) Шакмановых, получивших свои доли по наследству от предков;

в) Лукмана, Курман-Бия и Илья-са Кучмезовых, получивших свои доли по наследству от отца их Эльдара Кучмезова, купившего ее от Басьята Шакманова, к которому она перешла от предков;

г) Оразая Чеченова, купившего долю Али-Султана Шакманова.

9. «Башилик» – собственность следующих лиц:

а) сыновей Карабаша (кроме Али-Султана) Шакманова, получивших причитающиеся им доли по наследству от отца их Карабаша, купившего их от Амирха-на Шакманова, которому доля в «Башилике» досталась по наследству;

б) Джарахмата Шакманова, купившего принадлежащую ему долю частью от Амирхана Шакманова, частью от Мимбулата Шакманова, купившего в свою очередь в «Башилике» часть земли, принадлежавшей в нем Амирхану Шакманову;

в) Кази Шакманова, получившего долю в «Башилике» по наследству от предков и отдавшего ее в бегенду братьям Осману, Али и Урусбию Биттировым;

г) Оразая Чеченова – купившего долю в «Башилике» Али-Султана Шакманова, унаследовавшего ее от отца своего Карабаша, купившего ее в свою очередь от Амирхана Шакманова.

10. «Чирик» – собственность братьев Асламбека, Аслангерия и Бекмурзы Шакмановых, получили в наследство от предков.

11. «Кюндюк» – собственность братьев Асламбека, Аслангери и Бекмурзы Шакмановых, получили в наследство от предков.

12. «Кач-Арты» – собственность сестер: вдовы Кермахан Исаковой и Жужек Суншевой, получивших по наследству от отца Иссы Шакманова, которому участок достался по наследству от предков.

13. «Чегеттала» – собственность тех же лиц, что и участок «Кач-Арты», получивших его по тому же основанию.

14. «Кач-артыран» – собственность тех же лиц, что и участки «Кач-Арты» и «Чегет тала», получивших его на тех же основаниях.

15. «Кой-Козлаган» – собственность Кази Шакманова, получившего его от предков.

16. «Талысырт» – собственность Кази Шакманова, получившего участок по наследству от предков.

17. «Худай-Алы» – общий выгон всех владельцев участков в местности «Ривачле», т. е. иначе собственность всех тех лиц, которые указаны в качестве собственников 16 других участков, из которых составляется «Ривачле».

Вот какой сложный ответ должен быть дан на вопрос о том, что такое «Ривачле» и кому оно принадлежит. Из приведенного видно, что «Ривачле» – как объекта пользования – не существует, что вместо участка «Ривачле» надо, говоря об объектах пользования, указать 17 самостоятельных участков, что эти последние, имея свои определенные границы, в свою очередь (многие, по крайней мере, например: «Чирик», «Кюндюк» и др.), являются уже разделенными между их владельцами, и общая собственность на них больше не существует. Кстати, отметим, что в числе лиц, «пользующихся» землей в «Ривачле» по своему праву, Алия Исакова нет. Есть мать его, Кермахан Исакова, дочь Иссы Шакманова, но у Кермахан Исаковой, кроме Алия, есть еще сыновья Оли и Хамзат и внук умершего ее сына Шамсудина – Султан. Конечно, если стараться установить, кто пользуется участком, то будут установлены имена не только сыновей и родственников собственников, но и людей, взявших землю в аренду, в бегенду, и даже имена совершенно случайных людей, по той или иной причине участком пользующихся. Но обнаруживать имена этих лиц – значит слишком много уделять

внимания выяснению вопроса о землепользовании, в ущерб выяснению вопроса о землевладении. На комиссию же возложено было выяснение обоих этих вопросов. А какой из этих вопросов для разъяснения земельного вопроса в его целом является более важным, едва ли могут быть сомнения.

Относительно указания комиссией лиц, пользующихся землею в местности «Ривачле», произошли и еще ошибки. Участком не только не пользуется самостоятельно Алий Исхаков, но и не все Шакмановы имеют в нем хоть пядь земли. Из потомства Актугана, Давлетгерия и Муртазали не имеет больше в «Ривачле» ни клочка земли Али Султан Шакманов, сын Карабаша Шакманова, продавший свои доли в участках «Уллу-кель», «Гитчекель», «Сыртла», «Джагыдан» и «Башилик» Оразаю Чеченову за 500 руб. Не имеет земли в «Ривачле» и та ветвь Шакмановых, которая происходит от Биту Шакманова, сына Хамзы, т. е. Кучук, Хангери и Паша Шакмановы. В числе собственников же земли в районе «Ривачле», следовательно, и в числе пользователей ею, есть и лица, не носящие фамилии Шакмановых, а именно: 1) Оразай Чеченов и 2) Лукман, Курман-бий и Ильяс Кучмезовы.

Ко всему этому надо прибавить, что «Ривачле» не есть исключение Таковыми являются, например: «Кудайланы джайлык», «Уллу-джора» и др. Сама комиссия дала образчики этих географических районов. Таковы значащиеся в ведомости в числе участков Балкарского общества участки № 292 и 293. Приведенный выше разбор тех реальных фактов, который скрывается за имеющейся в «Трудах...» комиссии фразой: «Ривачле Шакмановых и Алия Исхакова», имея целью показать, что объект пользования есть не «Ривачле», попутно показал, что и субъекты пользования есть не «Шакмановы и Алий Исхаков». Такие же ошибки в субъектах можно было бы установить и по отношению любого из участков, в ведомости указанных. Без преувеличения скажем, что субъекты указаны верно лишь по исключению. В доказательство того, что действительно «пользователи» участками указаны в ведомости неправильно, возьмем из каждого общества по несколько участков. Вот, например, участки, значащиеся в ведомости как находящиеся в пользовании «дворов Кучуковых» (в Чегемском обществе): № 59 «Термез-кол» принадлежит Асланбеку и племянникам его Адильгирею, Хаджи-Муссе, Султану и Шуа Кучуковым. Участок этот унаследован Асланбеком от отца его Каншау, Хаджи Муссой

и Адильгиреем от отца их Магомета, Султаном и Шуа – от отца их Измаила. Магомет же и Измаил получили доли в «Термез-коле» по наследству от отца их Каншау.

В «Трудах...» комиссии сказано, что участком «Термез-кол» пользуются 5 дворов Кучуковых, составим себе понятие о действительном положении дела: «владеют потомки Каншау Кучукова?»

№ 78 «Зырдыгат» – принадлежит Асланбеку, Хаджи-Муссе, Султану, Шуа, Аслан-гири, Сафар-Али, Баймурзе, Тен-гизбию и Муссе Кучуковым. В ведомости сказано: «Пользуются 7 дворов Кучуковых».

№ 81 «Гестенты» – принадлежит потомству Каншау Кучукова, тем же лицам, что и участок «Термез-кол» (Асламбеку, Адильгирею, Хаджи-Муссе, Султану и Шуа Кучуковым). В ведомости сказано: «Пользуются 7 дворов Кучуковых».

№ 80 «Хасты» – принадлежит Аслангирею и Сафар-Алию Кучуковым. Участок был дан в калым от Шакмановых за Эркахян Кучукову, сестру Али и Сарбия Кучуковых. Эркахян продала его своим братьям Али и Сарбию. Али, уезжая в Турцию, продал свою долю Сарбию, сделавшемуся, таким образом, собственником всего участка. По смерти Сарбия участок перешел по наследству к сыновьям его – Аслангирею и Сафар-Алию, современным его владельцам. В ведомости сказано: «Пользуются 2 двора Кучуковых».

№ 141 «Кору» – принадлежит Асламбеку, Адильгирею, Хаджи Муссе, Султану, Шуа, Аслангирею, Сафар-Али, Баймурзе, Тенгиз-бию, Муссе и Паго Кучуковым. В ведомости сказано: «Пользуется вся фамилия Кучуковых».

В Безенгиевском обществе

№ 179 «Джора» – принадлежит Муссе Суншеву. В ведомости сказано: «Пользуется Мусса Суншев и 8 дворов Джабоевых. В действительности, весь участок «Джора» принадлежит целиком Муссе Суншеву. Джабоевым же принадлежат смежные с «Джора» участки «Сагустиан» и «Джабышта», купленные от Суншевых: «Джабышта» в 1869 году от Магомета Суншева (переселившегося в Турцию) Омаром Джабоевым, а «Сагустиан» – за 25 лет до 1889 года (в 1864 году), проданный Омаром Суншевым Умару, Татаркану, Ачею и Абубекиру Жабоевым, потомки каких Жабоевых и пользуются ныне означенными участками, относящимися ныне к территории Хуламского общества.

№ 180 «Чегет-Джора» – принадлежит Тенгизу Суншеву и внукам его брата Кайсына: Нальжус Абаевой и Эльмезхан Шакмановой – дочерям Мурза-Кула Суншева, Кесямхан Шакмановой и Забитхан Суншевой – дочерям Хызыра Суншева (Мурзакул и Хызыр – сыновья Кайсына Суншева). В ведомости сказано: «Находится в пользовании Тенгиза, Наго и Кермахан Суншевых». Наго Суншева – мать Нальжус Абаевой и Эльмезхан Шакмановой. Кермахан Суншева – мать Кесямхан Шакмановой и Забитхан Суншевой, а Наго и Кермахан Суншевы собственницами участка «Чегет-Джора» не являются.

№ 176 «Аккач» – принадлежит Давлетгирею Суншеву и Джарахмату Шакманову. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Давлетгирея Суншева».

№ 196 «Беккам» – принадлежит Тенгизу Суншеву и 2 дочерям Кайсына Суншева: Фатимат Шакмановой и Абидат Карабугаевой и сыну 3-й дочери Кайсына, ныне умершей Хаджат Кучуковой – Ибрагиму. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Тенгиза Суншева».

№ 200 «Думала» – принадлежит Хангирею и Давлетгирею Суншевым и Джарахмату Шакманову. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Хангирея и Давлетгирея Суншевых».

№ 199 «Уллу-Ауз» – принадлежит Тенгизу Суншеву и наследникам Хызыра Суншева: Кесямхан Шакмановой и Забитхан Суншевой. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Тенгиза Суншева».

Хуламское общество

Пример неправильности указания «пользователей» участков в Хуламском обществе дан выше при разборе владения участком «Ривачле».

Балкарское общество

№ 233 «Домайлы- Догуат» – принадлежит Магомету, Сарбию, Барасбию и Хамбию Мурзабековичам, Бекмурзе, Азату и Кайтуку Алиевичам, Гассо, Зекерья и Махаю Алимурзовичам Мисаковым. В ведомости: «Находится в пользовании Мисаковых».

№ 246 «Хизны-Баши» – принадлежит сыновьям Мурзабека Мисакова: Магомету, Сарбию и Хамбию Мисаковым. В ведомости: «Находится в пользовании 3 дворов Мисаковых».

Также по большей части неверно указаны уголья в участках, а иногда и размеры участка. Последнее, по-видимому, самое

удивительное. Ведь произведена была съемка участков на план, каким же образом цифры могли так сильно разойтись с действительностью? Объясняется это тем, что комиссия недостаточно хорошо ориентировалась в названиях участков и в связанных с этими названиями границах участков. В ведомости, повторяем, очень много географических терминов, вместо определенных участков земли, являющихся объектом собственности. Поэтому часто комиссия, назвав площадь в несколько сот десятин, присваивает ей название, принадлежащее в действительности маленькой частице той площади, размеры которой указаны.

Вот поразительный пример ошибки в размере площади: в Безенгиевском обществе под № 177 значит: «Джиче» – в пользовании фамилии Томуровых (Толгуровых? – Т. Б.) . Пастбища 270 дес.». В действительности же Томуровым принадлежит пахотный и покосный участок под названием «Джиче», мерою приблизительно 10 десятин. Пастбища же под этим названием не существует вовсе.

Аналогичные примеры можно указать и во всех других обществах. Остановимся еще на 2 из них, относящихся к Хуламскому обществу.

№221 «Коша-бичелик» – Таусо Гиргокова. Покоосу – 3 дес., пастьбы – 20 дес., всего 23 дес. На самом деле в участке «Коша-бичелик» около 3 дес. покоса. Пастьбы же вовсе нет.

№ 222 «Челмас-фунт» – фамилии Геляховых – 25 дес. пастьбы. На самом деле в участке «Челмас-фунт» не больше 3 дес. покоса, пастьбы же нет вовсе.

Если проверить правильность сделанных в ведомости указаний относительно того, сколько в каждом, из указанных в ведомости участке тех или других угодий, то и здесь только лишь по исключению не сделано той или другой ошибки. Остановимся на том же Хуламском обществе.

Кроме участков «Коша-бичелик», «Челмас-орун», угодья неправильно показаны еще в следующих участках этого общества:

№ 215 «Ривачле» – показано 70 десятин пастбищ. Пастбищ в этом участке нет совершенно.

№ 208 «Мькырги» – пастьбы нет ни одной десятины (показано 30 десятин).

№ 209 «Лары»³⁷ – весь участок показан пастбищным. Между тем около трети его – покосы.

№ 212 «Джигиш» – весь участок показан пастбищным (520 дес.). Между тем в нем, на глаз, не больше 300 дес., из которых, может быть, лишь 1/6 часть пастбищ, остальное покосы.

№ 214 «Лыги»³⁸ – весь участок – покосный (показан целиком пастбищный).

№ 216 «Хасаубад» – весь участок, в котором приблизительно 100 дес. (вместо 50, показанных в ведомости), сплошь сенокосный, а не пастбищный, как указала в своей ведомости комиссия.

Вот те фактические неправильности, которые мы сочли нужным указать уже в этом нашем объяснении. Повторяем, неправильности, указанные нами выше, являются лишь примерами, и отнюдь не исчерпывающим перечнем их, и вряд ли найдется в ведомости хоть один участок, относительно которого можно было бы сказать, что все сведения, о нем данные: и о субъекте, и об объекте «пользования» – правильны.

Нам могут сказать, что неправильности эти, нами указанные, не важны и не могут повлиять на изменение комиссией ее выводов. На это ответим, что если бы все такие сведения, которые приведены комиссией в ведомости, были не важны для разрешения поземельного вопроса, то их бы и не собирали. Что сведения эти, по мнению самой комиссии, были нужны ей для разрешения поземельного вопроса, видно не из того, что рубрики «ведомости» стоят в прямой связи как с инструкцией для комиссии, так и той программой, которой она должна была руководствоваться в своих действиях (стр. 29–35 «Трудов...»).

Во второй рубрике комиссия поставила себе целью указать «название обществ и земельных участков, а также имена и фамилии лиц, в пользовании которых эти участки находятся», и вместо этих сведений – дала лишь приблизительные указания на фамилии, которые носят некоторые из владельцев, да в качестве названия «участка» указала действительно существующее в данной местности название земельного района, но в огромном большинстве случаев – это географический термин, а не название известного клочка земли, как вещи. А во-вторых, и не пустяки все те неправильности, которые комиссия допустила, давая фактические сведения о нашем землевладении.

Если бы субъекты пользования были указаны правильно, если бы комиссия выяснила при этом ту причинную связь, которая существует в факте владения известным клочком земли нередко

десятками людей, если бы было показано комиссией, что такая-то часть, положим, 1/24, в таком-то участке принадлежит такому-то, в силу того, что прадед его купил 1/2 этого участка, а у прадеда было два сына, а у деда современного владельца тоже было два сына, а отец современного нам владельца, по смерти своей, оставил наследниками 3 сыновей, одним из которых является то лицо, о котором сейчас идет речь, и если при том известно, что участок, будучи однороден по своему качеству, делился всегда наследниками на равные части, то вот дробь 1/24, при этих условиях, из цифры обращается в доказательство, устанавливая факт правомерного перехода участка на протяжении 4 поколений, и доказывая, что право собственности на него существовало еще у прадеда теперешнего владельца. А ведь такого рода сведения могли быть добыты о каждом владельце каждого участка. Вместо же этих сведений нам дали число «дворов» той или другой фамилии. Неужели же это безразлично для выяснения, почему же такой-то участок ныне в руках таких-то лиц? А ведь в этом «почему» кроется все разрешение вопроса.

Не безразличен для того или другого разрешения вопроса и тот факт, что комиссия, вместо указания земельных участков, во многих случаях указала географические термины, связав таким образом в факте владения известной земельной площадью лиц, ничем, кроме соседства, не связанных. Сейчас «ведомости» делают впечатление списка крупных помещиков. Если же бы сведения были правильны, оказалось бы, что «помещиков» во всей территории 5 горских обществ наберется десятка 2, остальные будут люди весьма скромного, если принять во внимание характер земли, достатка. Мало того, эта дробность землевладения, самый факт превращения имения в географический район, на котором ныне существует 20 и больше земельных участков, доказывает лучше всяких свидетельских показаний, сколько поколений предков настоящего собственника данного клочка земли имело землю в данном районе. История этого превращения имений в «местности» – вот мимо чего не должна была пройти комиссия, а она об этом факте даже и не заикнулась.

Остается сказать еще о значении неправильностей в указаниях угодий. Комиссия, как известно, проводит «трудовую» теорию земельной собственности у нас в горах. По мнению комиссии, в горах Нальчикского округа, по воззрению народа,

только та земля может быть чьей-либо собственностью, к которой был приложен труд человеческий. Но будет ли спорить комиссия против того, что в горах невозможна «нетрудовая» покосная земля?

Что для того, чтобы можно было известную поверхность в горах косить, в огромном большинстве случаев надо пособирать с этого участка лет 50 камешки. А вот комиссия в очень и очень многих случаях в рубриках «угодий» показала излишне много пастбищ, в ущерб покосным землям.

Чтобы закончить наши объяснения на фактическую часть «Трудов...» комиссии, дадим еще краткую историю нескольких земельных участков, дабы показать, что не только сабаны, биченлики и усадебные места, как думает комиссия (стр. 309 «Трудов»), но и вся остальная частновладельческая земля в горах Нальчикского округа с незапамятных времен служила предметом гражданского оборота.

Чегемское общество

«Кудайланы-Жайлык» – состоит из участков: «Уллу-Нохта», «Гитче-Нохта», «Чегет», «Кудушла», «Сары», «Жар-алы» и «Айланче-баши», границы: с севера хребет «Сары-жар-сырты», с запада хребет «Нохты», с юга хребет «Хлам-хлум», с востока – дорога «Айлянч», досталась по наследованию от предков Асламурзе Кудаеву. По смерти его была разделена на 5 частей его сыновьями: Исхаком, Чепелеу, Хажимуссой, Магометом и Иссой, причем каждый из них построил на своей части каменный кош. Хажимусса уехал в Турцию, отдавши свою часть на бегендном праве Кулиевым в уплату калыма за жену сына своего Хизира. Ныне участок принадлежит: Чепелеу, Хаджи-Муссе и сыновьям их братьев.

«Сары-тюз» – границы: с севера – скала Ак-кая, с запада хребет «Мстылы-кол-Сырты», с юга – река Баксан и с востока участок тех же князей Атажукиных, был куплен князем Касаем Атажукиным у чегемских таубиев Балкароковых, от которого, в порядке наследования, перешел к внуку его, князю Асламбеку. Асламбек отдал «Сары-тюз» на бегендном праве сначала таубию Иналуку Балкарокову, а затем Жапуевым. После смерти Асламбека вдова его Аймат и сыновья: Мисост, Таусултан, Адильгирей и Атажуко выкупили участок от Джапуевых и отдали в бегенду Хаджидауту Этезову. Часть участка, находящегося под

покосом, искусственно орошается. Есть хуторные постройки. Ныне участок «Сары-тюз», за смертью Мисоста и Таусултана, принадлежит Аймаг, Адильгирею и Атажуко Атажукиным.

«Кочхар-таш»:

1. Границы: со стороны земли Жантудуевых – хребет «Табакчи-Дорбун», со стороны кабардинских нагорных пастбищных земель хребты: «Ташуко-Баши», «Кюнлюм-Кол-Баши» и «Сакин-сырт», со стороны Ахматовых из поселка Нумала – скотопроегонная дорога, ведущая на плоскость, со стороны Беккиевых хребет «Чикеда», со стороны второго участка Ахматовых из поселка Нумала хребет «Тюкли-Агач сырт», со стороны Иналука Балкарокова балка «Топканы-кол», Бекмырзы Балкарокова – хребет «Аксуны Тебен жаны сырт», других Балкароковых и Арслана Ахматова, сзади «Ак-Кая» и со стороны кн. Наурузова р. «Кудехурт-су».

2. «Кочхар-таш» – принадлежал некогда чегемским таубиям Балкароковым, один из которых, именно Ахтуган, по отношению к которому современные нам Балкароковы составляют седьмое поколение, убил кабардинца Камгута Отманова и за кровь» по праву «кан», отдал Отмановым «Кочхар-таш». От Отмановых участок приобрели князья Атажукины, продавшие участок Магомету Ахматову, от которого участок этот достался по его смерти его сыновьям: Шемахе, Касаю, Таусултану, Мурзабеку, Асланбеку и Заурбеку и дочери Хажибийке по мужу Эбуевой. Братья Магометовичи «Кочхар таш» разделили между собой на части, по смерти которых части эти поступили в порядке наследования их детям (см. родословное древо)³⁹. Причем право Хажибийке на «Кочхар-таш» оставили за собой, за что отдали ей 300 баранов, 20 штук рогатого скота, 12 лошадей и участок «Мисост-чегет». «Кочхар-таш» сильно раздроблен в настоящее время: многие из современных владельцев получают 1/48 часть участка.

3. Угодья: покосы, пастбища, пашни, мелкий лес, огороды и сады. На участке основан поселок, в котором живут исключительно сами владельцы.

Безенгиевское общество

«Уллу-Джора» – состоит из участков «Иски», «Урдоз», «Сары жар-арты», «Юч таш», «Илипин-Аман» и «Хурзук кам». Границы: с востока – земля Девлет-Гирея Суншева и братьев

Жабоевых; с юга – земли Джанхотовых и Шахановых, с запада земли Тенгиза Суншева и наследниц Кайсына Суншева; с севера – земли Безенгиевского сельского общества. «Уллу-Джора» принадлежал некогда Казию Суншеву. От него перешел по наследству к его сыновьям: Умару и Муссе Суншевым. Умар Суншев, переселяясь в 1860 году в Турцию, продал свою долю в «Уллу-Джора» Муссе Суншеву, который и является ныне собственником всего участка. «Уллу-Джора» сдавалась не раз в аренду: лет 30 тому назад его арендовали несколько раз кабардинские овцеводы Лукман, Магомет и др. Хабляшаевы, живущие в сел. Жанхотовском, а в более позднее время кабардинец же, житель сел. Докшокова Кучук Докшочков. Часть «Уллу-Джора» участок «Хурзуккам» лет 20 находился в бегенде у жителя Хуламского общества Бекмурзы Джабоева. Выкуплен лет 12 тому назад. 2/3 участка «Иски» находится в данное время в бегенде у Таусо и Рахая Рахоевых, за 1000 руб., участки «Хурзуккам» и «Илипин-Аман» находятся в данное время в бегенде у Хамзата Акаева.

В распре из-за «Уллу-Джора» Мисост Суншев, несколько поколений назад, убил Али Абаева, за что Суншевы, по решению третейского суда, отдали Абаевым, как плату за кровь, 2 семьи своих крепостных: Мечуевых и Жачиевых и несколько сабанов; сабаны и ныне принадлежат Абаевым, потомкам убитого некогда Алия Абаева. На «Уллу-Джора» построен каменный дом, каменные коши, конюшни, заведено молочное хозяйство. Часть «Уллу-Джора» искусственно орошается.

Хуламское общество

Выше мы дали историю владения землями в районе «Ривачле» за 3 последних поколения. К сказанному прибавим здесь следующее. При разделе Биту и Хатахжучо, сыновьями Хамзы Шакманова (Хамза в 7-м колене от современных владельцев участками в Ривачле), оставшихся им от отца земель, «Ривачле» и «Тютюн» достались на долю Хатахжучо, Биту же получил вместо доли в «Ривачле» и «Тютюне» участки «Хаса-буат» и «Джыгыш» (проданные – впоследствии его потомками Биттировым), почему ныне потомки Биту: Кучук, Хангери и Паша участков ни в «Ривачле», ни в «Тютюне» не имеют.

Между сыновьями Биту и Хатахжучо из-за участка «Ривачле» произошло кровавое столкновение. Сын Биту, Бийнегер,

не имея доли в «Ривачле», хотел пустить на землю «Ривачле» пастись свою баранту. Сын Хатахжуко, Девлетгирей (предок Карабаша, Сарбия и Джарахмата Шакмановых), стал удалять его с барантой с участка. Произошла ссора, в которой Бийнегер убил Девлетгирея, вследствие чего дети Девлетгирея получили от Бийнегера плату за кровь, в которую вошел, между прочим, и большой биченлик «Кышлык», находящийся и ныне во владении потомков Девлетгирея.

На участках, входящих в состав «Ривачле» есть каменные коши, а сыновья Мимбулата Асламбек и Аслангирей Шакмановы имеют на своих участках каменный дом, в котором и живут постоянно со своими семьями.

Балкарское общество

Укажем отдельные случаи пользования и распоряжения земельными участками, принадлежащими жителям Балкарского общества.

«Хызны-баши» – (пропущен комиссией) – принадлежит нескольким лицам, носящим фамилию Амырхановых. Был получен дедом современных его собственников, Барасбием Амырхановым в счет платы за кровь от Темирчи Абаева, убившего холопа Барасбия Амырханова – Аслана Курманова.

«Ирчиуашки» – (пропущен комиссией) – дан Карабием Мисаковым Амырхановым в счет уплаты калыма за жену для своего сына.

№ 233 «Догуат-Домайлы» – дочерям Хату Мисакова – Даумхан (по мужу Абаева), Фатимат (по мужу Айдебулова), Деуле (по мужу Джанхотова), Гастумо (по мужу Беканова) и Хажикыз Мисаковой были выделены их доли в «Догуате», но первые четыре свои доли продали брату своему Мурзабеку Мисакову, а Хажикыз, при жизни своей, передала свою долю Магомету Мисакову. Доля Магомета Мисакова на участке «Домайлы» находится в бегенде у Темирбулата Темуккуева. Часть доли сыновей Алимурзы Мисакова в «Догуате», в размере 8 десятин, находится в бегенде у Чепелеу Темуккуева.

№ 292 п. 9 «Текергин» – куплен Цукулом Жангуразовым с братьями от сыновей Темрюка и Кучука Джанхотовых.

П. 8 «Тешикле» – куплен Башиевыми, Темуккуевыми и Казиевыми от внуков Тенгиза Джанхотова.

П. 13 «Шаурдат» – часть, принадлежащей ныне Оразаевым в «Шаурдате», доли куплена Ахметкулом и Ортабаем Оразаевыми от Джанхота Хаджи Джанхотова.

П. 1 – часть участка «Карасу», принадлежавшая Пшемахо и Шаухалу Джанхотовым, отдана ими в бегенду Хаджи Жангу-разову.

П. 6 – то же и участок «Оракай».

П. 10 – часть участка «Джалпак», принадлежащая сыновьям Магомета, Муртазали и Хаджи-Джанхоту Джанхотовым, находится в бегенде у Акбаша Шаханова.

В заключение, для того чтобы показать, как именно происходили земельные разделы с переходом родовой земли по наследству, дадим картину последовательного раздела родовых земель фамилии Суншевых. Земли этой фамилии имеют ту особенность, что, находясь в глубине гор, все земли, находящиеся в обладании этой фамилии, являются родовыми, и ни одной пяди их Суншевы не купили. Кроме случаев покупки друг у друга.

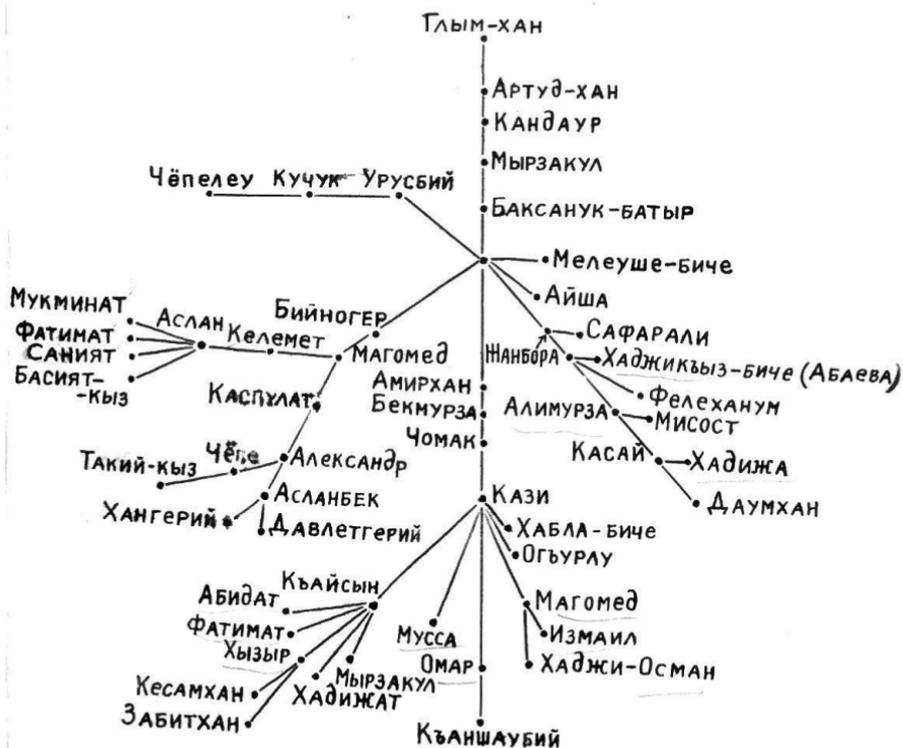
Желая дать схему перехода земель по наследству, мы не останавливаемся, для простоты изложения, подробно на наследовании земель дочерьми, тем более, что доли женщин почти всегда покупались кем-либо из их братьев или других родственников и только в настоящее время в ряду собственников суншевских земель имеются как правопреемники женских членов фамилии Суншевых (напр., Джарахмат Шакманов и Ибрагим Кучуков), так и сами эти наследники, урожденные Суншевы (напр., Абидат Карабугаева).

Для удобства понимания последующего изложения дадим родословную Суншевых ⁴⁰:

Суюнч владел землями (кроме сабанов и биченликов): «Укю», «Думала», «Аккач», «Урели», «Улуагач», «Мылы-биченлик», «Уллу-ауз», «Чегет-Джора», «Джора», «Джидры», «Беккам», «Сагустиан» и «Джабышта».

Сыновья Суюнча

Был выделен Урусбий Суншев, получивший, кроме другого имущества, участок «Укю». Внук Урусбия, Чепелеу, переселившись на Баксан, продал участок «Укю» безингиевскому узденю Току Рахаеву за 300 баранов и 3-х холопов, участок «Укю» принадлежит ныне потомкам Тока Рахаева (в ведомости под № 200 «Укю»). Остальные сыновья Суюнча: Бийнегер, Амырхан и Жогушток жили вместе.

Внуки Суюнча

Из внуков Суюнча был выделен Бекмурза, сын Амырхана, получивший участки: «Уллу-Ауз», «Чегет-Джора», «Джора», «Джидри», «Беккам», «Сагустиан» и «Джабышта».

Сыновья же Бийнегера и Жагуштока, Магомед, Жамбора (Сафар-Али, брат Жамбора, умер раньше своего отца Жагуштока, почему дочь его, Бере-Ханум, доли в наследстве деда Жагуштока не имела), владели вместе участками: «Думала», «Аккач», «Урели», «Уллу-Агач» и «Мылыбиченлик», потомки их владели этими землями сообща до Асламбека (потомка в 4-м колене, Магомета), Фатимой (по мужу Шакмановой, дочерью Аслана, потомком в 4-м колене, Магомета), Такий-бийче (по мужу Барасбиевой, дочерью Чепе, потомком в 4-м колене, Магомета) и Хаджикыз (по мужу Абаевой, дочерью Касая, потомком в 4-м колене, Жамбора).

При этом Асламбеку Суншеву досталось:

- 1) участок «Уллу-агач»,
- 2) —«— «Урели»,
- 3) часть участка «Думала»,
- 4) часть участка «Аккач»,
- 5) часть участка «Мылыбиченлик».

Сыновья Асламбека Хангери и Давлетгери Суншевы, по смерти его, поделили его землю следующим образом:

Хангерий получил:

- 1) 1/2 доли Асламбека в «Думала»,
- 2) весь участок «Урели».

Давлетгери получил:

- 1) другую половину доли Асламбека в «Думала»,
- 2) участок «Аккач»,
- 3) участок «Уллу-Агач».

Фатима Шакманова получила:

- 1) часть участка «Думала»,
- 2) —«—«— «Ак-кач»,
- 3) —«—«— «Мылыбиченлик».

Хажикиз Абаева получила:

Часть участка «Думала», каковую часть сын Хажикиз – Беппи Абаев продал лет 30 тому назад Девлетгирею Суншеву.

Токий Барасбиева доли свои продала другим Суншевым, и ныне ее потомкам в родовых землях Суншевых ничего не принадлежит.

Что касается до потомков Бекмурзы Суншева, то раздел земельной доли Бекмурзы произошел впервые при сыновьях его внука Казия: Кайсыне, Омаре, Магомете, Огурлу, Тенгизе и Муссе, причем:

1) Магомету достались участки «Джабышта» и «Беккам», уезжая в Турцию, Магомет участок «Беккам» продал своим братьям Кайсыну и Тенгизу Суншевым, а участок «Джабышта» продал хуламцам – узденям Жабоевым.

2) Омару и Муссе достались участки: «Джора», «Джидри» и «Сагустиан».

Омар и Мусса впоследствии поделились, причем:

а) на долю Омара Суншева пришли участки «Джидри» и «Сагустиан», проданные им в 1869 году при отъезде в Турцию хуламским узденям Жабоевым;

б) на долю Муссы Суншева пришелся участок «Джора».

3) Кайсыну и Тенгизу достались участки: «Уллу-ауз» и «Чегет-Джора».

Кроме того, Кайсын и Тенгиз купили у брата своего Магомета, уезжавшего в Турцию, участок «Беккам».

Наследники Кайсына и Тенгиза разделили принадлежащие им земли «Уллу-ауз», «Чегет-Джора» и «Беккам» таким образом, что каждый участок был поделен пополам, и одна половина пошла Тенгизу, а другая — наследникам Кайсына.

4) 6-й сын Казия Огурлу Суншев умер до раздела, холостым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как же должно быть резюмируемо все сказанное нами выше?
Мы утверждаем, что

1) все земли, находящиеся в Пяти горских обществах Нальчикского округа и подразумеваемые комиссией в пунктах 1 и 3 «Проекта о земельных правах сельских обществ, отдельных членов их и лиц, не принадлежащих к этим обществам», составляют ныне, за силою ст. 533 I ч. X т. св. зак. и решений гражданского кассационного департамента правительствующего сената 1887 г. № 85, 1884 г. № 72 и 1868 г. № 449, неотъемлемую собственность их владельцев, безотносительно к месту жительства этих владельцев;

2) земли, указанные в п. 2 означенного «проекта» и состоящие ныне в обладании Пяти горских обществ, как лиц юридических, составляют собой собственность этих обществ;

3) ввиду отсутствия в горском землевладении по отношению хоть одного какого-нибудь клочка земли, условий», требуемых 406 ст. I ч. X т., по прямому и ясному смыслу закона (ст. 574 ч. I т. X), ни одна пядь земли в наших горах не может быть признана казенной;

4) общий дух составленных комиссией «проектов» идет вразрез с той аграрной политикой, которой придерживается русское правительство с момента опубликования именного высочайшего указа 9 ноября 1906 года.

Мы обращаем внимание комиссии на те непреодолимые препятствия и неисчислимы бедствия, которые повлекли бы за собой осуществление проектов, комиссией составленных. Классификация земель, принятая комиссией, проведена в жизнь быть не может: у нас в горах нет покоса, который не был бы «обработан посредством очистки от камней»; наши усадьбы, постройки, огороды, клочки орошаемой земли разбросаны по всем землям нашим, и многие из нас живут ныне оседло именно на тех участках земли, которые комиссия предполагает передать в распоряжение правительства.

Нам могут сказать, что согласно «проекту о направлении земельных споров» комиссия и не предполагает у нас что-либо отнять без суда, что если наше утверждение о том, что мы собственники владеемых нами земель, верно, то это будет, конечно, доказано нами в суде.

Надо ли говорить, что направление разрешения нашего земельного вопроса в суде равносильно полному разорению большинства из нас? Комиссия в своей «ведомости по земельным участкам» дала не вполне верную картину нашего землевладения – в массе оно не крупное, а мелкое. Участки, указанные комиссией, во многих случаях надо раздробить на десятки частей, чтобы получить фактические объекты обладания, а и эти последние почти всегда являются общей собственностью нескольких. Для всех этих малоимущих лиц путь судебного доказательства своих прав закрыт или равносителен разорению. Неужели комиссия своим «проектом» хотела дать преимущество богатым в нашей среде перед неимущей и бедствующей остальной ее массой?

Осуществление «проекта» комиссии было бы едва ли и справедливо: ведь в земли, долженствующие поступить в распоряжение правительства, многие из нас вложили все свое достояние. Чтобы купить тот или другой клочок их, продавалось часто все, что имелось в горах: и сабаны, и биченлики, и часть другого имущества. Земли эти испокон веков составляют объекты гражданского оборота у нас в горах, и изъятие их от нас было бы катастрофой в такой же мере моральной, как и материальной.

«Ныне вопрос этот» (земельный, в местностях военного народного управления), говорит во всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем наместник его императорского величества на Кавказе гр. Воронцов-Дашков 1907 года (стр. 57), «по нашему мнению, не должен вызывать никаких осложнений. Всех отдельных землевладельцев необходимо признать за собственников земель их фактического владения. В данном случае в таком направлении вопроса мы видим лишь развитие упомянутого выше высочайшего рескрипта князю Воронцову».

Мы с своей стороны к этим словам могли бы прибавить, что подобное разрешение земельного вопроса в Пяти горских обществах Нальчикского округа явилось бы единственно справедливым во всех отношениях его разрешением, и, будучи проведено в административно-законодательном порядке, спасло бы многих из нас от разорения, дав возможность передать детям нашим землю, в которую вложили столько личного труда и материальных средств их отцы и предки.

Все изложенное побуждает нас просить «комиссию по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области» об изменении составленного ею «проекта о земельных правах сельских обществ, отдельных членов их и лиц, не принадлежавших к этим обществам», в части, касающейся Пяти горских обществ Нальчикского округа, в смысле признания за лицами, владеющими ныне в горах Нальчикского округа Терской области землей, в чем бы эта земля ни заключалась (кышлык, джайлых, биченлик, сабан), права собственности (ст. 420–430 I ч. X т.) на земли их фактического владения, безотносительно к тому, будут ли эти лица юридические (сельские общества) или физические и будут ли эти лица (физические) приписаны к тому или другому сельскому обществу или нет.

Приложение: 17 копий документов⁴¹. Подлинники могут быть представлены по первому требованию комиссии.

Землевладельцы горских обществ Нальчикского округа и землевладельцы кабардинские князья того же округа: князь Тау-Султан Магометович Наурузов, Князь Адиль-Гирей Атажукин, К. Атажук Атажукин, Тенгиз Суншев, Мусса Суншев, Давлетгерий Суншев, Хангерий Суншев, Кермахан Суншева, Наго Суншева, Забитхан Суншева, Абидат Карабугаева, Фатимат Шакманова, Кесамхан Шакманова, Эльмесхан Шакманова, Нальжуз Абаева, Якуб Гаев, Муштуй Гаев, Гуча Гаев, Хантук Гаев, Сокур Гаев, Бенелий Гаев, Дура Гаев, Чокур Рахаев, Слам Боттаев, Холкибий Боттаев, Банток Боттаев, Махай Боттаев, Жашко Боттаев, Мушкой Рахаев, Жашу Жебоев, Х. Иналук Жабоев, Паша Жабоев, Чорттай Жабоев, Таусо Жабоев, Тенгиз Жабоев, Абубекир Жабоев, Минчак Жабоев, Мусса Жабоев, Атох Жабоев, Исса Жабоев, Х. Конак Созаев, Жахой Созаев, Жоражу Созаев, Карау Созаев, Х. Исхак Созаев, Отар Созаев, Карамурза Созаев, Канау Созаев, Татау Созаев, Бекмурза Созаев, Хачук Созаев, Коспо Созаев, Ордан Битиров, Шохай Битиров, Даут Битиров, Мирта Битиров, Кадиль Битиров, Алий Битиров, Адиль Битиров, Юсуп Битиров, Тетора Битиров, Бетирбек Битиров, Султанбек Битиров, Огурлу Битиров, Шалук Битиров, Сошай Гиргоков, Кичинау Созаев, Зулкарней Махиев, Шешбау Битиров, Олий Исхаков, Курманбий Кучмезов, Мурзабек Шакманов, Конак Хажий Калабеков, Осман Калабеков, Алий Мирзаев, Келемет Жаурмезов, Даут Озроков, Ногай Ходжий Озроков, Хамзат Ку-

даев, Бекмурза Газаев, Эльмесхан Кучмазукина, Шимаил Гилястанов, Тумак Газаев, Лукам Газаев, Каллы Газаев, Солтан Хамид Жоноров, Таукан Мзаев, Елькон Мзаев, Заурбек Шакманов, Козий Шакманов, Шуха Кучмезов, Тугий Атабиев, Байруку Атабиев, Тетора Атабиев, Коммой Атабиев, Адиль Атабиев, Мажу Атабиев, Таусо Атабиев, Мисост Атабиев, Отар Атабиев, Дыню Атабиев, Токай Атабиев, Шио Атабиев, Абола Атабиев, Байкиши Атабиев, Шалук Атабиев, Магомет Атабиев, Хуртту Мишаев, Хамза Атабиев, Герий Мишаев, [Маима – ?] Мишаев, Бинегер Гиргоков, Алий Гиргоков, Хажиомар Гиргоков, Ахой Гиргоков, Омар Гиргоков, Герий Гиргоков, Гиляхстан Гиргоков, Джанболат Аттаев, Нуннай Аттаев, Аччи Аттаев, Межяй Аттаев, Омар Аттаев, Чибчик Геккиев, Исмаил Гиргоков, Асланток Геккиев, Гежи Геккиев, Магомет-Герий Геккиев, Наршау Геккиев, Буштук Геккиев, Гиччолам Геккиев, Козу Геккиев, Алий Мурза Геккиев, Бутук Геккиев, Ахмат Геккиев, Джашарбек Геккиев, а за них неграмотных по их личной просьбе расписался Магомет-Гирей Суншев. Таубий Дадаш Балкароков. Уздень Тебо Кудаев. Джарахмат Шакманов. Таубий Басьят (он же Борис) Шаханов.

Балкарское общество

Бадинат Абаев, Анзор Абаев, Хасанбий Абаев, Асланалий Абаев, Жанхот Абаев, Таусултан Амирханов, Умар Амирханов, Аскербий Амирханов, Нохтар Боташев, Каншау Боташев, Шитхан Боташев, Умар Биканов, Татау Биканов, Кулчук Биканов, Адиль Мисаков, Аслангерий Мисаков, Шабаз Мисаков, Баттал Мисаков, Карашай Мисаков, Исмаил Мисаков, Хажимурза Мисаков, Магомет Мисаков, Хажиомар Мисаков, Ибак Мисаков, Далхат Мисаков, Мусса Забаков, Калган Забаков, Геля Забаков, Жума Забаков, Шабаз Забаков, Аго Забаков, Адиль Забаков, Гоммай Табахсоев, Магомет Табахсоев, Кайта Табахсоев, Султан Абаев, Бекмурза Мисаков, Азамат Мисаков, Кайтук Мисаков, Касполат Мисаков, Закерия Мисаков, Магомет Мисаков, Махай Мисаков, Сарибий Мисаков, Барасбий Мисаков, Ханбий Мисаков, Каншау Мусуков, Кучук Мусуков, Теух Мусуков, Омар Мусуков, Байтуган Мусуков, Сосран Абаев, Мехет-хажи Табулатов, Бичо Мисиров, Махет Мисиров, Ахмат Мисиров, Сарабий Мисиров, Омар Мисиров, Акбаш Сараккуев, Баттал Сараккуев, Таукан

Шаханов, Акбаш Шаханов, Тенгиз Шаханов, Магометмирза Шаханов, Кекей Хасаев, Гилястан Шаханов, Хаджи Жанхотов, Кумук Жанхотов, Таукан Жанхотов, Эльбузук Жанхотов, Каншаубий Жанхотов, Хадшук Жанхотов, Лахчук Жанхотов, Таубий Жанхотов, Баделиходжий Биев, Сафар-Алий Биев, Хажиомар Биев, Сарибий Айдебулов, Паша Айдебулов, Алихан Айдебулов, Асланбек Айдебулов, Анзор Айдебулов, Магомет Айдебулов, Жанбек Айдебулов, Ахмат Атгасаов, Батырбий Атгасаов, Ахбаш Атгасаов, Эльмурза Атгасаов, Ортабай Оразаев, Хаджий Оразаев, Мусса Оразаев, Хаджи Наршауов, Дугай Наршауов, Ильяс Жангуланов, Хахой Наршауов, Гогия Зарашев, Аслангерий Женоков, Беппо Жилкибаев, Алака Жилкибаев, Исмаил Жилкибаев, Трама Жилкибаев, Кучук Жилкибаев, Кучук Жилкибаев, Хажий Жилкибаев, Мусса Азаматов, Хамзат Азаматов, Батыр Азаматов, Миммо Башиев, Кден Хаджий Мисиров, Дидин Гузоев, Батыр-Хажий Негеров, Махет Негеров, Каракиши Атабиев, Эльмурза Маммеев, Голой Маммеев, Акой-Хажи Жангуразов, Тахир-Хажи Жангуразов, Сукул Жангуразов, Огурлу Хажи Жангуразов, Цефелеу Жангуразов, Таукан Жангуразов, Умар Жангуразов, Шохайб Картлыков, Умар Темуккуев, Чижу Кужанов, Биту Азаматов, Алий Азамагов, Гажон Азаматов, Каннуй Азаматов, Идрис Темиржанов, Борис Темиржанов, Хаджимурза Мисиров, Акбаш Чофанов, Канболат Эхчиев, Табмур Жангуразов, Баймурза Улбашев, Аслануко Улбашев, Хажий Атабиев, Бора Атабиев, Кишилик Атабиев, Шуна Атабиев, Нонай Атабиев, Цукул Бинегеров, Голой Мамаев, Архот Мамаев, Акбаш Абаев, Бепий Мамаев, Каншаубий Мамаев, Таукан Темирканов и Хамбий Темирканов, а за них неграмотных по их просьбе расписался Магомет-Гирей Суншев.

Чегемское общество

Мусса Барасбиев, Бекмурза Балкароков, Жунус Мамашев, Асхад Мамашев, Жанбот Ахматов, Кубадий Хаджий Ахматов, Барисбий Хаджий Барасбиев, Асланбек Кучуков, Иналук Балкароков, Жанбот Балкароков, Кубадий Ахматов, Жунюс Ахматов, Кайсын Ахматов, Касим Ахматов, Тимжаш Ахматов, Нух Ахматов, Атыкуш Ахматов, Казий Ахматов, Локман Ахматов, Миши Ахматов, Исмаил Ахматов, Х. Бекмурза Барасбиев, Эдик Ахматов, Шохай Ахматов, Якуб Ахматов, Татау Анаев, Баксанук

Анаев, Кубадий Анаев, Кука Анаев, Хамзат Анаев, Кечмен Анаев, Ногай Анаев, Аслангерий Кучуков, Сафар-Алий Кучуков, Озир Ахматов, Гиляу Ахматов, Махмуд Ахматов, Махай Ахматов, Чопе Ахматов, Басият Эмуев, Кулчуко Барасбиев, Кашинау Барасбиев, Паша Балкароков, Аслан Ахматов, Асланбек Ахматов, Юсуф Ахматов Баймурза Кучуков, Тенгизбий Кучуков, Солтан Кучуков, Шуа Кучуков, Адильгерий Кучуков, Чопе Хаджий Келеметов, Исхак Келеметов, Нану Келеметов, Исмаил Хажий Келеметов, Мимбулат Келеметов, Таубий Келеметов, Мусса Келеметов, Токмак Беккиев, Омар Хаджий Эдоков, Аслангерий Мурачаев, Аслан Хаджий Мирзаев, Солтан Мирзаев, Даут Мирзаев, Аче Мирзаев, Омар Мирзаев, Чипай Хажи Мирзаев, Чубок Беккиев, Тауса Кулиев, Гашу Толгуров, Жамбот Толгуров, Ботока Толгуров, Ботока Толгуров, Алий Толгуров, Ахья Толгуров, Бузо Толгуров, Зута Толгуров, Алий Озроков, Очай Кулиев, Дока Кулиев, Ахман Кулиев, Шуа Кулиев, Атабий Кулиев, Мирзакул Кулиев, Касай Кулиев, Мамбет Газаев, Докшуко Газаев, Таусултан Газаев, Ахтуган Газаев, Бердибий Мурачаев, Тенгиз Мурачаев, Бияслан Мурачаев, Калагерий Соттаев, Бибо Соттаев, Адильгерий Соттаев, Жамбулат Соттаев, Хами Балкароков, Исмаил Балкароков, Асланбек Балкароков, Хаджи-Смаил Балкароков, Кекей Тудуев, Асланбий Тудуев, Гиргок Тудуев, Чопе Тудуев, Мусака Тудуев, Асланбек Тудуев, Эсенбий Аккаев, Таус Беккиев, Биберд Беккиев, Жаппай Бекиев, Женюс Кудаев, Омар К. Кудаев, Алий Жулбаев, Ислам Кудаев, Чепелеу Кудаев, Казий Келеметов, Нану Кучуков, Темиржан Кулиев, Каспор Байрамов, Конак Хажий Калобеков, Осман Калобеков, Алий Мизаев, Келемет Жаубермезов, Даут Озроков, Ногай Хаджий Озроков, Хамзат Кудаев, Биаслан Кудаев, Бекмурза Гошаев, Эльмесхан Кучмазукина, Шамаил Геляхстанов, Экулай Геляхстанов, Тумак Газаев, Лукан Газаев, Каллы Газаев, Солтан Хамид Жоноров, Таукан Мзаев, Елькон Мзаев, Заурбек Шакманов, Казий Шакманов, Шуа Кучмезов, Тугуй Атабиев, Байруку Атабиев, Качу Атабиев, Дыбынк Атабиев, Тетора Атабиев, Коммой Атабиев, Адиль Атабиев, Мажу Атабиев, Таусо Атабиев, Мисост Атабиев, Отар Атабиев, Дыню Атабиев, Токай Атабиев, Шио Атабиев, Абола Атабиев, Бакиши Атабиев, Шалук Атабиев, Магомед Атабиев, Хуртту Мишаев, Хамза Атабиев, Герий Мишаев, Адильгерий Мишаев, Бинегер Гиргоков, Алий Гиргоков, Хажиомар Гиргоков, Жанугок Гиргоков, Ахой Гиргоков, Омар Гиргоков,

Хазана Гиргоков, Герий Гиргоков, Гилястан Гиргоков, Джанболат Аттаев, Луннай Аттаев, Аччи Аттаев, Межя Аттаев, Омар Аттаев, Чибчик Геккиев, Исмаил Гиргоков, Асланток Геккиев, Гежи Геккиев, Магомет-Герий Геккиев, Наршау Геккиев, Буштук Геккиев, Гиччолам Геккиев, Козу Геккиев, Алий Мурза Геккиев, Бутук Геккиев, Джашарбек Геккиев, а за них неграмотных по их личной просьбе расписался Магомет Гирей Суншев. Таубий Дадаш Балкароков, уздень Тебо Кудаев, Джарахмат Шакманов, таубий Басят (он же Борис) Шаханов.

Дополнение к «Возражению Абрамовской комиссии»,
обнаруженное историком Баразбиевым М. И.*

* Приводим полностью преамбулу публикации **Баразбиева М. И. Приложение к «Объяснению землевладельцев Пяти горских обществ Нальчикского округа на проект комиссии по разрешению земельного вопроса в горах» («Архивы и общество», Нальчик, 2009, № 9):** «В 1991 году Т.Ш. Биттирова опубликовала книгу «Шаханов Б.А. Избранная публицистика», в которой рассмотрела основные этапы биографии и публицистические произведения этого выдающегося общественно-политического деятеля Северного Кавказа первой четверти XX столетия. Особое место среди опубликованных в данном издании произведений Басията Абаевича Шаханова занимает «Возражение Пяти горских обществ Абрамовской комиссии», в котором содержится богатейший историко-этнографический материал по дореволюционной Балкарии.

Написание «Возражения» явилось закономерной реакцией Б.А. Шаханова на проект комиссии, изучавшей земельный вопрос в горских районах Терской области в 1906-1908гг. и возглавляемой председателем Я.Абрамовым, которая отрицала за балкарскими землевладельцами права частной собственности на землю и пыталась объявить все горские земли собственностью казны. Шаханов от имени 490 балкарских землевладельцев в 1909 г. в газете «Терек» опубликовал «Возражение землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса», где довольно убедительно сумел доказать, что в Балкарии издавна существовала частная собственность на землю. Благодаря этому Абрамовская комиссия была вынуждена выработать проект землеустройства Балкарии с признанием за местным населением права частной собственности на землю.

Материалы, составившие основу «Возражения» находятся на хранении в Центральном государственном архиве республики Северная Осетия–Алания (ЦГА РСО-А) и Центральном государственном историческом архиве Грузии. Мы имели возможность изучить материалы, хранящиеся в ЦГА РСО–А. Так, в фонде №270 имеется документ под названием «Объяснение землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа на проект комиссии по разрешению земельного вопроса в горах, о поземельных правах горцев; прошения жителей о наделении землей (Имеются четыре чертежа Кабардинских фамилий)», датированный октябрем-ноябрем 1908 года. Указанное в заглавии дела «Объяснение землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа на проект комиссии по разрешению земельного вопроса в горах» полностью соответствует содержанию, опубликованному Т. Ш. Биттировой «Возражения». Раздел «О по-

«Гестенты».

Земельный участок Кучуковых Каншаовичей, приобретенный Каншаом Кучуковым покупкой. 1908 г.

1. Земельный участок под названием «Гестенты», расположенный в ущелье «Гестенаузу» по обеим берегам р. Гестенау в границах с востока земель Каншауовых, с запада Мурзабека Шавген-оглы, с юга земля Джумаку Мирзаева и с севера земля под названием «Зидрагит» Баймурзаевых. Площадь этого земельного участка 231 десятина.

2. В имении этом следующие угодья: покосы, пахоты, огороды, пастбища. Устроено хозяйство, имеются каменные дома, мельница и хутор. Устроено искусственное орошение.

земельных правах горцев» содержит копии документов, подтверждающих права землевладельцев Балкарии на их земельные участки. Часть этих документов Т. Ш. Биттирова опубликовала в комментариях к книге о Б. А. Шаханове.

Вместе с тем следует отметить, что в упоминаемом деле отсутствуют заявленные в нем документальные материалы из раздела «Прошения жителей о наделении землей», что, по-видимому, и не позволило Т.Ш. Биттировой опубликовать их вместе с другими. По неизвестной причине эти материалы оказались на хранении в качестве отдельных дел ЦГА РСО–А в фонде №8. Представляется, что публикация этих документов представляет несомненный научный интерес, так как в них ярко демонстрируется характер приобретения и использования различных земельных участков на территории Балкарии. Вместе с тем ценность рассматриваемым документам прибавляет и то, что в них присутствуют генеалогические схемы представителей четырех фамилий, владевших земельными участками в Балкарии.

При этом следует отметить, что в названии раздела имеется определенная неточность, так как в нем отмечено, что «Имеются четыре чертежа кабардинских фамилий», тогда как из четырех генеалогических схем три представляют балкарские фамилии Чегемского ущелья и только одна является схемой одной из ветвей кабардинских князей Атажукиных.

Предлагаемые тексты даются в новой орфографии с сохранением стилистических особенностей и транскрипцией собственных имен, географических названий и терминов в соответствии с оригиналом. Для удобства публикации генеалогические схемы переработаны нами в поколенные росписи, в которых каждый член рода обозначается порядковым номером. Если в схеме указывались представительницы рода с обозначением фамилий мужей, то в росписи к их отчеству прибавляется и фамилия мужа. В росписи балкарских князей Кучуковых под № 35/21 присутствует потомок рода по женской линии Каншау Келеметов, указанный в схеме, так как являлся наследником земельного участка, доставшегося от своей матери Кокей Каншаовны Кучуковой. В росписи кабардинских князей Атажукиных под №10/4 выделена вдова князя Асланбека Атажуковича Атажукина – Айшат, являвшаяся одной из наследниц его земель.

3. Земля «Гестенты» первоначально была приобретена покупкою дедом Хаджи-Муссы, Солтана, Адильгирея, Шуа Кучуковых и отцом Асланбека Каншау Кучуковым в 1248 году по арабскому летоисчислению (имеется грамота). По смерти Каншау Кучукова земля досталась по праву законного наследства сыновьям его Измаилу, Магомету, Асланбеку и Гелястану; последний умер, не оставив после себя детей. Затем земля была поделена между совладельцами, причем возник спор из-за части Гиляхстана, и так как он, покойный Гиляхстан, был единоутробный брат Асланбека, то по решению Горского Словесного суда была доля Геляхстана присуждена Асланбеку. Поэтому половину «Гестенты» получил Асланбек, а Измаил и Магомет по 1/4 части.

По смерти Измаила и Магомета эти части достались их детям (см. родословное древо). На долю Асланбека достались участки: «Кюндюм-тюз», «Чегет-тюз», «Келле», «Мысты-баши», «Тау-орун».

Дети Магомета получили участки: «Огары-тюз» и «Мысты-лар» и дети Измаила: верхнюю часть «Тебен-тюз», половину «Мысты-лар», «Оба-тюз», «Тохана» и «Айланчла»

4. Настоящие владельцы: Асланбек, Хажимусса, Адильгирей, Султан и Шуа, приобрели право сонаследниц на «Гестенты», уступивши им другие земли в местностях «Кек-таш» и «Бопу».

5. «Гестенты», как гласит предание и поется в народной песне принадлежал сильной фамилии чегемских Рачикаовых, современников чегемских таубиев – братьев Келемет и Ачахмат Актугановичей Балкароковых, которыми на почве земельного спора род Рачикаовых и был истреблен именно на «Гестенты».

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа – Таубии Тенгиз Суншев, Кубади-Хаджи Барасбиев, Анзор Айдаболов, Асланбек Кучуков, Мусса Келеметов, и уздень Умир-Хаджи Эдоков, и за них неграмотных по доверию и за себя расписался Дадаш Балкароков, уздень Тебо Кудав.

«Зырдагит».

Родовая земля Чегемских таубиев Нальчикского округа, Терской области Кучуковых. 1908 г.

Заключает в себе 1100 десятин земли. Граница этого участка: со стороны князей Атажукиных – хребет «Кыбдын-Сырт», со стороны Кулиевых – развалины старинных построек, носящих

название «Чек-Стауат», хребет «Джабаги-Учхан-Сырт», со стороны Атажукиных перевал «Аиры-Агач-Кез», со стороны Балкароковых – гора «Аиры-Баши-Сырт», со стороны Барасбиевых – хребет «Зрин-Ауан», хребет «Кайшти», со стороны Аслангери Кучукова – хребет «Ханслы-Кол-Сырт».

Участок земли этой имеет следующие угодья: преимущественно покос и пастьба, имеются пахотные земли и лес. Ведется хозяйство, заключающееся в скотоводстве, коневодстве и овцеводстве. Имеются каменные постройки.

Владельцы имения: Асланбек, Хаджимусса, Адильгери, Мисирхан (по мужу Шакманова), Аслангери, Сафарали, Гогуш (по мужу Келеметова), Хажихан (по мужу Балкарокова), Баймурза и Тенгизби.

Участок земли составляет наследие от предка Кучука, от которого по праву законного наследства земля досталась Магомету и Тенгизбию; от этих земля перешла Сафарали, Джамулату и Мисосту, которые поделили на самостоятельные участки.

После этого участок земли названных братьев в порядке постепенного законного наследования согласно обычая, получили их потомки (см. родословное древо). Причем потомок Джамулата Али, уезжая в Турцию, продал с разрешения брата своего Сарбия, Баймурзе и Тенгизбию Кучуковым свою часть.

Также нужно заметить, что Шуа и Султан всю следуемую им часть земли из «Зирдагита» отдали Кябахан Балкароковой, за что сами получили следуемые ей части из других родовых участков по праву «Тереке».

Эти участки, в целом или частями, сдавались в бегенде (Асланбек сдавал в продолжении 10 лет Джумаю Татаеву, от которого землю выкупили Баймурза и Тенгизбий, от которых выкупил свою землю Асланбек), а также в аренду (Хаджимусса и Адильгери сдают разным).

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа – таубии Тенгиз Суншев, Кубади-Хаджи Барасбиев, Анзор Айдаболов, Асланбек Кучуков, Мусса Келеметов, и уздень Умир-Хаджи Эдоков, и за них неграмотных по доверию и за себя расписался Дадаш Балкароков, уздень Тебо Кудавев.

Родословное древо Чегемских таубиев Нальчикского округа Кучуковых

1. Кучук.
- 2/1. Магомет Кучукович.
- 3/1. Тенгизби Кучукович.
- 4/2. Сафарали Магометович.
- 5/2. Джамбулат Магометович.
- 6/3. Мисост Тенгизбиевич.
- 7/4. Эдик Сафаралиевич.
- 8/4. Каншау Сафаралиевич.
- 9/5. Тембулат Джамбулатович.
- 10/6. Кучук Мисостович.
- 11/7. Н. Эдиковна.
- 12/7. Наго Эдиковна.
- 13/7. Джалдуз Эдиковна.
- 14/7. Джангоса Эдиковна.
- 15/7. Налмасхан Эдиковна.
- 16/8. Измаил Каншаович.
- 17/8. Магомет Каншаович.
- 18/8. Асланбек Каншаович.
- 19/8. Пашахан Каншаовна Суншева.
- 20/8. Кябахан Каншаовна.
- 21/8. Кокей Каншаовна Келеметова.
- 22/9. Алий Тембулатович.
- 23/9. Келемет Тембулатович.
- 24/9. Сарби Тембулатович.
- 25/10. Баймурза Кучукович.
- 26/10. Тенгизби Кучукович.
- 27/10. Кябасарай Кучуковна.
- 28/10. Гогуш Кучуковна.
- 29/16. Шуа Измаилович.
- 30/16. Султан Измаилович.
- 31/16. Даумхан Измаиловна.
- 32/17. Хаджимусса Магометович.
- 33/17. Адильгери Магометович.
- 34/17. Мисирхан Магометовна.
- 35/21. Каншау Келеметов.
- 36/23. Мусса Келеметович.
- 37/23. Паго Келеметович.

- 38/23. Ача Келеметовна.
- 39/23. Диго Келеметовна.
- 40/23. Айшат Келеметовна.
- 41/24. Сафарали Сарбиевич.
- 42/24. Аслангери Сарбиевич.
- 42/24. Хажихан Сарбиевна.
- 43/24. Гогуш Сарбиевна.

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа: Таубии – Тенгиз Суншев, Кубади-Хажии Барасбиев, Асланбек Кучуков, Дадаш Балкароков, Мусса Келеметов; Уздени: Уля-Хажии Эдоков, а за них неграмотных и за себя расписался Таубий Дадаш Докшокович Балкароков, уздень Тебо Кудаев. (ЦГА РСО-А, ф.- 8, оп.-1, д.-167)

«Сары-тюз».
Купленная земля князей Атажукиных
Нальчикского округа. 1908 г.

1) «Сары-тюз», заключая в себе 600 десятин земли расположен в Баксанском ущелье на левом берегу р. Баксана.

2) Границы его: с юга р. Баксан, с востока участок тех же князей Атажукиных Алмалы, с севера скала «Ак-Кая», с запада хребет «Мстылы-Кол-Сырты» и с юго-запада р. Гижгит-Су.

3) Угодья: покосы и пастбища. Устроено искусственное орошение, хуторные постройки.

4) Князь Касай Атажукин купил эту землю у Чегемских таубиев Балкароковых, от которых в порядке наследования получил его внук князь Асланбек. Он отдал «Сары-Тюз» на бегендном праве сначала Таубию Иналуку Балкарокову, а затем Жапуевым. После смерти Асланбека «Сары-Тюз» поступил во владение жены Асланбека – Айшат и сыновей: Мисоста, Таусултана, Адиль-Гирея и Атажуко, которые участок выкупили и отдали в аренду Хажидауту Этезову.

Мисост и Таусултан умерли. Настоящие владельцы «Сары-Тюза»: Айшат, Адиль-Гирей и Атажуко Атажукины, которым принадлежит и право сестры Асланбека Жан, получившей следующее наследство другим имуществом.

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа – таубии: Тенгиз Суншев, Кубади-Хажии Барисбиев,

Анзор Айдеболов, Асланбек Кучуков, Муса Келеметов, и за них неграмотных и за себя расписался Таубий Дадаш Докшокович Балкароков. Уздень Тебо Кудаев.

Родословие князей Атажукиных Касаевичей Нальчикского округа

1. Касай.
- 2/1. Атажук Касаевич.
- 3/1. Алий Касаевич.
- 4/2. Асланбек Атажукович.
- 5/2. Жан Атажуковна.
- 6/4. Мисост Асланбекович.
- 7/4. Таусултан Асланбекович.
- 8/4. Адиль-Гирей Асланбекович.
- 9/4. Атажук Асланбекович.
- 10/4. Жена Асланбека – Айшат.

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа – Таубии: Тенгиз Суншев, Кубади-Хажи Барасбиев, Асланбек Кучуков, Анзор Айдеболов, Дадаш Балкароков и Мусса Келеметов; Уздени: Уля-хажи Эдоков, а за них неграмотных и за себя расписался Таубий Дадаш Докшокович Балкароков. Уздень Тебо Кудаев. (ЦГА РСО–А, ф. 8, оп. 1, д. 168.)

«Кала-Кол» и «Жанги-Бау». Родовые земли Чегемских таубиев Нальчикского округа, Терской области Балкароковых. 1908 г.

1) «Кала-Кол» и «Жанги-Бау» в порядке наследования достались братьям Келиммету и Ачахмату (шестое поколение от Ипара по нисходящей линии). При разделе Ачахмату достался «Кала-Кол», а Келиммету – «Жанги-Бау».

«Кала-Кол»

2) Заклячая в себе 900 дес. земли, расположен в Баксанском ущелье, на правом берегу р. Баксан, в местности Быллым.

3) Его границы: со стороны Ахматовых и К. Атажукиных скала «Ак-Кая», хребет «Таш-Терек» и р. Баксан; Кучуковых,

Озроковых и выгона поселка Озроково – р. «Лезгур-Кол-Су» и Барасбиевых – перевал «Агач-Баши-Кез».

4) «Кала-Кол» состоит из участков: «Мстылы-Кол», «Таллы», «Сабаллык», «Агач-Баши», «Лезгур», «Чегет», «Жель-дорбун», «Кала-тюб», «Огары-жага», «Тебен-жага», «Мыстылы-су-жаны», «Кала-кол-су-жаны», «Лезгур-кол-су-жаны».

Угодья: покосы, пастбища, дровяной лиственный лес и пашня.

5) Земля эта в порядке наследования досталась сыновьям внуков Ачакмата: Маммета-Умару, Мурзакулу и Саламгериию и Мусы-Казиию и Бияслану, которые сначала разделили ее на две части между Мамметовичами и Мусаевичами, а затем первые разделили на три, а вторые на две.

6) Мамметовичи своей сестре Туппук выделили по «тереке» часть из участка «Када-кол-су-жаны», которая в настоящее время находится во владении ее мужа таубия Балкарского общества Хажии Абаева и он ее сдает в аренду Тюкбашу Афошокову.

7) Саламгерий продал свои части: на «Огары-жага» Казиию Шаваяеву и Жанботу Афошокову, «Тебен-жага» Жандару Толгурову и часть «Кала-тюбии» Алиию Толгурову. Он свою часть на «Кала-кол-су-жаны» отдал Тамиру Аттакуюеву на бегендном праве.

Умар свою часть на «Огары-жага» продал Маилу Толгурову.

Все три: Умар, Саламгерий и Мурзакул вместе участок «Мстылы-кол-жаны» продали Баксануку и Тыкыру Суншевым и Маилу Толгурову с братьями.

После смерти Умара его часть перешла к детям его.

8) После смерти Мурзакула его сыновья Алиий и Асланбек разделили землю между собой на две части: до раздела отдали участок «Лезгур-кол-су-жаны» жене Асланбека в уплату «калыма».

9) Казий Мусаевич часть земли отдал в бегенд Афашоковым и при своей жизни отделил сыновей – Докшука и Жанбота, причем «Кала-кол» отдал им в наследство и своим сестрам Залихану Урусбиевой и Алтынчач Тамбиевой по тереке, приняв на своих дочерей т.е. на свою долю, заключающуюся в известных частях участков «Жуунгу», «Тызги» и «Нумала», крестьянах и в движимом имуществе (имеется раздельный акт).

Докшуку и Жанбот купили право Алтын-Чач и Залихана.

10) Докшуку умер раньше Казия, оставив малолетних сына Дадаша и дочь Балдан. Между Казием и опекуном малолетних

возник спор о «Кала-коле», который был решен Нальчикским Горским судом в пользу малолетних.

11) Бияслан участок «Кала-кол-су-жаны» подарил Тагиру Афашокову, а остальную часть продал уезжая в Турцию в 1870 г. Исхаку Балкорокову, но Жанбот и опекун Дадаша по праву ближайшего единородца выкупили ее от Исхака, доказавши это право судом.

Жанбот и Дадаш выкупили и участки, находившиеся на протяжении 80 лет в бегенде у Афашоковых.

12) Настоящие владельцы «Кала-кол»: Жанбот, Дадаш, Саламгерий, Измаил с сестрами, Алий и Асланбек с сестрами.

13) В «Кала-кол» проведены дороги, некоторые участки обнесены (в 20-15-10-5 и т. д. дес.) каменными заборами, устроено искусственное орошение, разведены сады, имеется капитальный каменный дом, в котором живут Жанбот и Дадаш, обширные крытые и открытые скотные дворы (стены каменные).

Заведено хозяйство: коневодство, овцеводство и скотоводство (200 голов симментальской и швицкой пород), сыроварня, оборуванная по швейцарскому способу, в которой готовится швейцарского сыра до 700–800 пуд. ежегодно.

«Жанги-Бау»

1) Заклячая в себе 800 дес. земли, расположен между р. Баксаном и Чегемом в местности «Ак-кая-тюби».

2) Его границы: со стороны Акаевых балка «Синжили-кол» – Иналука Балкорокова скала «Ак-кая», – Бекмурза Балкорокова, хребет «Ташлы-сырт» до р. «Сын-орты-су», от которой по прямой линии через перевал «Хасты-Баши» до р. «Эбзеле-кырчан-ко-су», далее по хребту «Мисост-чегет-сырт», большой Чегемской дороги до местности «Жлик-уй».

3) «Жанги-Бау» состоит из участков: «Чунгурла», «Тамлы», «Бау-Баши-Шауданла», «Жалпак», «Шаудан-Баши-ташлы», «Асан-сырт», «Мисост-Чегет», «Крык-стауат», «Тюп-Чунгурла», «Узун-Бичеллик», «Жанги-Бау-жалпак», «Котур-жалпак», «Кюзги-тюп» и «Тебен-Мисост-Чегет».

Угодья: покосы, пастбища и пашни.

4) «Жанги-Бау» в порядке наследования достался Алию и Умару Келимметовичам, которые его между собой и поде-

лили, причем первые 7 участков (см. п. 3.) достались Алию, а остальные Умару.

По праву наследования часть Умара перешла настоящему владельцу Иналуку с сестрами, права которых он купил. Часть Алия тем же путем – к настоящим владельцам Малкаруку, Бекмурзе и Алию с сестрами (Алимурза умер бездетным). Малкарук отделился и получил участок «Мисост-Чегет».

5) В «Жанги-Бау» имеются каменные скотные дворы и прочие постройки для скота. Заведено хозяйство, состоящее из скотоводства, овцеводства и коневодства.

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа: таубии – Тенгиз Суншев, Кубади-Хажии Барасбиев, Анзор Айдаболов, Асланбек Кучуков, Муса Келеметов, и уздень Умар-Хажии Эдаков, и за них неграмотных по доверию и за себя расписался Таубий Дадаш Балкароков. Уздень Тебо Кудав.

Родословное древо Чегемских таубиев Нальчикского округа Балкароковых

1. Ипар.

2/1. Анфока Ипарович.

3/2. Жамурза Анфокович.

4/3. Балкарук Жамурзович.

5/4. Ахтуган Балкарукович.

6/5. Ачакмат Ахтуганович.

7/5. Келимет Ахтуганович.

8/6. Мудар Ачакматович.

9/6. Мурадин Ачакматович.

10/7. Алий Келиметович.

11/7. Умар Келиметович.

12/8. Маммет Мударович.

13/9. Мусса Мурадинович.

14/10. Крымшавхал Алиевич.

15/10. Ахтуган Алиевич.

16/10. Исмаил Алиевич.

17/10. Баташ Алиевич.

18/10. Мисост Алиевич.

19/11. Мамсур Умарович.

20/11. Бюнегер Умарович.

21/12. Саламгерий Мамметович.

22/12. Умар Мамметович.

- 23/12. Мурзакул Мамметович.
24/13. Биаслан Муссаевич.
25/13. Казий Муссаевич.
26/13. Алтын-Чачь Муссаевна Тамбиева.
27/13. Зали-Ханум Муссаевна Урусбиева.
28/13. Хассанаханум Муссаевна.
29/16. Асланбек Измаилович.
30/20. Жарахмат Бюнегеревич.
31/22. Таукан Умарович.
32/22. Измаил Умарович.
33/22. Бага Умаровна Кучукова.
34/22. Кала-Гоша Умаровна Кучукова.
35/23. Алий Мурзакулович.
36/23. Асланбек Мурзакулович.
37/23. Захрет Мурзакуловна.
38/23. Дикан Мурзакуловна.
39/23. Мукминат Мурзакуловна.
40/23. Ажа Мурзакуловна.
41/25. Докшука Казиевич.
42/25. Жанбот Казиевич.
43/25. Жаннет-Ханум Казиевна Урусбиева.
44/25. Жессан Казиевна Урусбиева.
45/25. Жалдиз-Ханум Казиевна Урусбиева.
46/25. Хабла-Ханум Казиевна Мамышева.
47/25. Жан Казиевна Суншева.
48/29. Келиммет Асланбекович.
49/29. Исхак Асланбекович.
50/30. Иналук Жарахматович.
51/30. Айша Жарахматовна Мисакова.
52/30. Жанеткиз Жарахматовна Карабашева.
53/30. Фатима Жарахматовна Барасбиева.
54/31. Шамкиз Таукановна.
55/41. Дадаш Докшукович.
56/41. Балдан Докшуковна Крым-Шамхалова.
57/49. Малкарук Исхакович.
58/49. Алиймурза Исхакович.
59/49. Бекмурза Исхакович.
60/49. Алий Исхакович.
61/49. Бийче Исхаковна.
62/49. Нашхо Исхаковна.
63/49. Айшат Исхаковна.

Доверенные землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа: таубии – Тенгиз Суншев, Кубади-Хажи Барасбиев, Асланбек Кучуков, Анзор Айдеболов, Дадаш Балкароков и Мусса Келеметов; и уздени Уляхажи Эдоков, а за них неграмотных и за себя расписался таубий Дадаш Докшокович Балкароков. Уздень Тебо Кудаев. (ЦГА РСО–А, ф. 8, оп. 1, д. 169.)

«Кудайланы-жайлык».
Родовая земля Чегемских узденей
Нальчикского округа Кудаевых. 1908 г.

1) «Кудайланы-жайлык», заключая в себе 800 дес. земли расположен в местности «Башиль-аузу-су» на левом берегу р. «Башиль-аузу-су».

2) Его границы: со стороны Мусы Барасбиева хребет «Сары-жар-сырты», с запада гора «Нохта», с востока дорога «Айлянч» и с юга гора «Хлам-Хлум».

3) Земля вся пастбищная и делится на участки: «Уллы-Нохта», «Гитче-Нохта», «Чегет», «Кудушла», «Сары-жар-аллы», «Айланч-баши».

4) «Кудайланы-жайлык» в порядке наследования получили от внука Темирбека – Асламурзы его сыновья: Исса, Магомет, Хажимуса, Чепелеу, и Исхак, которые участок разделили между собой по равной части, каждый из них построил по каменному кошу на своей части. Исса, Магомет, его сыновья: Каит и Чимау и Исхак умерли, а Хажмуса уехал в Турцию, отдавши свою часть на бегендном праве Кулиевым в уплату калыма за жену сына своего Хизира.

5) Настоящие владельцы: Чепелеу и дети остальных его братьев (см. родословное древо).

6) «Кудайланы-жайлык» служит летним пастбищем для собственного скота владельцев.

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа: таубии – Тенгиз Суншев, Кубади-Хажи Барасбиев, Анзор Айдаболов, Асланбек Кучуков, Муса Келеметов, и уздень

Умар-Хажи Эдаков, и за них неграмотных по доверию и за себя
расписался Таубий Дадаш Балкароков. Уздень Тебо Кудаев.

**Родословное древо Чегемских узденей
Нальчикского округа Кудаевых**

1. Темирбек.
- 2/1. Темир Темирбекович.
- 3/2. Асланмурза Темирович.
- 4/3. Исса Асланмурзаевич.
- 5/3. Магомет Асланмурзаевич.
- 6/3. Хажмусса Асланмурзаевич.
- 7/3. Чепелеу Асланмурзаевич.
- 8/3. Исхак Асланмурзаевич.
- 9/3. Жужек Асланмурзаевна Газаева.
- 10/3. Гогуш Асланмурзаевна Газаева.
- 11/3. Фатимат Асланмурзаевна Гемуева.
- 12/3. Таубиче Асланмурзаевна Ахматова.
- 13/4. Заурбек Иссаевич.
- 14/4. Сарабий Иссаевич.
- 15/4. Даулет Иссаевич.
- 16/4. Таубий Иссаевич.
- 17/4. Бассият Иссаевич.
- 18/4. Мусса Иссаевич.
- 19/4. Жунус Иссаевич.
- 20/4. Кабахан Иссаевна.
- 21/4. Кубулхан Иссаевна.
- 22/4. Мисирхан Иссаевна.
- 23/5. Чиляу Магометович.
- 24/5. Кайт Магометович.
- 25/6. Хизир Хажмуссаевич.
- 26/8. Тебо Исхакович.
- 27/8. Китца Исхакович.
- 28/8. Таусо Исхакович.
- 29/8. Хамзат Исхакович.
- 30/8. Шохай Исхакович.

- 31/8. Жужай Исхакович.
- 32/24. Умар Кайтович.
- 33/24. Тамук Кайтович.
- 34/24. Асхат Кайтович.
- 35/24. Харун Кайтович.
- 36/24. Салих Кайтович.
- 37/24. Нух Кайтович.

Доверенные от землевладельцев Горских обществ Нальчикского округа: таубии – Тенгиз Суншев, Кубади-Хажи Барасбиев, Анзор Айдаболов, Асланбек Кучуков, Муса Келеметов, и уздень Умар-Хажи Эдаков, и за них неграмотных по доверию и за себя расписался Таубий Дадаш Балкароков. Уздень Тебо Кудаев. (ЦГА РСО–А, ф. 8, оп. 1, д. 170.)

РЕЧИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Выступления на Первом горском съезде 1 мая 1917 г.

Братья горцы!

50 с лишком лет тому назад тяжелый гнет царизма задавил свободу горцев Кавказа.

25 августа 1859 года пал Гуниб. Наш незабвенный народный герой, имам Чечни и Дагестана Шамиль был пленен и отвезен в Калугу кончать свою жизнь в условиях придирчивого жан-дармского режима.

5 лет спустя, 21 мая 1864 года на другом краю нашей горской родины, на Черноморском побережье пал последний свободный черкесский аул Ахчипской.

Что за тем настало, вы слишком хорошо знаете.

Попраие вопреки торжественным обещаниям, когда-то данным, не только политических, но и имущественных наших прав, объявление земель, орошенных потом и кровью наших предков, – казенными, отдавание нас на растерзание отбросам русского общества, нахлынувшим жадной стаей на наивных и доверчивых горцев, из которых одних, к счастью ничтожное меньшинство, они развратили и обратили в своих приспешников и сотрудников, а других – озлобили и замкнули в глухом протесте против всего, что имело на себе штемпель русского правительства.

И вдруг чудо!

В марте 1917 года русский пролетариат и русская революционная армия в союзе с русской интеллигенцией, сбросив оковы с русского народа, тем же ударом разбили и цепи, нас оковавшие.

И вот мы на нашем горском съезде, единственном в истории народов наших, съезде, объединяющем все горские племена от Черного до Каспийского морей, свободно организуемся в союз для закрепления нашей свободы и устройства нашей жизни на разумных, широко демократических началах.

В единении сила.

В единении нашем, внутреннем нашем единении, и в единении с теми, кто освободил нас от гнета царизма, – пролетариатом, революционной армией и русской организованной общественностью.

Приветствуя вас от имени Временного центрального комитета, организовавшего настоящий съезд, прошу приступить к выборам президиума съезда и его председателя.

2 мая 1917 г.

Открывая первый съезд представителей всех племен Северного Кавказа и Дагестана, приветствую в этот знаменательный исторический день их первого объединенного съезда вас, дорогие товарищи и свободные граждане горцы, как представителей народностей, родственных друг другу по духу, культуре и историческому прошлому.

Присутствие среди вас делегатов горских племен не только Терской области, но и горцев самых отдаленных округов Кубанской области и Дагестана, служит лучшим доказательством того, насколько этот съезд необходим и сколь важна предстоящая ему работа.

Те бесплодные жертвы всего русского народа вообще и горцев Кавказа в частности на войне и те лишения, которые терпит народ в тылу, к которым привело их царское правительство, открыли глаза русскому народу, и прежде всего его рабочему пролетариату, армии и Государственной думе, и общими их усилиями царский режим в России революционным порядком низвергнут навсегда. Образовалось Временное правительство из недр Государственной думы и лучших деятелей, которое призвано историей собрать представителей народа в Учредительное собрание и устроить народную жизнь России на новых демократических началах равенства и свободы. Можно быть уверенным, что народы России не захотят восстановить опозорившую себя и приведшую страну на край гибели ненавистную всем царскую власть с ее произволом, насилием и жестокостью в отношении народа, в особенности памятных нам горских племен. В России, несомненно, будет установлена республика, т. е. народоправство, с выборным парламентом и выборным и ответственным пред народом правительством во главе с выборным же президентом.

До сих пор мы, горцы, были пасынками злой мачехи царской России. Но теперь, когда великий русский народ расправил свои могучие крылья и низверг режим произвола и насилия, и наш гордый и свободный дух воспрянул, оковы, сковывавшие нас, разорваны, и мы почували свою былую свободу. Дорого мы продали свою свободу старой царской России, которую в лице ее крепостнического правительства мы ненавидели от всей души, но были бессильны сами сбросить с себя это ярмо произвола и гнета, пока сам русский народ не понял ясно, куда ведет Россию это царское правительство, и мощным ударом не сбросил его в пропасть.

Нам, горцам Кавказа, необходимо разобраться во всем происшедшем перевороте и занять определенную позицию в теперешнюю решающую судьбы наши, быть может, на многие сотни лет вперед, историческую эпоху.

Мы пойдем теперь рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России.

Но, как каждая отдельная семья в жизни имеет свой особый угол, свои нужды и свою особую жизнь, духовную и экономическую, и физиономию, отличную от соседей одного и того же селения и города, так и различные народности России, объединенные в одно государственное целое, каждая имеет свои культурные и национально-духовные особенности.

Свободное государство, республика, даст возможность всем входящим в нее народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии.

Но пределы и характер этой автономии определяются Учредительным собранием, и расширение этих границ до желательного для отдельных народностей предела дается не без борьбы с элементами, стремящимися к сохранению наибольшей власти за центральным правительством в ущерб окраинам.

Поэтому мы, горцы, должны явиться в Учредительное собрание во всеоружии, как объединенная мощная организация, для того, чтобы отстоять такую форму республики, которая даст нам наиболее широкое самоуправление, широкую автономию.

Все мы понимаем, что каждое племя в отдельности будет бессильно добиться в Учредительном собрании того, что ему нужно.

Вот почему прежде всего необходимо всем горским племенам Кавказа организовать в могучий союз для совместного отстаивания в Учредительном собрании автономного их устройства и создания Всероссийского союза таких автономий, или федеративной демократической республики.

Мы здесь не одни: с нами тридцатимиллионное население Украины, все мусульманское население России, все казачество, Сибирь, Грузия, Литва, латыши, молдоване и, наверное, этот список еще не исчерпан.

Тот же принцип федеративного устройства государства составляет один из лозунгов партии социалистов-революционеров.

Установление связи между нашим горским союзом и всеми перечисленными мною народностями, группами населения и организациями составит первейшую задачу деятельности центрального комитета объединенных горцев.

Объявляю первый съезд представителей горских племен Кавказа открытым*.

Объединенное собрание казаков и горцев**

Шаханов, приветствуя казаков, говорит: «Старое правительство, разделив нашу и казачью свободу, в своем правлении пошло далее, оно оскорбило как горцев, так и казаков, натравливая казаков на горцев и горцев на казаков. Была пущена в ход система недоверия. Но теперь все рухнуло, все изменилось. Русская революция стерла все старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане. Мы сольемся воедино, если общие лозунги будут объединять нас, этот лозунг даст нам тот, кто освободил нас от оков и кто дал нам революцию, – это пролетариат. Теперь прежнее деспотическое правительство рухнуло, будет правдивая власть. От имени всех горцев я призываю вас, казаки, к жизни на демократических началах и призываю за наше объединение провозгласить «ура!».

* Стенографический отчет 1-го горского съезда. Владикавказ, 1917 г.

** Терский вестник. 1917. 7 мая.

В исполнительном гражданском комитете*

8 мая состоялось очередное заседание областного исполнительного комитета, посвященное текущим делам

...Затем в зал явился в полном составе президиум Первого горского съезда. Председатель съезда Б. А. Шаханов делает следующее заявление: «Работа нашего съезда проходит в тревожной обстановке, вызванной следующими обстоятельствами. На ст. Котляревской солдатами остановлен вагон, в котором были теплые вещи кабардинцев. Вагон сопровождал солдат-кабардинец. Солдаты грозили даже арестовать кабардинца, думая почему-то, что в вагоне везут оружие. Солдаты обыскали вагон, там оказались только теплые вещи. При этом не помогло даже вмешательство комиссара.

В Дарг-кохе произошло более печальное событие в результате которого был убит осетин. На Аргуне произошла перестрелка. В Беслане избито несколько осетин и ингушей. Вы все местные жители и знаете нас. Наша психология едва ли отличается от вашей. Если у вас начинают отнимать оружие – кинжал, принадлежность вашего костюма, то вы едва ли останетесь спокойными. Между тем на всех станциях происходит обезоруживание туземцев. Одно из двух: или нас всех принимают за грабителей, или в нас видят угрозу свободам.

Хотелось бы знать, что может сделать в данном случае исполнительный комитет».

Речь Шаханова на горском съезде с участием представителей четырех кабардинских селений**

20 июля 1917 г.

Граждане! Мы переживаем великие минуты. Каждый из нас должен сознать ту ответственность, которую мы несем перед Россией, перед демократией всего мира! Граждане! Мы не можем закрывать глаза на ту разруху, которая охватила сейчас Россию.

* Терский вестник. 1917. 11 мая.

** Съезд представителей балкарских сел.

Все мы должны объединиться для борьбы с нею. Мы, представители горского народа, стоим перед вдвойне трудной задачей. Мы, представители туземного населения, в течение десятков лет были оторваны от русской демократии. Сейчас буря русской революции смела стену; отделявшую горцев от русской демократии, но полного объединения нет. Между горскими комитетами исполнительного временного комитета и С. С. и Р. Д.* существует оторванность. На это нельзя не обратить внимания. Такое положение ненормально. Жизнь туземцев своеобразна, население пестро, масса национальных особенностей создает необходимость для русских осторожно подходить к укладу жизни туземцев. Народы, населяющие Кавказ, находятся на различной степени развития, но все живут одной мыслью, одной волей, жаждой самого широкого самоопределения.

В русской демократии мы видим искренних защитников этого начала, поэтому иного отношения, как дружеского, у нас к ней быть не может...

Я укажу вам на трагические события во Владикавказе... Мы не забывали их так же, как не забыла русская демократия. Тяжелым гнетом она лежит на душе. Еще много темных сил, сильны провокаторы, сильна невежественная масса в своем диком разгуле... Кто же помог справиться с ними? Кто из русских пришел на помощь остановить эту кровавую бойню? Владикавказский Совет рабочих и солдатских депутатов. Представители русской демократии поехали вместе с горскими депутатами по аулам. Они смело выступили против озверелой толпы русских хулиганов. Они не побоялись мести ингушей. Они правдиво сказали свое слово и внесли успокоение в население.

Товарищи! Единение туземцев с русской демократией создаст сильную власть в округе. Мы не можем, по существу, быть ничем иным, как революционерами. Нас слишком долго угнетали, и теперь мы не можем быть половинчатыми: мы будем рука об руку с русской демократией бороться против остатков самодержавия. Старое не вернется, всякие контрреволюционные попытки будут нами беспощадно подавляться. Свободные самоопределившиеся национальности объединятся в Советы солдатских и рабочих депутатов для борьбы с надвигающейся реакцией.

* Советами солдатских и рабочих депутатов.

Революция в опасности. Лишь организованная демократия в состоянии удержать натиск реакции. Призываю вас, горский народ, немедленно приступить к организации Совета крестьянских депутатов для совместной работы с Советом солдатских и рабочих депутатов.

Наши судьбы слиты...

Ничто не разъединит нас от русской демократии.

Мы создадим порядок в округе, мы выполним всю подготовительную работу к Учредительному собранию. Мы с русской демократией отстоим право на свободу, землю, право на широкое самоопределение народов*.

* Горская жизнь. 1917. 9 августа.

**Статьи, подписанные псевдонимами
«П. д^с Аржан» и «Омский»**

ТЕАТРАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ

Мне до сих пор никак не удавалось поговорить более или менее обстоятельно о нашем театре: «довлеет дневи злоба его» и, *volens-nolens*¹ приходилось заниматься этой злобой. Праздники освободили меня теперь от нее, и у меня явилась теперь возможность пополнить указанный пробел в моих летописях.

Итак, о театре и театральных делах-делишках. Должно заметить, что в этом отношении (как, впрочем, и во многих других) нам удивительно не повезло. Бог весть по каким мудрым соображениям город десять лет тому назад сдал в аренду некоему Белло (кажется), обязавшемуся содержать его в исправности, ремонтировать, снабжать декорациями и пр. В вознаграждение за эти обязанности арендатору предоставлено было право взимать повечерний сбор с антрепренеров² и товариществ в размере 55 р. со спектакля. Полагал ли город, что сам он не сумеет справиться с этим немудреным делом, хотел ли «порадеть родному человеку» – этого я не знаю, но знаю, что арендатор за истекшие 10 лет сделал все от него зависящее, чтобы извлечь из предоставленной, ему за здорово живешь доходной статьи как можно больше и дать городу как можно меньше. Это ему удалось блистательно, и в настоящую минуту, к концу арендного срока, здание нашего городского театра представляет довольно-таки печальную руину, нуждающуюся в капитальнейшем ремонте. Прогнившая крыша, ветхие полы, сырые стены – вот прелести, оставленные городу арендатором. Говорю оставленные потому, что сам арендатор скончался, а его преемник распорядился так, что с него всякие взятки гладки: прохозяйничав до последнего года, он теперь неожиданно передал свое арендное право на последний год теперешнему антрепренеру, а сам... улетучился за границу. Правда, г. Никулин, принимая от негa арендные права, в то же время принял на себя и все обязательства (между прочим,

сдачу театрального здания в полной исправности и театрального имущества в целости), но... в том-то и дело, что вряд ли сам Вельзевул³ разобрался бы теперь в том, какое именно имущество было передано арендатору и что именно он должен сдать. Да и было бы, впрочем, нелогично и несправедливо требовать, чтобы все недостающее (если бы, повторяю, можно было бы разобраться в этом) было пополнено Никулиным.

Короче: дело с приемом театра обстоит теперь более чем неблагоприятно и городскому управлению, очевидно, придется повозиться с ним немало. Придется ему повозиться, несомненно, и с самим театром. Его нужно капитально ремонтировать, да и, кстати, уж значительно расширить. Ибо в том виде (игрушечной коробки), какой театр представляет в настоящее время, он мог существовать разве только при царе Горохе, и нужна была наша нарочитая покладистость, чтобы этого не видеть в течение многих лет. Нужны, следовательно, расходы, расходы и расходы, а стало уж непреложной истиной, что у нас денег давно не было, нет теперь, и вряд ли будут когда-либо. Поэтому, как выпутается городское управление из этого вновь надвигающегося на него затруднения – один аллах да, пожалуй, пророк его Магомет ведают. Вероятнее всего, что найдется какой-нибудь предприимчивый джентльмен, который предложит городу совершить перестройку и обновление театра за свой, предпринимателя, счет, а в вознаграждение за это потребует отдачи ему театра еще на десяток лет. Насколько же это желательно – показал уже опыт с прошлой арендой. А показал он, этот печальный опыт, что при условии уплаты какой-то бесцельной и бессмысленной контрибуции третьему лицу (арендатору), ничего общего с театральным делом не имеющему, ни один антрепренер, ни одно товарищество не в состоянии выдержать ни одного сезона; его ожидает обязательный прогар, безразлично, будет ли он (или оно) добросовестным и даст городу хорошую труппу, или окажется недобросовестным и соберет эту труппу с бору да с сосенки. В первом случае он, при самых блестящих сборах, не доберет, т. е. не покроет расходов на труппу и контрибуцию⁴, во втором – он совсем ничего не получит, так как никто театра посещать не будет. Так было раньше, так будет и дальше. «Прогорал» Мавреж⁵, «прогорала» Савина⁶, потому что у них трупп не было, и если теперь не «прогорает» Никулин с сравнительно хорошей труппой, то только потому, что ему удалось, как я

сказал выше, отделаться от той контрибуции, которая до сих пор взималась арендатором. Иначе, можно с уверенностью сказать, «прогорел» бы и он, несмотря на то, что с внешней стороны дела его более чем блестящи: что ни спектакль, то полный или почти полный сбор. Но в том-то и дело, что всех этих полных или почти полных сборов никогда и ни под каким видом не хватило бы на покрытие тех расходов, какие вызывает содержание хорошей (относительно) труппы. Не хватило бы даже в том случае, если бы эта относительно хорошая труппа была составлена на тех же самых экономических началах, как у Никулина. Но об этом в следующий раз.

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ ДЛЯ БОЛЬШИХ ДЕТЕЙ

Ваш искренний восторг, ваши горящие глазки, ваши улыбающиеся личики доказывают мне, дорогие дети, что моя первая сказка пришлась вам по вкусу и что вы будете охотно слушать меня и впредь. Только предупреждаю: не ждите от моих сказок ничего таинственного, сверхъестественного. Жизнь, та жизнь, в которую вы собираетесь вступить, сама по себе так полна сказок, что, право же, незачем даже выскакивать из нея в область таинственного и сверхъестественного, незачем прибегать к вымыслу, когда и действительность полна интереса и увлекательности. Да и то примите во внимание: расскажу я вам, положим, про гномов, русалок и ведьм. Вырастете вы, узнаете, что их совсем и нет и не бывало, что все это я выдумал, – и скажете: «Ах, и какой же лгунишка был этот дядя д' Аржан! И если он лгал нам в сказках, то почему знать, не лгал ли он нам и тогда, когда уверял, что счастье не в эгоизме, а в любви к ближнему, что истинно счастлив только тот, кто исполняет постоянно свой долг, трудится, работает, учится и т. д. и т. д.?» Совсем другое дело, когда мои сказки будут взяты из жизни. Вы вырастаете, встретитесь с таким же случаем, о каком слышали от меня, и скажете: «Спасибо дяде д' Аржану: благодаря его сказке мы не попали впросак и сумели отличить лигатуру¹ от настоящего золота. Спасибо ему; надо всегда помнить его сказки и беседы».

Ну, вижу, что вы меня поняли и принимаете мое условие. Так повесьте же – как сказал какой-то древний философ – ваши уши на гвоздь внимания и слушайте:

КАК БОГ НАКАЗАЛ НА-ФУ-ФУ

Было это много-много лет тому назад в одном небольшом городке Поднебесной империи, которую вы знаете под именем Китая. Жил в этом городке маленький-маленький человечек, котораго звали На-Фу-Фу. Имел этот человечек какую-то небольшую лавченочку и торговал в ней, ни о чем не мечтая, если не считать «мечтой» желание иметь на завтра кусок хлеба и лишнюю горсть риса. Только вдруг выпало на его долю неожиданное счастье: из маленьких-маленьких человечков наш На-Фу-Фу попал в большие-большие мандарины². Случилось это так. В том же небольшом городке, где обитал наш На-Фу-Фу, жили четыре мандарина, четыре умных, богатых мандарина, занимавших видные должности и крупное положение в обществе³. Мандарины эти были близко знакомы между собой и часто собирались вместе для бесед и умного времяпрепровождения. Однажды и зайдя у них разговор о газете. «Странное дело, – сказал мандарин с одним шариком, – живем мы в городе, где всего вдоволь, где, можно сказать, во всем полная культура, а никто до сих пор не подумал завести здесь газету. Неужели же мы должны отставать от других и разыгрывать из себя каких-то дикарей?» – «Великолепная мысль! – подхватил мандарин с двумя шариками. – Газета! Да ведь это то, что двигает свет, что создает благополучие, что вносит жизнь, что разгоняет тьму. Это то, что...» – «Что нужно во что бы то ни стало создать!» – пылко перебил мандарин с тремя шариками. «И что создать должны мы! – дополнил мандарин с четырьмя шариками. – Да, мы, клянусь хвостом священной коровы!»

Как видите, мысль о создании газеты встретила общее сочувствие. Оставалось только разработать ее, а затем и осуществить. И стали наши мудрые мандарины разрабатывать ее. Все предусмотрели, все разработали, во всем сошлись – и на счет средств порешили, и редактора из своей среды выбрали, и на счет типографии покончили, на одном только никак сойтись не могли: не смогли они никак друг дружку уговорить взять на себя звание издателя. Уперлись все: «не хотим, да не желаем». И так у них это дело, вероятно, и заглохло бы, если бы мандарин с двумя шариками не встретил случайно знакомого и не поделился с ним их общим горем. «Ну, вот еще, – заметил ему тот, – есть о чем печалиться. Да вы возьмите кого-нибудь

и предложите ему: так мол, и так, получай столько-то в год и подписывайся издателем! Да вот, чего лучшее пригласите моего брата – человек он смиренный, покладистый, ни на что не годный; фордыбачить⁴ никогда не будет; словом, как раз то, что вам нужно». А брат-то этот и был наш маленький-маленький На-Фу-Фу. Доложил мандарин с двумя шариками о своем разговоре товарищам. Те и обрадовались: «Великолепное дело. Пусть нашим издателем будет На-Фу-Фу». Мигом отрядили посланца за На-Фу-Фу. Тот даже остолбенел от неожиданности: понял, бедняга, сразу, какое ему счастье привалило; понял, что теперь на него уже никто орать не посмеет, никто не попытается угостить его бамбуковыми палками по пяткам, что став издателем, он станет вместе с тем и мандарином, который сам может отсчитывать бамбуковые удары...

Короче с первых же слов дал наш На-Фу-Фу свое согласие. Ударили по рукам и приступили к делу. Прежде всего надлежало получить разрешение. Конечно, если бы На-Фу-Фу вздумал ходатайствовать об этом сам, то вряд ли ему удалось бы получить разрешение, но так как за ходатайство взялись наши видные и влиятельные мандарины и один из них съездил с этой целью в Пекин⁵, то не прошло и трех месяцев, как газета оказалась разрешенной.

Мандарины, как вы уже знаете, были народ все толковый и умный и газету повели так, что через полгода она насчитывала изрядное количество подписчиков и обещала превратиться в очень солидный орган, как вдруг... Вы, конечно, помните, на каких условиях мандарины пригласили На-Фу-Фу в издатели: он должен был получать определенное жалованье, подписывать газету и ни во что не вмешиваться.

Так он первое время и делал: он держал себя чрезвычайно скромно, никогда не вмешивался в редакционную да и издательскую часть и, благодаря этому, газета процветала.

Но вот однажды он неожиданно явился в редакцию и вдруг потребовал рукописи. Редактор (мандарин с тремя шариками), конечно, изумился:

«Это вам зачем, г. великолепный На-Фу-Фу?»

– «А затем, что не нравятся мне некоторые статьи ваши, и решил я впредь их в своей газете не помещать», – ответил На-Фу-Фу. «В своей газете? Вы, верно, не совсем в здравом уме, и твердой памяти, г. На-Фу-Фу? Откуда вы это взяли, что газета –

ваша? Насколько мне помнится, деньги на ее создание дали мы, труд по ее ведению несем также мы, а вы... вы – не больше, как наш приказчик, от которого мы только и требуем, чтоб он ни во что не вмешивался» – «Так ли? Как же вы наивны и просты, г. мандарин с тремя шариками! Вы упустили из виду, что официальный издатель – я, что никаких, законом признаваемых, прав на газету у вас нет, что вы были так просты и... простите меня – глупы, что ничем себя не обеспечили, и следовательно... да что с вами толковать долго? Хозяин здесь – я, слышите ли, и прошу вас немедленно оставить меня в покое!»

Ошеломленный таким нахальством, мандарин долго не мог прийти в себя. Что было делать? Отправился он к товарищам, но и они только могли сказать: «Ну и... ловкач же! влетели, можно сказать!» – а помочь делу, конечно, ничем не могли. Так и остался На-Фу-Фу единственным собственником чужого добра.

Есть, однако, дети, мудрая народная пословица. «Краденое добро, – гласит она, – впрок не пойдет». Оправдалась эта пословица и на нашем На-Фу-Фу. Разсчитал он, правда, как честных, доверчивых людей обмануть и добрать можно, но не разсчитал он одного – что всякое дело должно бояться мастера, что недостаточно палку в руки взять, нужно еще уметь и командовать, а командовать-то... ну, откуда было взяться этому уменью у вчерашнего неуча-торгаша?

И вот, вместо ожидаемой выгоды, получился у На-Фу-Фу один только вред. Осталась газета без опытных руководителей, превратилась она в руках На-Фу-Фу в мелочную лавку и в каких-нибудь три-четыре недели волком взвыл наш На-Фу-Фу: отшатнулись от его газеты все подписчики и даже даром не хотели читать ее. Дальше – больше, и в один прекрасный, а быть может, и не прекрасный день очутился наш На-Фу-Фу без гроша в кармане, с одними долгами... И мелочную лавочку-газетку пришлось закрыть⁶.

Так вот был, дети, наказан На-Фу-Фу за свою жадность и нечестность.

ПОЗОРНОЕ ПЯТНЫШКО

Несколько слов по адресу нашего медицинского общества. Как уже известно, оно в последнем своем собрании, между прочим, решило возбудить пред начальником области ходатай-

ство о предоставлении для заседаний общества помещения в областном правлении. Мотивом для этого ходатайства служит то соображение, что, при отдаленности военного госпиталя, где заседания происходят в настоящее время, многие лишены возможности посещать их. Мотив веский, и мы не сомневаемся, что ходатайство симпатичного общества будет удовлетворено. Однако радоваться этому особенно не придется. И вот почему. Как ни симпатичны те цели, которые преследует наше медицинское общество, как ни плодотворна, несомненно, его работа, — есть и у него одна «заковыка», которая умаляет значение этой работы.

Мы говорим о том параграфе устава общества, по которому все заседания его должны быть закрытыми, т. е. недоступными для публики. Какими соображениями руководились составители устава, включая этот параграф, нам неизвестно, несомненно, однако, что, как бы ни мудры были эти соображения в те времена, — теперь они решительно ничем не оправдываются. Времена, когда все и вся считало нужным уподобляться буддийским жрецам и облекать свою деятельность непроницаемой таинственностью, слава Богу, прошли, и теперь стало почти непреложной истиной, что лишь широкая гласность, свободный контроль — верный залог правильной и целесообразной деятельности всякого общественного учреждения.

Медицинское общество вряд ли сможет составить исключение из этого правила. Напротив: помимо контроля, как упомянутого залога правильной и целесообразной деятельности, доступ публики на заседания нашего (да и всякого другого) медицинского общества важен еще и в том смысле, что здесь публика могла бы почерпнуть много полезных и важных для себя сведений по гигиене, санитарии и пр. И насколько нам известно, так именно и смотрят на свою деятельность некоторые медицинские общества: они признают, что, рядом с разработкой чисто научных вопросов, на их обязанности лежит и внесение полезных знаний в народ, в массу. Сошлемся в доказательство на общество врачей в Одессе, где [заседания] постоянно открыты для публики и привлекают многочисленных слушателей, жадно ловящих каждое компетентное указание популярных референтов, сошлемся и на тифлисское медицинское общество, также допускающее на свои заседания (впрочем, не все) посторонних слушателей.

Почему же не хочет или не может допустить их наше медицинское общество? Ведь ему-то (мы это с удовольствием

свидетельствуем) уж во всяком случае ничего от посторонних глаз скрывать не приходится! И вот подите же, почему-то пресловутый параграф до сих пор строго охраняется, и публике на заседания общества доступ закрыт. Больше того, члены общества, эти серьезные люди науки, не останавливаются даже перед курьезом – перед серьезным обсуждением вопроса о том, могут ли быть допущены на заседания общества представители прессы. Факт. Загляните в журнал одного из сентябрьских или августовских (кажется) заседаний нашего общества, и вы встретите там такую высококомическую запись: «Слушали отношение заведывающего редакцією «Казбека» о допущении на заседания общества референта газеты.

Постановили: допустить представителей печати на заседания общества». И постановили, заметьте, после полуторачасового обсуждения этого вопроса! Как бы ни было, постановление уже сделано представители печати на заседания нашего медицинского общества допускаются. Не значит ли это, что нужно быть логичными и пойти дальше? Ведь, допуская референтов газет, общество ipso косвенно допустило публику.

Так отчете же не быть последовательными и не допустить всех желающих поучиться и почерпнуть у людей науки кое-что из их познаний? И особенно теперь, когда обществу будет предоставлено помещение, где публика его стеснять не может? Такие параграфы, как указанный нами пресловутый параграф нашего медицинского общества, являются темными пятнами для всякого уважающего себя общественного учреждения. Правда, теперешние члены общества не повинны в том, что он существует в настоящее время. И чем скорее они избавятся от него, тем будет лучше.

Вот почему, поднимая этот вопрос, мы выражаем твердую уверенность, что в одном из ближайших собраний общества мы будем иметь возможность отметить в постановлении о выключении инкриминируемаго параграфа.

В ДУМЕ

20 января состоялось первое в текущем году очередное собрание Владикавказской городской думы. Рассмотрены ниже следующие наиболее существенные вопросы.

1. Над докладом ревизионной комиссии о ревизии прихода и расхода городских денежных сумм на 1898 г. долго висел какой-то злой рок... Он назначался в течение последней трети 1899 г. несколько раз, но, по обыкновению, наши думцы не собирались в должном количестве, и слушание этого доклада все откладывалось и откладывалось. Наконец этот доклад заслушан думою. Ревизионная комиссия работала над ревизией денежных сумм с 21 июня по 1 августа 1899 г. Ею найдено, что денежная отчетность в 1898 г. велась менее аккуратно, чем в 1897 г. Во многих случаях не представлялись оправдательные документы, а если и представлялись, то неоплаченными гербовыми марками, что влечет за собою ответственность членов управы по усмотрению областного по городским делам присутствия. Бухгалтерские книги велись небрежно. Недоимок накопилось до 73 462 руб., а побудительных мер по их взысканию не принималось. Эти побудительные меры имеют свой *raison d'être*¹, так как недоимщиками являются состоятельные лица и даже сами гласные. Инвентаря городских имуществ не ведется с 1893 г. По этому поводу городская управа заявила, что она не имеет физической возможности даже начать его. Гласный Грозмани² настаивал на назначении платной комиссии из гласных для составления инвентаря. Вопрос об инвентаре временно оставлен открытым. Доклад ревизионной комиссии думою был принят к сведению, причем, однако, было поставлено на вид городской управы вести в будущем более аккуратную денежную отчетность.

2. Владикавказским полицеймейстером Котляревским³ на постановление думы от 29 октября прошлого года, которым дума отказала полицеймейстеру в удовлетворении его требования о возмещении понесенных им расходов по освещению и отоплению полицейского управления за последние три года, принесена жалоба в терское областное по городским делам присутствие. Последнее, находя требование полицеймейстера заслуживающим удовлетворения, решило отменить постановление думы от 29 октября. Это решение думою единогласно постановлено обжаловать.

3. Как мы уже сообщали в свое время, дума постановила продать участок земли для постройки здания под государственный банк и вырученные от этой продажи деньги употребить на городские сооружения. В последнем пункте это постановление, как незаконное, областным по городским делам присутствием

отменено: деньги, вырученные от продажи участка, должны поступить в запасный капитал.

4. За усиленные труды в борьбе с заразными заболеваниями в течение шести месяцев думою постановлено выразить городскому санитарному врачу г. Митнику⁴ благодарность и выдать ему же денежную награду в 150 руб.

5. Местные мясники вошли в думу с ходатайством об уничтожении городской таксы на мясо или, в крайнем случае, ее повышении. Это ходатайство вызвало страстные прения. «Мясницкая партия», таковая есть в числе гласных, говорила «жалкия слова» по поводу якобы бедственного положения мясников; часть остальных гласных стояла за таксу и часть, во главе с городским головою, за свободную конкуренцию. В конце концов, после невообразимого шума, пришли к следующему заключению: таксу на мясо временно оставить прежней, собрать сведения о ценах на мясо в соседних городах, произвести опыт продажи мяса при свободной конкуренции и по поводу полученных результатов всего этого собрать экстренное заседание думы.

6. Наша городская управа не представляла отчетов о своей деятельности в 1895 г. Дума, по инициативе ревизионной комиссии, на последнем заседании постановила сделать обязательным ежегодное представление (не позже 1 мая следующего за отчетным года) управою отчета о своей деятельности. О форме отчета предложено управе снестись с управами других городов. Постановлено также об обязательном представлении городским архитектором, ветеринаром и санитарным врачом ежегодно отчетов о своей деятельности. Последнее постановление вызвано тем, что, по заявлению управы, интеллигентные специалисты, состоящие на службе у городского управления, манкируют⁵ своими прямыми служебными обязанностями.

7. Разрешение на открытие ренковского погребца на вынос, данное думой владикавказскому обществу потребителей, вызвало вопрос о разрешении открытия таких погребов на всем протяжении Грозненской улицы. После некоторых дебатов, во время которых гл. Грозмани остроумно выщучивал непоследовательность нашей думы, последняя признала возможным дать это разрешение. В разрешении открытия ренковых погребов на Подгорной улице отказано.

КАК ПОГИБ Э. А. ШТЕБЕР ¹

Года два тому назад всю Россию облетело печальное известие о безвременной кончине местного провизора Эммануила Альбертовича Штебера, известного любителя геологических экскурсий по Кавказу.

Напомним вкратце подробности этого печального события. Как известно, в 1897 г. в Петербурге состоялся международный съезд геологов, по окончании которого члены съезда, разделившись на партии, совершили ряд экскурсий по Крыму, Кавказу, Сибири и пр. В экскурсии одной из этих партий по Кавказу принял участие и Э. А. Штебер. Партия проследовала в Эриванскую губернию, где решила совершить восхождение на Арарат. Во время восхождения Э. А. Штебер отделился от товарищей, замыслив подняться на одну из недоступных высот. Больше товарищи его не видели: он не возвратился ни в тот, ни на другой день. На третий же день в одном из ущелий разыскали его труп, причем решено было, что он сорвался и затем замерз. То обстоятельство, что при нем не оказалось бумажника с деньгами и золотых часов, приписали случайности, полагали, что они выпали во время падения Эммануила Альбертовича. Между тем теперь выяснилось, что эти-то бумажник и часы явились причиной безвременной гибели пользовавшегося общим уважением, почетом и любовью Эммануила Альбертовича.

Выяснилось это при следующих обстоятельствах, ставших известными нам из письма, полученного на днях во Владикавказе.

Недавно в Эривани судили казака-пластунца², обвинявшегося в ряде крупных преступлений. Давая свои показания, подсудимый, между прочим, сознался, что им убит и Э. А. Штебер. Произошло это таким образом: состоя в охранной страже, которую прикомандировали к экскурсантам-геологам, подсудимый обратил внимание, что при Штебере имеются деньги и часы. Решив во что бы то ни стало овладеть ими, казак выжидал лишь удобной минуты. Минута эта скоро представилась. Э. А. Штебер, как известно, отделился от товарищей и направился на одну из высот. Притаившись, казак последовал за ним и, когда они скрылись из виду, напал на беззащитного Штебера и, обобрав его, убил, сбросив труп в ущелье, где его и нашли лишь на третий день.

Известие это должно произвести огромное впечатление особенно у нас во Владикавказе, где Э. А. Штебера знал и уважал стар и млад и где трагическая кончина его вызвала в свое время общия сожаления и горе. Сожаление и горе должны теперь еще усилиться, так как Э. А. Штебер пал, как оказывается, жертвой не собственной любознательности и неосторожности, а чужой алчности и дикости.

АДЕПТЫ ¹ КУЛАКА, КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ФАКТОРА «ИСПОЛНЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ»

Кулак, всемогущий русский кулак, тяжелым молотом опускающийся на головы маленьких людей, приобретает у нас все более широкое распространение.

До сих пор многострадальный российский обыватель считался и был знаком лишь с кулаком полицейским.

Теперь область применения сего «внушения» расширяется.

К нему начинают прибегать и другия «учреждения».

По крайней мере у нас, во Владикавказе, его сочли нужным культивировать... городское общественное управление и персидское вице-консульство.

Первое избрало исполнителем своих новых начертаний – сторожа Черникова; второе –своего письмоводителя или секретаря Мамад-Гуссейна.

Поговорим сначала о втором.

Странные порядки завелись в нашем персидском вице-консульстве, странные и, увы, довольно-таки нежелательные.

Нет, кажется, ничего несчастнее бедного персиянина (персидско-подданного). Существует закон, подтвержденный в последнее время обстоятельным циркуляром министерства внутренних дел (от 23 апреля 1896 г.), по которому всякий прибывший в Россию иностранно-подданный (а по циркуляру особенно турецко- или персидско-подданный) может проживать здесь по своему национальному паспорту, засвидетельствованному нашими миссиями и консульствами, отнюдь не долее шести месяцев. По истечении же этого срока иностранно-подданный обязан озаботиться приобретением русского паспорта (оплачивается маркой шестидесятикопеечного достоинства), обмениваемого ежегодно.

Между тем владикавказское персидское вице-консульство требует от всех своих «подчиненных», чтоб по прибытии во Владикавказ они обязательно брали у него какия-то особенные свидетельства, стоимостью в 6 рублей 60 коп.

Не говоря уже о том, что для бедного персианина, прибывающего сюда без гроша в кармане, подолгу остающегося без всяких заработков, такая крупная плата за свидетельство владикавказского вице-консульства является чрезвычайно обременительной и даже непосильной, – персианину приходится считаться еще и с тем, что такое свидетельство полицией совсем не признается, и последняя требует, чтоб он обязательно представил ей законный русский паспорт, иначе она признает его беспаспортным и поступает с ним по закону (высылка этапным порядком на родину). Получается, таким образом, что всякий вновь прибывший во Владикавказ персидско-подданный, а также и проживающий здесь приобретает у своего вице-консульства какую-то совершенно ненужную ему бумаженку, за которую он, однако, должен уплатить 6 р. 60 коп.

Само собой, что при этих условиях каждый персидско-подданный, если он только имеет надлежащее представление о значении ни на что ненужной ему вице-консульской семирублевой бумаженки, находит целесообразным совершенно не брать ее, предпочитая более дешевый и действительный русский паспорт.

Но это отнюдь не кажется предпочтительным персидскому вице-консульству. Последнее, очевидно, твердо убеждено, что его свидетельство ценнее русского паспорта (надо думать, что учение о «ценности» и «цене» вице-консульство почерпнуло у необычайно компетентной в этом редакции «Казбека»), и поэтому настойчиво требует, чтобы все персиане предпочитали его свидетельство законному русскому паспорту.

Видя, однако, что словами этого «непонятным» персианам не втолкуешь, письмоводитель или секретарь вице-консульства, упомянутый уже нами Мамад-Гуссейн решил «втолковывать» свое представление о ценности более внушительным и действительным способом – кулаком.

Говорят – и очень усиленно – что внушение по последнему способу практикуется им в самых широких размерах.

И надо думать, что в этих «говорах» – очень много правды.

Доказательством служат, с одной стороны, многочисленные свидетельства, о которых мы говорили выше и которые еже-

дневно поступают в местное полицейское управление, где их, как уже сказано, признавать не могут; с другой – нижеследующее заявление одного персидско-подданного, записанное в книгу происшествий владикавказского городского полицейского управления:

«Персидско-подданный Риза-Джалил-Оглы, проживающий близ Чугунного моста (в чьем доме – не знает), заявил, что персидское вице-консульство требовало, чтобы Риза взял билет на проживание в г. Владикавказе, требуя за это 6 руб., и когда Риза отказался взять этот билет за неимением денег, то секретарь вице-консульства Мамад-Гуссейн на базаре две недели тому назад (эти две недели Риза проболел) избил его».

Вразумительно и внушительно!

Однако сегодняшнее письмо мое разрослось, и беседу о втором рыцаре кулачной расправы – стороже Черникове нам придется отложить до следующего раза.

СВОЕОБРАЗНОЕ «КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО»¹ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ

В истории сторожа владикавказского городского общественного управления Черникова, которую я обещал рассказать, – интересная роль не столько самого Черникова, как отношение к кулачной расправе со стороны нашей городской управы.

Самая история может быть изложена в трех словах.

Черников охраняет городское имущество. В числе этого «имущества» имеется проволочная ограда на берегу Терека близ Ольгинского или так называемого Чугунного моста. Некий Сергей Алдагов, проходя несколько времени тому назад мимо этой ограды, нечаянно или, быть может, в виду утомления слегка облокотился на проволоку. В ту же минуту его сзади что-то оглушило (выражаясь вulgарно, попросту «съездили по уху»). Быстро обернувшись Алдагов с недоумением заметил какую-то внушительную фигуру, довольно недвусмысленно приподнявшую длань для второго «заушения». Последовало «небольшое объяснение», и Алдагову стало ясно, что он совершил преступление, покушаясь на целость городского имущества, и что «заушивший» его, внушительного вида субъект, есть никто иной, как «охранитель» этого имущества, сторож Черников, готовый

из усердия к своим служебным обязанностям не только живот свой положить за вверенное его охране городское добро, но и «заушать» каждого проходящего, буде тот выкажет малейшее желание причинить ущерб этому имуществу. Алдагов не имел права сомневаться в этом, так как ему тут же было обязательно сообщено, что однородной с ним, Алдатовым, участи не далее как несколько минут тому назад подвергся другой «преступник» – какой-то молодой человек

Несмотря на столь убедительное доказательство обязательности той расправы, какая над ним учинена, Алдагов остался при особом на этот счет мнении и сделал об этом заявление в полицейское управление. Последнее, в лице полицеймейстера ротмистра Котляревскаго, сообщая об этом заявлении городской управе, просило последнюю заменить Черникова другим сторожем, так как Черников не имеет никакого представления о тех обязанностях, которые лежат на нем, и, наоборот, имеет чрезчур своеобразное представление о тех правах, которые ему предоставлены.

Вы ожидаете, конечно, что городская управа согласилась с этим и уволила Черникова?

Ошибаетесь: вы совсем не знаете нашей управы, если приписываете ей такие ретроградные взгляды.

Она давно уже пошла далеко вперед и с легкой руки, очевидно, одного из своих членов (Б. Казарова) пришла к самому прогрессивному методу: всякий служащий по городскому общественному управлению ни за что отвечать не должен, пользуясь, однако, в то же время не только теми правами, которые ему предоставлены по занимаемой им должности, но и теми, которые составляют неотъемлемую собственность зулусов², кафров³ и иных дикарей.

Естественно, что и ответ городской управы на отношение полицеймейстера должен был носить сугубо прогрессивный оттенок.

И он (ответ) действительно носит этот оттенок.

Вот что он гласит (приблизительно): увольнение Черникова управа находит нелогичным и нерезонным. Черников исполнил лишь свою обязанность и за это заслуживает не порицания, а, напротив, особенной похвалы («и поощрения» – добавим мы от себя, беря на себя смелость рекомендовать управе войти в думу с особым представлением о награждении Черникова

и будущих его последователей особой медалью с надписью: «за приличный кулак»). «Если же, – заканчивает свой ответ управа, – Алдагов считает себя обиженным (управа, видно, сомневается, чтобы человек мог дойти до такого нахальства и обижаться за хорошую «заушину»), то он может обратиться с жалобой к мировому судье».

Резонно, хотя в своей отсталости мы все же остаемся при своем мнении.

ФИГОВЫЙ ЛИСТИК

Захотелось нашему городскому общественному управлению в прошлом году увеличить свой доход. Желание вполне, конечно, похвальное, и никто возражать против него, само собой, не мог бы. Но беда в том, что единственным источником для сего увеличения могли послужить, по мнению наших заправил, кабаки. А это уж, как вы сами понимаете, несколько конфузно: строить свое благосостояние на спаивании населения, что там ни говорите, как будто не совсем, мягко выражаясь, удобно. Как тут быть? Подумали наши заправилы и решили: «А фиговый листик на что? Штука, можно сказать, отменная!»

И полились речи...

Мы помним, мы живо помним эти речи! Каким благородством, какой заботливостью, трогательным участием к «меньшему брату» дышали они! Тут было и «растлевающее влияние кабака», и «спаивание несчастных», и «недобросовестность кабатчиков» (точно есть добросовестные кабатчики!), и «нерадение полиции», и «нравственная обязанность охранения населения от сивушного дурмана», и «высокая культурная работа» и... да мало ли чего тут не было?

Прокралось мимоходом и «увеличение доходности».

Последнее могло прорвать или, по крайней мере, приподнять немного фиговый листик, но... нам ли, хитрым детям лукавой Евы, занимать стать умения сохранять фиговые листки на должных местах?

И полились снова речи...

«Вы недоумеваете, – говорили нам, – как это можно достигнуть таких результатов, чтобы и пьянство уменьшилось и доходы городские увеличились? А между тем нет ничего легче и проще этого. Нужно только запретить открытие кабаков низшаго раз-

ряда, оставив духаны, и разрешить открытие ренсковых погребов на вынос лишь на одном Александровском проспекте. Первое – уменьшить число кабаков вообще, второе – увеличить сумму сбора с трактирного промысла, так как взамен не подлежащих обложению ренсковых погребов на вынос появятся такие заведения трактирного промысла, которые подлежат обложению».

Правда, мы и тут еще недоумевали. Позвольте, думали мы какая ж разница между кабаком и духаном?¹ Это раз. А вторых, не странно ли: люди толкуют об уменьшении пьянства путем сокращения количества питейных заведений и тут же рядом хотят уничтожить такие питейные заведения, которые меньше всего потворствуют пьянству?! Ведь ренсковые погреба² на вынос отнюдь не то, что простой кабак, где к моим услугам и закусточка, и штопорчик, и рюмочка, где я могу в компании нажраться до одурения: здесь, в ренсковом погребе на вынос, я могу лишь приобрести бутылку водки, которую должен вынести, т. е. отнюдь не могу тут же распить. Где же тут логика?

Но нас постарались уверить, что и в этом отношении мы глубоко заблуждаемся. Мы напрасно воображаем, что ренсковой погреб на вынос – действительно ренсковой погреб на вынос; ничуть не бывало: в большинстве случаев, ввиду отсутствия у нас хорошаго полицейского надзора, эти погреба отличным образом торгуют распивочно.

Мы продолжали недоумевать. «Отлично, – говорим мы, – пусть даже правда, что некоторые погреба торгуют и распивочно. Что же будет достигнуто, если их уничтожить? Появятся на их место форменные кабаки с распивочной продажей. Чем же они лучше? И как это может повлиять на уменьшение пьянства, о котором нам толкуют? Ведь если даже некоторые погреба и производят распивочную продажу, то, ввиду той громадной ответственности, которую они понесут при обнаружении такой незаконной торговли, она, эта торговля, никогда не может принять таких безобразных форм, какия мы встречаем в обыкновенном кабаке. Ergo...»

Но нас опять начинали разубеждать, опять посыпались громкия фразы, и в конце концов мы вынуждены были придти к заключению, что, очевидно, мы просто-напросто тупоголовы и не можем достигнуть тех тонкостей, которые так понятны нашим «отцам».

Могло ли нам тогда придти в голову, что тут все дело в фиговом листке?

Прошел год. Вздумалось открыть ренсковой погреб на вынос нашему потребительному обществу. Люди в нем все свои, – как отказать?

И вот снова полились речи... Но какие неожиданные для нас речи! Мы вдруг узнали, что наши прежние недоумения совсем не были глупостью; что нас только морочили, когда убеждали в том, что заблуждаемся; что ренсковые погреба на вынос гораздо лучше всяких других кабаков и что открытие их должно быть даже едва ли не поощряемо; словом, мы узнали вдруг, что все прежние речи были лишь фиговым листиком...

Конечно, мы можем только радоваться этому и благодарить наших искусников за то, что они, наконец, разоблачились, но... как-то должны себя чувствовать теперь сами искусники?

ШАЛОСТИ ПЕРА

«Скромность – украшение человека. Правда – гордость его. Будь скромн и правдив – и ты будешь почтен и возвеличен» – так или приблизительно так поучал или думал поучать великий древний мудрец.

Нужно ли называть его?

«Скромность – глупость. Правда – смешно и бесполезно. Будь нескромн и лжив, и ты будешь почтен, возвеличен, а главное – взыскан милостями» – так или приблизительно так поучает, другой мудрец, мудрец новейшей формации.

Можно ли не назвать его?

Тем более что до этого тем же мудрецом сделано другое открытие, еще более, пожалуй, почтенное и поучительное.

«Кавказский туземец, – открыл он, – вместилище всяческих скверн. Хотите очиститься от них – выселите всех туземцев в глубь Азии, и они там повымирают».

И то, и другое открытие, как видите, самого радикального свойства.

И то, и другое открытие, как сказано, принадлежат одному и тому же лицу, подарившего мир этими открытиями!

И да будет стыдно миру, вздумавшему не признавать этих открытий.

Да будет стыдно ему, ибо наш мудрец, мы уверены, сумеет доказать всю целесообразность и важность их.

Да, впрочем, разве не доказал он уже этого? Не доказал по крайней мере по отношению скромности и правды?

Вспомните последнее собрание нашего статистического комитета и вы согласитесь, что мы правы.

Разве, придерживаясь формулы древнего мудреца, наш новый мудрец был бы почтен «общим вставанием»?

Старый мудрец сказал бы:

«Господа, все, что нами сделано, в сущности, не стоит и выеденного яйца и уже во всяком случае тех средств, которые нами затрачены на это. При энергии, при желании действительно поработать на пользу области мы могли бы сделать в десять-двадцать раз больше того, что сделали. Да и то, что сделано, кому и на что оно нужно? Мы собирали цифры? Но мы обязаны были собирать их, так как получаем за это солидное вознаграждение. А что дали вам эти цифры? Внесли ли они свет, правду? Нет, и тысячу раз нет! Напротив: они сгустили лишь мрак и усилили путаницу. Мы орудовали ими, как послушными оловянными солдатиками, заставляя их говорить вам лишь то, что было выгодно, что было желательно вам. И вы знаете, что они, эти оловянные солдатик, всегда исполняли наши желания. Нам нужно было доказать, вопреки очевидности, что Терская область – многоземельна, – выстраивались одни солдатик; требовалось доказать, что туземцы – исчадия ада, – мы выстраивали перед вами других солдатиков. Вот в чем, господа, заключалась наша работа; вот для чего служили собираемые нами цифры. Верны ли они? Проверяли ли мы их? Ну, конечно нет! Проверенные цифры могли бы сказать вам правду о нашей действительности, а это – вы сами понимаете – совсем не в наших интересах, нам хорошо только до тех пор, пока нет этой правды.

Мы, – вспоминаете вы далее, – издавали «Сборник. Так. Но находили ли вы в этом «Сборнике» то, что нужно было вам? Нашли ли в нем действительность, «жизнь как она есть»? Опять-таки нет и тысячу раз нет. Мы включали в него только то, что нужно было нам, и не стеснялись даже переделывать включаемые «материалы» в желательном для наших целей смысле.

Наконец, вы указываете на одну из наших работ, о которой говорили даже в вольно-экономическом обществе. Но, господа,

кто же не знает, что из прекрасного далеко все кажется в другом свете, чем оно есть в действительности.

Не заблуждайтесь же и не приписывайте нам заслуг, которых за нами не было и нет. Помните, что мы люди – скромные и правдивые».

И выслушав это дикое признание, эту шалую речь древнего мудреца, собрание...

Но вы понимаете сами, как «почтило бы» собрание нашего совестливого оратора.

Новый мудрец поступает иначе.

Он говорит:

«Господа! Перед нами результат нашей (моей) работы. Перед вами колоссальный труд, созданный нашими (моими!) руками, нашей (моей!) энергией, нашим (моим!) умом... Что может быть величественнее, ценнее и целесообразнее этой работы? Преклонитесь же перед нашим рвением, перед нашей энергией, перед нашим умом, перед нашими способностями. Воскурите же нам фимиам и почтите...» И т. д. и т. д.

И мы знаем, что после этого не верить ему, когда он уверяет нас, что скромность – глупость, а правда – лишь помеха на жизненном пути?

И не приходит ли вам в голову, что, доказав так блистательно верность одного своего открытия, наш мудрец сможет доказать такую же верность и целесообразность и второго?

И не подмывает ли вас вместе со мной воскликнуть по адресу нашего нового мудреца:

Да...

Но вы поперхнулись? Неужели же вы не понимаете, что поперхнуться в такую торжественную минуту по меньшей мере не тактично? Нет, я положительно убеждаюсь, что вы не умеете ценить достойных и почтенных людей. Да будет же и вам стыдно!

РАСПИСКА В ПОЛУЧЕНИИ

Издатель «Казбека» С. Казаров «расписался в получении», признав себя в моем китайском издателе На-Фу-Фу, он грозит мне судом. Я очень рад этому, так как суд даст мне возможность снять личину с г. Казарова и разоблачить все его неблагоприятные проделки как в отношении первых настоящих издателей «Казбека»: присяж. пов. Ступина, доктора Далгата и др., так и по

отношению сотрудников его газеты, имевших несчастье довериться ему. Поэтому я охотно заявляю, что выведенный мною в моих сказках издатель На-Фу-Фу действительно списан мною с издателя «Казбека» г. Казарова.

Боюсь только, что г. Казаров и в этом случае поступит «по традиции»: ограничится лишь одними словами. Буду, однако, надеяться, что хотя сегодняшний мой postscriptum¹ заставит его отказаться от этой «традиции».

Я жду суда и, само собой, больше ни о г. Казарове, ни о его газете ни словом не обмолвлюсь.

НЕПРИЗНАННАЯ УГНЕТЕННАЯ НЕВИННОСТЬ

Кавказский обыватель, как удачно подметил Кавказец¹ в своем очерке «Литературные процессы на Кавказе» («Русское богатство», 1899 г., сентябрь), необыкновенно, до какой-то даже страсти, любит разыгрывать из себя «угнетенную невинность».

Послушайте кавказского обывателя, – это чистенький, беленький, невиннейший агнец, на которого, бог весть почему и бог весть за что, все и вся постоянно клеветает, которого все и вся постоянно инсинуирует².

И пуще всех злобные газетчики.

Они, видите ли, пачкают невинного агнца, чернят его по злобе, по сатанинской ненависти ко всему чистенькому, беленькому, невинному.

Их устами постоянно глаголет сама клевета, сама инсинуация.

Клевета черная, инсинуация грязная.

Мудрено ли, что он, «обрызганный и опачканный агнец», начинает немедленно брыкаться?

Звоня на каждом перекрестке о своей голубиной невинности, о наглой клевете и поруганной чести, «чистенький невинный агнец» не упускает случая воспользоваться удобным моментом и забросать «злобного газетчика» уже действительной, настоящей грязью, облить его настоящими помоями.

Он бросает ему грязь возами, выливает эти помои ушатами.

Берегись тогда, «злобный газетчик».

«Невинный агнец», уличенный тобой в гешефтмахерстве, в постыдной торговле общественными интересами оплатит тебе сторицей.

Он не только обвинит тебя в тысяче самых ужасных преступлений, за которые тебе давно следовало бы быть где-либо на Соколином острове, или по меньшей мере в «местах, весьма отдаленных», – он не оставит «в этот удобный момент» в покое твоего отца («его повесили за хорошие дела»), твою матушку («известная содержательница дома терпимости»), твою сестру («соратница Золотой ручки»), твоих братьев («все каторжники»), твоего деда, бабушку, самых отдаленных предков...

Всем достанется «при всей верной оказии» на орехи, всех припомнит тебе «невинный агнец», и ты должен будешь благодарить его, если и ты сам, и все твои родственники до пятого колена включительно окажутся не хуже Марка Твена и всей его родни (см. «Моя родословная» Марка Твена).

Да, лют, чрезвычайно лют в таких случаях кавказский обыватель, безразлично, принадлежит ли он к плеяде славных общественных деятелей или стоит несколькими рангами пониже.

Но и в лютоści своей он в последнее время начал соображать, что одними воплями на перекрестках, одним беспардонным и беззастенчивым охаиванием «злобного газетчика» и всей его настоящей, прошлой и будущей родни далеко не уйдешь и своих грешков не замажешь, что требуется еще более действительное и целесообразное...

И он стал прибегать к суду.

Но прибегать тоже по-кавказски, по-опереточному.

Прежде всего он ужасно любит 1039 статью³.

«Это не просто клевета, – толкует «невинный агнец» знакомым и незнакомым направо и налево, – это ужасная диффамация⁴. И я притяну мерзавца за диффамацию».

Когда же оказывается, что притянуть по 1039 статье неудобно и невозможно, он делает вид, что забыл уже «нанесенное оскорбление» и совершенно спокойно «забывает» про суд и прочее (процессы владикавказского коммерческого клуба, купца Цизина и пр.).

Маневр, как вы сами понимаете, вполне целесообразный и действительный: пока он кричит, что привлекает подлого газетчика к суду, публика приучается видеть в нем «страдальца», «угнетенную невинность»; к тому же времени, когда он «забывает» про суд, та же публика тоже и уже действительно забывает про разоблаченные его дела.

Другими словами, невинность оказывается соблюденной, капитал – приобретенным.

Случается, однако, что и этого излюбленного фортеля кавказского невинного агнца недостаточно; что *volens – nolens* ему нужно прибегнуть к суду не на одних только словах, но и на деле.

И вот тогда...

Тогда, увы, кавказский обыватель оказывается в трагическом положении: суд ни за что не хочет признать в нем «угнетенную невинность».

В таком именно трагическом положении очутились в настоящее время владикавказские бр. Зипаловы и грозненский городской врач Мартынов.

История их «литературных процессов» очень любопытна, и мы позволим себе остановиться на них (процессах конечно) несколько подробнее.

Братья Зипаловы (Николай и Владимир) – крупнейшие владикавказские купцы. Они имеют огромную, доставшуюся им по наследству, торговлю на Александровском проспекте. Торгуют они, между прочим, и учебными пособиями. Товар этот, как вы знаете, ходкий и прибыльный. Но братья Зипаловы сумели еще сделать его прибыльнее того, чем он есть в действительности: им удалось монополизировать эту выгодную торговлю; монополизировать не официально, а фактически (официально существовали во Владикавказе и другие книжные торговли, но фактически последние учебников продавать не могли, – фокус, в разъяснении, кажется, не нуждающийся). И как монополисты, братья Зипаловы охулки на руки не клали: родитель, попадавший в их магазин за учебниками для сына или дочки, уходил «весьма довольный». Продолжалось такое исключительное положение дела довольно долго, и, наконец, на него обратила внимание местная пресса, которая выступила с разоблачением, указав, между прочим на такой факт, что в торговле бр[атьев] Зипаловых даже переделывают на обложках цены (учебник французского языка Шаланда).

Бр[атья] Зипаловы, понятное дело, завопили: «Ложь клевета, личные счеы...» Воплями, однако, ограничиться в этом случае нельзя было (общественное положение не позволяло), и пришлось обратиться в суд.

В первой инстанции (владикавказский окружной суд) им повезло: редактора приговорили к семидневному тюремному

заклучению, но во второй инстанции (тифлисская судебная палата) «угнетенную невинность» их не признали: редактор газеты оказался оправданным.

Столь же удачным и трагичным оказался дебют на том же поприще и городского врача г. Грозного Мартынова. Газета разоблчила как-то довольно-таки неприглядный случай из его врачебной практики (г. Мартынов отказался подать помощь отравленным только потому, что они имели дерзость быть очень бедными людьми: отравленные умерли). Г. Мартынов, заметьте, даже не названный газетой, вломился в амбицию и притянул редактора к суду. Повторилась та же история, что и с братьями Зипаловыми: в первой инстанции (тот же владикавказский окружной суд) редактора обвинили и приговорили к семидневному заключению, вторая же инстанция (та же тифлисская судебная палата) и здесь не признала «угнетенной невинности» и оправдала редактора.

Да послужат эти два свежих случая должным уроком кавказскому обывателю – «агнцу».

Да убедится и уверится он, что недостаточно только вопить о своей голубиной чистоте и ангельской невинности: необходимо быть на самом деле чистым и невинным.

Иначе...

Иначе каждому предстоит то же, что пришлось отведать теперь непризнанной «угнетенной невинности» – бр[атьям] Зипаловым и врачу Мартынову.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИТОГИ

Флаг спущен, – ярмарка закрыта.

Двери театра закрыты, труппа разъехалась, сезон закончен.

Можно подводить итоги. Не желая, однако, повторяться, мы не будем останавливаться на художественной стороне дела, а займемся исключительно материальной.

В этом отношении истекший театральный сезон должен быть по всей справедливости признан очень удачным.

Он превысил всякие ожидания, доказав, что Владикавказ нуждается в разумном развлечении и может окупить его.

В то же время истекший сезон доказал, что теперешнее помещение театра окончательно неудовлетворяет предъявляемым к нему требованиям: не говоря уже о целом ряде других су-

ществленных дефектов, помещение это прежде всего не может вмещать всех желающих попасть на тот или другой спектакль.

Случаи, когда сотням желающих попасть в театр приходилось возвращаться домой не солоно хлебавши, были совсем не редкостью в истекшем сезоне.

И нет никакого сомнения, что они не будут редкостью и в будущем. Напротив, можно с уверенностью предсказать, что в будущем они участвятся и примут систематический характер.

Театр, следовательно, необходимо расширить. И теперь для этого представляется самый удобный момент, так как зданию все равно требуется капитальный ремонт, при котором и расширение явится не особенно затруднительным.

Как же, однако, это сделать? Должно или может ли городское управление сделать это собственными силами, или ему придется прибегнуть к помощи и посредничеству контрагента?¹

Нам кажется, что город мог бы очень свободно обойтись без такого посредничества.

Прежде всего, последнее крайне нежелательно принципиально. «Театр не должен служить доходной статьей для города» – таков взгляд, установившийся в этом отношении давно. Но тот же театр не должен служить доходной статьей и для посторонних лиц. Отказываясь от этой доходной статьи, городское управление не имеет никакого нравственного права отдавать эту доходную статью третьему лицу.

Ясно, следовательно, что город отнюдь не может закабаливать театр какому-либо предпринимателю, как это он делал в последние десять лет.

Ясно же, следовательно, что расширение и ремонт его должны быть произведены самим городом без посредничества третьего лица, которое за это посредничество потребует неминуемо солидной компенсации в виде долговременной аренды.

Но может ли город обойтись без этого посредничества? Мы думаем, что может.

У города нет средств на расширение и ремонт? Но кто же мешаает ему добыть эти средства путем залога того же здания в каком-либо частном банке?

На расширение и ремонт, говорят, потребуется тысяч 15. А такую сумму под залог здания и земли под ним даст любой банк, даст на необременительных условиях, которые во всяком

случае не могут явиться столь тяжелыми, как условия частного лица, выступающего предпринимателем.

Говорят, что театр хочет снять теперь г. Никулин-Ольке-ницкий.

Мы высоко ценим г. Никулина, могли бы его предпочесть всякому другому контрагенту, но... все же не можем и не должны забывать, что и г. Никулин прежде всего делец, что и его цель отнюдь не облагодетельствовать город, а извлечь из предприятия как можно больше выгоды для себя.

Г. Никулин может быть добросовестнее других, но и он явится прежде всего предпринимателем, т. е. лицом, которому дороги интересы собственного кармана.

И при нем, следовательно, театр неминуемо будет чисто коммерческим предприятием, а этого по отношению к театру, призванному служить интересам всего городского населения, допускать не следует.

Не допускать же превращения театра в чисто коммерческое предприятие, долженствующее пополнять чужие карманы, можно только одним путем – эксплуатацией его самим городским управлением.

Сделав указанный нами заем и произведя на добытые таким путем расширение и ремонт театра, город может распределить затраченную сумму с теми процентами, которые ему придется уплатить банку, на известное количество лет и покрыть ее за это время арендной платой.

Само собой, что при таких условиях арендная плата эта будет небольшой и необременительной для предпринимателей (антрепренеров или товариществ), а это даст городу возможность делать между ними выбор и иметь постоянно хорошую труппу.

Положим, можно рассчитывать, что и г. Никулин, выступив контрагентом, будет иметь хорошую труппу, но, во-первых, нет никакого сомнения, что весь период аренды он отнюдь не будет сам выступать антрепренером и будет сдавать театр другим антрепренерам, предпочитая, само собой, лишь тех, кто «больше даст», а во-вторых, – кто поручится нам, что, заключив с городом контракт, г. Никулин не переуступит его другому лицу? А ведь последнее может оказаться далеко нежелательным.

Отсюда прямой и единственный вывод: можно и должно отдать предпочтение перед всяким другим предпринимателем г. Никулину, но предпочтительнее всего отнюдь не иметь дела

ни с какими контрагентами, а оставить эксплуатацию театра в руках городского управления, производя ремонт и расширение его за собственный счет, путем займа.

ШАЛОСТИ ПЕРА 2

«Est modus in rebus» (всему своя мера) – говорили римляне. Но я думаю, что они отказались бы от этой формулы, если бы знали нашего лорд-мера. Наш почтенный лорд-мер в своей стремительности, в своем чрезвычайном рвении к деятельной работе совсем не знает меры. Для него вышеприведенная римская формула совершенно не существует.

Рядом с лорд-мерством он умудряется исполнять сложные обязанности секретаря благотворительного общества, председателя бесчисленных комиссий, члена бесчисленных обществ, чтеца-лектора, инициатора общества попечения о работных домах et caetera et caetera (и это будет – *лат.*) вплоть до... журнального деятеля.

Мы помним несколько работ его на этом последнем поприще.

Но ни одна из них не производила на нас такого впечатления, как самые последние произведение его пера – письмо в редакцию вашей газеты (№ 36 «Приаз. Края»). В нем он блистательно доказал, что и на поприще журналистики он заткнет за пояс многих и многих. Моего коллегу – г. Омскаго письмо г. Фролкова возмутило.

«Помилуйте, да ведь это – сплошная передержка – вскипятился он – передержка от первого до последнего слова. Я говорил о «простом люде», а он вдруг закатил каких-то «чернорабочих»; я говорило тех, что пользуются читальней и настаивал на преобладающем контингенте посетителей – простых людей, а он тычет «учащихся в местных учебных заведениях и пр.», которые состоят абонентами библиотеки; я говорил, что прежнее помещение читальни явилось кладом для нее на первых парах, когда совсем не имелось другого помещения, а он передергивает, будто я считаю это помещение кладом и теперь. И наконец, что это за маневр уверять, что читальни у нас вовсе нет, когда она существует и когда за чтение книги газет в ней взимается с посетителей даже особая плата? И это называется «опровержением»? Или еще перевод библиотеки решен советом ее. Но ведь кому неизвестно, что инициатором этого перевода явился

сам г. Фролков, и что, переводя библиотеку, совет никак не мог рассчитывать, что его так стеснят? Да и что за нужда была в экстренном переводе? Холод заставил? Но отчего об этом не думали тогда, когда действительно было холодно в помещении и отопить было нельзя, т.е. в ноябре-январе? А подумали тогда уже, когда о холодах помину нет и на дворе стоит едва-ли не весенняя погода? Отчего...»

И чем дальше говорил мой коллега, тем больше и больше кипятился.

Я же... я мог только улыбаться.

– Знай вы г. Фролкова – сказал я – вы бы тоже улыбнулись и сказали себе: «*Est modus in rebus*» (Это модус в ребусе – *лат.*), но г. Фролков никогда не знал его.

Естественно, что и в своем «опровержении» он не мог соблюсти меры.

Получалась сплошная передержка, а это... это лучше опровержение на его «опровержение».

* * *

Не хочет знать русской формулы и г. Метеор.

Еще лишь недавно я искренно я искренно советовал этому юному «литератору по недоразумению» бросить перо и заняться более подходящими под его способности соской и молочком. Но детка из «Казбека» оказался упрямым. Он продолжал строчить и дострочился до того, что... Его хотят высечь его же собственные читатели. Я не шучу.

Вот письмо одного из этих читателей, «з велького розуму» опубликованное самим Метеорчиком: «Татарское иго, каки всякое ярмо, конечно, тяжело отозвалось на Руси: но в изобретении кнута оно неповинно. Это наследие норманов, которых Метеор по обыкновению своему смешивает. Кнут – слово шведское, было бы вам, судари мои, известно, и надо сожалеть, что употребление его не удержалось для применения кавторам, подобным Метеору. («Казбек». № 666).

Резко и даже неприлично? – согласен. Но что поделаете супрямыми детками, не внимающими никаким внушениям? А Метеорика мне все-таки жаль. Того глядя, читатели его вса-момделе высекут. Ведь... «по недоразумению»... А даже законо

малолетних признает «неразумение» абсолютным поводом для невменения преступления в вину.

Читатели «Казбека», пожалейте-же деточку!
Хотя бы уж в силу закона.

«АНТИРЕВИЗИОНИСТ»

Герой нашего серенького пасмурного дня – мещанский староста Гробунцов. Гробунцов– «выпивоха», Гробунцов– «чудак», как он сам себя называет. В «героях» он, впрочем, состоит уже давно.

С техпор, как увлекался примером французскаго генеральнаго штаба, объявил себя «антирeвизионистом». И... стал гнать в шею рeвизионную комиссию. Это было еще во время «старого курса». И тогда, это имело полный *raison d'etre**. «Старый курс» был заядлым врагом «рeвизионизма». Во всегo видах проявлениях. И тщетно ополчался тогда против этого один из неспокойнейших здешних газетчиков. Тщетно восставал он против диктаторских поползновений «выпивохи» – антирeвизиониста. Тщетно вопил он о необходимости самого широкого контроля над деятельностью каждого общественного деятеля. И паче всего над общественным сундуком.

Враг рeвизионизма – «старый курс» былна стороне «выпивохи-чудака». И «выпивоха-чудак» только восклицал: «И сокрушу жя ребра этому подлому газетчику!..» По счастью для газетчика, или вернее, для его ребер, ветер, внезапно переменялся. Старый курс сменился новым, казавшимся врагом ... антирeвизионизма. «Выпивоху-чудака» потянули, «на цугундер». Ему предписали открыть общественный мещанский сундуки дать заглянуть. В первую минуту герой-антирeвизионист воскликнул: «И сокрушу-же я ребра...» Но потом опомнился и закончил: «Не пущу!»

Увы! Ему пришлось «пустить». Приказомпо области его просто-напросто «отстранили отдолжности». Предписав: «сдать дела». Это было еще более необычайно. И «чудак-выпивоха» могтолько воскликнуть: «Не сдам!»

* Причина быть.

И не сдаст. Чем это окончится, предвидеть, однако, не трудно. Сила – говорят – ломит и соломинку. Не устоять против нее и нашему герою-антирелигиознику.

Дела будут сданы, а самого его, пожалуй, тоже «сдадут». В архив! И тогда... Тогда наши искренний совет славному антирелигиознику: выставить свою кандидатуру во французский сенат. После избрания Мерсье в успехе сомневаться не приходится. Некоторые округа Франции умеют ценить «пророков отечества». Сумеют они оценить и владикавказского пророка. «Выпивоху-чудака» Горбунцова. Много лет будущему сенатору!

Vive Le starosta i a bas* заядлые газетчики, выступавшие против него!

* Да здравствует староста и вниз.

КОММЕНТАРИИ.

По поводу одного удивительного проекта

Статья напечатана в газете «Казбек» в 1899 г. в № 390 от 3 января, подписана «Шаханов-Джанхотов».

¹На эту же тему в «Новом времени» была опубликована статья «О кавказских разбоях» за подписью «Гражданин» (1897. № 7527), а также в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1897. № 22) – «Нужды Кавказа». В своей статье «Как прекратить разбои на Кавказе», напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» в № 320 от 21 ноября 1898 г., Ф. Шошин писал «меры к подавлению и искоренению разбоев и грабительств на Северном Кавказе должны сводиться к следующим положениям:

1. Наделение горцев землею в более достаточном количестве.
2. Поднятие их быта уменьшением налогов и повинностей впредь до того времени, когда материальное положение их упрочится развитием среди туземцев сельского хозяйства, промышленности, торговли и образования.
3. Отмена существующей системы администраторов.
4. Разрешение горцам селиться повсеместно с правом вступления в городское и сельское сословие русского населения.
5. Поднятие образования среди горцев и учреждение профессиональных школ для ознакомления с кустарным и сельскохозяйственным производством и школ общего образования.
6. Поддержание и поощрение существующих ныне среди горцев кустарных и иных промыслов.
7. Коренное изменение основ их управления и судов.

²*Софистами* в Древней Греции называли философов, выступавших официальными учителями «красноречия» и «мудрости». Б. Шаханов иронизирует над методами Карцова сознательно применяющего в своей теории софизмы, т. е. всякого рода уловки, замаскированные внешней, формальной правильностью.

³*Ex officio* (лат.) – по обязанности по должности.

⁴ *De quibus non disputant uni est!* (лат.) – о вкусах не спорят.

Еще переселение

Статья напечатана в газете «Казбек» в № 431 от 7 апреля 1899 г., подписана – «Шаханов-Джанхотов».

¹ Имеется в виду работа Карцова «Причины разбоев на Кавказе» (Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 358).

² Работа, о которой идет речь, автору комментария неизвестна.

³ *Чухны* – пренебрежительное название карело-финнов в дореволюционной России.

⁴ *Зыряне* – устаревшее название коми.

Два слова к туземной интеллигенции

Напечатана в газете «Казбек» в 1899 г., № 475 от 13 июня, подписана – «Шаханов-Джанхотов».

¹ Колхида – древнее название Западной Грузии. С Колхидой было связано множество древнегреческих преданий.

² Литературно-иллюстративные приложения «Казбека» выпускались в 1899–1901 гг. Установлено 8 выпусков.

Этюды из туземной жизни

Напечатаны в газете «Казбек» в 1899 г., в № 538, 549, 554, 560, 572, 577, 582, 586, 594, 602, 612, 625. Из 16 пронумерованных автором и помещенных в «Казбеке» этюдов разыскано 12, не найдены этюды 2, 10, 13, 15. О судьбе 13-го этюда из ответа редакции известно, что «они не прошли» (Казбек. 1899. № 614). О причине отказа поместить этюд редакции умалчивает. В газете «Терские ведомости» был впоследствии опубликован еще один этюд. Но он не был пронумерован автором, и по содержанию очерка затруднительно судить, завершал он работу или нет. Этот последний этюд был напечатан в «Терских ведомостях» (1900. № 80) после того, как Б. Шаханов сделал в ней заявление о том, что порывает с газетой «Казбек» (см. Терские ведомости. 1900. № 1. 1 января). «Этюды из туземной жизни» подписаны – «Шаханов-Джанхотов».

¹ Книга, о которой пишет Б. Шаханов, автору комментария неизвестна.

² *Басурман* – архаизм, презр.: иноверец (преимущественно о магометанине).

³ *Молодой горец таубий Исмаил Урусбиев...* – согласно посемейным спискам Урусбиевского поселка 1886 и 1905 годов, этот Исмаил – сын Адильгирея Урусбиева.

⁴ Т. е. эмчеками. По обычному праву балкарцев привилегированные классы отдавали своих детей на воспитание в семьи нижестоящих сословий (которые получали название аталыков), вследствие чего семьи эмчека и аталыка обязаны были нести определенные обязанности по отношению друг к другу. Эмчеками называли как воспитанников, так и детей аталыка по отношению к эмчеку.

⁵ Напечатаны в газете «Казбек» за 1899 г., в № 481–490, 533–541. К этой теме (изучение поземельного вопроса в Нагорной полосе) Н. Тульчинский возвращался неоднократно (см. Терские ведомости. 1901. № 36, 41–46, 54–56 и др.).

⁶ Балкарский историк Азаматов К. Г. институту бегенда дал такое краткое определение: «бегенда есть поземельный институт при котором дебитор закладывает свою землю бессрочно или со сроком кредитору за долги (деньги, скот, холопы), при этом кредитор и его наследники пользуются землей безраздельно до получения своего долга, но право собственности остается за дебитором» (*Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968. С. 43*). К началу XX в. бегенда несколько изменила свое содержание, так стали называть простую аренду земли.

⁷ *Ортакъ* – аренда земли, инвентаря, сельскохозяйственных животных широко распространенный в Карачае и Балкарии социальный институт, имеющий несколько разновидностей.

⁸ См. примечание 4.

⁹ Намек на то, что решение поземельного вопроса балкарцев откладывалось на десятилетия, в то время как для крестьян это был самый животрепещущий вопрос, требующий незамедлительного решения.

¹⁰ Б. Шаханов призывает Тульчинского к объективности в оценке состояния поземельных отношений.

¹¹ Б. Шаханов имеет в виду Балкарию.

¹² Автор статьи «Последствия калыма» не установлен.

¹³ *Консистерия* – учреждение по церковным делам.

¹⁴ *Қырғоқуо (лат)* – одно вместо другого, путаница, недоразумение.

¹⁵ Коллежский секретарь (советник) – гражданский чин, в соответствии с табелью о рангах состоял в 6-м ранге, соответствует чину полковника военной службы.

¹⁶ *Титулярный советник* – гражданский чин 9-го класса в табели о рангах.

¹⁷ *Филиппинки* – здесь гневная обличительная речь.

¹⁸ «*Авхард*» – псевдоним не установлен. Слово в переводе с осетинского означает «обиженный, оскорбленный».

¹⁹ Следует предположить, что этюд пронумерован в оригинале ошибочно VII.

²⁰ *Гаппо* – Гаппо Баев. Баев Г. В. долгое время входил в состав администрации Терской области, в одно время голодской голова Владикавказа.

²¹ *Поэма «Алгузиани»* с комментариями учителя Тифлисского реального училища М. Дженашвили была опубликована в СМОМПКе (1897. Вып. 22. От. I. С. 90–198).

²² По поводу пропажи «Алгузиани» и реакции Б. Шаханова на это событие проф. Б. А. Алборов писал: «В своих статьях он (Шаханов.– Т. Б.) призывал к бережному собиранию памятников народнопоэтического творчества горцев, их бережному хранению и изучению. Он с негодованием писал о похищении из Нузальского склепа моленной драгоценной исторической поэмы «Алгузиани» грузинским священником Русишвили и о соскоблении надписи о 9 братьях осетинского царя Ос-Багатара грузинским священником Самаргановым» (Архив КБИИФЭ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 6).

²³ *Эдип* – в древнегреческой мифологии сын царя г. Фив – Лае, убивший своего отца и женившийся на матери по неведению. Когда Эдип узнал о случившемся, он ослепил себя. Судьбе Эдипа посвящены трагедии Софокла, Еврипида и др.

²⁴ *Ешевский К. К* земельному вопросу в Кабарде // Казбек. 1899. № 557. 23 сентября.

²⁵ *Мафусаиловы лета* – в ветхозаветных преданиях Мафусаил считается одним из праотцев человечества. Мафусаилу приписывается необыкновенное долголетие – он прожил 969 лет.

²⁶ *Status quo* – существующее положение.

²⁷ *Игра в бирюльки* – здесь заниматься пустяками.

²⁸ *Тавлинцы* – в русской публицистике XIX в. так называли (тавли, тавлины, тавлинцы) горцев Северного Кавказа и Дагестана.

²⁹ Аслан-бек написал еще один отклик на «Этюды...», но газета не напечатала его (см. ответ редакции «Казбека» в № 625. 1899 г.).

³⁰ Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области – образовано в 80-х годах XIX в. во Владикавказе.

³¹ *Байгуш* – архаизм карачаево-балкарского языка означающий «бедняк». «Бай» – богач, «гуш» – староаланское: работник; «байгуш»: бая работник, холоп.

³² По воспоминаниям проф. Г. А. Дзагурова, представителям «туземной» интеллигенции стоило большого труда устроиться на работу по специальности в родных краях, поэтому большинству из них приходилось жить и работать в отдаленных от Кавказа областях России (Архив КБИИФЭ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 3).

³³ Татарами здесь названы азербайджанцы.

³⁴ *Пастеровская прививочная станция* учреждена в Тифлисе в 1882 г., проводила профилактику инфекционных заболеваний среди населения (см. ЦГИА ГССР, ф. 1615, оп. 1, д. 6).

³⁵ *Уруссы* – русские.

³⁶ *Винт* – род карточной игры.

³⁷ *Гизель* – село в Северной Осетии.

³⁸ «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова вышла первым изданием в 1861 г.

³⁹ Край газеты оторван, фразу невозможно восстановить.

Терские дела

Статья напечатана в газете «Каспий» в 1899 г. в № 267, 276, в 1900 г. в № 18, 31, 53, 72, 76, 94. Подписаны они без имени или инициалов одной только фамилией «Шаханов».

¹ В статье «Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 годах», напечатанной в «Журнале министерства народного просвещения», по этому поводу сообщалось: «За все время существования в 5 горских школах окончило курс 948 учеников, в том числе 194 в Нальчикской окружной и 754 – в 4 начальных. Из горцев, оканчивающих курс, только очень немногие поступают для продолжения образования в средние учебные заведения, военные и гражданские, хотя для облегчения им поступления в такие училища в Нальчикской школе введено даже преподавание французского языка, большинство же возвращается в свои аулы...» (Журнал министерства народного просвещения. С.-Петербург, 1890. № 8. С. 75).

² *Флюгарка* (устар.) – примитивное механическое приспособление для определения направления ветра; здесь – человек, часто меняющий свои взгляды.

³ Б. Шаханов имеет в виду, что русская администрация не представляет всей картины сословных отношений в среде горцев.

⁴ Имеются в виду таубии Балкарского (или Черекского) ущелья.

⁵ Ставропольская гимназия была учреждена в 1837 году и со временем, благодаря стараниям известного педагога и общественного деятеля Я. М. Неверова, стала одной из лучших в России. В ней обучались дети в основном высших сословий, на что было особое распоряжение свыше. Ставропольская гимназия сыграла большую роль в развитии культуры народов Северного Кавказа. В ее стенах окончили гимназический курс многие просветители и прогрессивные общественные деятели Северного Кавказа.

⁶ Когда писались «Терские дела», в Кабарде и Балкарии при населении 92 792 человека имелось всего 4 учебных заведения (см. Терский календарь. 1898).

⁷ Б. Шаханов имеет в виду Сафарали Урусбиева, обучавшегося в Петровско-Разумовской академии (ныне Сельскохозяйственная академия им. Тимирязева) на агрономическом отделении.

⁸ *Киноварь* – сырье для получения ртути.

Терские письма

Статья напечатана в газете «Приазовский край». Ростов-на-Дону, 1899, № 312, 324; 1900, № 5, 9, 37, 47

¹ *Зело* (устар.) – очень.

² *Гросс* (устар.) – двенадцать дюжин.

³ «...и земство введут и суд присяжных подарят» – в этой работе, как и в большинстве своих публикаций, Шаханов выступает за демократизацию суда, за распространение земской реформы на Северный Кавказ.

В отличие от Центральной России, где местное самоуправление на селе осуществлялось через земство, вся административная и гражданская деятельность на Северном Кавказе находилась под контролем военного ведомства. Это легко проследить на примере юридического обеспечения области. Несмотря на судебную реформу 1870 года, отделяющую судебную власть от военной, «новая система судопроизводства была неотъемлемой частью колониального аппарата угнетения и подавления» (История КБАССР. Нальчик, 1967. Т. 1. С. 317). Царская администрация не в состоянии была выработать такую форму юридического обеспечения населения, которая не противоречила бы обычному праву горцев и в то же время внесла бы что-либо новое в их существование. Окружные словесные суды, организованные после реформы, имели в своем составе, как правило, начальника округа (председателем) и представителей высших сословий и кулаков. Состав суда не выбирался, а назначался. Присяжные поверенные (адвокаты) в работе горских судов не принимали участия. Судебные разбирательства производились на основе адата (обычное право горцев) и шариата (правовые положения ислама).

⁴ *Urbietorbi* (лат.) – здесь, иронич.: всех и каждого, весь мир.

⁵ *Statusquo* (лат.) – пребывание, состояние.

⁶ Шаханов имеет в виду романтическую повесть декабриста А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек».

⁷ Царское правительство было заинтересовано в переселении части горцев в Турцию, так как рассчитывало этим актом ослабить антиколониальную борьбу народов Северного Кавказа. Вместе с тем царизм в середине XIX в. вынуждал горское население к переселению для

того, чтобы заселить освобожденные территории проколонизаторскими элементами (казаками, регулярными войсками). К началу XX в. с развитием капиталистических отношений Кавказ стал предметом вождения русского буржуа. Теперь выселить северокавказских горцев администрация старалась с целью использования природных ресурсов (в частности, Нагорной полосы) и захвата рынка сбыта, а также местного сырья для русской буржуазии.

⁸ Намек на выступление А. Карпова в «С.-Петербургских ведомостях» (1898. № 358) с проектом переселения горцев Северного Кавказа в среднеазиатские пустыни. Об этом Шаханов подробно пишет в своей статье «По поводу одного удивительного проекта» («Казбек». 1899. № 390).

⁹ *Юпитер* – по древнеиталийской мифологии бог неба, света и дождя, громовержец (соответствует греческому Зевсу).

¹⁰ Распоряжение Александра III, решившего ужесточить дискриминацию горцев, сделанное 13 декабря 1893 года, гласило: «Впредь до искоренения разбойничества в Кавказском крае и Ставропольской губернии дела о разбое, умышленном убийстве, грабеже с насилием, поджогах жилых строений, восстании и вооруженном сопротивлении властям, когда преступления сии совершены туземцами края, без различия национальности, сословия и исповедования, предоставить главноначальствующему гражданской частью на Кавказе передавать, по своему усмотрению, из ведения общих судебных установлений на рассмотрение военного суда для суждения виновных по законам военного времени и подтвердить состоявшиеся по сим делам приговоры военных судов» (ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 1, д. 1166, л. 1). Данное указание царя имело на Кавказе силу закона. Командующий войсками Кавказского военного округа Шереметьев поспешил, в свою очередь, объявить «Временное положение о мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и в особенности от всяких насилий против лиц нетуземного происхождения» (см.: Терский вестник. 1894. № 127. 30 октября 1894). В дальнейшем царский указ именовался «законом 13 сентября 1893 года» и имел зловеющий характер. По малейшему подозрению в приписываемых зачастую горцам преступлениях целые аулы выселялись за пределы области Самое незначительное отступление от колониального режима оценивалось властями как государственное преступление и беспощадно каралось. Царские служаки действовали разнузданно, не имея над собой никакого контроля. Годы реакции на Кавказе продолжались вплоть до смены кавказской администрации после смерти Александра III.

Памяти В. Н Грамматикова

Некролог напечатан 12 декабря 1899 г. в № 629 газеты «Казбек», подпись – «Шаханов-Джанхотов».

Василий Николаевич Грамматиков работал окружным врачом Нальчикского округа в 90-е годы прошлого столетия. По сохранившимся воспоминаниям и архивным документам видно, что это был неутомимый труженик, человек долга и кипучей энергии. Помимо оказания врачебной помощи населению, В. Н. Грамматиков живо интересовался бытом, культурой горцев. Известно, что он и Адрахман Искендеров были первыми, кто добивался разработки молибдена. Грамматиков и Искендеров на Коргашинли-тау положили под пирамидку из камней бутылку с памятной запиской « нами сего числа (19 июля 1897 г.) отправлена заявка в Северо-Кавказский горный округ с нижайшей просьбой прислать господ инженеров, специалистов горного дела, дабы изучить на месте возможности использования сих пород на благо Отечества» (из статьи в «Кабардино-Балкарской правде» от 19 сентября 1971 г. В статье Грамматиков ошибочно назван Петром Христофоровичем).

В. Н. Грамматиков добивался улучшения содержания арестантов, находящихся на Нальчикской гауптвахте. Об этой его деятельности в Государственном архиве КБАССР сохранилось много документов. Как штрих к портрету, нарисованному Б. Шахановым, хочется привести отрывок из рапорта В. Н. Грамматикова в Терское областное правление: «Крайне плачевное санитарное положение Нальчикской гауптвахты не раз подавало повод к ходатайствам о принятии к нему соответствующих мер, но, как видно из имеющейся при окружном Нальчикском управлении переписки по этому вопросу, до сих пор ничего не сделано. Скученность арестованных, преимущественно туземцев, в двух небольших камерах, недостаток в них света и вентиляции, сырой земляной пол с остатками под нарами гнилых досок от бывшего когда-то деревянного пола, мокрота стен в углах – все это вполне достаточно для того, чтобы признать камеры Нальчикской гауптвахты вполне неудовлетворительными, тем более, что заключенные в них арестанты без всякого различия выпускаются из камер на прогулку во двор гауптвахты на очень короткое время: утром на 1 час и после обеда на 1 час. Таким образом, большинство проводит в душной и спертой атмосфере своих камер с лишком 20 часов в сутки. Подобное наказание не может не отразиться на здоровье арестованных, тем более, что большинству приходится сидеть долго, а между тем очень

малое число содержащихся на гауптвахте действительно отбывает наказание по суду, многие же сидят либо до особого распоряжения начальства, либо до окончания расследования дел» (ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 324, л. 16).

Грамматиков В. Н. добился в конечном счете улучшения условий содержания арестантов. В 1896 году здание гауптвахты было переоборудовано и был произведен капитальный ремонт.

Благодаря деятельности В. Н. Грамматикова были открыты фельдшерские пункты в Балкарии и Чечне.

¹ *Букеевская орда* – вассальное казахское ханство, расположенное между Уралом и Волгой, названо по имени Букея Нуралиева, утвержденного в 1812 г. царским правительством ханом. Б. Шаханов, вероятно, имел в виду исследование Харузина А. «Киргизы Букеевской орды» (см.: Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 63. Вып. 1. М., 1889).

² *Таубий* – горский князь (тау – гора, бий – князь).

Эмансипация мусульманской женщины

Интервью напечатано в газете «Терская жизнь», 1914, № 95, 29 июня.

Газета провела серию публикаций на эту тему. Среди тех, кто высказал свое мнение по вопросу эмансипации горянок, были С. А. Такоев, Цацки Амбалов и др.

¹ Продолжение интервью в дальнейшем напечатано не было.

Несколько слов о горской интеллигенции

Статья подписана – «Горец Терской области». Она была напечатана в «Мусульманской газете» в 1913 г., № 16, издававшейся в Санкт-Петербурге Саидом Габиевым. Отнести статью к наследию Б. Шаханова позволяет прежде всего близость стиля данной публикации и подписанных им статей рубежа веков.

Горский словесный суд

Напечатана в «Терских ведомостях», 1901, № 67, подпись – «Ш».

¹ Горские суды в Терской области были учреждены на основании «Временных правил для горских словесных судов», утвержденных указом Сената 30 декабря 1869 г. Деятельность Нальчикского Горского

словесного суда начинается с 1 января 1871 г. Суд занимался разбором гражданских и уголовных дел, рассматривал апелляционные жалобы и заявления граждан, разрешал земельные споры. Упразднен в 1920 г. после восстановления Советской власти на Северном Кавказе.

² Газета «Санкт-Петербургские ведомости».

О поземельном вопросе в Нагорной полосе Терской области

Статья опубликована в газете «Казбек» в 1901 г., № 1028, 1029. В этой статье – одной из первых работ, посвященных разрешению поземельного вопроса в Нагорной полосе, Б. Шаханов выступает за справедливое разделение земли между горцами, но не путем простого изъятия земли у крупных владельцев, а компенсируя возможные потери землевладельцев казенным имуществом, деньгами. Эту двойственность Б. Шаханов смог в некоторой степени преодолеть впоследствии. Статья подписана «Кавказец», она атрибутируется при сопоставлении данной работы с последующими публикациями Б. Шаханова.

¹ *Урусбиевское дело* – на долгие десятилетия затянувшееся дело «Об урусбиевской лесной даче», которое так и не было разрешено до установления Советской власти.

Возражение Пяти горских обществ Абрамовской комиссии*

Б. Шаханов над «Возражением-объяснением» работал несколько лет. В сборе документов и фактического материала, если судить по «адресатам» документов, ему помогали Науруз Урусбиев, Мисост Абаев, братья Моллаевы, Дадаш Балкароков и многие другие прогрессивные деятели Балкарии. В работе были использованы публикации самого Б. Шаханова в газетах «Казбек», «Каспий», «Приазовский край», а также его полемика с Н. Тульчинским в газете «Казбек» (1901, № 41–46).

«Возражение...» написано Шахановым не позже ноября 1908 г., так как в октябре было объявлено представителям Балкарии, собравшимся в Нальчике, что по истечении месяца после объявления решений комиссии «уже никакие заявления не будут принимаемы» (ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 685, л. 70, 71, 74).

«Возражение...» Шаханова сыграло важную роль в принятии нового проекта после работы в 1909–1911 гг. в Тифлисе межведомственного

* Вводная часть комментария этого труда Басията Шаханова написана совместно с доктором исторических наук Сабанчиевым Х.-М. А.

совещания, рассмотревшего возражения землевладельцев Нагорной полосы. В проекте землеустройства Балкарии основополагающим было признание за горцами права собственности на землю. Этот переработанный проект Абрамовской комиссии был рассмотрен в 1911 г. в Петербурге на совещании под председательством сенатора Никольского. Выработанный по решениям этого совещания (1 января 1912 г.) новый проект, как и предыдущие, не был претворен в жизнь в связи с началом империалистической войны.

Написанная как объяснение-возражение действиям и рекомендациям Абрамовской комиссии по обследованию Нагорной полосы, работа содержит большой историко-этнографический материал. Приводимый текст был опубликован в газете «Терек» в 1909 г., его архивные варианты хранятся в ЦГА СОАССР, ЦГИА ГССР. В архивных списках работы обнаружены автографы Б. Шаханова – родословная княжеской фамилии Сунючевых, авторская правка машинописного текста.

Работа Б. Шаханова «Объяснение...» была возражением на проекты и рекомендации Абрамовской комиссии, обследовавшей Нагорную полосу Северного Кавказа.

Обследование проводилось по специальной программе и завершилось в 1908 г. В результате были опубликованы «Труды по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области». В них приводятся данные о территории и населении Балкарии, Осетии, Чечни, Ингушетии, Карачая и горной части Дагестана; о состоянии производительных сил в крестьянском хозяйстве (скотоводства, земледелия, промышленности, сельскохозяйственных орудий, системы скотоводства и животноводства); значительное место отведено характеристике форм землевладения и землепользования (крестьянского и частновладельческого), способам пользования землею, системе повинностей, а также доходности основного занятия населения. «Труды...» позволяют также судить о росте товарно-денежных отношений (связь продукции сельского хозяйства с рынками и объем торговли) и проникновении капитализма в деревню (купля-продажа и аренда земли, торгово-ростовщическая и земледельческая кабала, отходничество).

Сведения по каждому обследованному району обобщены в статистические таблицы, в которых представлены суммированные данные по отдельным селам и сельским обществам (население, землевладение, количество скота, заработки крестьян, промыслы). Кроме того, даны таблицы распределения крестьянских дворов по общим признакам

хозяйственной состоятельности (имеющие рогатый скот, лошадей, овец и коз, площади пахотной, покосной и пастбищной земли по аулам).

Каждому району посвящен описательный очерк, содержащий большой фактический материал о хозяйственном положении и состоянии крестьянского хозяйства Нагорной полосы, земельных отношениях здесь. В основу характеристики поземельных отношений Абрамовская комиссия положила специально предпринятое обследование и опрос местного населения. Ею были составлены проспекты решений о земельных правах сельских обществ и их членов, о характере земельных споров, о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной полосы. Комиссия основными формами владения землей признала подворное и общинное землепользование.

В соответствии с этим признавалось состояние в частной собственности лишь тех незначительных по размеру пахотных участков и поливных покосов, которые были приведены в культурное состояние по обычаю трудовой заимки. Все остальные случаи подворного владения считались основанными на праве захвата. Комиссия констатировала в целом крайне низкую степень обеспеченности жителей Нагорных районов землей.

По центральному вопросу – о земельных правах жителей Нагорной полосы – мнения членов комиссии разделились. Большинство считало необходимым земли горских обществ признать казенными, состоящими за частными лицами и сельскими обществами на праве потомственного владения и постоянного пользования.

Другая часть комиссии – Н. П. Тульчинский, С. И. Балков и И. М. Закусило – считали нецелесообразным объявить земли Нагорной полосы казенными и высказывались в пользу законного закрепления существующих здесь на протяжении веков земельных отношений – подворной и общинной собственности. Но недра земли должны быть объявлены государственной собственностью. Проект меньшинства не противоречил общей направленности аграрного столыпинского законодательства, тем не менее был отклонен. По проекту решения комиссии земли горцев признавались казенными. Принятый комиссией проект давал возможность лишить собственности на землю любого землевладельца. Применительно к Балкарии главной его целью, как отмечается в литературе, было «ликвидировать землевладение балкарских таубиев, не допустить формального признания государством землевладения таубиев как собственности на землю». Отрицание права собственности таубиев на земли комиссия в своих десяти довольно противоречивых доводах связывала главным образом с отсутствием

исторических данных, юридического, обычноправового или законодательного признания частной собственности в горах.

Рекомендации и предложения Абрамовской комиссии в области землевладения не были настолько убедительны, чтобы оказать решающее влияние на аграрное законодательство. Поэтому обсуждение законопроекта продолжалось в Тифлисе и Петербурге, однако до Октябрьской революции земельный вопрос в Нагорной полосе так и не был решен. Что же касается проекта Абрамовской комиссии о передаче казне земель Нагорной полосы, то он широко обсуждался и вызвал единодушный протест во всех горских обществах.

С возражением выступил, прежде всего, Б. Шаханов в газете «Терек». От имени 490 балкарских землевладельцев было напечатано «Возражение землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса» в виде статьи без подписи (№ 3541–3559). Основное внимание в нем автор уделяет из объявленных Абрамовской комиссией проектов проекту о земельных правах сельских обществ и отдельных лиц. Значение заявлений различных правительственных органов, прокламации и записок наместников Кавказа по регулированию земельного вопроса в горной полосе, а также юридические частности закона, по мысли Б. Шаханова, не исключали существующего порядка землепользования в Балкарии. Поэтому он возражал против отрицания за землевладельцами права собственности, считая, что перечисленные и неучтенные комиссией земельные участки «на протяжении нескольких человеческих жизней находились в частном обладании лиц, или владевших, или пользовавшихся и ими распоряжавшихся», и законными способами дошли до теперешних их владельцев и должны быть признаны их собственностью. За это говорит обычное право, роль которого понималась и не игнорировалась кавказской администрацией в разрешении земельного вопроса народов, лишенных государственности, а, следовательно, и норм «положительного права». В «Возражении...» указывалось, что комиссией право собственности у балкарцев ограничивается усадебными, незначительными пахотными землями. Б. Шаханов справедливо отмечал малое значение культурных участков в экономике Балкарии, где скот с давних времен являлся главным источником существования и основой хозяйства населения. Скотоводческое хозяйство неразрывно связывалось с использованием значительных массивов пастбищ и покосов. Хотя это использование не оформлялось юридически как собственность ввиду отсутствия письменности, оно было сопряжено с отношениями преимущественного пользования в течение продол-

жительного времени, что в соответствии с нормами обычного права приравнивалось к понятию собственности.

Отсюда в проекте комиссии, по мнению Б. Шаханова, осталось логически невыясненным, «каким образом может у народа существовать институт частной земельной собственности по отношению участков одной категории и не существовать по отношению участков другой – не менее ему необходимой», т. е. комиссия игнорировала частную собственность в экономическом смысле, предпочитая юридическое ее оформление на основе «трудовой теории».

Руководствуясь такими соображениями, он считал неправильным проводить разницу между «искусственными пашнями и лугами» и «обыкновенными покосами и пастбищами» по количеству труда, вложенного в них. «Во-первых, потому что юридически это несущественно, – писал Б. Шаханов, – поскольку в подавляющем большинстве случаев право на землю у их современных владельцев возникло по наследству, а во-вторых, и многие покосные участки, мерюю в сотни десятин, потребовали для своей культуризации долгого, упорного труда по очистке их от камней и искусственному орошению».

Наибольший интерес в «Возражении...» представляет анализ земельных прав и отношений балкарцев. Автором особое место отведено характеристике поземельных институтов, причем, помимо указанных в предшествующей литературе, им выделен еще обычай товарищества – «нёгер».

Привлекая значительный исторический и этнографический материал, опираясь на документы кавказской администрации и правовые акты, Б. Шаханов пришел к заключению, что земли, служащие предметом «гражданского оборота», должны быть признаны частной собственностью их владельцев. В качестве главного аргумента в отстаивании такой точки зрения он выдвигал наличие в Балкарии всех элементов частной собственности – владения, пользования и распоряжения, предусмотренных законодательством. Причем Б. Шаханов констатировал, что за немногими исключениями в этом не оставляет сомнения и исследование комиссией форм землепользования в Балкарии. И самое примечательное – выводы комиссии, вошедшие в проект «О земельном праве», не имеют ничего общего с логическим выводом из введений, представленных комиссией в фактической части ее «Трудов...». Пытаясь доказать свою правоту, он занялся разбором вопроса, «в силу каких именно оснований и соображений комиссия пришла к выводу о непризнании за горцами Нальчикского округа права собственности на земли», и по пунктно отрицал все доводы, которые,

по его мнению, были «фактически неверными», «голословными», «не имеющими решительно никакого отношения к разрешению земельного вопроса». В большинстве случаев это было именно так. Принципиальное значение имели и замечания и дополнения Б. Шаханова к «Ведомости земельным участкам, находившимся в пользовании отдельных лиц и фамилий в пяти горских обществах Нальчикского округа», обращавшие внимание на то, что землевладение в Балкарии в своей массе не крупное, а мелкое, парцеллярное. Общее заключение, которое делает автор «Возражения...», сводится к следующему:

– все земли, указанные в пунктах 1, 2 и 3 «Проекта о земельных правах...», составляют собственность отдельных владельцев или сельских обществ;

– земли в Балкарии не могут быть признаны казенными;

– общий дух проектов Абрамовской комиссии противоречит аграрному законодательству правительства, базирующемуся на царском указе от 9 ноября 1906 года.

Практические предложения Б. Шаханова сводились к тому, что признание за населением права собственности на земли их фактического владения явилось бы единственно справедливым во всех отношениях решением земельного вопроса в Балкарии...

В целом «Труды...» Абрамовской комиссии и «Возражение...» на них близки по своему характеру и источникам. Публицистические материалы и исследовательские статьи Н. П. Тульчинского и Б. Шаханова представляли дальнейший шаг в изучении поземельных отношений в Балкарии. Они обогатили предшествующую литературу, прежде всего, большим цифровым и конкретным фактическим материалом, ценны отдельными наблюдениями, которые используются исследователями и сегодня.

¹ Комиссия официально называлась – «Комиссия по исследованию современного положения землепользования в Нагорной полосе Терской области». Она была образована приказом по Кавказскому военному округу 18 апреля 1906 г. для разрешения вопроса о землеустройстве населения Нагорной полосы Терской области и карачаевцев Кубанской области. Комиссия начала свою работу 1 мая 1906 г. и работала в течение 1907–1908 гг. Комиссия, прозванная впоследствии по имени ее председателя Н. Абрамова Абрамовской, состояла из семи человек: Абрамов – юрисконсульт Кавказского военного округа, Балков – лесной ревизор Ставропольско-Терского управления земледелия, Иваненко – помощник управляющего Кубанской областной чертежной, Шанаев – лесной ревизор Ставропольско-Терского управ-

ления земледелия, Тер-Антонянц – помощник управляющего Терской областной чертежной, Тульчинский – старший землемер Терской областной чертежной. Главное внимание авторов было обращено изучению вопросов, касающихся сословно-земельных отношений горских народов, их землевладения и землепользования. «Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области» были изданы в 1908 г. во Владикавказе.

² *Наместник на Кавказе гр. Воронцов-Дашков Илларион Иванович.* Наместник в 1905–1915 гг. В качестве наместника много усилий приложил для подавления революционного движения. Наряду с карательными экспедициями пытался подавить революционное движение путем проведения буржуазно-экономических реформ.

³ *Князь Воронцов* – главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом. Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) – генерал-фельдмаршал, в 1844 г. назначен главнокомандующим войсками на Кавказе и наместником кавказским с неограниченными полномочиями. Вышел в отставку в 1853 г.

⁴ *Фиск* – государственная казна.

⁵ *Кавказский комитет.* Образован в 1840-м, закрыт в 1882 г. «...В комитете Кавказском были сосредоточены высшие исполнительные дела, требовавшие Высочайшего разрешения, причем всякий вопрос о распространении мер общих, проектируемых для всей империи, на наместничество Кавказское отделялся от общего дела и вносился в Кавказский комитет. Кавказский комитет состоял из председателя департамента законов государственного совета, министров финансов государственных имуществ, юстиции и внутренних дел – и членов, назначаемых по особому Высочайшему усмотрению» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVa. Спб., 1895. С. 838).

⁶ Широко распространенная версия переселения Чепеллеу Суншева на Баксан. Как пишет М. Абаев, «отказавшись носить древнюю свою фамилию, Суншев объявил себя Урусбиевым по имени своего отца» (Балкария: Очерк // Мусульманин. 1911. № 14–17).

⁷ В записанном Н. П. Тульчинским варианте местом истребления Рачикауовых указаны «Жугурушты» и «Лишгит» (см. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа // Терский сборник. 1903. Вып. VI. С. 312).

⁸ Обнаруженный в ЦГВИА документ, на который ссылается Б. Шаханов, имеет следующее содержание:

«Копия с предписания управления начальника Нальчикского округа от 10 марта 1906 года за № 3365.

Управление округа по поручению начальника округа предлагает вам объявить доверенным общества Гаммай Мокаеву и Шавай Итиеву на прочтение им о приостановлении рубки леса, производимой Жанхотовыми в лесной даче в местности «Карасу», что, так как дознанием начальника 2 участка выяснилось, что лесная дача в местности Карасу находилась во владении Жанхотовых, то просьба их о приостановлении рубки леса не может быть удовлетворена. Что же касается того, что общество признает этот лес своим, то оно должно на основании I п. 3 ст. устав. Гражд. суд. обратиться в суд с иском (своим) о признании прав собственности на этот лес, если имеет к тому доказательства. Расписку в объявлении представить в управление округа. Подлинное подписали старший помощник начальника округа Красовский и за делопроизводителя Б. Карачаев. С подлинным верно старшина общества М. Цораев. Писарь И. Шиля».

⁹ Искаженное от «Хуштос-сырт».

¹⁰ В определении института бегенда мнение Б. Шаханова и специалиста по обычному праву карачаевцев и балкарцев К. Г. Азаматова совпадают. В отличие от Б. Шаханова, К. Азаматов утверждает, что институт бегенда был известен многим горцам Северного Кавказа. Так, в частности, у осетин аналогичные правовые отношения носили название «бавстау» (см. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой пол. XIX в. Нальчик, 1968. С. 41).

¹¹ Имеется в виду житель Черекского ущелья. Жителей этого ущелья называют «малкбарлы». Дореволюционные авторы термин «балкарец» в большинстве случаев относили только к жителям Черекского ущелья. Впоследствии он послужил этнонимом всего народа.

¹² *Джатчиевы*, видимо, искаженное от «Датчиевы». Что касается информации о семье Мечиевых, то из других источников известно, например, что отец классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева Бекки был дважды перепродан таубиями Абаевыми.

¹³ *Кышлык* – зимовье; *жайлык* – летнее пастбище.

¹⁴ Документы, на которые опирается Б. Шаханов, сохранились в фондах ЦГВИА. Основной текст приводится в полном объеме, сокращены сопровождающие тексты, адресовки и резолюции более позднего характера.

№ 1. Перевод записки с арабского на русский.

По арабскому летоисчислению 1248 (т. е. 1832 г. – Т. Б.) года месяц Роджан 20 день. Я, из кабардинских дворян Смаил Шавген-оглы, даю этот документ чегемским таубиям Каншау и Эдыку Кучуковым в том,

что свой собственный участок земли под названием «Кестельты», с четырех сторон границы оного известны, а именно: с востока земля Каншаовых, с запада – земля Мурзайка Шавген-Оглы, с юга – земля Джумаку Мирзоева, с севера – земля под названием «Зардагыт» Баймурзаевых, с водою на оном и лесом продал в вечное пользование им таубиям Каншау и Эдыку Кучуковым.

Эту продажную запись и продажу я совершил в здоровом уме, и от всяких вступщиков и сонаследников к этому участку я обязуюсь их, Кучуковых, защищать, в долгу и под запрещением этот участок не состоит, за цену тысяча (1000) руб., каковые получил на руки. При этой продаже присутствовали Магомет Ахматов, Али Мамашев, Заушток Кон Оглы, Ачахмат Балкароков, и по их усмотрению я получил от Кучуковых условленную цену участка следующее: двух крепостных крестьян по имени 1-я Сафай и 2-я «Кесе-Кыз» за 500 руб., серую лошадь под кучуковским тавром, двадцать пять быков и двадцать коров, последних тоже за остальные 500 руб., получив полностью установленную цену участка, и таковой перешел в вечное владение и полную собственность Каншау и Эдыку Кучуковым, документ совершен на право предъявления Кучуковыми на случай требования власти о принадлежности участка Кучуковым. Свидетели этому Джанболат Урусбиев, Мамет Балкароков. Запись эту писал мулла Магомет вали Физулах Оглы. Перевел эфенди И. Балкароков.

Что действительно настоящий перевод с подлинной арабской записи слово в слово переведен и записан верно, в том Чегемское сельское правление свидетельствует.

Октября 20-го дня 1907 года.

Старшина Б. Этезов.

№ 2. Перевод с арабского.

1859 года декабря 20-го дня князь Атажуко Атажукин продал собственную свою землю, называемую «Кочкарташ», Шемах, Касан, Тавсултану, Мирзабеку, Арсланбеку, Заурбеку Ахматовым за 3000 руб. серебром, согласно шариату с обозначением границ ее с четырех сторон. Верхняя часть ее простирается до балки «Тофкели», а нижняя часть до балки «Кидагаф» на восточной стороне «Добифека», а к западу до «Урдука», и Ахматовы приняли означенную землю в свое владение-распоряжение, если же отберут землю от Ахматовых шариатским разбирательством или судом, тогда Ахматовы получают уплаченные цены от Атажукина. Свидетели по сему Заракуш Тамбиев, Тон Асланов, Кургоко Куденетов, Бекмурза Зеков, Хаджиумар Эфендиев, Кучуко

Инаруков, Муса Барасбиев, Басият Эбоов, Манат Трамв. Писал чегемский кадий эфендий Трашагенов Тамаш Шурдумов. Приложили чернильные знаки. В том подписуюсь – перевел поручик Шарданов. Подполковник князь Атажукин.

№ 3. Перевод с арабского на русский.

Что действительно Магометом Суншевым продана означенная земля здесь Умару Жабоеву в том Кабардинский окружной народный суд подписом и приложением казенной печати свидетельствует. Сентября 16-го дня 1869 года, Нальчик. Председательствующий майор Майорский, члены: ротмистр Нелемов, штабс-капитан Куденетов, поручик Хадожуко Анзоров, юнкер Дышеков, юнкер Абаев. Печать –2214.

Арендные деньги за значущуюся в этом акте землю 280 руб. обязан уплатить братьям Умара Тебоев Джерахмату и Габола Кайсын иТенгиз Суншев, что высказали Кайсын и Магомет Суншевы при мне и подпоручике Жогешева*. В чем и удостоверяем 3 октября 1869 года. Помощник начальника округа майор Майоркин. Печать (уч. Джабышта).

№ 4. Свидетельство.

1882 года июля 7-го дня, сел. Балкарское. Сего числа в присутствии свидетелей Николы Байкишиева, Кокей Хасауова, Башка Мамукоева и сельских судей Балкарского общества – жители Балкарского общества I участка Нальчикского округа Терской области Тенгиз, Магомет-Мурза и Хаджи-Хамурза Шахановы учинили между собой следующий договор: о продаже первыми двумя Шахановыми последнему Хаджи-Хамурза Шаханову своих собственных участков покосной земли под названием «Сукан-Кышлык»: Тенгиз и Магометмурза Шахановы продали собственно им принадлежащий и находящийся внутри гор около общества Балкарского покосный участок земли под названием «Сукан-Кышлык» за шестьсот тридцать (630) рублей, сер., каковые деньги сполна получили от Хамурзы-Хаджи Шаханова и отныне поставили Хаджи Шаханову полное право пользования и потомственного владения этою землею, и никакой претензии на эту землю заявлять не будут; на продажу эту Тенгиз и Магометмурза Шахановы имели право по всем правилам и обычаям, существующим в горских обществах, и так как означенный участок находится в смежности с собственным участком Хаджи Шаханова. Хаджи Шаханов, будучи полным дядей продавцов, есть ближайший родственник их, то есть Хаджи Шаханов купил этот участок и уплатил всю стоимость. Прав собственности на

* Так в подлиннике. Перевод не совсем точен.

эту землю и претензий против совершенной купли и продажи никто из остальных родственников Шахановых и других посторонних лиц не заявлял при совершении настоящего договора о продаже и потому к совершению купчей крепости никаких препятствий не имеется, в том подписью и приложением сельской казенной печати свидетельствуется Балкарским сельским правлением. По неумению грамоты продавцы приложили знаки своих пальцев: Тенгиз Шаханов, Магометмурза Шаханов, Хаджи Хамурза Шаханов. Свидетели, Кикола Байкишиев, Кокей Хасауов, Башко Мамукоев. Сельские судьи Шаухал Шаханов, Джанбот Мокаев, Бекбий Джангуланов. Старшина Балкарского общества корнет Абаев.

№ 5. Запродажная запись.

1887 года августа 29-го дня мы, нижеподписавшиеся жители Балкарского общества 1-го уч. Нальчикского округа таубий Тенгиз и Таукан Шахановы, заключили сию запись в присутствии Балкарского сельского правления и свидетелей о нижеследующем:

Я, Тенгиз Шаханов с братом Магометмурзой, сего числа продал односельцу своему, родственнику Таукан Шаханову в вечное и потомственное владение собственное свое родовое токовое место (гумно) под названием «Индыр», граничащее с пахотным участком его, Таукана Шаханова, под названием «ель-алысабан» и с юга – током Умара Асанова, ценою за пятьсот рублей серебром. Каковые деньги мы, Тенгиз и Магометмурза Шахановы, от Таукана Шаханова получили сполна, а потому он, Таукан Шаханов, с сего числа вступает в вечное полное владение означенным током. В том и подписуемся, токовое место продали и деньги пятьсот рублей серебром получили сполна. Тенгиз и Магометмурза Шахановы, а за них, неграмотных, и по их личной и рукоданной просьбе расписался сельский эфендий Абдурахман Эмоев, подпись по-арабски. Сельские судьи Каспулат Абаев, Индыркай Хуцинаев, Батыр Каркаев. Свидетели Казак Фриев, Бащо Мамукоев, Акой Идакаев, Кикола Байкишиев.

В действительности сей запродажной записи подписью и приложением казенной печати свидетельствую. Августа 29-го дня 1887 года. Обществ. Балкарское. Старшина Балкарского общества таубий Анзор Айдебулов. М. П. Писарь А Иванов.

№ 6.

1886 года мая 21-го дня. Мы, нижеподписавшиеся жители Балкарского общества Анзор и Заурбек Айдебуловы, продали в собственность приобретенные нами покупкою у жителей общества Хуламского Карабаша Атабиева участки земель под названием «Бийле» и находящиеся

в Хуламском обществе жителям Хуламского общества Мирзакану, Отару, Калабеку, Канамату, Заурбеку, Аубекиру, Татаркану Муссе, и Юртай Жабоевым за одну тысячу двести рублей сер. Денег, из которых нами, Айдебуловыми, получены наличными деньгами восемьсот пятнадцать рублей (815 р.), а остальные триста восемьдесят пять руб. (385 р.) Жабоевы обязаны нам уплатить по требованию нашему согласно личному договору.

Мы, Жабоевы, купили названные участки за 1200 рублей и обязаны недоплаченные 385 рублей уплатить по востребованию Айдебуловых. В чем и подписуемся Анзор Айдебулов, а за него, неграмотного, и за себя расписался Заурбек Айдебулов. Калабек, Мусса и Отар Жабоевы расписываются за себя и по доверию остальных Жабоевых, а за них, неграмотных, расписался Али Бордиев. Свидетели Таукан Шаханов, Карабаш Атабиев, Цибий Абаев, Мисост Абаев, Балкарский сельский судья Адиль Мисаков.

Настоящий договор был заключен в присутствии помянутых свидетелей и моем, в чем свидетельствую своим подписом и приложением печати. 21 мая 1876 года. Старшина Балкарского общества Шаухал Шаханов. М. П. Печать.

1886 года декабря 20-го дня я, Анзор Айдебулов, сего числа получил сполна всю означенную в настоящем договоре сумму, т. е. трехсот восьмидесяти пяти руб. (385 р.) наличными деньгами от означенных в настоящем договоре Жабоевых и что Жабоевы за проданных мною и братом моим земель «Бийле» уплатили все сполна согласно договору, в чем подписуюсь Анзор Айдебулов, а за неимением грамоты прикладываю свою именную печать. М. П. Свидетели, бывшие при этом Ибрагим Мумаев, Кургоко Жабоев, Казий Шакманов, Карабаш Шакманов, Исхак Мулаев, Жарахмат Шакманов.

№ 7.

Тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, декабря тридцать первого дня. Мы, нижеподписавшиеся жители Терской области Нальчикского округа, 2-го участка, Безенгиевского общества таубий Умар Казиевич Суншев (с одной стороны) и жители Хуламского общества того же округа и участка узденья Умар, Татаркан, Ачей и Абыбекир Жабоевы, с другой стороны, заключили между собой при нижеозначенных свидетелях настоящий договор в следующем: я, Суншев, продал им, Жабоевым, двадцать пять лет тому назад собственный свой пастбищный участок земли под названием «Сагустаин», состоящий в Безенгиевском обществе в смежности земель: общественной Балкарской, Мусы Суншева и покупателей Жабоевых, ценою за восемьсот пятьдесят рублей серебром, из коих мною при продаже было получено

от них, Жабоевых, пятьсот пятьдесят пять рублей, а остальные триста рублей серебром получил сего числа. Продажу сию я, Суншев, учинил со всеми лесами и водами. А как до сей купчей крепости помянутый участок никому не продан, не заложен, никому по закону не передан и не описан, то, если кто в оный почему-либо будет вступаться, мне, продавцу, и наследникам моим, их покупателей и наследников их от вступщиков и от убытков, могущих быть от сего, очищать как следует по законам, в чем подписуемся Умар Казиевич Суншев, а за неумением грамоты прикладываю свою именную печать (М. П.). Умар, Татаркан, Ачей и Абубекир Жабоевы, а за них, неграмотных, по их личной просьбе расписался Мурзакул Суншев. При этом были свидетелями: Хангерий Суншев М. П. Отставной унтер-офицер Федор Савин.

Что действительно настоящий договор учинен означенными лицами при Безенгиевском сельском правлении, в чем подписом и приложением казенной печати свидетельствует 31 декабря 1889 года об. Безенгиевское. – Старшина Безенгиевского общества таубий Тенгиз Суншев. М. П. Печать. Сельский писарь Исхак Мулаев

№ 8. Перевод с арабского языка на русский.

Доказательство

Хетахуко Хатахшукович продал свой участок земли под названием «Мысткам-ах матак» Алаву Бкивичу за девятьсот рублей и получил вышесказанную сумму, указал с четырех сторон границу: верхняя граница от вершины «Узмазла» до горы, река Чегем и ширина участка от дороги «Лиха» до вершины «Кичимистикама», между его верхней границей есть Али Ихмидевич и между его нижней границей есть Хаджи-Мурад Мулаевич, этот участок находится в совершенно бесспорном владении Алава и дал Хетахчук Алаву двух поручителей – Тук Арсланович и Бекмирза Зикувич, который будет платить названную сумму в случае, если явится когда-нибудь другой, с которого следует ему названная сумма. Свидетели: Кучук Барасбиевич, Исхак Балкарукович, Бекмирза Зикувич, Султан Тилович, Шаки Хаджиевич, Сафар и Трам Шукановичи, Залаштука Афшанумович и Ибрагим Крашанович, Тук Арсланович, Мухамед и Муса Шакмановичи 1243 г. в месяц зилкаэта в день пятницы, по русскому летоисчислению 1827 г. Перевел Юсуф Кади Загидзаде Муркиленский.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящая подпись на этом переводе признана предо мною, Петром Ефимовичем Рязановым, владикавказским нотариусом, в конторе моей в I части по Александровскому проспекту в доме Аксёновой, владикавказским приходским

муллой Юсуп Кади Загид-заде Муркеленск, живущим в I части города Владикавказа в доме Фильдииковской, лично мне известным, сделана им собственноручно. 1908 года апреля 8 дня.

№ 9. Перевод с арабского.

Хамурза Шаханов купил покосное место у жены Карабаша Шакманова, будучи сам же от нее доверителем, т. е. от жены. Место это и местоназвание Бизина и отдал он, Шаханов, взамен той земли другую землю, сверх того уплатил 70 руб. серебром. Свидетели по сему Этлюх Калигзов (Итлук Кучмезов? – Т. Б.), Огурли Жабоев, Мусса, Каншао Шакмановы, Бекмурза Калабеков, Магомет эфендий Ислам Кумуков 1862 г. Писал Муса Эфендий.

Документ этот в Кабардинском окружном народном суде явлен и в книгу под № 24 записан, в том подписанием свидетельствуем апреля 28 дня 1862 года. Нальчик. Члены подполковник (подпись неразборчива), ротмистр Балкароков, поручик Куденетов.

¹⁵ Весьма распространенный характер института «нёгер», видимо, и породил поговорку «Нёгер болсанг – тенг бол, Тенг болмасанг – кенг бол». («Если хочешь быть нёгером – будь равным, а если ты не ровня (в отн. имущества) – не сходишь»).

¹⁶ *Тёре* – об этом «древнем судебном-законодательном учреждении» балкарцев впервые до революции писал М. Абаев в историко-этнографическом очерке «Балкария» (Мусульманин. 1911. № 14–17). Широко распространенный у тюркских народностей *тёре* (торе, тор) играл важную роль в жизни бесписьменных народов, концентрировал и централизовал власть, в какой-то мере компенсируя отсутствие или слабость государственного управления.

Упоминание о *тёре* встречается и в карачаево-балкарском фольклоре: в сказках, легендах, исторических песнях и преданиях.

Судя по источникам, *тёре* стал терять свою силу и значение с утверждением мусульманства, принесшего с собою в Балкарию шариат – свод религиозных установлений. Тем не менее, вплоть до образования в 1870 г. Горского словесного суда в решении гражданских и уголовных дел наряду с шариатским судом население обращалось к *тёре*.

¹⁷ Местонахождение плиты с надписью неизвестно. Перевод копии сохранился в ЦГВИА СССР (ф. 1300, оп. 7, д. 177а, л. 76). О нахождении этого памятника еще в 1895 г. сообщил в газете «Кавказ» (31 августа) М. Абаев в корреспонденции «Интересный документ». О нем же написал Н. Тульчинский в статье «Пять горских обществ

Кабарды» (Терский сборник. 1903. Вып. 5. С. 169). В последующем, видимо, из-за отсутствия подлинника произошла путаница: некоторые авторы соединили информацию двух памятников, о которых сообщил Н. Тульчинский (см.: *Байчоров*. Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982). Первый – это приводимый текст, а второй памятник сохранился в прорисовке Л. И. Лаврова в книге «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» (М., 1968. Ч. 2).

Перевод с арабского, с камня, найденного в развалинах фамильной башни Гиргоковых, в Хуламском обществе, выше селения Схуру (Усхур).

«Между кабардинцами, крымцами и Пяти горскими обществами возник спор из-за земель. Пять горских обществ: Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Горские общества избрали Кайтукова Асланбека, кабардинцы Казаниева Жабаги, крымцы Сарсанова Баяна, и они сделали торе – определили: с местности Татартюп до Терека, оттуда до равнины Кобана, оттуда до перевала Лескенского, оттуда до кургана Наречья, оттуда до Жамбаша и на Малку. Верхняя часть принадлежит Пяти горским обществам.

С Таш-Каласы (Воронцовка) до Татартюпа – владение крымское. От Таш-Каласы вниз – владение русских. Свидетелями при этом были: из Крыма Агалар-хан, Отаров Отар; Отарова доставили горские общества. Писал Абдул-кади Халалов (Халилов. – Т. Б.). Раджаб (месяц) в последних числах, в воскресенье 1127 (1709 г.).

¹⁸ Документ не найден.

¹⁹ Копия с решения Нальчикского словесного суда от 10 декабря 1873 года за № 313.

Житель Балкарского общества Давлетуко Биканов с братьями Магометом и Таусултаном заявили, что они имеют в горах местность под названием «Зеркле», на которой имеется лес, между тем жители общества делают порубку леса без их дозволения на то, а потому просят воспрещения. Доверенные от общества Бекан Газаев, Ибрагим Глашев, Баучу Цураев и прапорщик Киргоко Абаев заявили, что действительно местность «Зеркле» принадлежит фамилии Бикановых, но жители пользовались лесом, произрастающим на той местности, потому, что более не имеют леса; равным образом жители пользуются лесами на всех землях, принадлежащих собственникам, которых в их обществе до 200.

Так как местность «Зеркле» принадлежит фамилии Бикановых, то суд постановил: произрастающий на оной лес принадлежит также фамилии Бикановых и никто из жителей не вправе пользоваться оным

без согласия владельцев Бикановых. Подлинное подписали: члены Маша Каров, прапорщик Кугушев, штабс-ротмистр Шарданов, майор Анзоров, подпоручик князь Наурузов и председательствующий капитан Полозов. С подлинным верно –председательствующий капитан Макаев. Печать.

²⁰ По претензии прапорщика Кучмазуки Кучмазукина на прапорщика Кучука Барасбиева насчет участка земли, лежащей на Касанте, участок этот, по показанию Барасбиева, продан ему покойным князем Атажука Наурузовым в 1829 году за триста овец, после через несколько лет князь Наурузов и просители Кучмазукины возымели на него претензию, будто бы он продал ему по молодости лет не за настоящую цену, для чего уплатил он еще сто овец по выбору самого Кучмазукина, основываясь на этом и представленных Барасбиевым актах дело это, по приказанию начальника Центра в 1846 году было разобрано в Кабардинском временном суде народным эфендием Шеретлоковым с приглашением еще трех эфендиев, по которому присуждено, чтобы Барасбиев уплатил еще Кучмазукину, Бжеховым и Катуквым 300 руб. серебром, потому что эти фамилии также предъявили свои права на эту землю, признавая прежнюю продажу недействительной. Решением этим Кучмазукин остался недовольным, почему он входил с просьбою по начальству 18 ноября 1849 года, проситель прапорщик Кучмазукин и ответчик прапорщик Кучук Барасбиев пожелали передать это дело медиаторскому решению, для чего избрали Кучмазукин майора Тамбиева, Барасбиев – узденя Жанокова, обязав себя подпиской, что они решением останутся довольными. Медиаторы, по выслушании объяснения каждого и по соображениям всего обстоятельства дела, согласились в мнениях своих и положили решением как из представленного ими акта видно: так как участок этот продан Барасбиеву за условленную сумму и в последний раз в 1846 году 12-го дня февраля получил формальное решение, что утверждено начальником Центра, того же числа за № 161 и записано в книги Кабардинского суда за № 93, дать полную силу этому решению без всякого по оному изменения и считать продажу и покупку действительным, а землю считать собственной Кучука Барасбиева, за убытки же, нанесенные по этому иску, определили, чтобы Барасбиев уплатил собственно Кучмазука Кучмазукину деньгами двести руб. серебром, каковым медиаторским решением по объявлению Кучмазукин и Барасбиев остались довольны, в чем расписались на подлинном решении и что утверждено 19 ноября его сиятельством г. начальником Центра. Прапорщик же Кучмазукин при спросе отозвался, что решением этим остался довольным и при-

сужденные деньги двести рублей сполна им получены, в чем он подписался на акте, подлинник медиаторского решения и подписка, ими данная, хранится при деле, заведенном Кабардинским судом, в чем дан сей от Кабардинского суда для обеспечения его, Барасбиева, на владение участком земли на Кисанте отныне, и впредь навсегда Кучмазукины, Бжеховы и Катуковы не имеют права претендовать на эту землю, что объявится Кучмазукину за подпискою на сем же. Нальчик. Декабря 4-го дня 1849 года. Чл. суда поручик князь Атажукин, Мет Куденетов и Муса Жанботов, за секретаря войсковой старшина Дыдымаев. Печать Кабардинского суда. Утверждаю акт сей декабря 9-го дня 1849 года. Начальник Центра Кавказской линии полковник князь Эривост. Печать управления Кавказской линии.

²¹ По гор. част. № 792 иму. 12 августа.

Начальнику бывшего Центра Кавказской линии г-ну генерал-лейтенанту кавалеру Грамотину. Исправляющего должность Балкарского и других горских народов пристава штабс-капитана Масловского.

Рапорт.

Ваше превосходительство, на жалобе подпоручика Кучука Барасбиева на кабардинского узденя Исмаила Куденетова, занявшего самовольно принадлежащее им более 20 лет покосное место, изволили приказать Кабардинскому временному суду запретить Куденетовым косить сено на этом покосе. Приказание вашего превосходительства до сих пор не исполнено, и Куденетов продолжает собирать чужое сено. Донося об этом вашему превосходительству, представляя при этом шариятское разбирательство, сделанное эфендием Али в 1851 году в присутствии бывшего пристава Захария Исакова, имею честь покорнейше просить не оставить вашим распоряжением о прекращении подобного насилия. Подлинное подписал шт. капитан Масловский № 130. 12 августа 1857 г. Укр. Нальчик.

Вследствие рапорта этого предписываю Кабардинскому временному суду теперь же наложить на ослушников штраф, возвратя накошенное сено тем, кому принадлежали места в течение более 10 лет, и тех, кои станут после самовольно там косить, посадить под арест с употреблением на казенную работу, донося мне об исполнении. На сем же подлинном подписал начальник бывшего Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин. Скрепил адъютант, есаул Вертеликов. № 862. 13 августа 1857 г. Нальчик.

Вследствие настоящего предписания его превосходительства начальнику бывшего Центра Кавказской линии господину генерал-

майору Грамотину Кабардинский суд имеет честь донести, что узденю Измаилу Куденетову в присутствии суда объявлено снять косарей с того места, где производили покос горцы Чегемского общества, отдав и накошенное сено прежде занимавшему там подпоручику Кучуку Барасбиеву. Подлинную подписал председатель Кабардинского суда подполковник Тамбиев. № 311. 14 августа 1857 г. С подлинным верно, за начальника Баксанского участка штабс-капитан Масловский.

²² 1851 года июня 18-го дня в присутствии пристава Исакова в Чегемском обществе было делано шариатское разбирательство эфендием Алиевым относительно спорной земли между узденем Докшуко Куденетовым и Стар. Кучуком Баймурзаевым под названием земля «Хустош джурт», по коему Кучука устранить от владения Куденетов не мог и земля осталась во владении Кучука.

Разбирательство производилось при свидетелях: Стар. Кочук Келеметов, Жумай Келеметов, Хаджи Умар Эфендиев, Умар Малкароков, Хажибий Айтеков и других, подлинный подписал за пристава Н. Исаков. С подлинным верно. За начальника Баксанского участка штабс-капитан Масловский.

²³ Кучмазукины, Бжехоковы и Хатуковы имели спор за проданную землю князем Атажукой Наурузовым Чегемскому старшине Кучуку Барасбиеву. Земля эта на «Кесанте» имеет начало от земель Хатуковых, кончается при реке «Кер-Даук», а по сторонам до земель «Атажукиных» и жителей чегемских. Об этом из давнего времени много было споров, теперь по рассмотрению споров и актов, который имеет Барасбиев, и по соображению с книгами, по которым следовало сделать об этом шариатское решение справедливым, что продажа не должна была возобновляться и дело Барасбиева справедливо, но чтобы не было между ними никакого неудовольствия, со всеобщего согласия Барасбиев ему заплатил тридцать туманов деньгами Кучмазукиным, Бжехоковым и Хатуковым, обе стороны остались довольными, и земля остается у Барасбиева во всей полноте как собственность его и более уже претензий иметь никто не должен к этой земле и не возобновлять дело это разбирательством. Сделано по приказанию начальника центра при свидетелях: Хажу Кайсын Суншев, Мет Куденетов, Батырбек Тамбиев, Докшуко Джамботов, Бекмурза Казиев, Магомет Мурза Анзоров, Хаджи Исмаил Токмаков (из осетин), Хамурза Шаханов, Жандар Айдебулов, Магомет Жанхотов, Исса Шакманов, Каншау Шакманов, Ибрагим Келеметов, Хаджи Умар Мумев, Умар Малкароков, Тудуев Ибак Хаджи, Умар Магометов. Документ писан по магометанскому исчислению 1262 году месяца сафар 12-го числа, т. е.

1864 года февраля 12-го дня документ утверждает эфенди Хаджи Умар Шеретлоков и члены суда с приложением именных печатей. Перевод делал в присутствии членов суда эфенди народный через эфендия Исхака Шеретлокова и переводчика первой степени узденя Камбота Куденетова. Утверждал состоящий по кавалерии при Кабардинском суде ротмистр Давидовский.

²⁴ *Тажге-шахат* (тажги шагъат, тадж-шагъат) – от слова «тадж» (на фарси) – титулованная особа и «шагъат» – свидетель, означает свидетельство титулованной особы. В данном случае значение выражения несколько смещено.

²⁵ См. подробное изложение этого дела в статье Н. Тульчинского «Мой ответ Шаханову-Джанхотову» (Казбек. 1899. № 594–598).

²⁶ *Чиншевики* – крестьяне, выплачивающие земельную подать, оброк.

²⁷ О необходимости исследования недр Балкарии и в то же время узаконения прав ее жителей на землю Б. Шаханов пишет в «Терских делах»: Каспий. 1899. 22 декабря; 1900. 29 апреля.

²⁸ Статья Н. Ф. Грабовского «Экономическое положение зависимых сословий Кабардинского округа» // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. 3.

²⁹ Следует отметить тот факт, что Докшоко Балкароков являлся дедом жены Б. Шаханова Джан Балкароковой, а Хасанби Атажукин братом известного кабардинского общественного деятеля и просветителя Кази Атажукина.

³⁰ Текст документа приводится в сноске 17.

³¹ Песня, о которой рассказывает Б. Шаханов, сегодня не известна: нигде не публиковалась, также отсутствует в фольклорном фонде КБНИИ.

³² *Рачикаулары джирь* (правильно: жыры – песня) – в вышеприведенной работе Н. П. Тульчинского причиной истребления Рачикауовых указывается нежелание Балкароковых делить власть в Чегемском ущелье с другим родом. По всей вероятности, Б. Шаханов опирается на другой, неизвестный, вариант песни, что видно и по тому факту, что Тульчинский и Шаханов называют разные места, где происходило избитие Рачикауовых. Легенду об истреблении Рачикауовых записали и опубликовали также Вс. Миллер и М. Ковалевский в работе «В горских обществах Кабарды» (Вестник Европы. 1884. Вып. 4).

³³ Правильно: «Моллюшко».

³⁴ См. сноску 19, где приводится документ по спорному участку. Следует учесть, что название участка Б. Шаханов приводит, опираясь на более распространенный, нормативный вариант – «жеркле», в то

же время в документе сохраняется подлинный топоним по черекскому диалекту – «зеркле».

³⁵ Ко времени написания «Возражения...» этот участок находился во владении Кютю, Тугуя, Токая, Бориса, Тукиши, Качу, Башло, Байкиши и других Атабиевых. С 1910-го по 1914 г. Басият Шаханов был поверенным братьев Атабиевых в их тяжбе с начальником 2-го участка Нальчикского округа Эльдаровым. Начальник 2-го участка решил отобрать в пользу кабардинских запасных земель участок «Мисбора», который принадлежал, как пишет Б. Шаханов, «2 сыновьям Нетши, Шашхо Атабиева и 18 внукам Нетши и его братьев». В телеграмме Тугуя Атабиева главнокомандующему войсками Кавказского военного округа от 22 апреля 1910 г. сообщалось, что начальник 2-го участка Эльдаров решил насильно отобрать участок. При этом было применено насилие в отношении пятерых Атабиевых – Кютю, Байкиши, Токай, Тукиши, Качу были арестованы, кош разрушен, скот удален с участка, несколько коров пропало, двое мальчиков Атабиевых избиты (ЦГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 201). Б. Шаханов энергично взялся защищать Атабиевых от административного произвола, обращался с прошением в правительствующий сенат. В своих прошениях Шаханов раскрывает бедственное положение Атабиевых, пишет, что единственным источником существования нескольких семей является пастбище «Мисбора». Тем не менее решение данного вопроса затянулось на много лет, вплоть до Октябрьской революции.

³⁶ Искаженное от «ириуачели».

³⁷ Правильно: «быллары».

³⁸ Верно: «ылыгы».

³⁹ Родословная Ахматовых ни в газетной публикации «Возражения...», ни в архивном его списке не сохранилась.

⁴⁰ В ЦГА СОАССР в архивном варианте работы сохранилась родословная Суншевых – автограф Б. Шаханова.

⁴¹ Из этого приложения на сегодня найдено 15 документов.

Статьи, подписанные псевдонимами «П. д' Аржан» и «Омский»

В книгу включена небольшая часть публикаций Б. Шаханова, подписанная псевдонимами «П. д' Аржан» и «Омский». Первая статья П. д' Аржана – «Театральные наброски» напечатана в газете «Приазовский край» в № 1 за 1900 г. Судя по тексту, это не первая публикация Б. Шаханова в этой газете. Но до этого номера в этом органе

нет публикаций П. д⁴ Аржана. Или Б. Шаханов имел в газете другой псевдоним, не установленный на сегодняшний день, или же он имеет в виду свои статьи, опубликованные в других изданиях.

В текстах сохранены некоторые элементы орфографии, нормативные для публицистики начала века.

Театральные наброски

Статья напечатана в газете «Приазовский край» в № 1 за 1900 г.

¹ *Volens-nolens* (лат.) – хочешь, не хочешь.

² *Антрепренер* – владелец, арендатор, содержатель частного зрелищного заведения.

³ *Вельзевул* – в Новом завете имя главы демонов.

⁴ *Контрибуция* – здесь имеется в виду обязательный налог с театрального сбора.

⁵ *Мавреж* – неустановленное лицо.

⁶ *Савина* – русская актриса (1854–1915 гг.). Одна из организаторов и председатель Русского театрального общества.

Маленькие сказки для больших детей

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 20.

¹ *Лигатура* – сплав золота и серебра с медью или оловом для придания благородным металлам твердости.

² *Мандарин* – европейское название крупных чиновников в феодальном Китае.

³ Шаханов имеет в виду соиздателей газеты «Казбек» во главе с Магомедом Далгатом.

⁴ *Фордыбачить* – вести себя упрямо, дерзко, пренебрегая всем окружающим.

⁵ «...один из них с этой целью съездил в Пекин...» – т. е. в Петербург.

⁶ Литературный прием. Газета «Казбек» не была закрыта ко времени напечатания статьи.

Позорное пятнышко

Корреспонденция напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 24.

¹ *Ipso* (лат.) – в действительности, на деле.

В думе

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 25.

¹ *Raisond'etre* (фр.) – разумное основание.

² *Грозмани В. И.* – начальник Терского строительного отделения.

³ *Котляревский И. А.* – владикавказский полицеймейстер, рот-мистр.

⁴ *Митник П. Е.* – владикавказский санитарный врач.

⁵ *Манкируют* – пренебрегают.

Как погиб Э. А. Штебер

Статья напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 26.

¹ *Штебер Эммануил Альбертович* – фармацевт, лекарь. В 1902 г. в Екатеринославе вышла его книга «Материалы для инородческого фармацевтического словаря Кавказа и Средней Азии».

² *Казак-пластунец* – пеший казак.

Адепты кулака...

Статья напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 31.

¹ *Адепт* – последователь, приверженец.

Своеобразное «культуртрегерство» городской управы

Статья напечатана в «Приазовском крае», 1900, № 33.

¹ *Культуртрегерство* – ироническое название деятельности, по сути корыстной, маскирующейся идеями распространения культуры, просвещения.

² *Зулус* – народность, проживающая на юге Африки.

³ *Кафр (кафры)* – одно из названий африканской народности банту.

Фиговый листик

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 35.

¹ *Духан* (араб.) – небольшой ресторан, трактир, мелочная лавка, бытовавшие на Кавказе до революции.

² *Ренковский погреб* – тип винной лавки до революции.

³ *Ergo (фр.)* – итак.

Шалости пера

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 42.

Расписка в получении

Напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 49.

¹ *Postscriptum (лат.)* – послесловие.

Непризнанная угнетенная невинность

Статья напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 52.

¹ Кто скрывался под этим псевдонимом, неизвестно.

² *Инсинуировать* – клеветать, порочить кого-либо намеками, вымыслом.

³ *1039 статья Свода* – имеется в виду Свод законов Российской империи.

⁴ *Диффамация* – опубликование в печати компрометирующих кого-либо сведений.

Театральные итоги

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 55.

¹ *Контрагент* – лицо или учреждение, берущее на себя известное обязательство по договору.

Шалости пера 2

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 44.

«Антиревизионист»

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 45.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Семья. Абай Шаулухович (Александр Дмитриевич) Шаханов	8
Балкароковы и Басият Шаханов	17
Учеба и военная служба	31
Адвокатская деятельность	36
Юрисконсульт Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ ..	43
Басият Шаханов и «Союз горцев»	45
Творчество	67
Примечания	84
По поводу одного удивительного проекта	90
Еще переселение	92
Два слова к туземной интеллигенции	95
Этюды из туземной жизни	97
Терские дела	129
Терские письма	145
Тяжкое наследство и наши упования	145
Оборотная сторона медали	147
Нечто о кавказских разбоях	148
И прежде, и теперь... ..	151
Какое нам дело?	153
Две свадьбы	155
Новые веяния крепнут... ..	157
Памяти В. Н. Грамматикова	159
Эмансипация мусульманской женщины	159
Несколько слов о горской интеллигенции	161
Горский словесный суд	163
О поземельном вопросе в нагорной полосе Терской области	166
Возражения Абрамовской комиссии	171
Заключение	244
Балкарское общество	247
Чегемское общество	248
«Гестенты». Земельный участок Кучуковых Каншаовичей, приобретенный Каншаом Кучуковым. 1908 г.	251
«Зырдагит». Родовая земля Чегемских таубиев Нальчикского округа, Терской области Кучуковых. 1908 г.	252
Родословное древо Чегемских таубиев Нальчикского округа Кучуковых	254
«Сары-тюз». Купленная земля князей Атажукиных Нальчикского округа 1908 г.	255
Родословие князей Атажукиных Касаевичей Нальчикского округа	256
«Кала-Кол» и «Жанги-Бау». Родовые земли Чегемских таубиев Нальчикского округа, Терской области Балкароковых. 1908 г.	256
Родословное древо Чегемских таубиев Нальчикского округа Балкароковых	259

«Кудайланы-жайлык». Родовая земля Чегемских узденей Нальчикского округа Кудавых. 1908 г.	261
Родословное древо Чегемских узденей Нальчикского округа Кудавых	262
<i>Речи и выступления.</i>	
Выступления на Первом горском съезде 1 мая 1917 г.	264
2 мая 1917 г.	265
Объединенное собрание казаков и горцев	267
В исполнительном гражданском комитете	268
Речь Шаханова на горском съезде с участием представителей четырёх кабардинских селений	268
<i>Приложение. Статьи, подписанные псевдонимами «П.д'Аржан» и «Омский»</i>	
Театральные наброски	271
Маленькие сказки для больших детей	273
Как Бог наказал На-Фу-Фу	274
Позорное пятнышко	276
В думе	278
Как погиб Э. А. Штебер	281
Адепты кулака, как обязательного фактора «исполнения служебных обязанностей»	282
Своеобразное «Культуртрегерство» городской управы	284
Фиговый листик	286
Шалости пера	288
Расписка в получении	290
Непризнанная угнетенная невинность	291
Театральные итоги	294
Шалости пера 2	297
«Антиревизионист»	299
<i>Комментарии</i>	
По поводу одного удивительного проекта	301
Еще переселение	301
Два слова к туземной интеллигенции	302
Этюды из туземной жизни	302
Терские дела	305
Терские письма	306
Памяти В. Н. Грамматикова	308
Эмансипация мусульманской женщины	309
Несколько слов о горской интеллигенции	309
Горский словесный суд	309
О поземельном вопросе в Нагорной полосе Терской области	310
Возражение Пяти горских обществ Абрамовской комиссии	310
Статьи, подписанные псевдонимами «П. д'Аржан» и «Омский»	329

Научное издание

Биттирова Тамара Шамсудиновна

**БАСИЯТ ШАХАНОВ.
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО**

(Исследование, тексты)

Макет обложки *А. М. Иевлева*

Корректор *Т. М. Ачабаева*

Компьютерная верстка *Н. Т. Расторгуевой*

Подписано в печать 02.03. 2018.
Формат 84 x 108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 17,64. Тираж 500 экз. Заказ № 49.

ООО «Печатный двор».
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Калюжного, 1.
Тел./факс 8(8662) 74-11-33.
E-mail: printhouse07@gmail.com.

ISBN 978-5-6040381-5-4

9 785604 038154